

К63.3(2Рос-БХ2Н)

П44

ПОДРОЖНИК

Выпуск 13

02

ПОДРОЖНИК

Краеведческий альманах

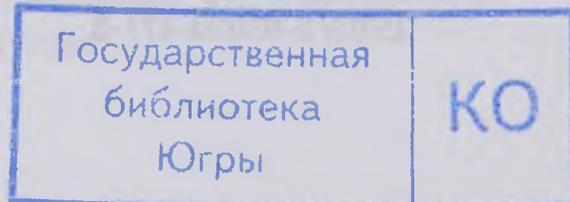
Выпуск 13

Редактор-составитель

В.К. Белобородов

- 015 8315 -

Тюмень
Мандр и Ка
2012

ББК 63.3 (2Рос-6Хан)

П 44

П 44

Подорожник : краеведческий альманах / сост. Валерий Белобородов. — Тюмень : Мандр и Ка, 2012. — Вып. 13. — 304 с.

- © Белобородов В.К. (автор идеи), 2002.
- © Белобородов В.К. (составление), 2009.
- © Дыба-сын В.В. (обложка), 2005.
- © Мандр и Ка (оформление), 2012.

ISBN 5-93020-471-3

Знакомство продолжается

Наследие Х.М. Лопарева мало-помалу доходит до его родного Самарова (давно уже переросшего в окружной центр Ханты-Мансийск) и усваивается нами, его теперешними обитателями. В последние годы изданы две книги: «Самаровский петербуржец: письма сибиряков к Х.М. Лопареву» (2008) и «Искренно делюсь с Вами как с другом...»: из переписки Х.М. Лопарева и Ю.М. Поповой» (2011). Первая из них развёртывает перед читателем пёструю, богатую подробностями картину самаровского быта в конце XIX — начале XX в. и воспринимается как естественное продолжение книги «Самарово». Уже трижды окружная библиотека провела «Лопаревские чтения». В прошлом году в Самарово поставлен памятник знаменитому уроженцу села. Совсем недавно, в апреле, музей Природы и Человека отметил 150-летие со дня его рождения открытием выставки. Интерес хантымансийцев к личности Хрисанфа Мефодьевича Лопарева растёт и более или менее удовлетворяется, несмотря на то, что материалы о его жизни и деятельности находятся далеко от нас — в петербургских архивах.

Но «аппетит приходит во время еды»: уже идут разговоры о публикации собранных Лопаревым материалов к третьему изданию «Самарова» и даже изданию полного собрания писем. Думается, что первое вполне осуществимо в ближайшее время, второе же может иметься в виду как сверхзадача на отдалённую перспективу. Сохранившихся писем к Х.М. Лопареву много — по приблизительной оценке, около тысячи. Все вместе, будучи опубликованными, они открыли бы картину жизни именитого самаровца во всей полноте и разносторонности. Но ведь это уже научное издание — весьма трудоёмкая, сложная и ответственная работа не для составителя-одиночки, а для коллектива. Подступить к решению такой задачи можно, только пройдя долгий путь отдельных публикаций и локальных исследований, что, в частности, и делает «Подорожник» в последних выпусках.

В год 150-летия со дня рождения Х.М. Лопарева мы продолжаем знакомство и сближение с ним, узнавая новые подробности его жизни. Представляю некоторые из собранных в этом выпуске публикаций рубрики «Лопаревские чтения».

В октябре 1885 г. газета «Восточное обозрение», тогда еще петербургская, а не иркутская, опубликовала в одном номере две статьи с почти одинаковыми заголовками — «К трехсотлетию покорения Югорской земли» и «Покорение Югорской земли». Автор второй из них — Хрисанф Мефодьевич Лопарев, а первая была безымянной, и имя написавшего ее стало известно только в прошлом году из сборника «Искренно делюсь с Вами как с другом...».

3 ноября 1885 г. Хрисанф Мефодьевич писал Ю.М. Поповой: «В № 41 “Восточного обозрения” я поместил свою статью “Покорение Югорской земли”, если хочешь поинтересоваться ею, я посылаю одновременно с этим письмом самый номер газеты. Первая статья в ней “К трехсотлетию покорения Югорской земли” принадлежит Шеймину. Мы в одной комнате писали свои статьи. Возражение Ядринцева (см. сноску к статье Х.М. Лопарева. — В.Б.) на мою заметку совсем неосновательно и неверно».

Итак, автор первой статьи Петр Николаевич Шеймин. И оба — уроженцы Самарова, выпускники Тобольской гимназии и во время писания статей петербуржцы: Лопарев еще студент, а Шеймин уже окончил юридический факультет университета (см. о нем: Шеймины // Подорожник. Тюмень, 2010. Вып. 12. С. 65–71).

Отсчет трехсотлетнего отрезка истории авторы ведут от года основания Обского городка, открывшего, по их общему мнению, путь для русской колонизации как в северном, так и в восточном направлениях. В частности, Лопарев считает временем окончательного покорения Югорской земли осень 1585 года, когда воевода Иван Мансуров со своими людьми отбил осадивших Обский городок остяков.

Здесь можно привести одно косвенное свидетельство устойчивости интереса Лопарева к Обскому городку как месту развилки сибирской истории. Разыскивая материалы для второго и третьего изданий «Самарова», он задавал вопросы и своим землякам. И вот что писал ему старший брат П.Н. Шеймина Александр Николаевич.

25 июля 1883 г.: «Если я что по своим крепям разыщу хорошего о Самарове и ныне буду ездить по пескам и против устья Иртыша по Обской горе, где было укрепление, поднимусь туда, исследую по своим

соображениям... опишу Вам, как сумею» (Самаровский петербуржец: письма сибиряков к Х.М. Лопареву. Ханты-Мансийск, 2008. С. 73).

В письме 26 февраля 1897 г. Александр Николаевич сообщает о группе ученых из Санкт-Петербурга, посетившей в июле или августе 1896 г. местность, где предположительно находился Обский городок, в сопровождении тобольского уездного исправника Удольского: «...при них был самаровец Михаил Кузнецов, но его расс[казу], будто бы они были на том самом мысу, где стоял в прежние века городок» (Там же. С. 83).

Два самаровца, рожденные и выросшие близко от места краткого существования Обского городка, оба патриоты Сибири, получившие университетское образование в столице России, разделяли воззрения «Восточного обозрения», выраженные его редактором Н.М. Ядринцевым тремя годами раньше в книге «Сибирь как колония». По их мнению, инородческое население севера Западной Сибири продолжало вымирать, и ответственность за его благополучие лежала как на правительстве, так и на обществе. Как одну из мер помощи Шеймин предлагал открытие «на том месте, куда впервые ступила нога первого колониста-казака», инородческой школы, очевидно, имея в виду под этим местом Самарово.

Упоминания о статье Х.М. Лопарева нередко встречаются в библиографических списках, но после 1885 г. она, по-видимому, нигде не перепечатывалась и читателю практически не известна. Что же касается статьи П.Н. Шеймина, это первый его текст, ставший доступным ханты-мансийскому читателю. Теперь обе работы пополняют источниковый багаж югорского краеведа.

Несколько слов об истории путевых заметок Лопарева «Путешествие на Кавказ». Вскоре после окончания университета Хрисанф Мефодьевич занял должности секретаря Учёного отделения Православного Палестинского общества и помощника секретаря в Императорском обществе любителей древней письменности. Председателем последнего был граф С.Д. Шереметев¹. Заметив усердие и прилежание молодого сотрудника, он в июле 1888 г. пригласил его в своё подмосковное имение Михайловское для приведения в порядок библиотеки.

Отсюда 25 июля Лопарев писал Ю.М. Поповой: «Утром часов в 9–10 после чая я в библиотеке, сортирую книги: одного содержания и

¹ Шереметев Сергей Дмитриевич, граф (1844–1918). Археолог, историк, председатель Археографической комиссии и Общества любителей древней письменности. Член Государственного совета, почётный член Академии наук.

одного формата — в один шкаф и полку, другого — в другую. Книги лежат уже давно здесь, пыли в них много, приходится поднимать, передвигать их — работа очень невесёлая, утомительная, пыльная и пустая, но нужная». 4 сентября он сообщал ей же: «...сегодня решено, что я 9 числа сентября выезжаю из с. Михайловского... на Кавказ с графом С.Д. Шереметевым для встречи в имении графа государя императора». А в письме 15 сентября заметил: «Я веду довольно подробный дневник путешествия, куда записываю всё мною виденное и слышанное. По приезде в Петербург мы его перечитаем вместе». Здесь речь как раз и идёт о публикуемых нами заметках, зафиксировавших впечатления первых пяти суток путешествия — с 11 по 16 сентября по старому стилю.

Почти весь дневник представляет собой отрывочную протокольную фиксацию увиденного из окна мчавшегося курьерского поезда и с сидения дорожного экипажа — по сути, добросовестный и прилежный, но поверхностный репортаж. Местами автор сам сетует: «Рука устала записывать всякие мелочи». Возможно, это отчасти было своего рода тренингом, пробой пера перед предстоявшей серьёзной работой. 20 сентября Хрисанф Мефодьевич извещал прежнего адресата: «Граф С.Д. изъявил желание, чтобы я сделал описание Карданаха² во всех отношениях и со временем издал его брошюрой. С величайшим удовольствием я согласился на такую работу и теперь мало-помалу записываю нужные для меня сведения. [...] В описание Карданаха отдельною главою войдёт и описание пребывания здесь высочайших особ. В газетах, конечно, будет сказано вкратце, но я более, чем кто другой, смогу подробнее сделать описание».

Известно, что сделанное Лопаревым описание пребывания Александра III в Карданахе находится в архиве графа С.Д. Шереметева, а записная книжка, хранящая на 63 страницах впечатления Лопарева от путешествия в Грузию — в его личном фонде в Петербургском филиале архива Российской академии наук (ПФА РАН. Ф. 107. Оп. 1. Д. 71).

С графом Лопарева связывали отношения гораздо более близкие, чем те, что обычно бывают между сослуживцами. 23 мая 1899 г. он писал Ю.М. Поповой: «Граф С.Д. Шереметев, человек, каких в наш век с трудом отыщешь, был так добр, что, видя моё желание, дал мне денег для поездки в Тобольск и на родину». В следующем году, продолжая

² Карданах. Селение в Сигнахском уезде Тифлисской губернии, имение графа С.Д. Шереметева.

нуждаться в Лопареве как сотруднике, граф пригласил его переехать на житьё в свой дом на Фонтанке. До конца жизни Хрисанф Мефодьевич поддерживал связи с Шереметевым, его женой Екатериной Павловной и сыновьями Павлом Сергеевичем и Петром Сергеевичем, их письма хранятся в упомянутом фонде Лопарева (ПФА РАН. Ф. 107. Оп. 2. Д. 542, 543, 547). Близостью к Шереметевым Лопарев однажды воспользовался, чтобы посодействовать своему земляку, уроженцу села Реполово Дмитрию Семёновичу Худякову, выпускнику юридического факультета Московского университета: по его просьбе Е.П. Шереметева исходатайствовала для Худякова назначение на службу в Восточную Сибирь.

Ближе узнать Х.М. Лопарева как учёного читателю поможет публикация большой статьи В. Срезневского «Хрисанф Мефодьевич Лопарев (1918). Припоминания о его жизни и трудах», взятой из «Русского исторического журнала» за 1918 год.

Завершает подборку историческая справка «Тобольские родственники Х.М. Лопарева».

Валерий Белобородов

К трехсотлетию покорения Югорской земли

Нельзя пройти молчанием один весьма знаменательный факт в истории нашей колонизации на востоке. В 1585 году, в октябре месяце, по словам летописца, русские вольные государевы люди, спустившись вниз по реке Иртышу на лодках от Искера, дошли до того места, доселе неприветливого и сурового, дикого и негостеприимного, где Иртыш впадает в Обь, и тем осуществили заветную мечту новгородцев. Событию этому в нынешнем году истекло 300 лет. Знали ли они, добрые удальцы, завоевав уголок земли при впадении Иртыша в Обь и поставив тут городок, словом, укрепившись, — знали ли они, что завладели ключом к покорению и завоеванию всей Сибири? Едва ли. Судьба пригнала наших удальцов к устью Иртыша, и время показало последующим искателям приключений все значение и важность этого пункта, от которого шли две дороги: одна на север, другая — на восток.

Начало осени 1585 года можно считать первым моментом окончательного покорения Югорской земли под высокую царскую руку, основываясь на точных словах сибирского летописца*: «В 1585 году Иван Мансуров с отрядом поидоша вниз по Иртышу и доиде великия реки Оби, бе бо тогда уже осень, и наста година зимняя и воздух небесный пременися на студен, и бысть снегове и лед по реце смерзается; воевода же оный виде пременение воздуха, яко наста зима, и ту озимевше и поставиша городок над рекою Обью, на усть Иртыша и седше в нем со всеми людьми своими... и от того времени к городку приходити остяки не сташа».

Между 5 и 10 октябрём средним числом надевает река Обь на себя зимний покров. Не будем спорить о том, которое число октября принять за первый момент окончательного покорения Югорской земли и основания городка.

Для нас важен самый факт окончательного покорения Югорской земли, ибо им был вполне обеспечен постоянный прилив сюда русских

* Летопись сибирская, изданная Спасским по рукописи XVII века.

людей, которые не остановились навсегда на одном месте, не поселились только на Оби при впадении в нее Иртыша, но с течением времени колонизовали Югорскую землю и к северу, и к востоку по Оби. Теперь в наступивший сознательный момент нашей исторической жизни не лишне и даже необходимо остановиться с размышлением над прошлой историей нашей колонизации и вообще над судьбою Югорской земли.

Триста лет тому назад, как русские люди впервые встретились лицом к лицу с остяками на их земле, пришли с ними в тесное соприкосновение, единение, сожительство, которого еще раньше удалыцы-ушкуйники новгородские искали, стремясь в Югорскую и самоедскую землю, куда, как говорит летописец, в начале XII века «мужи старии ходиша». Если для новгородских удалыцов было заветною мечтою и целью пограбить, добычи подобить, повоевать нечистых, поганых югорцев, то им и Бог простит: таковы здесь были тогда времена и нравы. В то время не могли нести ушкуйники соседям своим, поганым югорцам, ни света христианского, ни просвещения, ни культуры, ибо последними они сами не владели.

Новгородцы-охотники не достигли цели своей: им не удалось покорить земли Югорскую и самоедскую, наложить дань на обитателей этих стран. Такая заветная мысль новгородских ушкуйников наполнила ум и сердце новых пришельцев, явившихся к устью Иртыша на Обь, не ошибаясь, можно сказать, в центре Югорской земли, в октябре 1585 года. Эти новые пришельцы, слыша по преданию от дедов своих, высленных из Новгорода на Волгу, про богатые земли Югорские, осуществили их заветные мечты: повоевать, пограбить, понабрать добычи разного рода — вот к чему стремились первые колонисты-казаки, их примеру последовали дальнейшие пришельцы в землю Югорскую.

Но если не всегда удавалось охотникам-ушкуйникам пограбить югорцев, так как сама природа тогда защищала последних от руки ненасытного ушкуйника, который не в силах был проникнуть в самый центр (глубь) Югорской земли, то по мере покорения всей земли инородцу все менее уже находилось убежища.

Русское промышленное население второго периода не более церемонилось с инородцами. Отношение к инородцу, принявшему подданство, изменилось только по внешности, а взгляд на него не изменился. Такой пример-обычай, заповеданный от дедов, до сих пор увлекает внуков, приходящих в соприкосновение с «поганою нехристью».

Много с тех пор времени прошло. «Ведь ваша земля была наша в старину, — и теперь еще говорят старики-остяки соседям своим, сама-

ровцам и белогорцам, — была наша вотчина — вся эта земля, где теперь вы живете, старики наши пустили вас тут жить, а теперь вы нас гоните прочь, всю нашу землю отнимаете, неводить рыбу не пускаете. А чем мы будем жить, ясак платить?», — добавляют в настоящее время остяки, увещевая соседей своих.

Но ведь не этими же одними инстинктами руководилось покорение. У людей, проникнутых государственными и гражданскими интересами, должны были быть намечены иные идеи, иные цели. Что нового, светлого, гуманного русские люди принесли и приносят обитателям Югорской земли? Вот вопрос, который раздается доселе.

Увеличилась ли на сколько-нибудь материальная обстановка инородца сравнительно с прошлым? Подвинулось ли его духовное развитие? Проникло ли к нему просвещение?

Исходите вдоль и поперек всю землю Югорскую, переспросите каждого остяка и самоеда, спросите их, умеют ли они читать и писать, имеют ли какое-либо понятие о вере христианской, о том царстве, которое их земли завоевало, и вы получите один ответ: «нет», а в большинстве случаев ни остяк, ни самоед и не поймет, о чем его спрашивают.

Сколько земли, сколько мехов, рыбы, орехов, сколько всякого иного добра перешло в руки русских людей! Чем же заплатили жителям Югорской земли новые пришельцы, теперешние их соседи, за те земли и всякое иное добро, которое сделалось собственностью последних?

Не будем описывать горькое, бедственное положение жителей Югорской земли, как отошедших к праотцам, так и ныне живущих. Прочитывая донесения лучших администраторов этого края правительству о положении остяков и самоедов, а также описания всех путешественников, временно посещавших этот край, мы не вынесем из чтения этих донесений администраторов и описаний путешественников отрадной мысли и какого-либо утешения. А всякий, кто видел этот край за последние годы, убеждался, что лучшее будущее для инородцев бог весть когда наступит. Да, безотрадно, горько положение теперешних остяков и самоедов! Люди, бывшие на севере в Березовском и Обдорском краях, уверяют, что число остяков уменьшается: где было прежде 100 семей, ныне живет пять. Такое явление не может не заставить задуматься.

Едва ли факт уменьшения и вымирания инородцев на севере может быть признан утешительным и нормальным. Не наступило ли время привести, по крайней мере, в известность и произвести научное исследование как об убыли, так и о причинах уменьшения инородцев. Нам

кажется, что это было бы обязательно для тех, кто имеет этот край в непосредственном ведении.

Странно даже, что такое явление не вызвало серьезного внимания доселе. Нам кажется, что быт и сохранение инородцев на севере Сибири предмет весьма важный, так как в нем лежит судьба вопроса о самой производительности Севера, изобилующего многими естественными богатствами. Русские заселят этот полезный и суровый Север, конечно, весьма не скоро. Исчезнет же здесь инородец, и край станет мертвой пустыней, никому не приносящей пользы.

Нам кажется, что заботы об инородческом населении одинаково выпадают ныне как на правительство, так равно и на общество, которое с поднятием образования, являясь цивилизованным, должно проникнуться и высокочеловеческими задачами по отношению к своим меньшим братьям.

Если старинные пришельцы-колонизаторы этого края не принесли света истины в среду инородческую, не посеяли на почву девственную ни одного доброго семени, то государство в лице его правительства, изведав на опыте, что водворившееся русское население не сделало доселе ничего полезного, не говоря уже гуманного для инородцев в продолжение трехсот лет, должно взять на себя почин в деле улучшения судьбы инородца и просвещения Югории, за что последующие поколения инородцев и история оценят его по заслугам.

Но и сибирскому обществу, доселе получившему столько выгод от инородцев и пользовавшемуся его богатствами, следует проникнуться к нему новыми чувствами, и пора сознать по отношению к нему свои обязанности.

Отчего, добавим мы, не ознаменовать бы правительству и обществу знаменательного факта покорения Югорской земли добрым делом, отчего бы на том месте, куда впервые ступила нога первого колониста-казака, подчинившего Югорскую землю под высокую царскую руку, не поставить первой инородческой школы в виде памятника в честь фактического покорения земли Югорской и как залог будущего культурного развития инородцев этого края? Мы уверены почти, что все соседнее население этого края, да и население инородческое помогут осуществить правительству это благое дело и принесет каждый по силам своим лепту, а просвещенная администрация не только не постарается затормозить это благое вчинание, но и посодействует ему всеми своими силами.

П. Шеймин

Покорение Югорской земли

Не так давно миновало то время, когда село Самаровское (Тобольской губернии) должно было бы праздновать трехсотлетнюю годовщину своего подчинения русской власти. Но обыватели и не ведали о юбилее своей родины, не знали, что их селению исполнилось три века исторической жизни. А между тем этот видный факт в летописях села Самарова не может быть обойден молчанием. В самом деле, было бы не лишним обозреть судьбу бывшего триста лет тому назад остяцкого городища, превратившегося ныне в прекрасное, благоустроенное большое село, которое, по единогласному свидетельству русских и иностранных путешественников, служит главным центральным торговым пунктом на всем громадном пространстве от города Тобольска до города Березова. Из села Самарова еще недавно снаряжались две большие сибирские экспедиции Брема и Финша, а за ними в том же году экспедиция Полякова. Жители Самарова участвовали снабжением всем необходимым путешественников. Так изменилась судьба Самарова; к сожалению, в настоящее время автор этой заметки не может дать полного обозрения судеб своей родины: эта задача сопряжена с большими трудностями, происходящими, главным образом, от недостатка в древних известиях и от противоречия в летописных свидетельствах, и едва ли может поэтому иметь место на страницах этой газеты, а потому мы ограничиваемся лишь кратким изложением первоначальных событий.

Не прошло еще и года со времени занятия Ермаком «Сибири», как русская казацкая дружина начала свое наступательное движение к северу, вниз по реке Иртышу. Под предводительством младшего атамана Богдана Брязги русские казаки в 1582 году отправились в неведомый трудный, опасный путь. Медленно подвигался вперед атаман, встречая сопротивление со стороны прибрежных остяков. Однако русское искусство и оружие постоянно брало верх над туземцами, и остяцкие

юрты: Аремзянские, Туртас, Демьянские, Цингалы и пр. принуждены были сдаться.

Через два с половиною месяца казачья дружина, совершив путь в 680 верст, увидела на правой стороне Иртыша городище главного остяцкого князя Самара, по имени которого и нынешнее село называется Самаровским. За несколько верст выше селения течение Иртыша раздваивается, и водный путь по правую сторону вновь соединяется с собственно Иртышом около самого Самарова. По этому небольшому протоку, называемому ныне Казенным, Богдан на рассвете 20 мая 1582 года подплыл на своих стругах к самым остяцким юртам.

Главный улус и резиденция Самара были расположены при подошве довольно высокой горы и при разливе Иртыша подвергались наводнению. В двух верстах ниже ее Самар имел на горе свое особое городище, куда он мог укрываться на случай неприятельского нападения. Его столица находилась недалеко (в 25 верстах) от впадения Иртыша в Обь и служила передовым постом и пунктом для наблюдения за движениями нового страшного врага — русского, о котором, без сомнения, было уже известно остяцкому князю.

Самар решился защищаться. Для этой цели он призвал к себе восемь своих подчиненных князьков, правивших различными юртами на реке Оби, и поставил на берегу стражу. Но караульные спали в то время, когда явился Богдан Брызга со своим отрядом. Сонные были перебиты, Самар пытался было защищаться, но пал от первой пули русских казаков. Сподручники его разбежались, а испуганные подданные князя подчинились пришельцам и обязались платить назначенный ясак.

Немедленно поплыл атаман далее, он вступил в Обь и, плывя по ее течению, скоро подчинил большинство остяцких юрт до Сумгут-ваш (ныне город Березов) включительно. Управление всем краем от Сумгут-ваш до городища Самара атаман возложил на изъявившего покорность и преданность русским остяцкого князька Алача, который явился, таким образом, преемником убитого Самара¹.

В 1583 году и сам Ермак спускался из Сибири вниз по Иртышу и Оби. Овладев кондинскими и казымскими улусами, он завершил, таким образом, подчинение всей страны от Сибири до Сумгут-ваш, вер-

¹ Власть в роде Алачей была наследственной, и фамилия их, почитавшаяся *шайтана*, верно служила интересам русских и пользовалась некоторыми прерогативами со стороны московского правительства. В январе 1633 года преемники Алача крестились в Тобольске на р. Иртыше.

нулся обратно и устремился на юг. После его смерти (в ночь на 6 августа 1584 г.) казацкая дружина с письменным головою Иваном Глуховым оставила Сибирь, спустилась по Иртышу и Оби до нынешнего Обдорска (основ. в 1595 г.) и чрез Урал проникла на Печору, а оттуда в Россию.

Между тем из Москвы спешил на помощь Ермаку воевода Иван Мансуров. Но, не встретив здесь никого из русских и видя, что Сибирь находится снова в руках татар, Мансуров не мог ничего придумать лучше, как вернуться назад. В Россию он возвращался тою же дорогою, что и Глухов. Миновав городище Самара, он ввиду наступления осени принужден был прожить осень и зиму 1585–1586 года у Белых гор (на Оби, около впадения в нее Иртыша). Вот как говорит об этом летописец XVII века: «(Иван Мансуров) поидоша вниз по Иртышу и дойде великия реки Оби, бе бо тогда уже осень, и наста година зимняя и воздух небесный пременися на студен, и бысть снегове и лед по реце смерзается; воевода же оный, виде пременение воздуха, яко наста зима, и ту озимевше и поставиша городок над рекою Обью, на усть Иртыша и седше в нем со всеми людьми своими; с ними же бе и волстии казацы Матфей Мещеряк с дружиною. По неколицех же днех приидоша под городок остяков множество и начаша приступати со всех стран, людие из городка того противу нашедших противляхуся со стен городка; нашедши же ночью теме, погании отступиша. Наутрии же погании паки приидоша к городку и принесоша кумира своего, его же чтяху, и поставиша его близ городка под деревом в низком месте, и начаша пред ним жрети, чая себе нечестивии помощника христиан одолети и мечу их предати; той же кумир поганым нарочит и славен, и мнози погании приносят ему дары из дальних городов вельми множество, по вся дни, и в то время из города казаки стрелиша из пушки, и древо оно, под ним же погании кумиру творяху жертву, разбиша на многия части, и кумира их сокрушиша; и сего погании агаряне устрашишася, неведуще сего и мняху, яко из лука стрелиша некто и рекоша сами себе; сильни убо рустии воины стреляти, таковое великое древо разбиша и боги наша сокрушиша и от того времени к городку приходити остяки не сташа».

С наступлением весны покинул Сибирь и последний русский воевода. Основанный им городок (осенью 1585 г.) получил название «Обский большой» (т. е. ям, ныне Белогорье). Таким образом, приблизительно октябрь месяц 1585 года можно считать временем окончатель-

ного покорения всей Югорской земли, на что имеется ясное указание в сибирской летописи XVII в. (изд. Спасского, Спб., 1821 года). Кроме того, осенью 1585 года должно считать важною историческою эпохою в летописи Сибири, так как в это время при впадении Иртыша в Обь был построен первый русский городок именно там, где стоит нынешняя деревня Белогорье².

Однако отсутствие русских в стране, где было много потрачено их сил и пролито их крови, продолжалось недолго: уже в июле следующего 1586 года московские служилые люди и воеводы явились в эту отдаленную землю и мало-помалу утвердились здесь крепкою ногою.

Хр. Лопарев

---

² Не вступая в ученый спор с почтенным автором относительно времени самаровского трехсотлетнего юбилея, мы желали бы, однако, указать на приведенную им выше историческую же ссылку, что все пространство по Иртышу и само Самарово с князем Самаром покорилось казакам еще в 1582 году. Это принадлежало к завоеваниям Ермака. В это же время остяки обязались платить дань. Что касается остановки Мансурова, то, бежав из Сибири, он остановился в Самарове случайно, вытерпел нападение, но присяги и подданства от остяков не принимал. После ухода его городок остался без русских. В результате время покорения Югории и Самарова приходится считать или ранее остановки Мансурова, т.е. 1582 год, или позднее, когда построили Самарово русские люди. Не отклоняя намерения самаровцев праздновать юбилей, мы охотно соглашаемся на всякие сроки, лишь бы результатом его явилось благое дело и бедной Югории зажило бы легче. — Ред.

Путешествие на Кавказ

Граф С., отправляясь на Кавказ в свое имение, предложил мне совершить с ним поездку; я с благодарностью согласился. Мы выехали из Москвы по Рязанской железной дороге с курьерским поездом (1-го класса) в 12 ч. дня в воскресенье 11 сентября 188[8] года.

Паровоз быстро несся по рельсам дороги, оставляя за собою станции, деревушки — чистенькие, крытые тесом, поля, луга и леса. Влево Кусково, имение в 800 десятин с небольшою церковью около полотна дороги, построенную при Алексее Михайловиче. Нередко промелькали перед нами встречные поезда, оставлявшие впечатление быстролетного гула. Поверхность земли ровная, гладь широкая, и видно, как небо сливается где-то далеко-далеко с землею. Вон-вон вправо виднеется сияющая на солнце церковь, у подножия которой раскинулось большое село. Но одна минута — и оно уже скрылось от моих глаз, и на месте его очутился молодой, не густой, но и не редкий лес — сосна, особенно береза. Поля уже чисты, хлеба и травы убраны, и манит к себе эта широкая гладь, и тянет к себе, и хочется выйти из вагона и ступить на необъятное лоно нашей земли-матушки, но паровоз бесчувствен к природе и нет ему удержу. Мелькают телеграфные и верстовые столбы, мелькают служащие на дорогах, а он, паровоз, равнодушно, но грозно несется по лицу земли. Сосна и береза чередуются между собою: то тянется преимущественно одна, то особенно другая, но в том и другом случае обыкновенно стройно по обе стороны полотна, образуя таким образом как бы молодую аллею, из которой часто не видно окрестных сел и деревень. Около Брониц на обширной зеленеющейся поляне стоит деревня с небольшими низенькими домиками, с ветряною мельницею и стогами сена. Дома попадаются уже крытые соломой. Местность все ровная, и только вдали, вон там, далеко, как может объять человечье око, синет гора. На полях встречаются крестьяне, крестьянки и ребятишки —

босые, с непокрытыми головами, в красных рубахах, подпоясанных поясом. Вон вправо опять село, отсвечивая на солнце своими многими новыми белыми крышами. В Фаустове (60 в[ерст] от Москвы) на станции довольно крестьян и крестьянок; на скамьях сидят длинноволосые старички с пробивающеюся сединою, в поношенных картузах пепельного цвета и в пыльных кафтанах. Рубахи их преимущественно красного цвета, даже девчонки — и те в красных платьях или юбках; один только молодец стоял в белой рубашке. По другую сторону станции растянулись склады березовых дров, перекрещенные длинными известковыми полосами с одного конца до другого. В Коломне я видел несколько крестьян и двух девчонок: красный цвет рубах и здесь преобладает. В 4¹/₂ дня мы прибыли в Рязань. Оказалось, наш вагон дорогою затлел, пришлось пересесть в новый; сверх купе в нашем распоряжении оказалась теперь и общая зала в 4 окна. Вправо от полотна дороги стоит совершенно на горе селение, имеющее вид крепости. Влево от Рязани тянется молодой, довольно густой березовый лес, имение, кажется, Сабурова, а вправо идет обширная безлесная поляна, на которой, и то около станций и полустанков, там-сям стоят одинокие молодые березовые кустики. Появляются поля, вспаханные для будущего лета. Проехали Ржевск. Вот слева выглянула луна, слегка задернутая прозрачным облаком, и снова исчезла. Паровоз неистово мечет раскаленные искры. Становится очень свежо. Прибыли в Козлов. Козловский уезд, говорят, один из самых лучших по своему чернозему и плодородию. Проехали Грязи.

На другой день, 12 сентября, я проснулся рано. Холодно. Но вот показалось солнце, и холод стал сменяться теплотою. Вот слева близко от полотна дороги стоит небольшая церковь, обнесенная деревянною оградой, и за нею ряды небольших, крытых соломой, домов. За селом молодой лес, а далее бесконечная степь — ровная, безбрежная поляна, лишь около полотна окаймленная иногда стеною из молодых березок. Вот влево деревня с черепичными крышами, с мельницами, громадным стадом овец и пастухом, а там, вдали, синют горные возвышенности. На полях местами попадаются вспаханные длинные полосы чернозема. В Елданове безлесье. Приходится, хотя и очень редко, проезжать между высокими насыпями. Деревья небольшие и только местами. Вон влево небольшое стадо красноватых коров и три пастуха в белых рубахах.

В Мураве я вышел на платформу, вышел и сосед наш, едущий с больною женою в Сточи (у Черного моря). Разговорились. Его фамилия Потулов. Он вятчанин, 20 лет жил в Петербурге, два раза был за границу, а теперь едет в Сточи для осмотра земли и, если она понравится, то и для покупки ее. По этой дороге он едет в первый раз и находит степь довольно скучною. «Теперь только степь несколько оживает», — говорит он. Появляются местами и как-то странно в степи кустики, и местность принимает волнистый характер. Опять влево стадо овец около полотна без пастуха. Направо большое село с мельницами и массою стогов соломы или пожелтевшего сена, с двумя церквями — одноглавою и двухглавою. Дома низеньки, одноэтажные, крытые преимущественно соломою, но есть и с деревянною крашеною крышею. Большинство из них выбелены: это хохляцкие мазанки с одним окном в стене, обращенной к полотну дороги, а вправо степь — возвышенная и волнистая. Здесь больше преобладают уже тополь, осина и рябина. Мы уже в конце Воронежской губернии, или в начале земли Войска Донского. Вспаханные полосы чернозема попадаются гораздо чаще. В купе с нами *Gibbon's Roman empire*, *Gasquet's S'empire byzantin et la monarchie franque* и много других книг. Тихо прошли возле «Быка». По обеим сторонам дороги тянется мелкий кустарник — тополь. В Черткове крестьян я видел мало, несколько ребятишек бегают около станции, двое в красном, другие в ином цвете. Девчонка гонится за другою, меньшею, преследуемая бежит и плачет. Тут же лениво бродит стадо домашних гусей и сонно бежит белая собака. Высокие, стройные пирамидальные тополя красуются около станции; солнце положительно жарит, в воздухе чувствуется совершенно летняя теплота. Вот где бы пожить-то!

В Миллерове много пар красноватых волов, запряженных в четырехколесные телеги, и хозяев их, крестьян в белых рубашках и черных шароварах. По обе стороны степь. Далее то стога сена, то длинные скирды соломы. Маленькие низенькие белые мазанки в одно-два окна, крытые соломою, и опять степь, степь безлесная, ровная, неоглядная, на которой там-сям бродит стадами скот и щиплет почти уже голую землю. Эта земля Войска Донского. Волы встречаются все красноватого цвета. Вот пегая лошадь запряжена в телегу, в которой сидят два крестьянина, один из них в красном. Влево целое селение скирд, желтеющих на солнце. В Тарасовке я видел мельком ребятишек и довольно разглядел одну

молодую женщину. Она вся одета в красном, исключая головного платка, чуть ли не из черного шелка с широкими бледно-желтыми полосами. Вот влево одна старая низенькая хата, а за нею тянутся скирды уже почерневшей соломы, один только скирд блестит на солнце. Вот слева у полотна идет женщина и впереди ее парнишко — оба в красном. Кой-где еще убирают солому в скирды. Вот стадо красноватых волов и овец, один только вол черный. В Глубокой паровоз чуть не раздавил двух свиней. Здесь мы пили местное донское шампанское И.И. Меркулова — не дурное. Хотя в буфете есть и иностранные вина, но официант сказал нам, что почти все путешественники пьют донское. Здесь я слышал несколько слов, сказанных крестьянами: ничего отличного от обычной нашей речи нет.

Степь! Влево равнина, вправо, подалее от полотна дороги, возвышенности, у подошвы которых раскинулась длинная, но узкая деревня с деревьями и блестящими скирдами соломы. Вот две лошади, буланая и сивая, ходят на воле, и буланая пощипывает сивую; вот два крестьянина в красных рубахах стоят и смотрят на поезд. Влево, на возвышенности, возле речки раскинулось обширное село с двумя церквями и часто с тесно настроенными белыми мазанками, ярко отсвечивающимися на солнце. Это низенькие, в одно окно хаты, крытые соломою и тесом; дивишься, как это можно стоять, дышать и жить в этих крохотных домиках. На станции Каменской я видел двух работников в белом и склады какого-то продукта в мешках, сложенных под навесом. Из двух церквей первая белая с зеленым куполом, а вторая с несколькими главами, построенная из красного кирпича и также с зеленым куполом. Много домов белых, но еще более серых, вероятно, еще не просохших после беления. За селом спокойно стоят несколько ветряных мельниц. Безлесье! Вот небольшая, кажется, глинистая возвышенность слева. Въезжаем в маленькое ущелье по пробитой дороге, по бокам которой каменистая почва в виде плит. Сколько сил и труда понадобилось пробить эту почву для полотна дороги! Но скоро опять равнина, степь и опять пробитая дорога, и снова равнина. У полотна стоят ребятишки в черных поношенных картузах и в рубахах, перехваченных поясом. Опять пробитая дорога. Затем влево идет изрезанная рвами бесконечная степь, а вправо равнина. Вот идет старуха с посохом в руке и котомкою за плечами: уж не на богомолье ли? Поля пусты и ни души там нет, только и

жизнь, что на станциях и около деревень. Миновали станцию Северо-Донецкую. Влево деревня около рва и столб со знаком «613». Крестьянин в черной одежде едет к полустанку на черной лошади в четырехколесной телеге.

Вот опять приходилось ломать каменистую почву для полотна дороги. Влево раскинулась деревня по сторонам рва с деревьями и неразлучными свежими скирдами соломы; хижины редки. Два вола везут телегу с соломою, и рядом идет в белой рубахе крестьянин. Там опять две пары волов и опять пара их же. Женщины в белых одеждах стоят около полотна у полустанков и держат белые флаги. Влево копны сена и соломы, а вправо голая степь. За Лихую вправо степь, влево степь. «Широка ты, степь, пораскинулась, к морю Черному понадвинулась». Телеграфные столбы из худого тонкого кривого дерева. За Сулиным влево потянулись искусственно разведенные леса — частый, пока еще очень мелкий кустарник. Сильная вонь, несущаяся с унавоженных полей, преследует нас вот уже долгое время. Около дальнейшей станции маленькое озеро, около которого три парня развели большой огонь, ибо уже начинались сумерки, картина была довольно живописная. Перед Новочеркасском я видел по обе стороны полотна дороги шахты, довольно высокие трубы, рассмотреть которые было уже невозможно. Вдали вправо село, по-видимому — издали в полумраке видно только огненное зарево. В Новочеркасске я видел несколько местных жителей: я подметил в чертах их лица мужество, решительность и стойкость. Левая сторона города — старый Черкасск, любопытный, как говорят, своим собором; правая сторона — новый город — некрасива.

Вот и славный тихий Дон, «вот взошла луна золотая». Дон не широк, но очень живописно светится при лунном сиянии. Спокойно и плавно течет река промеж берегов, покрытых мелкою травой или кустарниками. Вот мост через Дон, служивший прежде, до проведения железной дороги, главным путем на Кавказ. У берегов Дона разбросаны лодки и карбасы, суда разных родов и размеров. Вот потянулись паромы с зажженными огнями, и любо было видеть издали огни посредине реки при ночном сумраке и при сиянии серебряной луны. Паровоз все несет по правому берегу Дона и мечет огненные искры. Въезжаем в теснины: по обеим сторонам высокие возвышенности. В Ростове Потулов обратил мое внимание на то, что на вокзале встречается особенный тип

населения — черноволосые и пр., признак армянского элемента. Действительно, армяно-еврейский элемент заметен, разнообразие национальностей бросается в глаза. Город богатый, но не имеет, говорят, за собою исторического прошлого. Немедленно вслед за городом перекинут через Дон каменный, не длинный мост с высокими железными решетками. Надо было самому присутствовать на мосту, чтобы понять всю прелесть впечатления: луна напротив на безоблачном небе, мелькают тысячи огней из домов города, и стремительно и шумно несется по мосту паровоз. Жаль, что это длится одну или, вернее, $\frac{1}{4}$ минуты.

На третий день, 13 сентября, я проснулся очень рано. Свежо. Облака залиты утреннюю багряною зарею. Вправо степь, влево степь. Вот вправо станция и деревня с низенькими, крытыми соломою избушками, со стадом белых гусей и пятью-шестью лошадьми, коровою и свиньею за деревней. Местность ровная, затем несколько возвышенная. Вправо мелкий кустарник, влево возвышенность, на вид глинистая или песчаная, как можно заключить из беловатого ее ската; у подошвы ее стелется туман. Вот показалось солнце, а над ним темное большое облако. Влево возвышенность постепенно загибается и из параллельной к нам становится перпендикулярною, место ее занимает травянистая низменность. Вправо встречаются засеянные полосы и уже выросшие на грядах травы. Влево подле полотна идет шоссе. Вот тянутся навстречу к нам три телеги с тремя лошадьми и тремя крестьянами; вот мы перегнали несколько телег, запряженных волами, далее опять шесть телег с лошадьми, опять волочатся две телеги с соломою, пять-шесть волов, впряженные, стоят у телег и щиплют подле дороги траву, а хозяева их сидят на земле. Направо станция с обширным складом мешков под навесом. Вот два солдата подходят к станции — и все исчезло. Вправо вдали виднеется деревня или село, а подле дороги много поселян разводят костер, и красиво взвивается обильный дым при померкнувшем солнце. Одиноко стоят стога соломы на чисто убранном поле, на левой стороне их гораздо меньше. Вот вправо около полотна и станции расположилось вместе с пожитками огромное количество крестьян: стоят, сидят, лежат. Кругом степь! Влево катятся телеги, запряженные парами волов. Поезд прошел мимо станции Кубанской: на платформе стоят почти все казаки. Вот небо затянулось облаками, и солнце скрылось. Влево степь, вправо степь. Влево тянется горная безлесная возвышен-

ность, на поле ходит гнедая лошадь, вот она чего-то испугалась и бросилась галопом по степи. Лошади все гнедые. Опять другая лошадь бросилась от поезда. Телеграфные столбы из прямого дерева внизу на широких железных рельсах. Стадо бурых коров сопровождается красною коровою и пастухом. Вот тащатся две телеги с двумя парами лошадей. Между горною возвышенностью и полотном дороги — степное море — совершенно гладкая широкая равнина, у подножия горы лес. Вот идет женщина с ведрами и коромыслом через плечо, грудь ее в красном. Вот сидит казак на телеге около дома в пестрой одежде. В Армавире женщина в красном запане, казаки в черных папахах, в серых суконных шинелях с шашками через плечо на черном ремне. Три тополя симметрично стоят у станции: ближайший к дому ниже, два другие и выше и одного роста; они качаются как своими макушками, так и всем существом своим, исключая корня. Местный житель в черном картузе и в темно-синем кафтане на красноватой подкладке стоит и не то щелкает, не то ест какие-то, по-видимому, зерна, навалившись на крашенные белые перила; сапоги его пыльны, брюки за голенищами. Вот он пошел по каменной платформе. Красный цвет одежды теряется. Вот коляска, запряженная серою и гнедою лошадьми. Избушки маленькие, низенькие, белые, в два-четыре окна. Много телят у полотна питается скудною растительностью. Влево краснеют домики или склады кирпича. Опять запахло вонью. Телята бегут от поезда. Переехали ручей в одну-полторы сажени ширины: уж не Уруп ли это, приток р. Кубани? Снова выглянуло солнце. Изредка с левой стороны около полотна попадают большие земельные насыпи, как бы громадные курганы каких-нибудь Мстиславов Тмутараканских. Вот пара быков тянет телегу. А слева все тянется гора, покрытая уже инде лесом, в долине же между подошвою горы и полотном дороги стелется туман. Небо усеяно частыми облаками и светит непостоянно. Ненадолго вздремнул я и многое, конечно, опустил из виду. Влево гора повысилась в одном месте и покрыта лесом, но скоро опять понизилась. Крестьянин везет бочку на двух волах в телеге. Стоят стога соломы. Вправо горная безлесная возвышенность, влево степь со следами скота, но начинается и возвышенность. Солнце светит справа. Степь с мелкою травою по обе стороны желтеет на солнце. Опять везут бочку два быка — красный и белый. Вправо стога, влево степь изрыта, вспахана черными большими полосами, вспахана и вправо.

Влево растянулась громадная деревня, в которой, кажется, наполовину хаты, наполовину скирды соломы. Рельсов всего одна пара на всем пути. Влево ветряная мельница темно-красного цвета с зеленою крышею лениво поворачивает своими крыльями. В Кузеевке большой склад мешков под навесом. Тополя. Солнца нет, морочно. Прошли три туземца — характер русский, армяно-кавказский и малороссийский казак, одежда их также неодинакова. Есть несколько каменных одноэтажных домиков белого цвета и — скирды, скирды. Телеграфные столбы тянутся все с железными рельсами. Опять непроглядная степь. Справа пары волов везут громадные массы соломы. Деревня. Справа должен бы быть, говорят, виден уже Эльбрус, я вперил глаза в даль, но ничего не видел за неясностью погоды. Здесь, говорят, кончается Кубанская область и начинается Терская. Терские казаки разъезжают на конях подле дороги. Тут расположены, говорят, вооруженные станицы, посредством которых удалось покорить Кавказ: они постепенно надвигались и культивировали страну. Вот, наконец, на далеком горизонте стало обрисовываться пятигорье, сначала трудно отличаемое от облаков, но постепенно все более и более заметное. Справа около полотна пасутся громадные стада серых баранов, и около каждого стада стоит распряженная телега с двумя волами и особая телега для припасов. Вот на полустанке сидит вереница терских казаков в своих живописных костюмах, а позади их стоят крест-накрест ружья. Вот они, бывшие проводники завоевания и цивилизации. Из указанных гор первая представляется в виде спины двугорбого дромадера и называется Верблюдом; ближайшая ее вершина острее, нежели дальняя, спуск с более острой вершины более наклонен, нежели с тупой горы. От полотна дороги Верблюд довольно далеко и представляется мне окутанным туманом. Вторая гора имеет вид издали широкого в основании и тупого в вершине конуса, который ближе представляется расщепнутым. Около полотна степь со стогами и стадами, затем подымается возвышенность, по-видимому, также степная, а на ней уже вдали стоят горы, так что основания последних не видно из-за возвышенности. По другую сторону дороги, влево, обычная степь. Между Верблюдом и другою горою далеко-далеко виднеется новая конусообразная гора с более острою, кажется, верхушкою. Промеж ними виден, говорят, Эльбрус, но я не видел его. Верблюд гораздо выше второй горы. Влево близ полотна дороги стоит одиноко высокая гора гли-

нисто-песчаного характера, от вершины которой по временам отваливаются, кажется, глыбы земли. Влево деревушка с низенькими белыми, крытыми соломой домиками, есть несколько домов, выкрашенных зеленою краскою. Степь во многих местах выжжена. Курьерский поезд идет только до станции Минеральные Воды, дальнейший путь нам предстояло совершить на другой день с почтовым поездом.

Мы заняли в гостинице, позади вокзала, два номера. В буфете станции мы видели одного странного и больного, по-видимому, офицера в бурке, стоявшего долго неподвижно в отдалении от других офицеров. Последние товарищески сидели за столами, весело разговаривали и пили вино и закусывали. Все они в белых фуражках с кокардами, а этот в обыкновенной темно-синей фуражке. Сначала можно бы было подумать, что это новый «герой нашего времени», но оказалось иное. Он вдруг снял бурку, сел рядом со мною за стол и как-то пронзительно-громко и болезненно произнес несколько раз: «Чаю!». Я невольно обратил на него внимание. Выпив стакан, он немного посидел, встал и опять остановился, и только изредка одиноко бродил по людному буфету. Нам прислуживал толстый имеретин с добродушным и довольно красивым лицом в грязном фраке и таких же брюках, лениво передвигаясь с места на место и протяжно и с особым выговором произнося слова. Содержатель буфета грузин. У дверей буфета за столом я видел другого офицера с женою, обоих в бурках, к ней бурка идет больше, нежели к нему. Говорят, бурка сидит красиво и очень хороша в этих краях особенно при верховой езде. Возвращаясь в гостиницу, мы почти от самой ее двери свернули вправо на убитый камнем извозчичий подъезд, сели в коляску и отправились в Пятигорск. Кучер, родом из Пятигорска, дорогою сказал, что лучше съездить сначала в Железноводск, потом посмотреть Провал, а затем уже послушать музыку в Пятигорске. Отправляясь от станции, мы видим перед глазами три горы — вправо, влево и посредине. Правая гора называется Змеиною. Кучер сказывал, что прежде, давно-давно, тут жили будто бы змеи; левая гора — Лысая, прямо — Машук. При дальнейшей езде между Машуком и Змеиною горою открываются вдаль две новые синюющие горы — Юца и Шуца. Мы едем в красивой коляске, запряженной четверней, одна лошадь сивая, три темно-гнедых. Едем по прекрасной дороге возле шоссе: кучер говорил, что по шоссе ехать жестко. По бокам дороги пастбища, стога соломы и стада скота, каких-то темно-синих с

проседью на спине волов. По дороге встречались нам не раз четверки из Пятигорска, свободные от пассажиров; пары волов, связанные по шеям деревяшками и ремнями, со стоическим равнодушием и медленностью влекут телеги, покрытые иногда белыми войлоками. Подле шоссе лежат кучи сложенного камня — щебня. Затем между Машуком и Змеиною горою открывается гора Бештау, а между Бештау и Змеиною — Железная с острою вершиною, и Развалка, названная так, вероятно, потому, что вершина ее развалилась, то есть не острая. Бештау при облачном небе представлял вид усеченного широкого конуса, вершина которого была в облаках. Телеграфные столбы с двумя проволоками и продольными трещинами идут подле дороги. Выезжаем на шоссе и снова сворачиваем на окольную дорогу. Лесов нет, дорога прекрасная. Вот четвернею волов распахивают рыхлый и сухой чернозем, от которого подымается пыль. Вот дорога начинает подыматься в гору, но подъем мало заметен, и лошади почти не чувствуют усталости. Горы образуют вид полукруга. Проезжаем Змеиную, Развалку и Железную — безлесные горы, в долине их растет мелкий кустарник, на полях стога соломы. Бештау не произвел на меня сильного впечатления, правда, вершина его в облаках, но облака так низко висят на нем, что видимая часть горы не поражает своею величиею. Ближе к Бештау стоит зеленый, довольно большой лес — дуб, вяз и фруктовые деревья: яблони, груши и пр. Дорога в лесу очень живописна, извилиста и все подымается в гору. При узкой дороге или при крутых поворотах по обеим ее сторонам поставлены железные перила: это нечто вроде железнодорожных рельсов, поддерживаемых тремя железными же кусками. Подъезжая к железной горе, мы встречаем небольшой каменный домик, а через несколько минут въезжаем в Железноводск. Это довольно красивое местечко, стоящее у подножия Железной горы с одной стороны и недалеко от Бештау с другой стороны. Солнце между тем выглянуло, небо от туч почти совершенно прояснилось, и Бештау очистился: он не высок, из нескольких его вершин средняя немного повыше. Горною дорогою, идущею по склону горы, проехали Муравьевские ванны и подъехали к Бяратинским. Мы вышли из коляски. Кучер побежал искать сторожа, чтобы последний мог показать нам устройство ванн. Между тем мы подошли к окну женской половины купален: в полу маленькой комнаты вделана крошечная каменная ванна. «Как тут в ней и купаться?» — думаю я. Подошли к окну мужской половины: ванны и

здесь очень маленькие. Заглянули через стену вниз: там журчит железистый источник по заржавевшим камням. Оттуда мы отправились в беседку, где в летний сезон гуляет публика после лечения. Но теперь ни души, все мертво, пусто и кажется запущенным, дороги обильно покрыты пожелтевшими листьями, все уныло, все печально, даже служителя с ключами не мог найти наш кучер. Осматривали источник № 8: вода в нем уже иссякла, и потому он стоит без употребления. Кучер сказал нам, что вода в Железноводске плоха сравнительно с кисловодскою и эссентукскою, где славится источник № 17, поэтому, говорил он, Кисловодск ныне центр минеральных вод, куда стекается самое большое общество. Железноводск же ныне мало уже посещают. Мы осматривали также источник, кажется, № 7, текущий под полом по железной трубе. В летний сезон здесь стоит девушка, черпает воду кружкой и подает ее посетителям. Наконец мы выехали прежнею дорогою и проехали Железноводск до самого конца, сопровождаемые лаем собаки. В Железноводске дома или каменные, или на каменном фундаменте, красивые, небольшие, в один-два этажа. Всех домов с сотню. На улицах пусто и мертво, изредка лишь встретишь живое существо. Вот три парнишки стоят на дороге, две женщины в белых с красною каймою платках разговаривают между собою, женщина с тремя ребятишками, крестьянин сидит на телеге, в которую запряжена гнедая лошадь, молодец сидит на крыльце. Вот дом султана Тохтамыш-Гарая, каменный, красноватого цвета с высокою угловою пристройкою (нечто вроде минарета). Проехали место, где пьют кумыс, и парк, где в летний сезон играет музыка, теперь все безмолвно. Кучер показал нам калмыцкие ванны. Около султанова дома стоит небольшая деревянная церковь с двумя куполами — большим над алтарем и меньшим над папертью. Вот вправо два работника подновляют крышу красною краскою. Четверка повернула назад прежнею дорогою, за нами бежит парнишка. В Железноводске почти у каждого дома садик, обнесенный деревянным забором. Достигнув станции, где надпись на столбе читается: «в Железноводск», «в Пятигорск», мы повернули вправо. Телята возле дороги щиплют траву, их три: красный, седой и красноватый. Попадаются навстречу пары лошадей и одиночки, запряженные в телеги; везут в Железноводск каменные плиты для мостовой или для дома, на телегах сидят и женщины. Вот едет крестьянин на паре лошадей и самодовольно и беззаботно посвистывает. Вот вправо маленький домик, ка-

менный, с каменной же недоделанною оградой. Бештау все подле нас. Въезжаем в селение Караев: тополи, беленькие каменные, крытые соломою избушки. Женщина с ребенком на руках, завернутым в красное одеяло. Пока кучер поил лошадей, вышел из дома содержатель, кажется, еврей, который между прочим говорил, что летом Железноводск был полон приезжими. Несколько далее я видел скачущего верблюда с наездником. Во все время справа Бештау, слева Машук, плешивый, с ободранною от дерна верхушкою. Шоссе пыльное. Влево от дороги около Машука деревня с белыми домиками, крытыми деревом, железом и соломою, и со скирдами соломы. Многие домики каменные. Свернув влево от шоссе, мы поехали по направлению к Машуку и Провалу. Дорога между старыми и молодыми дубами идет постепенно на гору; она иногда довольно узка, но и кучер умеет править, да и четверка лихо бежит, не зацепляясь за деревья. Поля вспаханы. Въехали на поляну, полукругом обнесенную горами. Кучер показал нам позади скалу Лермонтова, где поэт любил бывать. Это каменная масса белого цвета, представляющая из себя вид развалин ворот, у подошвы Машука. Внизу, в долине, стоит какой-то господин и смотрит на скалу. Вдруг послышался взрыв, кучер объяснил нам, что это взрывают скалу Лермонтова и камни берут для постройки домов. Действительно, облако дыма поднялось над скалою Лермонтова. Затем мы проехали деревеньку в три-четыре дома каменных. Около Лысой горы и Машука видны два соленых озера. Кругом трава, а слева, кроме того, и зеленый лес. Вот там вдали Константиновская колония. Вид с горы очень живописный. Затем показывает кучер станицу Подкумок. Далеко-далеко синее гора Золотой курган с целебными грязями. Далее внизу виднеется Горячеводская станица, где живут казаки, — большое селение. За Золотым курганом виднеются Юца и Шуца. Вот крутой каменистый спуск. По предложению кучера, мы вышли из коляски и пешком спустились. Дорогою я пощупал влево большую скалу, на которой растет дерево, и дивился, как это корни его идут в камень. Спустившись, мы очутились у одиноко стоящего красивого дома. Кучер сказал нам: «Это дом для посетителей Провала, которые здесь пьют кофе».

Действительно, надпись на доме, обращенная к дальнейшей дороге в Пятигорск, гласит: «Провал-кафе». Вправо от дома по другую сторону шоссе высится отрог Машука, спускающийся отвесно и образующий собою каменную стену. В этой стене сделана дверь с железными, запи-

рающимися на ключ створами, над дверью надпись, писанная черною краскою, гласит: «Провал». Является сторож, отпирает дверь, и мы входим длинным мрачным коридором внутрь скалы. Идем ощупью, впереди какой-то свет. Наконец мы выходим на каменную площадку, очень светлый грот, куда падает свет сверху. Я поднял глаза кверху: отверстие сажени три в диаметре. Скалы висят над нами, иные даже несколько откололись от родного места, и страх закрадывается в душу: а вдруг как отвалится камень? Ведь, падая с высоты пяти-шести сажен, он тут и положит нас на месте. На стене грота стоит икона Богоматери «Всех скорбящих радости», перед которою горит постоянно лампада. Мы сняли шляпы и перекрестились. В левой части грота на полу стоит довольно широкая полоса темно-зеленого цвета, воздух удушлив. Сторож объяснил нам, что это серный источник, образовавшийся здесь при падении: масса каменной скалы когда-то опустилась вниз сажен на шесть и в таком положении и осталась, тогда-то и образовался этот источник. Глубина его инде сажен шесть, а инде будто бы не могли достать и дна. Мы вышли из страшной пещеры; я хотел было сосчитать, какой длины подземное ущелье, но забыл; кучер сказал: «Сажень двадцать будет», но я думаю — меньше. По словам того же кучера, публики летом бывает здесь гибель. И теперь даже мы видели две-три коляски с посетителями, которые до нас и после нас входили в грот. Внизу с террасы дома видны казармы славного Нижегородского драгунского полка. Мы двинулись далее. По дороге попадается несколько небольших гор, из них вправо от дороги с беседкою наверху стоит Эолова арфа (которой теперь уже нет). Наконец въезжаем в каменные ворота, и отсюда с горы представляется взору Пятигорск. С левой стороны ворот стоит Елизаветинская галерея. Мы вышли из коляски и вошли в нее. Здесь находится минеральный источник посредине комнаты, около него сидит несколько девушек. Отсюда мы прошли в правую сторону ворот, где стоят Товиевские (серные) ванны, они заперты, и служителя отпереть их не оказалось. В нескольких шагах по спуску к Пятигорску в правой стороне дороги на значительной вышине в скале находится «грот Лермонтова», обнесенный оградкою, крашенною синею краскою, с надписью. Пятигорск окружен полукругом пятью горами. Дома в нем каменные. Лихо мы пронеслись неподалеку от церкви Всех Скорбящих Радости, свернули влево, проехали красивые Ермолаевские и Николаев-

ские ванны, библиотеку и контору минеральных вод, затем рядом с бульваром мы проехали до лавки «восточных человеков» и здесь вышли из коляски. В лавочке, застрахованной в Российском страховом обществе 1827 г., продаются палки, папахи, бурки, войлочные длинные сапоги с кожаными головками и белые козьи, прекрасно выделанные, чрезвычайно мягкие меха. Стал накрапывать дождик, скоро, однако, переставший. Слышится соборный благовест ко всеобщей накануне большого праздника, музыка недурно играет. Из лавочки мы вышли на бульвар, вспоминая сцены из «Героя нашего времени». Здесь гуляют щеголи офицеры и барышни, иногда три подружки, сомкнувшись вместе руками: быть может, и они, поглядывая на офицеров, подумывают и вспоминают о романе Лермонтова. Бульвар — краса города: это широкая аллея, по сторонам которой посажены леса и понаделаны скамейки. Мы остановились у книжной лавки, потом заходили к фотографу. Двух фотографов мы уже не застали: уехали уж, говорят нам, ибо сезон кончился. Но третьего фотографа, Ангеля, мы, наконец, застали на месте. Отсюда мы отправились в собор и по дороге видели аптеку Больдта, номера и Дворянское собрание. В церковной ограде один памятник генералу и его жене — довольно красивый, вход в склеп поддерживается двумя орудиями, у подножия которых лежат две гранаты. Собор большой и красивый, поют прекрасно, молятся за преосвященного Иосифа. (1 нрзб.) пение «Ныне отпускаеши» исполнено было хорошо, концерт перед шестопсалмиею «Слава в вышних Богу» спели великолепно. Молящихся много. Дьякон или постоянно, или по случаю насморка перед возгласами сначала выпустит воздух носом и затем уже говорит. Голос его не дурен, но был бы еще лучше, если бы дьякон прошел школу. Старый поп с белою бородою в синих очках говорит несколько слезливо. В 8 часов вечера, не достояв до конца службы, мы вернулись на Минеральную станцию уже на другой четверке. После прохладных и свежих сумерек и темной ночи хорошо ужинается и пьется.

На четвертый день, 14 сентября, почтовый поезд опоздал часа на два. На станции преобладает офицерство то в белых, то в обычных шинелях, но непременно в белых фуражках. Весь буфет занят то багажом, то пассажирами. Одни офицеры пьют и угощаются у самого буфета, другие сидят за столами и весело и шутливо между собою разговаривают, закусывая и запивая — вином и чаем. В буфете заметен и восточный

тип. Масса публики гуляет по платформе. Толстый восточный человек здоровается с офицерами и на их расспросы отвечает: «Слава Богу, в Тифлисе я торговал хорошо». Рядом со мною сидел белокурый и живой офицер в белой фуражке, в белом сюртуке, черных брюках и в заплатанных сапогах. Он с интересом, по-видимому, поглядывал в мою книжку и говорил своим товарищам: «Черт знает, кто и велит рано вставать, что и делать? Это все Ярцев: поднимется рано, ну и все за ним». Некоторые из барышень и дам также посматривали на меня и на мою книжку. Наконец поезд пришел и двинулся далее. Горы теперь отчетливее, нежели вчера, высились к небу. День солнечный, в воздухе тепло и даже жарко. Мало-помалу эти обыкновенно островершинные горы, расположенные на гладкой вершине и производящие впечатление сучковатой обделанной дубины, начинают уходить вдаль и покрываются прозрачною синеватою пеленою. По сторонам дороги стога соломы, казацкие станицы, казаки с патронами на груди на станциях и полустанках и в поле со скрещенными позади себя ружьями. У самого полотна дороги я видел строящийся павильон для приема государя, который будет делать смотр войскам на большой равнине справа. Показывали минеральные ручьи, которые нам приходилось переезжать по мостам, все эти ручьи несут свои воды в Терек. На станциях под навесом — целые склады туго набитых чем-то мешков. На станции Зольской я кончил списывание вчерашних впечатлений и записал главное из сегодняшнего дня. От Зольской идет по обе стороны степь бесконечная, необъятная. По обе стороны стоят копны и стога соломы. Видел вправо, как у полотна дороги горит трава. Часто встречающиеся казаки в черных папахах с белыми или синими верхушками в светло- или темно-серых шинелях, с патронами на груди, с ружьями за плечами или на плечах, или у ноги и с саблями при бедре стоят по несколько вместе и смотрят на несущийся поезд. На плечах их нашивки ярко-синего цвета с поперечными белыми полосками; иногда в черной шапке, в особой черной шинели с открытою грудью, с красною рубашкою, с ружьем у ноги. На станции Солдатской я видел казака в старой шинели; открытая грудь его украшена синею рубашкою с позументами по краям. Несколько женщин сидят на лавках у станции, тип их уже не великороссийский, хотя и мало от него отличный. Мужчины в черных картузах и один в белой войлочной шляпе. Вправо вдали синеют на горизонте от-

дельные горные высоты, и опять кругом степь. Пар локомотива расстилается вправо по траве, производя впечатление тумана. Встречаются выжженные и вспаханные места по сторонам. Стога сена и соломы не прекращаются. Влево около Прохладной появляется много курганов, на которых иногда сидят ребятишки. В Прохладной велел подать себе щи и шампиньоны. Сосед справа, ехавший с нами и называющий себя бывшим студентом Московского университета, предложил мне распить с ним полбутылки красного вина пополам, я согласился. Переехали Малку. Любезный контролер рассказал мне, что это еще не Терек, а Малка, берущая основание в ледниках Эльбруса, он говорит: «Установилось мнение, что Малка приток Терека, но вернее Терек есть приток Малки, ибо последняя и длиннее, и многоводнее»; он сообщил, что вслед за Малкой скоро будет и Терек. Крестьяне сидят на двухколесных телегах и ждут прохода поезда. Влево низенькие-пренизенькие палатки на шестах, покрытые, в виде кровли, полотном, в ней солома. Спать в них, я думаю, нельзя, можно только лежать; для чего только они? Влево вдаль идет возвышение, под шоссе я видел небольшой каменный мост. Пары волов и лошадей тянут двухколесные телеги, время от времени махая хвостами. Вправо поле усеяно частыми «оазисами» молодой травы, и снова — чистое, убранное от трав поле. Заржавевшие рельсы загибаются влево. Палатки за забором из прутьев; деревня с соломенными крышами и низенькими белыми домиками почти без окон, без дверей: какие-нибудь 1–6 махоньких отверстий — это окна. Должно быть, здесь нет богатства. Вон там влево дымится курево, солдат в белой фуражке со скрученной через плечо шинелью и с ружьем на плече шагает навстречу поезду. Вот влево курган, лишенный дерна; сучистые телеграфные столбы с железными сваями у земли. Опять палатки у станции Котляревской. Здесь почти исключительно восточный тип жителей. Есть, кажется, и наши великорусские мужички в картузах с синим околышем, в пальто или бешметах буланого цвета; или черная шапка с барашковым околышем, какая-то бекешка. А влево под навесом бочки, несколько мешков и много кулей с соломой. Подле них много солдатиков в белых сюртуках и картузах. Станция в зелени, какой — не знаю, ибо был в классической гимназии, где этот материал не проходят — тополь, что ли? Нет, кажется, молодой дуб. И вот снова по обе стороны поля, правая полна, говорят, кукурузою, здесь небольшой лес и белый

каменный в нем дом с выкрашенной зеленою краскою крышею. Влево местность повышается. Переезжаем реку, посредине которой мели и пески, быстрота ее достаточна. Казаки стоят навтыжку в белой одежде, позади их ружья крест-накрест; крестьянин сидит в телеге в ожидании прохода поезда. Влево все тянутся горные возвышенности. Два казака едут верхом с ружьями на плечах. Вдали возвышенность поднимается. В вагоне 21° R. Железнодорожные станции все выкрашены красною краскою. В Воронове тип населения восточный. Два старика: один весь в красной мантии, в белой талме с красною верхушкою, другой — в синеватой мантии и в такой же талме; кажется, это муллы. Казак стоит навтыжку перед офицером в темно-серой шинели солдатского сукна с шашкою при бедре, в черной папахе, с патронами; человек, по-видимому, добродушный. Худощавенький жандарм также говорит с офицером, приложив руку к козырьку. Дорогою пил много вина кахетинского — на станциях и в вагоне. Солнца уже нет, но температура 21°. Небо заволочено тучами, однако не черными. Влево кукуруза, вправо — стога и большие копны соломы. Казаки иногда стоят перед поездом по несколько человек вместе в струнку: должно быть, готовятся ко встрече. В Ельхотове я слышал голоса: «Николаю Ивановичу! Вы сколько лет, сколько зим...», «10 копеек...». Тип и одежда большинства носит восточный характер: иногда черные папахи с мохнатыми околышами и разными верхушками, с патронами или без оных, но обязательно с нашивками для них. Офицер в серой папахе, с шашкою, стоит у дверей буфета и закусывает, прежний мулла в алом камзоле несет под правую мышкой черный чемодан. Станция Красово обнесена низко опускающеюся зеленью, так что от окон видны лишь небольшие светлушки. Барышня с раскинутым зонтиком (хотя на дворе иморочно) беседует с казакон в белой шинели и в черной папахе с белою верхушкою. Рубашку, или похожий на рубашку жилет, здесь у одного служаки я заметил ситцевую, бледно-красного цвета с крапинками. Есть, должно быть, здесь и великороссияне в кожаных куртках, в черных картузах. «Нет, они останутся»..., «Что вы говорите?» — с живостью спрашивает барышня офицера. «Нет, нет, нет, нет, нет в полном смысле слова»... «Копчеев»... «Там спрашивают, что это такое», — говорят два офицера, великороссиянина по форме, и казак. Вместо красных, синих и других «рубашек» есть и белые, и темно-пестрые. У большинства жителей тип восточный, лишь одно лицо казачье я при-

нял за великороссийское. Влево варят в большом котле смолу. Под навесом казаки в черных картузах и белых фуражках около какого-то склада, тут же верховая гнедая лошадь, тут же кули из рогожи. Вправо потянулся деревянный, крашенный красною краскою забор, влево начинаются горные возвышенности, перед тем почти незаметные; они подходят сюда, покрытые мелкою темно-зеленою растительностью. Вправо у возвышения деревня, стелется обильное курево, стоят стога несвежей соломы. Вправо и влево потянулись довольно высокие возвышенности. В вагоне ватерклозет — прелесть: есть вода, зеркало, место, обо что можно зажигать спички, и пр. удобства, чего и помину не было на курьерском поезде. Влево несколько пар волов, сдерживаемых кучером, в ожидании прохода поезда. Накрапывает дождь. Совершенно отвесная влево скала постепенно понижается. Между скалою и полотном дороги маленькие, иногда с заплесневевшею водою озера, влево обнаженная волнистая возвышенность. Темно-черная корова махает хвостом. Дождевые капли учащаются. Переезжаем извилистую речку, обросшую по берегам густым кустарником, и останавливаемся на станции Дар-Кох. Офицеры в белых фуражках, в белых и обыкновенных сюртуках, в рейтузах в выпуску и за голенищами (за гачами). Один великороссиянин-офицер даже в войлочном башлыке, хотя на дворе 20°. Местные офицеры в серых папахах, серых шинелях, с патронами и припашке. Местный житель в зеленоватой поношенной мантии и с совершенно рыжею бородою. Жандармы обыкновенно в белой фуражке. Офицерам в вагонах козыряют стоящие на платформе солдаты. За станцией слева у подножия горы довольно большая деревня, в ней есть несколько белых домиков. Влево растет кукуруза. Дождь перестал. Влево за горами виднеются новые горы, и все они в прозрачном тумане. Паровоз пыхтит, выкидывая темные густые струи дыма. Влево все тянется много копен почернелой соломы. Вправо потянулись кавказские горы, длинные, довольно высокие горы, пересекаемые небольшими оврагами. У них стоит и Владикавказ, через них придется и нам ехать. Там лучшая, сказали мне, в мире дорога. Поля поросла кукурузою и усеяны большими копнами соломы. Перед последней станцией Бесланом тянется влево степь. В Беслане офицеры и казаки в белых и темных одеждах. Офицеры и кондуктора — русские, судя по внешности и чистоте выговора. Дамы и барышни в модных платьях, желтоватых куртках, в

черных платьях, в светлых соломенных шляпках, в красных ботинках. Разговор великороссийский. «Врет он!..», — говорит белый офицер жандарму. Позади станции стройные молодые тополи, а вдоль, рядом со станцією — старые высокие, симметрично стоящие красивые тополи. Ходит барышня с кавалером около вагона, посматривая на меня, и, кажется, заметившая кавалеру о том, что я пишу, ибо в следующий тур оба они посмотрели на меня. Влево от дороги тянется узкою полоскою извилистый поток, который скоро мы переезжаем. Является другой, длиннее, и его переезжаем. Опять затрусил дождик. Влево около полотна крестьяне и казаки разводят огни. В сумерках 18° с небольшим. Идет дождь, но вот он перестал. Паровоз кидает непрерывные ракеты красного цвета, падают они на сырую землю, и иные долго лежат там тлея: значит, вылетают из трубы иногда головешки. Лай собак слева. Иногда около полотна на траве шают курева. Дым из трубы то пепельный, то черный, иногда озаряется огнем из трубы или из вагона. У самого Владикавказа блеснула зарница. Поезд остановился. Нас встретила прислуга, отправленная на Кавказ ранее. Я, граф и местный военный чиновник, высокий, черномазый, в коляске отправились в гостиницу «Франция». По словам графа, она находится уже на другом месте, помещение прекрасно. Мы заняли один угловой прекрасный номер 4-й. Граф немедленно, по прочтении телеграмм, посланных ему сюда, умчался куда-то, где его ждали разные начальники. Я остался один. Взглянул в окно, вышел на балкон — темно, мерцают огни. Видимые дома — каменные, белые, в два-три этажа. Проезжают коляски и извозчики. На улицах оживление. Небо темно-свинцового цвета. Пол номера крашен желтою краскою, между половицами образовались щели. Под овальным столом разостлан хороший ковер, диван синей расписной материи. Граф приехал от князя Дондукова-Корсакова, засуетился, затормошил прислугу: «Живее!». Прислуга все живо устроила. Граф изложил мне план своей поездки до Тифлиса: выехать завтра в два-три часа, ночевать на Казбеке, рано утром отправиться в Тифлис. К ужину нам подали форели, фазаны, виноград, груши и чай. Граф разговорился, восторженно отзывался о государе, о его простоте и невзыскательности, рассказал, что в с. Ильинском государь занимал комнату в одно окно рядом с кухнею, и как хозяин имения, Сергей Александрович, ни отговаривал его, государь тут и спал.

Утро 15 сентября я посвятил рассматриванию города из окна гостиницы. Передо мною бульвар, усаженный старыми деревьями, пожелтевшими липами и зелеными белыми акациями шагах в восьми расстояния друг от друга. Ширина бульвара будет побольше. Вдоль его тянутся длинные, выкрашенные белой краской шесты, а между ними такие же белые, более толстые, но низкие шесты с деревянными звездами на верхнем конце. На дворе сыро, ибо ночью шел дождь. Зеленые и пожелтевшие деревья блестят при восходящем солнце. По бульвару замечается значительное оживление несмотря на все-таки раннюю пору — 8 часов. Гимназистки в коротких и длинных платьях идут толпами с саквояжами в руках; восточные человеки с неразлучными патронами и шашкою; барышни, со вкусом одетые; бурки; русские люди в картузах, летнем пальто и белых рубашках; военные прогимназисты с ранцами за спиною, в коротких сереньких и темненьких куртках, перехваченных поясом, идут в военную прогимназию недалеко от гостиницы, гимназисты-классики в обыкновенных сюртуках со светлыми пуговицами, без пальто; разные приказчики в обтянутых парусиною картузах и в брюках за длинными сапогами. По сторонам бульвара снуют дрожки, телеги и коляски, обитые внутри красным бархатом или фланелью, или синим сукном, с соломою в подножье; в колясках сидят преимущественно генералы и офицеры. Эти коляски называются здесь фаэтонами, кучера — фаэтонщиками. Вот идет реалист с барышнею, у которой в руках небольшой саквояжик, и которая одета в какой-то бледно-желтый салоп, хорошо к ней идущий; идут довольно скоро, а потому, вероятно, они брат и сестра. Я вижу классиков, шествующих в храм образования в длинных серых пальто. Девушка в красно-ситцевом платье несет жестянку в правой руке, вероятно, с керосином. Восемь собак снуют по бульвару взад-вперед. На скамьях бульвара сидят иногда русские люди. Почтальон весь в белом, исключая картуза, сапог и ремня, с сумкою на левом бедре. Я сел за стол и написал два письма своим знакомым в Петербург. Вот по бульвару идут лихо два терских казака. По словам графа, из всех казаков терские самые лучшие, стоящие выше донцов, кубанцев и пр.; граф говорил также о народностях и племенах Кавказа в разных его местах, упомянул о любопытном населении Закавказья, предки которых были крестоносцы: последние остались здесь, забыв о своей родине, потомки их сохранили их вооружение, костюмы и пр.; фамилии их или немецкие, или французские. Читал «Тер-

ские ведомости», только что полученные: почти все объявления, законоположения и пр., неофициальный отдел невелик; интересна статья Тулотова «Восхождение на Казбек». Отправились пройтись по бульвару. Я осмотрел памятник перед военной прогимназией, воздвигнутый в память погибших воинов в 1840 году. Памятник из серого мрамора, поставленный на каменной площадке и обнесенный четырехугольной из небольших бомб составленной цепью, по углам которой стоят каменные небольшие столбики. Высота памятника сажени $3\frac{1}{2}$, наверху его одноставый орел, стоящий на бомбах, в клюве держит венок. Вид памятника пирамидальный, по четырем сторонам его надписи: на стороне, обращенной к бульвару: «Памятник сей поставлен в царствование императора Александра III в 1881 году»; над этою надписью — изваянный образ Христа, на левой от описанной стороны: «Штабс-капитану Лико и рядовому Архипу Осипову»; над надписью мраморный венок и в середине — орден креста; на стороне, обращенной к прогимназии, приведен целиком приказ военного министра от 8 ноября 1840 года № 79; на последней стороне: «Погибшим во славу русского оружия в Михайловском укреплении в 1840 году 22 марта»; над надписью тот же крест-орден. От памятника прошли мы весь бульвар, дорогою я видел театр, собор, императорский дворец. Пришли в персидский гостинный двор в конце бульвара. Граф купил бурку, башлык, разные казацкие одежды, валенки и пр.; все это куплено в азиатском магазине. Старик-хозяин говорил: «В азиатском магазине нет уступки», однако кое-что уступил. «Сим тума», «кадой-нат», — проговаривает иногда хозяин слугам, веля этим принести ту или другую вещь или назначая цену. Мы вышли из лавки. Дорогою в гостиницу я купил сказки чеченцев Ченчиева, а граф отправился к своим родственникам. К завтраку приехали оба двоюродных брата графа, оба генералы, один Сергей Алексеевич, боевой человек, знаток Кавказа, другой Владимир Алексеевич, неясно говоривший по-русски, которого я принял сначала за восточного человека. Разговор шел на русском и французском языках. Вскоре прибыл к нам также атаман А.М. Смекалов, которому в сегодняшних ведомостях опубликована монаршая благодарность за деятельность по делу отбывания воинской повинности. Он рассказал нам о пропаже многих англичан: отправились, говорит, на ледники без провожатого, и вот о них ни слуху ни духу. Был, наконец, еще генерал Софонов, казак, читавший нам черновую речь, которую он намерен произнести

государю. Мы нашли его речь вообще хорошею, что его, этого простого славного генерала, по-видимому, обрадовало. Речь его позже была напечатана в «Новом обозрении» 25 сентября, она несколько изменена против прежней редакции. Позже я узнал, что Софонов не так хорош, как думал сначала: он человек аферы и имеет гостиницу в Кисловодске. Вместо двух часов мы выехали из Владикавказа лишь в 3¹/₄. Граф сердился на медленность служащих в почтовом отделении, но, видя начинающуюся красоты Военно-Грузинской дороги, успокоился. Шоссе прекрасно. Влево стройные тополи, впереди поднимается хребет Кавказа, состоящий из одна другую заслоняющих гор. Последние покрыты густыми желтыми и темно-зелеными деревьями, кажущимися издали кустарником. Вот влево четыре вола особой породы с загнутыми немного назад рогами, обычные на Кавказе, как я увидел позже, темного и беловатого цвета; темно-гнедая лошадь щиплет обычную траву поляны — мелкую зелень. Щебень кучами лежит около шоссе. Кривые телеграфные столбы с четырьмя проволоками и пометками на срезках. По обе стороны небольшие поляны и мелкий густой лес того же характера, что и на горах. Мостики по шоссе каменные из обожженного кирпича. Вправо на горке беленький домик с красною железною, кажется, крышею. Влево два черных маленьких теленка, черный большой и красноватый. Мы едем все рядом с Терком, который все время от нас влево. Мы переехали через него еще в городе по каменному мосту. Терек собственно не река. Это бурный мелкий ручей, русло которого отыскать трудно: на много сторон он разбрасывается. И быстрота его зависит отчасти от мели. Посредине его масса песку и рукавов. Вправо высокая отвесная каменная масса грозит вам падением, когда вы проезжаете около нее. Вот вправо ручей, приток Терека, тоже бурный, течет подле отвесной скалистой горы. Вид гор спереди в некотором тумане (день пасмурный) и продолжает носить тот же характер. Где горы не отвесны, там растет мелкий лес, где они отвесны — там белые скалы. Без солнца не видно Казбека, ибо за этими видимыми вблизи горами одни тучи. Страх забирается в душу при виде снизу и этих высоких возвышенностей. Ущелья, проходы, теснины, (1 *нрзб.*) постоянны. Терек течет пока в совершенной равнине, обыкновенный, ничтожный ручей, стремительно несущийся. Влево низкая каменная, из необделанных камней стена, такие застенки стоят и при поворотах. Говорят, ничего лучшего этих дорог нет в мире, куда, говорят, альпийским

дорогам до наших! Дороги здесь превосходно убиты: едешь — почти совершенно не трясет, хотя записывание во время езды и выливается в каракульных формах, но все же довольно разборчиво. Дорога незаметно поднимается. Вот проехал навстречу нам офицер в одноколке. Красноватый бык или корова на шоссе. Две собаки склезились. Застава. Щебень, перебеленный крест-накрест известкою.

Станция Балта — несколько каменных домиков. Бедные горские ребята бегут рядом с коляскою, молчаливо прося милостыни. На станции пестрый столб с надписями расстояний от Тифлиса и пр. до этой станции. Лениво переменяются лошади, особенно когда спешишь. Опять бежит парнишко. Дорога чудесна; где нужно, стоят мосты и каменная, из обделанных камней, мостовая. Закапал дождь. Въезжаем в ущелье. Горец в бурке проехал верхом на белом коне. Очень часто мы ехали буквально под нависшими, страшными, растреснувшимися скалами, но они не падут: вероятно, все вычислено и измерено. Писать от дождя невозможно. Скалы состоят из наклонных пластов и полос. Терек течет все в горах по равнине, посредине на мелях растет зелень и кустарник. Мы перегнали лошадь. Несколько лошадей идет за телегою вдоль по течению Терека. Там-сям работники поправляют шоссе. Крупные дождевые капли перестали падать, и капает уже изредка. В горах нависли облака, иногда страшно низко. Дорога извилиста, справа постоянно утесы, путь пробит в утесах и идет около самых скал. Влево небольшая низменность, обычная поляна, и Терек течет около левой возвышенности. Изредка дорога отходит от утесов и идет «среди долины ровныя». По сторонам камни. И чудится, что во время оно по всей этой долине широко протекала бурная река, оставившая после себя столько наносных камней. Влево видели упраздненное длинное укрепление с двумя окнами и множеством бойниц, с двумя боковыми постройками — все каменное. Справа на горе аулы. Небо в темных дождевых тучах, но дождя нет. Вот справа узкий горный поток стремительно впадает в Терек. Дождевые капли снова начали падать. Мы проехали мимо стоящей тройки в повозке, за которой стояло еще три лошади и ямщики. Однако ж мы очень долго едем по долине вдаль от скал. Проход суживается. Вправо на горе стоит замок — каменная башня с полуразвалившимся верхом. Около шоссе стоят иногда работники в зеленых аракчинах и кланяются. Вот стадо коней, три свиньи. Вправо старое укрепление, по-видимому, нерусской работы. Здесь

Терек представляет из себя одну довольно широкую струю, неистово несущуюся; несомненно, дно Терека скалисто и каменисто, ибо волны скачут и пенятся. Терек извилист. Вот старая станица (*назв. нрзб.*), справа опять ручей, впадающий в Терек. Встречаются лошади одноколки*, запряженные в двухколесные арбы. Горы влево выше Машука. Стадо белых овец и две-три черных с двумя пастухами в бурках; вправо скала с большими гладкими плитами, похожими на аспидные доски, гора и состоит из таких плит, обращенных плашмя к проезжающим. По местам из-за камней не видно течения Терека. Едешь-едешь — видишь впереди ущелье по обеим сторонам горы, посмотришь назад — картина такая же, что и впереди. Слева горы вообще выше, нежели справа, они с нашу Заводь, не больше. Опять стремительный ручей, громадная глыба у Терека и белая станция Ларс. Мы вышли из экипажа и подошли к Тереку. Течение реки сдерживается о камни, и волны пенятся. Граф спустился вниз к самой воде и, стоя на камнях, наклонился к шумящей воде. Он принес несколько небольших камней, из которых один подарил мне. Несколько ниже по течению две женщины моют платье. 14¹/₂ версты до Казбека. Вправо скалы, влево скалы, подле слева белеет Терек. Далее мы ехали по новой дороге, ибо года три назад на старую дорогу свалилась каменистая масса и загородила путь. Скалы состоят иногда из громадного цельного гранита. Начиная с Дарьяльского ущелья горы слева, уже и ранее скудные, лишены почти совсем растительности. Вон влево стоит каменный белый домик у почти отвесной горы. С переезда через красный железный на сваях мост с деревянною мостовою начинается Дарьял. Терек теперь справа от нас. Горы становятся как бы выше, лишённые почти зелени, почерневшие скалы производят мрачное впечатление. Терек белеет. Чувствуется свежесть. Граф обращает мое внимание то на то, то на другое. Левый берег, по которому едем, высок, Терек у нас внизу. Едешь и часто не веришь, что есть далее проход в горах. Телеграфных столбов иногда нет, а четыре белых стаканчика на железных сваях в скале. Вот замок царицы Тамары, возвышенность посредине ущелья с развалинами на правой стороне, вход с левой стороны. Скалы по обе стороны представляют столь чудные и иногда фантастические виды, столь сложные для описания, что их положительно нельзя записать во время езды четверкой, тем более что красоты на каждом шагу. Вот слева журчит ручей в Тереке — это

* Так в тексте. — Прим. изд.

«Белая Редька». Я проводил глазами замок Тамары: в уцелевшей стене его видны ворота. Иногда и часто расселины между горами с той или другой стороны покрыты обильно горным щебнем: очевидно, он скатился во время дождей. От Терека нас отделяет каменная, из дикого камня невысокая стена. Камни и громадные скалы у берегов Терека. Телеграфные столбы из дерева коротки, одна лишь их вершина, а большая нижняя часть их из чугуна или железа, но и таких столбов немного, больше все деревянные. Вот справа ручей «Девдоракское ущелье», берущий начало в знаменитых Девдоракских ледниках. Здесь Терек неистовствует и представляет иногда вид водопада. «Нет ни пищи ему, ни отрады, теснят его грозно немые громады». Влево завал (с 1831 г.), у которого находится надпись. Влево источник, вытекающий спокойно из дырочки, сделанной в скале. Громадные торчащие скалы часто посреди Терека. Волны несутся, ударяются о них, разбиваются с шумом и пеною и бегут дальше. По дороге часто попадаются стоящие арбы на двух колесах, покрытые кошмами, иногда около них разведен огонь. Вправо аул Кулек, жители которого были ивегуши, занимались разбоем; их всех перевели в другие места. Переезжаем снова через мост с низкой решеткою, и Терек опять остается влево от нас. Он разбивается на два рукава, посредине каменная суша. Тянутся арбы с бочонками, запряженные в одну лошадь. Рука устала записывать все мелочи. Терек течет в низких каменных берегах. Дорога извивается полукругом. Справа отвесные скалы, слева — скатистые. Попадают и четырехколесные арбы с белым тентом. В ушах чувствуется глухота. Мы уже высоко над Тереком, последний течет уже в узком ущелье. В каменной стене, отделяющей дорогу от бездны, сделаны отверстия, вероятно, для стока дождевой воды, и чрез них уже страшно смотреть вниз на почти отвесно находящийся под нами Терек. Последний опять течет в равнине, впрочем, и сам он подымается. Дорога по-прежнему извилиста. Кучер неразговорчивый, в башлыке. Терек вьется блестящею в сумраке лентою. Вправо на склоне стадо овец, далее белый домик. Совсем темно. Шоссе немного спустилось, Терек поднялся. Мостом мы переехали через поток справа, несущийся с ледников Казбека. Граф показывал мне вправо монастырь Святого Георгия на отрогах Казбека, но было так темно, что я уже ничего не видел. Затем после нескольких зигзагов мы снова переехали Терек по мосту и, наконец, подъехали к гостинице в Казбеке. Мы на высоте 5681 фута. После холоду и мрака приятно

войти в светлую теплую комнату, чувствуешь какую-то неизъяснимую радость и внутренне смеешься от удовольствия. Нам немедленно отвели «царские покои» (содержатель гостиницы был уведомлен, что граф придет). Мы вышли на террасу, и даже в темноте предстала нам восхитительная картина: внизу шумит Терек, далее возвышаются горы, а там, еще выше, чернеет Казбек, но его хорошо не видно. Небо проясняется, и дай Бог, чтобы завтра поутру рано было ясно. Нам приготовлены бульон, форели и говядина. В гостинице все любезны. Граф занялся рассмотрением кристаллов и туриных рогов необделанных (обделывают их в Тифлисе), затем он написал телеграмму Н. Барсукову в с. Михайловское: «Пьем за ваше здоровье и жалею, что вас нет с нами». Из покупки своей он подарил мне кусок медного колчедана и кусок горного казбекского кристалла. Чистенькая зала гостиницы увешана портретами государя и наследника, видом Ново-Афонского монастыря и другими картинами, расписанием Владикавказской железной дороги. Стены обиты темноцветными обоями, на которых изображена лисица, смотрящая на виноград. Наверху, в царских комнатах на стене портрет покорителя Кавказа князя Барятинского. Пили кахетинское в изобилии. Хозяин гостиницы — симпатичный грузин, не умеющий писать по-русски. В Казбеке, говорят, есть музей, которого, однако, мы не видели. Легли спать в 9 часов вечера.

Я проснулся в 12 часов ночи; открыв глаза, я увидел, что граф при свечах в халате принимает сонные капли. Мы снова легли, но сон бежал от нас. Озlobившись на бессонницу, мы решились ехать далее немедленно. Было 2 ¹/₂ часа ночи. Мы оделись и вышли на балкон. Граф обратил мое внимание на высящийся снежновершинный Казбек (16546 ф.). Ночь была лунная, холодная, облака почти совсем не мешали пристальному рассмотрению горы. На синем небе возвышается огромный конус блестящего цвета, с левой стороны которого видны два темных места, на них нет снега.

Хрисанф Лопарев

Хрисанф Мефодьевич Лопарев

Припоминания о его жизни и трудах

Нынешнее поколение ученых почти не знает скончавшегося истекшим летом Хрисанфа Мефодьевича Лопарева. Представляя его себе библиотекарем Рукописного отделения Публичной библиотеки, уже мало деятельным, мало чем интересующимся, вдобавок разбитым параличом, несмотря на сравнительно не старые годы, оно не думает, что этот человек с большими странностями в свое время кипел деятельностью, был преисполнен энергии, страшно увлекался работой, ради научных интересов все забывал и, несомненно, оказал пользу своей науке. Это была фигура оригинальная, яркая и красочная, не повторяющаяся.

Сын крестьянина, он родился в 1862 году в старом историческом селе Самарове Тобольской губернии на берегах Иртыша. Он любил свою родину и даже гордился ею; недаром на латинских заглавиях своих сочинений он ставил после фамилии *Samarovensis*. Родине своей он посвятил целое обширное исследование, вышедшее двумя изданиями, — «Самарово, село Тобольской губернии и округа. Хроника, воспоминания и материалы о его прошлом», и в предисловии ко второму изданию уже мечтает о новых изданиях; «третье и даже четвертое издание “Самарова” явятся необходимостью (не перестану помышлять о них дондеже есмь) и только тогда, когда собран будет весь главнейший материал, возможно будет приступить к стройной истории села...». В последние годы жизни, когда у него был уже и достаток, и служебное положение, чины и ордена, он каждое лето ездил на свою родину, со свойственным ему чудачеством он являлся туда не простым обывателем-самаровцем, выходцем из села в столицу, а важным сановником; он въезжал в свое село с помпой, шел в церковь и делал визиты местной сельской знати в мундире и треуголке, щеголял своими связями и оказывал по-

кровительство и протекцию, сыпал деньгами; и на него, бывшего крестьянского мальчугана, смотрели с подобострастием, как на всесильного человека, и преклонялись перед его могуществом.

Книга «Самарово» — ценный подбор материалов к истории и бытовой стороне Самарова, дает много припоминаний о молодости автора, о том, что он перетерпел и как выбился из той среды, в которой родился, припоминаний любопытных и не в отношении к нему одному.

Первое обучение Лопарев получил в местном училище от слепого солдата, который учил азбуку: аз, буки, веди, глагол... «Каждый из нас, — говорил Лопарев, — учился до тех пор, пока мог; осенью мы поступали, весной нас отпускали, за лето мы многое позабывали и с новой осенью, если родители отпускали нас в училище, мы снова принимались за прежнее, и не было предела учению. Нас драли за все, за всякую мелочь: сломаешь ли грифель — пороть, не приготовишь урока — порка, опоздал — заушение, неправильно сложил писчую бумагу, так, что фабричное клеймо оказалось назади внизу, — на колени.

В 1870 г. купец Н.Гр. Шеймин взял из нашей среды своего сына Петра и отвез его в Тобольскую гимназию. Это был первый пример такого рода. На лето Петр Николаевич приезжал на родину в гимназической форме, с кепью на голове, весьма сходною с солдатскою. Зависть брала меня, глядя на него, и страстно хотел я носить такую же кепь. Снимая с гряд картофель или копая землю, я видел, как уезжал сын купеческий на пароходную пристань. «А он туда... учиться... в Тобольск... эх!» — думал я, но что мог сделать отец-купец, о том не мог и подумать тятенька». Но мечты Лопарева осуществились — он попал в Тобольскую гимназию. А там мечты его понесли и далее. Еще в гимназии он решил продолжать учение в Петербурге и именно в историко-филологическом институте, о чем торжественно заявляет профессору Гельсингфорского университета Альквисту, посетившему в 1879 г. Самарово во время путешествия для изучения наречий местных инородцев. По окончании в 1882 году гимназии, с трудом добившись требовавшегося тогда увольнительного свидетельства от самаровского сельского общества и получив 20-рублевую стипендию от Тобольского общества вспомоществования бедным студентам Тобольской губернии, Лопарев уехал в Петербург для поступления на историко-филологический факультет университета. В последние годы жизни бывший питомец Тобольской гимназии отблагодарил родной город за

старую поддержку и на трудом скопленные 7000 рублей учредил в местной гимназии стипендию имени Хрисанфа Лопарева.

В университете Лопарева более всего заинтересовала Византия. Это ясно определилось уже в 1883 г.; на втором курсе он пишет медальную работу на тему, данную В.Г. Васильевским, «Хронографическое обозрение царствования Василия I Македонянина»; труд его был признан достойным награждения серебряной медалью, причем как главная заслуга Лопарева было указано то, что сочинение его обнаружило готовность автора к серьезным и самостоятельным занятиям и хорошее ознакомление с источниками, но в упрек ему была поставлена «наклонность пускаться в разные, не совсем методические соображения и личные домыслы» и то, что ему не всегда удавалось справиться с вопросом о взаимных отношениях между источниками. Таким образом, Лопарев становится в ряды учеников В.Г. Васильевского, благоговейную память о котором как о своем учителе и первоклассном ученом он сохранил до последних дней жизни. Под его влиянием он усердно изучает источники византийской истории, увлекаясь, главным образом, теми, которые характеризуют отношение Византии к России.

Но научная сторона его работ благодаря привходящим обстоятельствам получает особый характер. Убежденный православный церковник, с детства привыкший строго исполнять все обряды церкви и точно знавший церковные правила, он смотрел на Византию по отношению к России, как на вскормившую ее в младенческие годы «кормилицу», как на благодетельницу, наделившую ее массой добра: этими благодеяниями были, пишет он в одном своем сочинении, «изобретенная Азбука (*сохраняем прописные буквы автора — тоже его характеризующие*), Крещение и Православие с верховным надзором за новоявившейся Церковью, Богослужбные Святыни, святоотеческая и каноническая Литература, воспитание дикаго народа в духе Веры и Княжеской Власти, поощрение к развитию торговли и коммерческих связей. Византия взяла в руки варвара и воспитала его в своих понятиях в набожного христианина». Я взял эту цитату из работы Лопарева, носящей следующее длинное заглавие: «Summa rerum Romaeorhossicarum. *Ἀπαντα τὰ Ῥωμαιορρρωσικὰ*. Греки и Русь — оглавление приготовленного к печати полного собрания историко-литературных и археологических данных для суждения о характере русско-византийских отноше-

ний в хронологическом порядке с древних времен до 1453 г.». В этой работе, напечатанной в 1898 г., он говорит, что он задумывался над своим предприятием «еще на университетской скамье и тогда же исполнился смелости посвятить свои молодые силы этой громадной работе»; беседа в 1886 г. с И.Е. Забелиным и его благословение окончательно укрепили его.

Ему рисовался широчайший план: «Для решения принципиального вопроса, какую выгоду получила Византия от Руси и Русь от Византии, и готовится, так сказать, Мраморная книга, долженствующая представить на трибунал Истории все оправдательные документы с обеих сторон. Мало того, вызваны свидетели с Запада, с берегов Норвегии, с Востока — из Сирии, Армении, Грузии, приглашены дать показание и космополиты-евреи, собраны сведения о вещественных доказательствах связей между двумя государствами, словом, не должно быть оставлено без внимания ни одно показание. Всесторонность и полнота должны стоять на первом месте; этого требует и важность вопроса, и нравственный долг наш, и достоинство Российской империи, ибо имеющий выйти Свод есть Национальное Государственное дело».

Но этот обширный горделивый замысел с течением времени при более близком ознакомлении с предметом, при более вдумчивом и внимательном изучении памятников, с уразумением громадности труда, который под силу разве «целой коллегии ученых», а не одному человеку, значительно сузился. Лопарев «помирился на мысли об издании лишь подлинников с русским переводом». В течение всей своей жизни он занимается собиранием историко-археологических материалов, и ему удается собрать громадное их количество. Но все неудовлетворенный работой, он находит ее неполной. Напечатав *Ῥωμαϊστῶν εἰσαγωγή* — оглавление сборника, он обращается ко всем работавшим в этой области «с самою горячею просьбою» о его просмотре и дополнениях. Опубликовать самый труд, к сожалению, ему не пришлось. Но обработка частных, входящих в него, в течение всей деятельности Лопарева составляла главную и любимую ее долю.

Лопарев окончил курс университета в декабре 1886 г. и через некоторое время сдал соответствующие экзамены на степень магистра, но диссертации не написал, потому что в это время целиком ушел в другие работы. Только на склоне лет, в 1911 году, он начал печатать в Византийском временнике труд, который должен был быть его магистерской

диссертацией. Этот труд — «Византийские жития святых VIII–IX вв.», представленный в 1914 г. в Юрьевский университет, и был удостоен, к несказанной радости автора, степени магистра.

Первая работа Лопарева была напечатана в бытность его еще студентом в 1885 г. в газете «Восточное обозрение» — «Покорение Югорской земли»; она имела случайный характер и осталась особняком в ряду его работ. Настоящая научная деятельность Лопарева началась в 1887 г. В этих первых ученых опытах сразу тогда же определились три главных течения, троякого рода научные интересы, которые не покидали будущего деятеля во всю его жизнь: древнерусская литература, византийско-русские отношения (к области которых примкнули потом византийская история и византийская агиография) и изучение рукописей как таковых.

К первому ряду относятся: издание «Хождение купца Василия Позднякова по святым местам Востока», порученное Лопареву Православным палестинским обществом, несомненно, по рекомендации его учителя В.Г. Васильевского, члена совета общества, может быть, даже до окончания Лопаревым университета (Прав. палест. сб., вып. XVIII), и статья «Второе хождение Трифона Коробейникова» (Журн. мин. нар. пр. 1887. № 11) по поводу изданной С.О. Долговым приписанной Коробейникову переделки его произведения. В этой заметке Лопарев между прочим говорит, что уже готовит к печати, тоже по поручению Палестинского общества, издание сочинений Коробейникова, среди которых будет впервые напечатан список подлинного «Хождения Коробейникова», еще не подвергшегося переделкам (издание это вышло в 1889 г.). В предисловии-исследовании к «Хождению Трифона Коробейникова» Лопарев с обстоятельной точностью, путем кропотливой работы выясняет темный до того времени вопрос об отношении путника Позднякова к хождению Коробейникова и, в частности, об авторстве Коробейникова, а также об отношении к его подлинному хождению тех описаний путешествий по святым местам, которые ему приписываются.

Ко второму ряду, к той области, которая была главным научным увлечением Лопарева, относится статья «О чине венчания русских царей» с интересными указаниями на буквальные заимствования русскими дворцовыми дьяками XVI в. при составлении слова предстоятеля церкви в день царского венчания из *Κατάστατος παραίτησις* имп. Василия Македонянина (Журн. мин. нар. пр., 1887. № 10.).

К третьему ряду относится «Описание Хлудовской рукописи № 147», помещенное Лопаревым в «Чтениях Общества истории и древностей» (1887. № 3).

Так открылись научные работы Лопарева.

Начав свою деятельность при содействии Палестинского общества, поручавшего ему и после ведение многих своих изданий, в том же 1887 году Лопарев был привлечен временно исправлявшим тогда должность председателя Общества любителей древней письменности Д.Ф. Кобеко к работам общества, именно к описанию его рукописей. Дело это было точно для Лопарева предназначено — в нем он нашел полное удовлетворение своим желанием и энергично взялся за его исполнение. В течение трех лет — 1887–1889 — он описал 624 рукописи, т.е. все рукописи, составлявшие в то время музей общества, которые разделил на три тома (первый вышел в 1892 г., второй — в 1893-м, третий — в 1899-м). В предисловии к первому Лопарев высказывает предположение напечатать всего шесть томов, причем в четвертый и пятый поместить описание рукописей собрания кн. Вяземского, входящих в состав музея, но особо выделенных, а в шестом — описание новых приобретений.

Труд этот не может не быть особо отмечен, как тщательное изучение рукописей, богатое библиографическими указаниями и точное по передаче текстов. Мы не ставим в вину описателю странного порядка расположения отдельных описаний рукописей по их формату и затем в каждом формате по хронологии времени приобретения рукописей обществом, что совершенно устраняет цельность описания, простоту справок и удобство изучения; думаем, что молодой описатель в этом случае поступил не по своей воле, а по указаниям других лиц. Дав ученому миру хорошее руководство к ознакомлению с коллекциями рукописей Общества любителей древней письменности, работа эта сослужила большую службу и самому описателю. Он близко вошел в старую и древнюю русскую книжность, изучил лучшим способом — путем опыта — русскую палеографию, стал знатоком библиографии и в то же время пользовался всяким случаем, чтобы извлекать из источников материалы к задуманному на студенческой скамье труду о византийско-русских отношениях.

Начав работу над описанием рукописей Общества любителей древней письменности в качестве частного лица, через год, в 1888 году, по приглашению бывшего тогда секретарем Общества И.В. Помяловского,

Лопарев занял в Обществе и официальное положение — сначала помощника секретаря и библиотекаря, потом, после сложения Помяловским с себя звания секретаря, и эту последнюю должность.

Председатель Общества гр. С.Д. Шереметев из первых опытов молодого описателя убедился в его способностях, в его трудолюбии и, чтобы облегчить его труд и обеспечить его жизнь, дал ему побочную, скорее, номинальную, чем действительную службу, назначив его секретарем странноприимного дома своего имени, службу, которая давала Лопареву право на небольшую квартиру в доме графа и устраняла от него всякие заботы о необходимых мелочах жизни. Так и, конечно, только при таких условиях он мог спокойно предаваться своему делу. Зимой он работал в Обществе, лета проводил или в имениях гр. Шереметева, или вместе с ним путешествовал по русским святым местам, знакомясь с их стариной и изучая памятники. Так отдых сливался у него с делом, которое его увлекало целиком, с полным захватом.

Описание рукописей интересовало Лопарева не только само по себе, работа над рукописями, до того времени никем не рассмотренными и не изученными, дала возможность делать открытия и не только новых списков уже известных памятников русской литературы, но новых, дотоле неведомых ее произведений, и он умел пользоваться этой возможностью. Это льстило самолюбию молодого ученого, поднимало в нем дух и давало силы более и более работать, возвышая в то же время его имя как исследователя в ученой среде. Он постепенно становится душой Общества любителей древней письменности, деятельность его разрасталась, и энергия кипела.

Особо сильную сенсацию произвела находка Лопаревым в 1892 г. в одной псковской рукописи XV в. поэтического «Слова о погибели Рускыя земли», произведения, отнесенного, судя по тому, что в [еликий] к [нязь] Ярослав Всеволодович (1238–1247) называется в нем «нынешним» и вместе с тем упоминается его старший брат Юрий (в.к. владимирский до 1238 года), к их времени. Лопарев назвал свой отрывок «вновь найденным памятником литературы XIII в.» и имел на это полное право. Правда, отрывок этот не велик, его верно А.Н. Пыпин назвал «намеком» на какое-то любопытное произведение древности, но он заключает в себе такие яркие описания и так замечательно и в отношении языка, и в отношении поэтических красот, что не может не обратиться на себя величайшего внимания. По предположению Лопарева,

может быть, преувеличенному, отрывок рисует «начало великолепной поэмы XIII в., оплакивающей гибель Руси с предварительным прославлением ее красоты и славы». Впоследствии в 1909 г. Лопарев вернулся к этому памятнику и в докладе в Обществе любителей древней письменности доказывал, что «Слово о погибели Русской земли» было известно отдельным русским книжникам уже в XVI в., говорил о неотмеченной ранее ритмичности речи в «Слове...» и сообщил о находке им в Псково-Печерском монастыре еще одного листка, который, как ему казалось, должен был входить в затерянное «Слово...».

В том же 1892 году, как и «Слово о погибели...», Лопареву посчастливилось открыть в рукописи XV в. еще «неизданный памятник XII в.» — чрезвычайно любопытное послание митрополита Климента к смоленскому пресвитеру Фоме, одно из немногих дошедших до нас произведений знаменитого «книжника и философа» Климента Смолятича (напечатано в Памятниках древней письменности).

За два года перед тем Лопарев открыл и опубликовал, обставив обширным комментарием, еще неизвестное произведение русской паломнической литературы «Слово о некоем старце» (в Сборнике Отделения русского языка и словесности, том 51) — рассказ о пленении кримицами черниговского монаха Сергия, сына атамана Михаила Черкашенина, с присоединением фантастического описания его путешествия в Константинополь, Аравию, Иерусалим и Египет.

Еще ранее, в 1888 г., — это было его первое открытие — в журнале «Библиограф» Лопарев напечатал «новый памятник русской литературы» «Летописец и сказание к учению и рассуждению о фониинде вкратце», произведение новгородского монаха Иосифа, относящееся к 1559 г., предназначавшееся, по мнению Лопарева, в качестве наставления для царевича Ивана Ивановича, сына царя Ивана Грозного и Анастасии Романовны. К разысканиям об этом памятнике Лопарев вернулся снова через несколько лет и в 1908 г. сделал доклад в Обществе любителей древней письменности с новыми соображениями об авторе Летописца.

В 1894 г. Лопарев печатает опять «неизданный памятник литературы XII в.», хотя и известный ранее «Слово похвальное на перенесение мощей св. Бориса и Глеба», любопытное живым отражением отношений современника-черниговца к переживаемой княжеской усобице и приводимой им притчей о черниговском князе Давиде Святославиче.

В том же 1894 г. Лопарев делает новое открытие — «Слово о молодце и девице», неизвестное до того времени произведение русской любовной литературы XVII в., правда, в неисправном и неполном списке.

Совсем в другую, новую для Лопарева, область толкнуло его открытие памятника, который он назвал, взяв это название из текста рукописи «Отразительное писание о новоизобретенном пути самоубийственных смертей». Это обширный старообрядческий трактат против самосожигателей, написанный, по предположению издателя, в 1691 г. старцем Евфросином, бывшим в 1660-х годах строителем старообрядческой Курженской обители близ Повенца. Может быть, это открытие нужно признать самым замечательным из открытий Лопарева в области русской литературы. По словам Ключевского, «Отразительное писание» представляет собою «один из лучших материалов для изучения патологии старообрядчества, каким оно было во второй половине XVII в.»; по словам Пыпина, это сочинение «одна из самых страшных книг в русской литературе». Отразительное писание написано ярким, образным, оригинальным языком, напоминающим иногда язык протопопа Аввакума, с большим талантом и знанием дела, с умением резко обличать, с удивительной простотой, иронией и простодушием. Трактату предпослано Лопаревым обширное предисловие с целым исследованием вопроса о самосожигательстве, обстоятельным разбором памятника, как исторического источника и как литературного произведения, с перечнем всех известных случаев самосожигательства с половины 1670-х годов до 1691-го.

Таковы были открытия Лопарева — гордость открывателя, создавшие ему имя в ученном мире. Но и помимо их ряд изданий-исследований и научных трудов дают ему право на благодарную память.

Как было уже указано раньше, труды Лопарева дробятся на три главных течения, к которым близко примыкают другие. Но если в начале деятельности Лопарева в силу, может быть, необходимости и особых привходящих обстоятельств они клонились по преимуществу к описанию рукописей и к изданию памятников древнерусской литературы, но далее описания рукописей, как таковых, отступили на задний план и постепенно первенствующее место заняла область русско-византийских отношений и византийской истории, затем византийской ариографии, которой и был, как говорилось выше, посвящен самый обширный последний труд Лопарева — его магистерская диссертация. В ряду произведений Лопарева особ-

няком стоят только первая работа «Покорение Югорской земли», затем «Самарово» и еще стихотворение «Пророк», напечатанное им в 1912 г. отдельным, с известной претензией, изданием на голубой бумаге с воспроизведением Ивановской головы Иоанна Крестителя. Не умею объяснить, что было в мыслях у Лопарева при писании и печатании этого стихотворения, но думаю, что, несомненно, оно должно иметь отношение к его биографии. На это указывает, во-первых, предшествующая ему заметка о том, что предполагавшееся к нему предисловие, как «любопытная страничка современных литературных нравов, будет передано для хранения в одно из государственных древлехранилищ»; во-вторых, даты: «Тобольск 1881 — Петербург 1885, 1912», наконец, посвящение Д.Ф. Кобеко. Некрологи-воспоминания о И.В. Помяловском и об А.И. Пападопуло-Керамевсе относятся к тем же главным предметам работ Лопарева, так как все связи его с этими лицами покоились и держались почти исключительно общностью их интересов в данной области.

Из ряда статей по русско-византийским отношениям наиболее важна «Старое свидетельство о положении ризы Богородицы во Влахернах в новом истолковании применительно к нашествию русских на Византию в 860-м году» (1895). Затем назовем, держась хронологического порядка», «Слово о святом “Патриархе Феостирикте”» (1893), «Византийская печать с именем русской княгини» (1894), принадлежащая Феофании Музалониссе, по предположению Лопарева, вполне обоснованному, жене Олега Святославича, кн. Тмутараканского, долгое время проведенного в византийских землях, далее «Иерусалимский патриарх Хрисанф и его отношение к России» (1895), затем «Опыт толкования некоторых мест в памятниках древнерусской письменности» (1897), статья, в которую входят любопытные замечания «О так называемом русском паломнике Леонтии» (Лев Прусин), «Св. Григорий русский “учитель” XII в.» и «Алексей Комнин на Руси и в Сицилии», затем «Повесть об императоре Феодосии II» (1898), «Повесть о смерти кн. Даниила Александровича и о начале Москвы» (1899), работа, в которой разбирается вопрос о переводах произведений русской письменности на греческий язык вообще и, в частности, о переводе сказания о начале Москвы и представляется русский текст этого сказания параллельно с греческим переводом (по списку Святогробского подворья в Константинополе). Очень интересные статьи, касающиеся брака дочери Мстисла-

ва Владимировича Евпраксии с византийским царем Алексеем Иоанновичем Комнином и принадлежащего ей медицинского сочинения Ἀθλήσις τοῦ ἁγίου Μοδέστου ἀρχιεπισκόπου Ἱεροσολύμων: это «Брак Мстиславны (1122 г.)», «Феодор Вальсамон» и «Русская княжна Евпраксия Мстиславна (XII в.), как вероятный автор медицинского сочинения» (1902, 1903 и 1905). Далее надо отметить «Церковное слово Дорофея Митилинского» (1905), изданное Лопаревым по найденному им во Флоренции его списку; произнесенное при нашествии Магомета II на Константинополь, слово это любопытно для литературной истории Бесед патр. Фотия, сказанных по поводу нападения русских в 860 году ввиду почти буквального сходства с ними. К этим статьям примыкают те, которые касаются греко-болгарских отношений; это, во-первых, издание и исследование «памятника византийской переводной литературы», сохранившегося только в двух русских рукописях, но переведенного с греческого в Болгарии, — говорим о «Чуде св. Георгия о болгарине» (1894), интересном литературном памятнике по соприкосновению его с рядом легендарных преданий; во-вторых, «Две заметки по древней болгарской истории: По поводу пересмотра Терновской надписи» (1888), и, в-третьих, «Византийский поэт Мануил Фил. К истории Болгарии в XII–XIV вв.» (1891).

К истории Византии и ее литературы относятся Ioannis Commeni medici Vita Ioannis Cantacuzeni Romaeorum imperatoris (1888), статья «Святой Афанасий II, патриарх Александрийский (817–825?)» (1910), первоначально напечатанная по-гречески в александрийском журнале Ἐκκλησιαστικὸς Φῶς (1908), наконец, статья «К чину царского ковроноования в Византии» (1913).

В области византийской ариографии главное место занимает упомянутый выше последний труд Лопарева «Византийския жития святых VIII–IX вв. Опыт научной классификации памятников ариографии с обзором их с точки зрения исторической и историко-литературной» (1914), труд, хотя и страдающий многими дефектами, но, несомненно, имеющий и положительные стороны. В отношении русской истории следует отметить в нем новый пересмотр амастридской легенды, причем Лопарев «с сожалением, подавляемым самостоятельным убеждением в противности» отказывается от взгляда «своего учителя», т.е. Васильевского, и переходит на сторону Куника, принимая амастридское нашествие русских как частный эпизод одной общей экспедиции 860

года. Кроме этого труда назовем еще, держась хронологического порядка: *Ἀθλήσεις τοῦ ἁγίου Μοδῆστοῦ ἀρχιεπισκόπου Ἱερουσολήμων* (1892), *Βίος τοῦ ἁγίου καὶ δικαίου Εὐδοκίμου* (1893) — текст жития в трех редакциях и службы прав. Евдокиму в сопровождении исследования-предисловия «Описание некоторых греческих житий святых» (1897), «Житие святой царицы Феофании и его позднейшие пересказы» (1899) по поводу издания этого жития, напечатанного Э. Курцом; наконец, два жития, о которых будет сказано ниже: *Supplementum ad Historiam Iustinianeam. De sancto Theodoro (500–595) monacho hegumenoque Chorensi, cujus vita illustrata nec non Choraе monasterii... historia congesta Biog e cod. ms. s. X inseritur* (1903) и *Acta graeca sanctorum tergemina, martyrum Speusippi Eleusippi Meleusippi...* (1904). Кроме того, к тому же вопросу относится ряд обстоятельных рецензий.

Припоминая работы Лопарева, относящиеся к древней и старинной русской литературе, в дополнение к упомянутым выше назовем: «Новый список описания Цареграда Антония Новгородского» (1888), «Хожение иеродиакона Зосимы» (1889), «Прение с греками о вере Арсения Суханова» (1889), «Повесть о Борисоглебском монастыре» (1892), «Слово в великую субботу св. Кирилла Туровского» (1893), «Древние русские сказания о птицах» (1896), «Анонимное описание Константинополя (около 1321 г.)» (1898), «Паломник в Царьград Антония Новгородского» (1898), «К литературной истории Сказания о Мамаевом побоище» (1901).

Из работ по описанию рукописей и библиографии к прежним прибавились: «Библиотека гр. С.Д. Шереметева» (два тома — 1890 и 1892) и «Описание рукописей князя П.П. Вяземского» (1902) — части его собрания, которое, по предположениям Лопарева, как было сказано выше, должно было составить 4 и 5 тт. Описания рукописей Общества любителей древней письменности.

Из одного этого перечня главнейших работ Лопарева видно, как обильна трудами была его научная деятельность. Но в то же время этот самый перечень ясно показывает, что после большого подъема с конца 1880 до 1890-х гг. Она постепенно начала падать. Несомненно, в этом сказалось то переутомление, которое не могло не появиться после упорных трудов первых лет деятельности Лопарева. Но еще большее влияние оказала тяжелая хроническая болезнь. В 1894 году она прервала

бодрое настроение Лопарева и правильное течение его работ, заставив оставить службу в Обществе любителей древней письменности и отчасти отойти от любимых занятий над рукописями.

Этим годом кончился первый, самый плодотворный, самый деятельный период его жизни; позже его работы уже не имели такого интенсивного, напряженного характера; несмотря на сравнительно молодые лета, он уже стал по преимуществу только пользоваться плодами старых трудов, почти не ища новых путей. Когда он получил снова возможность работать, его привлек на службу в ведомстве Государственного контроля известный государственный деятель того времени, славянофил и покровитель всего самобытного русского Т.И. Филиппов. Лопарев занял место чиновника особых поручений при государственном контролере, и поручение, данное ему, имело действительно особый характер: на него легла подготовка к печати книги «Сборник Т. Филиппова» (1896) и ведение самого издания. Это был предпоследний этап служебной карьеры Лопарева; в 1896 г. при увеличении штатов Публичной библиотеки он был приглашен ее директором А.Ф. Бычковым в качестве помощника библиотекаря рукописного отделения, тут и закончил свою деятельность: это было его тихой пристанью, местом успокоения.

«Когда я думаю о средневековой греческой империи, — говорит в своих *Ρωμαϊοβυζαντινά* Лопарев, — странное дело, меня не особенно волнуют убийства, ослепления, удушения, отравления и другие насилия над человеческою личностью, которыми в широкой степени пользовались деспотические самодержцы ромеев. Главною причиною этого, несомненно, является отдаленность времени и невозможность представления картины во всей ее действительности». Эти слова, характеризующие отношение Лопарева к предмету, к которому клонились его главные интересы, ярко характеризуют и самого Лопарева. В своих работах по истории и литературе он весь уходил в данную узко очерченную область, страстно увлекаясь только той стороной, которую давал ему тот или другой памятник, рукопись жития или проповеди, и никогда не интересовался тем, чем к этой старине соприкасается живая жизнь, или теми проявлениями старины, которые дожили до нашего времени. Приезжая в чужую землю, в неизвестный город, — а он бывал и в Константинополе, и на Афоне, и в Италии, командированный для изучения рукописей то Академией наук, то Палестинским обществом, — Лопарев

рев не хотел смотреть и не видал ничего, что не касалось той рукописи или того памятника, которые ему нужно было изучить. Все живое скользило по поверхности, не задевая его ни своей красотой, ни даже историческими воспоминаниями, с ним связанными.

Для характеристики Лопарева и как чудака в высшей степени, если не более, и как отличного знатока своего предмета, может быть приведен один факт, скорее похожий на анекдот, чем на действительность. Мало донныне известный, отчасти скрывавшийся и самим Лопаревым (хотя он и должен был печатно сознаться в его совершении), и другими русскими учеными, думаем, теперь он уже может быть рассказан без недомолвок.

Работая над исследованиями по византийской ариографии, он заинтересовался между прочим двумя житиями: св. Феодора Хорского, дяди императрицы Феодоры, жены Юстиниана, и св. близнецов Спевсиппа, Еласиппа и Мелесиппа; оба жития сохранились в рукописи X в. в генуэзской *Biblioteca della Missione Urbana drs. Carlo*. Как всегда в таких случаях, с исключительной целью изучить заинтересовавший его памятник Лопарев отправился в Геную и, несмотря на отсутствие рекомендации «с трогательной готовностью и несказанным гостеприимством» был допущен местным библиотекарем к драгоценной рукописи. Но гостеприимная доверчивость библиотекаря каноника *Giacomo Grasso* была слишком велика: с легкомыслием, достойным разве неопытного юнца, Лопарев произвел над рукописью непростительную вещь — в самом конце ее на обороте последнего листа он, как потом покаялся, «из желания читателя оставить свою отметку на книге» сделал приписку: *Χρῖσανθος ὁ Σέρβηρος κατὰ μῦθον ἀγιοστοῦ βίβλ.*

В Петербурге он продолжал работать над так заинтересовавшими его житиями и в 1903 г. напечатал статью о житии св. Феодора, а в 1904 — о житии св. близнецов под заглавием: *Acta graeca sanctorum tergeminarum martyrum Speusippi, Eleusippi, Meleusippi, primum a Ludovico Grasso anno 1846 inventa, deinde a Chrysantho Loparev anno 1902 exarata hodie divulgata*. Но в том же 1904 г. на страницах *Revue de l'Orient Chrétien* появилось начало обширного исследования, принадлежащего *Henri Grégoire*, посвященного тому же житию и генуэзской его рукописи. Вопрос, возбуждавший споры среди западных ариологов о родине и месте мученичества св. близнецов — была ли это Каппадо-

кия или Галлия, решался Grégoire'ом, как и Лопаревым в его предисловии к житию, в пользу их каппадокийского происхождения. Но, к ужасу и изумлению Лопарева, главным основанием к такому выводу для Grégoire'a была именно приписка Лопарева, ускользнувшая, по словам Grégoire'a, от составителя каталога рукописей Эргарда (про издание Лопарева он не знал), из которой французский ученый заключил, что рукописью этой в 902 г. владел некий Хрисанф, уроженец каппадокийского города Severias или Seberias (древний Siberon), в списке епископов, присутствовавших на соборе 692 г., названного Tiberias, очевидно, вместе Siverias. Дата $902=7410= \zeta\upsilon\iota$, в которой Grégoire принимает ζ за ς , относит написание рукописи или к концу IX или к самому началу X века.

Лопарев был в ужасе и, несмотря на советы друзей не открывать преступления, не выдержал и написал письмо отцу Aurelio Palmieri, который и напечатал в генуэзской газете Il Cittadino правду о том, кто был Хрисанф, житель г. Сиверии в Каппадокии; в 1906 г. в заметке об исследовании Gregoivre'a покаяться в этом печатно и сам Лопарев. Результатом этого открытия на страницах Revue de l'Orient Chretien появилась жестокая отповедь X'a по адресу русского ученого, после которой многие книгохранилища стали для него недоступны.

Мне вспомнился здесь этот печальный случай не в суд и не в осуждение покойного Лопарева. Раскаяние и открытое покаяние, и тяжелое наказание в виде упомянутой заметки X'a и за ней последовавшее «отлучение» от заграничных библиотек, в значительной мере послужили искуплением невозможно легкомысленного его поступка. Но, с другой стороны, поступок этот характеризует Лопарева-ученого, конечно, как хорошего знатока палеографии и обычаев византийских книжников, если злополучная приписка могла обмануть специалистов; Лопарева же как человека он рисует далеким от жизни, от ее самых простых, всеми усвоенных правил, плохо разбирающимся в том, что хорошо, что худо, что допустимо и что недопустимо для ученого.

Позволив себе в этом очерке коснуться не одной научной стороны деятельности покойного исследователя русской и византийской древности, я хотел дать облик его не только как ученого, но и как оригинального русского деятеля, человека огромной энергии, — жаждою науки, исканием знания, правда, под особым углом зрения, но все-таки иска-

нием знания и просвещения, вырвавшегося из глухого угла Сибири, из крестьянской среды. Талантом своим он не открыл новых горизонтов в той области, которой отдался, не создал новых теорий, не поразил ученый мир новыми оригинальными гипотезами, но он подготовил путь для будущих научных исследователей своим кропотливым трудом, своими тщательными, скрупулезными и вдумчивыми исследованиями памятников. Как явление, далеко не заурядное, он не может не обратить на себя пристального внимания. Пока он был жив, мы, его сверстники, как-то не задумывались о нем, и только теперь, припоминая разные его черты, слагая и сочетая их одни с другими, чувствуем, что внешность, нередко вызывавшая улыбку, скрывала нечто глубокое, черноземное, самобытное. Фигура, не укладывающаяся в наши привычные рамки, человек, преисполненный странностями, для нас необъяснимыми, чуждак по натуре, иногда оригинальничающий своим чудачеством, он был полон противоречий, несогласимых, на наш взгляд. Культура коснулась его точно одним крылом, развила в нем только одну сторону, оставив в тени все остальное. Знарок древней письменности, с увлечением копавшийся в рукописях, превосходно знавший многие языки, на греческом изъяснявшийся так же легко, как на русском, он был совершенно чужд всему другому, был далек от тех знаний, которые не соприкасаются с предметом его изучений, не понимал искусства, не только мог обходиться без произведений писателей Тургенева, Толстого и др., но и не знал современной литературы. До конца дней своих он остался дитятью, не научился разбираться в самых простых обыденных вещах, не мог усвоить общепринятых житейских правил, приспособиться к жизни, не мог научиться заботиться о себе, просто и бессознательно представляя это делать другим. Выросший в среде далеко не культурной, сравнительно в зрелые только годы очутившийся в совершенно новой для себя обстановке большого города, в центре образованности, сблизившийся с научным миром с одной стороны, и светским кругом с другой, он так и остался каким-то полуверцем, не осилив смысла и значения для себя этой перемены, и не сумел ни примкнуть к новому, ни отстать от прежнего, ни разумно сочетать то и другое.

В. Срезневский

Тобольские родственники Х.М. Лопарева

Сведения о Лопаревых содержатся в книге Х.М. Лопарева «Самарово», я же расскажу о потомках самаровского крестьянина Мефодия Лаврентьевича Лопарева, родившегося в 1822 г. Оставшись семилетним после смерти отца на руках матери вместе с двумя сёстрами, он с малолетства вынужден был тянуть тяжёлую лямку. Об обучении не могло быть и речи, хотя грамотой он интересовался.

Мефодий Лаврентьевич был женат на односельчанке Дарье Афанасьевне Кузнецовой. Умер он в 1883 году, оставив от своего многочисленного семейства только жену, сыновей Илью и Хрисанфа и дочерей Парасковью и Авдотью.

Парасковья Мефодьевна, родившаяся в 1840 г. (по другим источникам, в 1844), вышла замуж за тобольского мещанина Никиту Давыдовича Анисимова (род. в 1826), от них и пошла тобольская ветвь Лопаревых — Анисимовых. Жили они по улице Кузнечной (ныне — ул. Алябьева).

На момент переписи населения 1897 г. в семье было пятеро детей: Матвей, 28 лет, Михаил, 25 лет, Дмитрий, 12 лет, Фиоза, 10 лет, и отделившийся уже от семьи Алексей.

Фиоза Никитична, в замужестве Завадовская, прожила долгую жизнь. После окончания Мариинской женской школы она служила учительницей в с. Куларово Тобольского уезда, а выйдя замуж, переехала в Омск. Имела двух дочерей. В настоящее время её внук проживает в Москве, пенсионер.

Алексей Никитич Анисимов (1870–1913) был женат на Татьяне Михайловне, надолго пережившей мужа и умершей в 92 года. В семье было 9 детей. Сам он был мастером на все руки: столяром, плотником, каменщиком, маляром. В 1905 г. из старой завозни он выстроил дом по Ершовскому переулку (теперь — Пионерский), в котором неоднократно по приезду в Тобольск останавливался Хрисанф Мефодьевич Лопарев.

Татьяна Михайловна после смерти мужа осталась с восьмерыми детьми: дочерьми Павлой, Клавдией, Евгенией, Агнией, Антониной и сыновьями Николаем, Андреем и Владимиром. И хотя была малограмотной, работала в прислугах у богатых людей, сумела всем дать образование.

Старшая дочь, Павла Алексеевна Благонравова, 1898 года рождения, жила в Тобольске, дом её находился рядом с домом Алексея Никитича. До замужества работала учителем в селе Юровском Уватского района. Муж, Вениамин Алексеевич Благонравов, был сыном священника, работал бухгалтером. По ложному обвинению осуждён и расстрелян в 1937 году, впоследствии реабилитирован. Их сын Алексей, окончив 10 классов, ушёл добровольцем на фронт и погиб. Сын Евгений, тоже участник войны, после победы служил до 1950 г. в правительственной охране. Демобилизовавшись, поступил на Тобольскую пристань судовым механиком, затем механиком же на передающую станцию. Его дети, Алексей и Людмила, живут в Тобольске и хранят семейный архив.

Евгения Алексеевна Маркина родилась в 1900 году. Муж её, Михаил Маркин, был красным комиссаром в Тобольске. Потом они уехали в Москву, муж дослужился до звания генерал-майора. Она работала парторгом на 1-м шарикоподшипниковом заводе. Похоронены в Москве. Сын Михаил погиб во время войны на Курской дуге, дочь Клара — пенсионерка, живёт в Москве.

Клавдия Алексеевна Хорос родилась в 1902 году. Жила с мужем Вацлавом Хоросом в Тобольске, затем в селе Мужы Ямало-Ненецкого округа, где муж трагически погиб. Сын Витольд окончил школу № 1 в Тобольске и Ленинградский кораблестроительный институт. Работал в Савинском затоне г. Тобольска, заведовал конструкторским бюро. Живёт в Чудово Ленинградской области.

Агния Алексеевна Тутолмина родилась в 1904 г. Её муж Иван Тутолмин служил в следственных органах. Жили в Салехарде, Мужах. После его смерти вернулась в Тобольск, а затем уехала к дочери Татьяне в г. Наро-Фоминск Московской области, где и умерла.

Антонина Алексеевна Накладова (род. в 1908) всю жизнь прожила в Тобольске. Работала на пристани. На водном транспорте работал и её муж Михаил Иванович. В 1946–1956 гг. он был начальником Тобольской пристани, а в 1956–1958 гг. — руководителем ремонтно-эксплуатационной базы в пос. Сумкино.

Старший из сыновей А.Н. и Т.М. Анисимовых Николай Алексеевич (род. в 1906) был инженером. Строил Омский элеватор, участвовал в сооружении спортивного комплекса «Лужники». В военные годы строил аэродромы в Якутии, Подмоскovie. Умер в Москве в 1979 г. Сын Александр работал в Москве шофёром. Станислав пропал без вести на войне. Игорь окончил энергетический институт, в нём же преподавал. Живёт в Москве.

Андрей Алексеевич, 1910 года рождения, окончил Тобольский ветеринарный техникум, работал в с. Евгацино Омской области. Затем служил в армии и органах НКВД. Уволившись по состоянию здоровья, переехал в Омск и стал работать на водном транспорте: в отделе кадров Иртышского пароходства, начальником пристаней Сургут, Знаменка, Берёзово, Октябрьское и в последние годы — на тобольской пристани. Умер в 1966 г. В Тобольске живут его дети. Валентин Андреевич, 1933 года рождения, окончил Омское речное училище, плавал капитаном на пассажирских и буксирных судах, ныне — пенсионер. Светлана Андреевна Пивнева — педагог. С их помощью и написана эта статья. Сын Юрий Андреевич, ныне покойный, окончил Омское речное и Ульяновское высшее бронетанковое училища, служил в Германии, Венгрии. В Тобольске живёт его дочь Ирина Юрьевна Жмурова, главный редактор журнала «Тобольск».

Владимир Алексеевич (род. в 1912) был радистом высокого класса, работал в Заполярье, на Ямале. В 1937–1938 гг. обслуживал дрейфующую станцию «Северный полюс-1», которую возглавлял Папанин. Зимовал на Новой Земле, Маточкином Шаре, острове Визе. Встречался с лётчиком С.А. Леваневским, который пропал без вести при перелёте в США через Северный полюс в 1937 г. В годы войны был стрелком-радистом, а по окончании её — начальником радиобюро Тобольской пристани. Затем перевёлся в г. Котлас Архангельской области, на родину жены. Там и похоронен. Его сын и две дочери живут в Котласе.

А. К. Михайленко

От редакции. О членах семьи Анисимовых в предреволюционный период можно узнать из материалов фонда Х.М. Лопарева в Петербургском филиале Российской академии наук (фонд 107, опись 2), где хранятся письма, адресованные петербургскому родственнику. В кол-

лекции содержится более 200 писем. Особенно длительной и оживлённой была переписка Лопарева с племянницей Феозой Никитичной и её мужем Михаилом Александровичем Завадовскими, племянником Алексеем Никитичем Анисимовым и его женой Татьяной Михайловной и их детьми Николаем и Павлой.

Родственная связь между Анисимовыми и Лопаревым была крепкой и действенной, Хрисанф Мефодьевич оказал большую помощь многодетной семье Алексея, много раз посылал денежные переводы, о чём свидетельствуют письма. Так, 26 сентября 1904 г. Алексей Никитич благодарил дядю за полученные 5 р. и в июне 10 и писал: «Много, много помогли нам ваши деньги».

Алексей, по-видимому, был человеком мягким и скромным и стеснялся обращаться к дяде с просьбами; о том, что семья нуждается, Хрисанф Мефодьевич узнал окольным путём от тёти Алексея Ульяны Никитичны Фарафоновой. Жена Алексея попросила у неё в долг денег, но она одолжить не смогла и переадресовала просьбу Лопареву в письме 1 февраля 1905 г. В конце того же месяца У.Н. Фарафонтова уведомила Хрисанфа Мефодьевича, что посланные им 15 рублей получены, и так характеризовала жену Алексея: «...за ней ничего худого нет... Она на ветер денег не тратит, я бы не стала писать вам, если бы Таня нехорошая была, мотовка» (Ф. 107. Оп. 2. Д. 499).

Из писем видно, что Анисимовы, несмотря на бедность, старались дать детям образование. 2 августа Алексей Никитич писал, что отправил сына Колю в Омск поступать в техническое училище — по-видимому, то же самое, в котором в 1907–1910 гг. учился другой племянник Хрисанфа Мефодьевича — Платон. «Колю приняли в техническое училище на стипендию, он выдержал лучше всех, которые держали с ним...», — сообщал Алексей Никитич 12 сентября 1912 г. (Ф. 107. Оп. 2. Д. 18. Л. 108). После его окончания Николай 1 сентября 1915 г. получил должность на Тобольской водопроводной станции с жалованьем в 35 рублей.

В том же 1912 году Анисимовы решили готовить дочь Павлу к учительской профессии, Лопареву сообщили, что наняли для неё за 15 рублей в месяц репетитора. А в 1915 г. она была направлена учительницей в село Юровское Тобольского уезда.

9 февраля 1913 г. Алексей Никитич умер, и положение семьи стало совсем отчаянным: на что содержать и учить старших, поднимать малышей? Кроме дядюшки, рассчитывать было не на кого. Татьяна Михайловна писала 30 октября 1913 г.: «...мне крайне неприятно и стыдно беспокоить Вас своими просьбами... Я получаю 15 руб. квартирных; на дрова у меня идёт в настоящее время 5 руб., а остальные 10 руб. я долж-

на расходовать положительно на всё, а ведь они не широки, чтобы прожить месяц с такой семьёй, всех надо одеть, обусть, накормить, да при том ещё и учить, хоть старших, значит, я совсем не тратила денег напрасно» (Там же. Л. 17 об.).

В сентябре 1915 г., когда Николай и Павла закончили учёбу и получили работу, Татьяна Михайловна писала: «Дорогой дяденька, письмо и деньги Ваши 35 р. мы получили 15 сентября, за которые сердечно благодарю Вас, что Вы не забываете нас. Сколько времени прошло со смерти Алёши, давно бы надо забыть нас, но Вы ещё не забыли нас и помогаете нам. Вы помогаете поднять на ноги моих малолетних детей-сирот, Вы же помогли поднять на ноги мне Пану и Колю, и не одна, может, горячая молитва моя возносится ко престолу Всевышнего» (Там же. Л. 39).

В письмах Анисимовых содержатся сведения и о других членах семьи, кроме названных. Так, 7 марта 1887 г. зять Никита Давыдович Анисимов сообщал Лопареву о смерти его тёти Марии Лаврентьевны и о своих сыновьях, братьях Алексея: Михаил окончил уездное училище, Евгений учится последний год в ветеринарном училище, а Матвей 2-й год — в Омской учительской семинарии, оба — «с хорошими успехами» (Д. 19). Впоследствии Матвей участвовал в Русско-японской войне.

Как видим, мещанская семья, по всей вероятности, среднего достатка отличалась устойчивым стремлением к учению детей. Можно предположить, что не последнюю роль в этом сыграл Х.М. Лопарев. Все годы своей успешной учёбы в Тобольской гимназии он был для близких живым и заразительным примером того, как образование изменяет к лучшему человека. А спустя годы стал крепкой материальной опорой для тех из них, кто ступил на путь познания.

«Не упускать ни одного случая...»**выносить на улицу свои изорванные в боях знамена...»**

Публикация подборки писем В.Ф. Костюрина из отдела рукописных фондов Государственного литературного музея¹ позволила по-иному взглянуть не только на издателя «Сибирского листка», но и получить очень важные штрихи к нашему представлению об умственном развитии провинциального губернского городишки Тобольска.

Образование, полученное в сибирской ссылке, позволяет нашему герою не только ориентироваться в политическом спектре общества, но и самоидентифицироваться: кто он? В. Костюрин ясно понимает, почему он «не сторонник коммунизма — этого последнего слова капитализма». Автор писем также не хочет, чтобы его считали «народником в шаблонно-литературном смысле этого слова», ибо последние пропагандируют «автономию общины и индивидуальность». Но теоретические выкладки так далеки от проявлений их на практике. А поговорить всерьез об устройстве жизни очень хочется. И скорее всего, политически зрелого товарища все-таки рядом нет.

Может, поэтому, прибыв в Тобольск, он задумался о собственной газете, с помощью которой можно вести диалог с читателем. Но при этом есть понимание, что издательская деятельность, хотя и бизнес, все-таки невозможна без группы лиц, с которой ты находишься на одной идеологической платформе, от имени которых ведешь разговор с аудиторией.

В публикуемых ниже двух письмах В.Ф. Костюрин держится более уверенно. Скорее всего, это не нахальство провинциала, позволяющего говорить покровительственным тоном со знаменитым Г.Н. Потаниным, поучать его жизни. Скорее всего за период, прошедший со времени написания писем, значение каждого из них в нашем представлении сильно поменялось. Вспомним слова редактора томской «Сибирской жизни» Г.Б. Баитова о редакторе первой в Западной Сибири газете К.Н. Высоцком: «В его доме образовался какой-то странноприимный дом для разных Потаниных, Ядринцевых». «Разных» в то время было очень много,

¹ Материалы к биографии Виктора Федоровича Костюрина: Письма Костюрина В.Ф. Богучарскому Василию Яковлевичу // Лук & Чок. 2009. Вып 4. С. 169–203.

но почему «при такой разносторонней деятельности Высоцкий и его друзья не были приведены к одному знаменателю?», — спросит Г. Баитов. Может, именно этот кусочек текста начала XX в. и поможет нам оценить линию поведения тобольского корреспондента Г.Н. Потанина.

В одном из писем В.Я. Богучарскому В. Костюрин писал: «Я верю в интеллигенцию — все равно, работает ли она на фабрике или в деревне, и придаю большое значение работе в целях общего подъема...». Призывая Григория Николаевича к иной тактике в сложившейся в сибирской прессе ситуации, он был верен своей линии, превращая ее в позицию издания: «Нас, сибирских органов печати, так мало, силы наши, будем говорить откровенно, так ничтожны... Бессилие печати в общественном смысле... объясняется главным образом еще и отсутствием солидарности печати как корпорации. Каждый орган печати пытается выставить свое, точно товар из лавчонки, никто не признает другого, рад всякому промаху, невольной ошибке, с торжеством выносит ее на улицу, ликуя и празднуя словно победу» (Сиб. лист. 1894. 13 янв.).

Несмотря на свои разногласия с «Сибирским вестником» свою позицию Виктор Костюрин никогда не менял. И даже после очередной приостановки томской газеты он напишет теперь уже в личном, на одну шестую, издании: «В этой публикации есть известная доля желания помочь, чем можно, поскорее стать на ноги потерпевшему в этой житейской передрыге. ...Каковы бы ни были, впрочем, недостатки “Сибирского вестника”, его положительной стороной было боевое настроение. В наше время вольного и невольного смиренномудрия за такое качество многое может быть прощено. ...если у кого-то из представителей сибирской прессы не будет возможности или достаточно гражданского мужества — “наше время — не время героев”, чтобы взять на себя риск борьбы с местным злом, то чтобы эту борьбу брали на себя другие при более легких условиях в другом месте, не считая себя ни вправе, ни обязанными топтать первых в грязь и издеваться над ними за отсутствие геройства. Будем верить в то, что каждый дает все то, что может дать» (Сиб. лист. 1897. 4 дек.).

Последние двадцать лет своей жизни Виктор Костюрин отдал «Сибирскому листку», будучи уже полностью его владельцем. Да еще в течение почти пяти лет участвовал в первом частном тобольском издании в качестве сотрудника. Он был удивительно постоянным в своих предпочтениях.

Ю. Мандрика

Тобольск

27 ноября 1894 г.

Григорий Николаевич!¹

Позвольте с Вами заочно познакомиться, — Вы писали рекламой² о том, что у Вас будет собираться сибирская молодежь. Я просил бы Вас прочесть в №122 «Сибирского вестника»³ фельетон «Несколько слов сибирской молодежи к 26 октября»⁴. Вы, вероятно, знаете уже, что в редакции «Сибирского вестника» произошли большие перемены. Между прочим нынешний редактор Прейсман⁵ в своем открытом письме⁶ №123 и 124 ссылается на отношение к «Сибирскому вестнику» нашего брата, политических ссыльных⁷, как на доказательство того, что «взятый им курс верен». Прочтите, пожалуйста, эти номера. Самое заявление Прейсмана написано по поводу сделанного ему предложения сотрудничества мной⁸ и еще несколькими бывшими политическими ссыльными, причем ему были поставлены некоторые условия, как редактору, относительно направления и содержания газеты⁹. У Прейсмана, очевидно, есть добрые желания, но в Томске пока нет лиц, которые могли бы ему помочь придать выдержанность и цельность газете, — поэтому было бы очень интересно оказать ему поддержку в этом отношении. Я уже написал в Восточную Сибирь всем своим знакомым, бывшим своим товарищам по ссылке с просьбой и советом участвовать в «Сибирском вестнике», — теперь обращаюсь к Вам вот с такой просьбой — в Петербурге среди учащих сибиряков, наверное, есть люди, годные для такой работы, которые с охотой возьмутся за такое дело из-за возможности заработать, в «Сибир[ском] вестнике» платят мало¹⁰, но аккуратно — 2 коп. за строчку статьи и 1 1/2 коп. за корреспонденцию. Предложите собирающимся у Вас сотрудничать в «Сибир[ском] вестнике». Сибирью теперь в России интересуются, следовательно, материала для корреспонденций всегда можно иметь в изобилии, как научного, так и общественно-политического, так сказать, содержания, наконец, у всех них есть свои интересующие их вопросы как общего, так и местного (по месту родины) характера, — затем в «Сиб[ирском] вест[нике]» крайне неумело и нелепо ведутся иностранные обозрения, а это материал замечательно благодатный в смысле пропаганды известных взглядов и выработки политических симпатий. В Питере всегда есть возможность доставать иностранные газеты и журналы, следовательно,

любитель такого дела всегда будет иметь возможность составлять настолько интересные обзоры по источникам, что их с удовольствием редакция будет принимать. Затем мы переживаем теперь такое время, когда общественная жизнь в России, несомненно, всколыхнется, следовательно, материала для корреспонденций из Питера и статей всегда найдется.

Право, это следовало бы сделать, — газета стала бы содержательнее, получая собственные сведения о событиях и ходе общественной жизни в России, особенно в такое время, как теперь, повторяю я, — во-вторых, те или другие сотрудники определяют и самую физиономию газеты и раз есть возможность известного тенденциозного подбора сотрудников, то его обязательно следует сделать. Грехи «Сибирского вестника» против стариков «сибирских патриотов»¹¹, как их практически еще недавно величали в «Сибирском вестнике» — можно забыть, потому что от нас самих зависит сделать так, чтобы впредь «Сибирский вестник» отзывался о всех действительных «сибирских патриотах», как отзывается он об Ядринцеве в № 122¹².

Пишу это я не потому, чтобы Вы сделали первый шаг навстречу Прейсману — это сделать на его обязанности, — но раз у Вас собирается сибирская молодежь, то, мне кажется, было бы очень хорошо, если бы Вы воспользовались этой переменой в редакции «Сибирского вестника» и со своей стороны оказали свое влияние на подбор сотрудников и выбор вопросов, трактуемых в «Сибирском вестнике», а для молодежи это было бы начало деятельности на благо родины, выработка привычки обращаться к печати, как рычагу воздействия на жизнь, — эта привычка осталась бы на всю жизнь и послужила бы осуществлению мечты Щедрина установить связь между читателем и писателем¹³, так как каждый из молодежи, кто вносил бы лепту в газету, потом смотрел бы на нее как на свой орган и всегда обращался к ней, как к возможности держать речь на форуме, и прививал бы эту привычку другим.

Григорий Николаевич, я думаю, Вы согласитесь со мной в том, что на нас, людях, уцелевших от всевозможных крушений 60-х и 70-х годов, лежит обязанность не упускать ни одного случая пытаться выносить на улицу свои изорванные в боях знамена и собирать вокруг себя всех, в ком живо еще желание быть «гражданином страны родной» — помните слова Лориса¹⁴ — «надо ловить момент!» — Кто же, кроме пе-

чати, может быть выразителем желаний «иллюзий»? Вот почему интересно, чтобы Вы воспользовались «Сибирским вестником» в его настоящем виде. Буду ждать ответа.

Уважающий Вас

Виктор Костюрин.

№1285. Л. 1–2 об.

№ 2

Тобольск

1 февраля 1895 г.

Григорий Николаевич!

Вы предлагаете мне сотрудничать в «Восточном обозрении» и предупреждаете против Прейсмана. От сотрудничества в «Вост[очном] обозрении» я не прочь, если это интересно для «Вост[очного] обозрения», потому что для меня лично... как Вам сказать? — лично мне кажется, что «Вост[очное] обозр[ение]» слишком далеко от нас, тоболяков, и мало импонирует тобольской администрации, если рассчитывать на моральное давление в этой сфере — российские газеты для нашей администрации кажутся авторитетнее и импозантнее и к их мнениям она чувствительнее. Вот почему я лично старался и стараюсь попасть в российскую прессу — это одна сторона дела; другая — «Вост[очное] обозр[ение]» слишком далеко от Тобольска — 20 дней вперед, 20 дней назад, итого 40 дней пути — всякая, самая животрепещущая и сенсационная корреспонденция потеряет свою соль; в этом отношении даже «Сибирский вестник» довольно далек. Затем остается еще одна сторона. В Иркутске какая-то странная цензура, там изуродовали телеграмму, посланную в редакцию «Вост[очного] обозрения» по поводу смерти Ядринцева и, как сообщал проездом Серошевский¹⁵, вычеркивали все производные слова от «общественная самодеятельность», — вряд ли в этом отношении впредь будет лучше. Не поместило, напр[имер], «Вост[очное] обозр[ение]» письма Ядринцева к Николаю Ивановичу по поводу того, как надо праздновать трехсотлетие Сибири, — а потому писать *gratis*¹⁶ при всех этих условиях для меня представляет мало интереса; я предпочитаю для этого «Степной край»¹⁷, который гораздо ближе к нам. Если же «Вост[очное] обозрение» будет платить, то вопрос — представляю ли я для него особенный интерес, — литературного имени у меня нет, талантов я тоже никаких не проявил и хотя

не боги горшки обжигают, но при полной неустойчивости моего литературного заработка я не могу отдавать всего времени литературной работе, хотя это моя мечта — избавиться от необходимости «письменных занятий по вольному найму» в разных конторах и жить исключительно литературным трудом¹⁸; сибирские издания мне этой возможности не дадут, Вы, вероятно, согласитесь со мной, а потому поймете мое желание попасть в российскую прессу, следовательно, все, что у меня будет интересного, я всегда предпочту отправить в Россию, а не в «Вост[очное] обозрение». Корреспондировать о текущей жизни Тобольска и Тобольской губернии, поскольку у меня будет материала для этого, если это интересно будет для «Вост[очного] обозрения», я согласен с большим удовлетворением, т.к. я сам собирался предложить свои услуги «Вост[очному] обозрению»¹⁹ в этом смысле, имея в виду монополизацию освещения того, чем живет и что делается в Тобольской губернии.

Что касается Прейсмана, то я им не увлекаюсь, прежде всего я — юдофоб²⁰ и держусь того мнения, что у жида, как бы он лощен ни был, никогда не может быть такта и того, что называют благовоспитанностью, — для них некоторые вещи просто непонятны; жидовское самодовольство и заносчивость купецкого задавательства, но что же Вы подаете, если своего (в смысле партии) органа нет?²¹ — приходится ко всем существующим печатным органам относиться так, как в парламентах радикалы и социалисты относятся к представителям разных партий при голосованиях разных вопросов, — входить во временные, случайные, минутные соглашения для достижения известных результатов. — Существующая пресса — единственная форма общественной мысли и жизни — и нашему брату радикалу только с такой чисто агитационной точки зрения и можно относиться к существующим органам. — С Прейсманом я лично поставил дело так, — у него тут в Тобольске есть официальное отделение редакции, порученное им бывшему политическому административно-ссылному Студницкому²², и я выговорил себе у Прейсмана право завести свое отдельное частное бюро²³ и вхожу в переписку и сношения с разными лицами для добывания материалов и корреспонденций из разных городов Тобольской губернии совершенно самостоятельно, выставляя им «Сибирский вестник» как орган, в котором возможно известное отношение к фактам житейским, стараюсь

навязать свою точку зрения и самому «Сибирскому вестнику»²⁴. Что из этого выйдет — покажет время, но связь со всеми приобретенными корреспондентами и союзниками по добыванию материалов и пр. я удержу, даже если бы мне пришлось вылететь из «Сибирского вестника» так же, как и из «Сиб[ирского] листка»²⁵, и я постараюсь найти для них и для себя пристанище и фортецию в другом месте. Меня занимает вопрос о создании настоящего партийного органа, который учитывал бы связь между читателем и газетой, — рано или поздно мне это удастся — Сибирь для этого мне рисуется подходящим местом.

Не знаю, поместит ли Прейсман мою статейку на эту тему, статейку, написанную по поводу, небезынтересную для него. — Он раскрыл псевдоним корреспондента, налгавшего на других из-за личных соображений. «Сиб[ирский] листок» по этому поводу поместил письмо Головачева «Наши литературные нравы»²⁶, а я послал Прейсману статейку «Литературное ханжество»²⁷, где говорю, что в наш век панамы²⁸ и всяких шантажов такой урок не бесполезен и выкладываю свою теорию об идеале газетной прессы — той связи между читателем и газетой, о которой я писал выше.

Я предлагал и предлагаю Вам поддерживать «Сибирский вестник», пока он нам «потрафляет», как говорят крестьяне. Если мы его заполним всего своими людьми, вытесним картамышевское охвостье совсем из него, он будет нашим органом, хотя бы кормчим в нем официально был и Прейсман; если же Прейсман найдет для своего кармана невыгодным тот цвет, который мы станем придавать «Сибирскому вестнику», и будет петь свои собственные песни, мы в полном составе перейдем в другое место, хотя при наличных условиях, кажется, первое возможнее второго. Наша братва вплотную туда со всех сторон Сибири стянулась — Якутск, Колыма, Вилюйск, Иркутск, Минусинск, Красноярск, Тобольск — все корреспонденты — все сплошь политические, бывшие или настоящие, ссыльные.

Это хорошее возмездие судьбы за погубленную «Сибирскую газету»²⁹.

Мой адрес: Тобольск

Виктору Федоровичу Костюрину

№ 399. Л. 1–2.

Комментарии

Публикуемые письма взяты из отдела редких книг и рукописей научной библиотеки Томского государственного университета, из архива Г.Н. Потанина, в котором хранятся около двух тысяч писем от 600 корреспондентов. Среди них есть и послания от тобольского жителя, в будущем издателя «Сибирского листка» (далее — «СЛ») Виктора Костюрина. Именно с этих двух писем и началась переписка двух общественных деятелей Сибири. О том, что она существовала, говорит содержание публикуемых писем. К сожалению, пока ни одного ответа от Г.Н. Потанина обнаружить не удалось. И здесь есть над чем задуматься исследователю.

Еще шесть костюринских писем были обнаружены Т.С. Комаровой в Красноярском краевом краеведческом музее и опубликованы в «Тобольском хронографе» (Екатеринбург, 2004. Вып. 4. С. 285–308) в одной подборке с письмами его супруги М.Н. Костюриной к Г.Н. Потанину.

¹ Потанин Григорий Николаевич (1835–1920) — путешественник, этнограф, публицист. Выпускник Омского кадетского корпуса. В 1865 г. арестован по обвинению в организации сообщества, которое стремилось отделить Сибирь от империи. С 1868 г. после гражданской казни находился в крепости Свеаборг, затем, в 1871–1876 гг. — в ссылке в Вологодской области. Участник многих экспедиций, проводимых Русским географическим обществом. Работы по культуре тюркских и монгольских народов Сибири представляют научную ценность. С 1887 г. правитель дел Восточно-Сибирского отделения РГО (Иркутск).

Костюрин Виктор Федорович («Алеша Попович») родился в Херсонской губернии в 1853 г. Из дворян. Студент Новороссийского университета, член одесского кружка чайковцев (Волховский и др.), затем — киевский бунтарь. Арестован в 1877 г. в Одессе, но при помощи М.Ф. Фроленко бежал из жандармских казарм. Вновь арестованный в Херсоне, судился по процессу «193-х» и был приговорен к ссылке на жительство. Но по новому делу о покушении на убийство «предателя» Гориновича был приговорен к смертной казни, замененной 10-летней каторгой в крепостях с лишением всех прав состояния. Приговор вступил в законную силу 5 декабря 1879 г. Прибыл на Кирийские промыслы в октябре 1880 г. По отбытии каторжных работ в декабре 1885 г. отправлен на поселение в Якутскую область. Здесь женился на административной ссыльной Марии Николаевне Емельяновой, высланной по делу Германа Лопатина. В июне 1892 г. было принято решение о том, что лишь через 14 лет после водворения в Сибирь В.Ф. Костюрин получит право избрания места жительства (ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 783. Л. 140). Департамент полиции телеграммой от 7 марта 1893 г. разрешил переехать в г. Тобольск. Сотрудничал

в ряде сибирских газет, но большая часть его тобольской жизни была отдана «СЛ», собственником которого он являлся с 1899 г. Умер в 1919 г. в Тобольске.

² В письме Г.Н. Потанина от 8 ноября 1894 г. переводчику польской беллетристики, председателю Общества вспомоществования сибирякам, учащимся в Москве, сотруднику «Восточного обозрения» (далее — «ВО») В.И. Семидалову сообщается: «Молодежь меня посещает. К сожалению, Головачев, ходивший ко мне каждый день, переезжает с Пушкинской на Петербургскую сторону, и мы не будем уже видеться так часто» (Письма Г.Н. Потанина. Иркутск, 1990. С. 279). Вероятно, сюжет, упоминаемый В.Ф. Костюриным, знаком последнему из какой-то газеты, дававшей объявление о журфиксах сибирской молодежи в Петербурге.

³ «Сибирский вестник» (1885–1905; далее — «СВ»), издававшаяся в Томске газета, против которой ополчились все сибирские издания того времени, обвиняя ее в рептильности. У истоков издания стоял издатель-редактор В.П. Картамышев. В составе редакции работали уголовные ссыльные: Е.В. Корш, петербургский адвокат, сосланный в Сибирь за невозврат денег своему клиенту, имеющий опыт работы в столичной прессе; П.М. Полянский, директор Московского ипотечного банка, — за финансовые махинации и др. По установившемуся в научной литературе мнению, газета частично финансировалась администрацией Томской губернии. Советские историки редко обращались к весьма информативному изданию из-за его репутации.

Причина замалчивания издания в течение длительного срока, на мой взгляд, в том, что «СВ» как историографический источник мог спровоцировать ревизию существующих точек зрения на знамя революции — «Сибирскую газету» (далее — «СГ»), а также на деятельность сибирского просветителя П. Макушина, чью книготорговую политику резко критиковала «рептилия». Доскональное изучение полемики «СВ» и «СГ» также могло прояснить некоторые вопросы, которые вряд ли способствовали бы упрочению существующей в советское время идеологии.

⁴ Помещен за подписью В.К. (один из известных псевдонимов Виктора Костюрина).

Под фельетоном в конце XIX в. понимался литературный материал о событиях общественной жизни. Такие публикации помещались в нижней части газетной полосы — подвале.

⁵ Прейсман Григорий Васильевич, уроженец г. Томска (в 1893 г. ему было 33 года). Учился в местном Александровском реальном училище, окончил Мюнхенскую королевскую техническую школу. Состоял на частной службе в Сибирском торговом банке. Сотрудничал в «СВ». Затем, не состоя официально редактором, редактировал газеты «Севастопольский вестник» и «Крым» (одно и то же издание). Со второй

половины 1890 г., после четырехлетнего отсутствия, снова возвратился в «СВ», являясь в последние годы фактически редактором этой газеты.

⁶ В передовой «Томск, 21 октября» Г. Прейсман сообщал, что «по заключенному мною с владелицей издания М.Ф. Картамышевой нотариальному договору “СВ” приобретен мною на правах аренды на пять лет, считая таковые с 1 января 1895 г.».

Редактор также сообщал, что после приостановки издания в 1889 г. «СВ» потерял практически всех сотрудников, благодаря которым издание возникло и приобрело известность. На реформирование ушло два с половиной года. Недостойные были уволены. Приходилось удерживать полезных и вербовать новых. Необходимо было разобраться с денежными и нравственными претензиями, изменить издание с внутренней стороны и ориентировать желавших в нем работать на новый курс. Г. Пресман объяснял, что причиной смены редактора явилось то, что В.П. Картамышев попал на 8 мес. в тюрьму, откуда вышел с задатками страшной мозговой болезни, быстро сведшей его в могилу...

Далее Г. Прейсман уверенно заявлял: «В наших руках теперь честное, правильное издание, улучшать которое зависит от нас». По его словам, с некоторых пор в издании вместо корреспонденций с танцев, которые появлялись шесть раз в неделю, имеются сообщения из всех пунктов Сибири, а в фельетоне газета помещает беллетристику и очерки. Исчезло у местной интеллигенции предубеждение в отношении «СВ». На его страницах появились имена тех, кто еще «три года назад не решился бы появиться на страницах “СВ”». При этом новый редактор приглашал потенциальных корреспондентов писать письма с предложениями о сотрудничестве. И, рассчитывая на отклики тех, кто еще недавно не подумал бы об этом, призывал: «Помогайте будить самосознание того общества, в котором мы живем».

Г. Прейсман был уверен, что функции печати необычайно сложны, и газета, вырабатывая общественное мнение, этого властелина демократических государств, и служа агентом каждого читателя, как его представитель в политике, науке, искусстве и литературе, наконец, как посредник между ним, единицею, и обществом, — не только руководитель политической и социальной жизни народов, но и просветительное учреждение.

Во втором своем письме к читателям газеты Г. Прейсман решил объяснить, какой он видит будущее газеты. По его мнению, специфика русской газеты такова, что в ней выхолощены политическая и социальная функции. Сибирской газете характерно лишь просветительство. Вот в этих пределах, считал Г. Прейсман, и надо предъявлять требования к изданию.

⁷ Сложно сказать, заблуждался ли автор письма или был уверен, что терроризм на политической почве не является уголовным преступлением. А ведь В.Ф. Костюрин принимал участие в организации покушения

на Н.Е. Гориновича, который, попав под следствие, дал признательные показания относительно своих товарищей по революционному кружку.

⁸ Письмо В. Костюрина в «СВ» было опубликовано в конце 1894 г. (10 дек., № 141, прибавл.). Тоболяк писал, что предъявлять требования к редактору и вопрошать о предполагаемом направлении не имеют права те, кто сотрудничал в старом «СВ». Автор письма уверен, что предлагаемое изданием просветительство — минимум, что может сделать газета. На самом деле «в крупных центрах, как и в медвежьих углах Сибири, немало людей, сознательно относящихся к жизни и предъявляющих к ней серьезные общественные запросы, соединить таких людей вокруг себя, стать их выразителем — вот в чем задача серьезного органа печати. Успеть в этом так же, как Вы успели в реформировании “СВ”, от всей души желаю Вам, и к моему желанию присоединятся, вероятно, те, кто в печати желал бы видеть рычаг воздействия на жизнь».

⁹ Качественную сторону и наличие своей позиции у «СВ» отмечал Г.Н. Потанин в письме (еще в 1889 г.) к Д.А. Клеменцу, одному из предполагаемых редакторов иркутского «ВО»: «основать на сибирской почве вторую “Коршевку” (от фамилии одного из идеологов «СВ» Е.В. Корша. — Ю.М.), и при том характере, в каком ведется теперь “ВО”, это будет опасный конкурент. Вы же в состоянии были бы соединить в одной газете и бывшую редакцию “СГ” и сибирскую интеллигенцию города Иркутска, которая теперь сторонится от “ВО»» (См.: Письма Г.Н. Потанина. Иркутск, 1990. Т. 4. С. 117).

¹⁰ В бытность председателя Тобольского губернского правления К.П. Фредерикса, когда неофициальную часть Тобольских губернских ведомостей (далее — «ТобГВ») начали позиционировать как газету (1893 г.), ее авторам оплачивались статьи по 5 коп. за строчку, — сообщал Г.Н. Потанин В.Ф. Костюрин 11 ноября 1896 г. (Тобольский хронограф. Екатеринбург, 2004. Вып. 4. С. 295).

¹¹ В 1865 году в сибирских городах и в Петербурге арестовали 44 человека и свезли их в Омский острог. Среди них были Г.Н. Потанин и Н.М. Ядринцев. «Дело об отделении Сибири от России и образовании республики подобно Соединенным Штатам» начиналось с прокламации «Патриотам Сибири». «СВ» на своих страницах посвятило немало уничижительных строчек «патриотам Сибири», в особенности Н.М. Ядринцеву. Причиной тому было вмешательство последнего во внутриредакционную политику «СГ», в результате которого Е.В. Корш прекратил сотрудничать с «Сибиркой» (См.: Мандрика Ю.Л. «Настоящее ядринцевское “Восточное обозрение”» // Петербург газетный : 1711–1917. Тюмень, 2009. С. 144, 147).

Приводим одну из таких цитат из «СВ»: «...правительство, увидев, какой опасности подвергается три с половиной миллиона древних рус-

ских, прикажет железную дорогу разломать, пароходы истребить и закрыть трехмиллионную находку стеклянной дверью, ключ от двери к которой отдать г. Ядринцеву, который может указать и другие, необходимые для счастья Сибири меры и дать наставление о том, как должно управлять Сибирью; он уж и ныне так охотно дает отъезжающим в Сибирь губернаторам словесные и письменные указания об этом!

Необыкновенно разнообразные познания этого сибирского ученого и публициста и его пламенная любовь к своему отечеству дают ему все права на должность главного будочника Сибири; он так тщательно исследовал эту страну во всех отношениях и так много собрал сведений о всех пороках и недостатках неприятных ему людей, что никого не пропустит в Сибирь и никому не даст в ней жить из числа неисповедующих сибирскую веру» (1885. № 17. С. 12–13).

¹² В. Костюрин в статье «Несколько слов сибирской молодежи к 26 октября» (1894. 19 окт., № 122) так отозвался об идеологе сибирского областничества: «Жизнь Ядринцева с его не прерывавшимся всю жизнь бескорыстным служением своей родине может служить указанием учащейся сибирской молодежи, как можно и должно устраивать жизнь, чтобы Сибирь могла гордиться своими сынами». Приведенная цитата красноречиво говорит о смене приоритетов в «СВ» после утверждения Г. Прейсмана в Главном управлении по делам печати (далее — ГУДП) редактором... Согласно публикации В. Костюрина, 26 октября — день победы Ермака.

¹³ М.Е. Салтыков-Щедрин писал о сложной для него категории «читатель-друг», которая была для писателя неопределенна и трудно уловима. Салтыков-Щедрин всю жизнь не терял надежды, что «читатель-друг несомненно существует». И случалось, читатель этот «внезапно открывается, и непосредственное общение с ним делается возможным. Такие минуты — самые счастливые, которые испытывает убежденный писатель на трудном пути своем» (М.Е. Салтыков-Щедрин. Собр. соч.: в 20 т. М., 1965–1977. Т. 10. С. 154).

Но голос этого читателя слишком слаб. И его почти не слышно в общей массе публики, его социальный опыт недостаточен для того, чтобы литературные идеи вплетались им в ткань самой жизни. В противном случае это помогало бы окружающим такого читателя формировать гражданское общество.

¹⁴ Лорис-Меликов, Михаил Тариелович, граф — русский генерал и государственный деятель (1825–1888). Во время войны с Турцией 1877–1878 гг. в чине генерала от кавалерии и звании генерал-адъютанта командовал отдельным корпусом. В апреле 1879 г. назначен харьковским генерал-губернатором. Здесь он старался действовать не только репрессивными мерами, но и уступками общественному мнению. После взрыва в Зимнем дворце назначен (12 февраля 1880 г.) главным начальником Верхов-

ной распорядительной комиссии, учрежденной для борьбы с крамолой. Он обратился к жителям столицы с особым воззванием, в котором, обещая действовать против крамолы без послаблений, в то же время заявлял, что главную силу, могущую содействовать возобновлению правильности течения государственной жизни, он видит в поддержке общества. В апреле 1880 г. Лорис-Меликов настоял на увольнении особенно ненавистного обществу министра народного просвещения Д. Толстого. Были освобождены довольно многие лица из административной ссылки, хотя в то же время аресты и ссылки не прекращались. Режим печати стал несколько свободнее. Временное затишье в деятельности революционной партии создало иллюзию, что Верховная распорядительная комиссия сделала свое дело, и 6 августа она была закрыта. Лорис-Меликов занял пост министра внутренних дел. В качестве министра Лорис-Меликов продолжал прежнюю политику, заключающуюся в некотором ослаблении гнета цензуры, в подготовке мер, имевших своей целью улучшение экономического положения народа, в сочувственном отношении к органам самоуправления. Он проектировал понижение выкупных платежей, содействие крестьянам в покупке земли, облегчение условий переселения; успел провести отмену соляного налога. Убийство императора Александра II оказалось роковым для проекта Лорис-Меликова и для его карьеры.

¹⁵ Серошевский Вацлав, псевд. Вацлав Сирко (1858–1945), писатель, этнограф. Арестован в 1878 г. за революционную пропаганду в Варшаве («дело 137-ми»). Был сослан на поселение в Восточную Сибирь. В изданиях РГО опубликовал ряд исследований о жизни якутов, сотрудничал с «ВО» на протяжении почти десяти лет. Автор нескольких сборников художественной прозы. После смерти в Кракове издано 20-томное собрание его сочинений.

¹⁶ *gratis, лат.* — безвозмездно, даром, бесплатно.

¹⁷ Газета, издававшаяся в г. Омске с 1893 по 1905 г. В момент, который обозначен автором письма, ответственным редактором был отставной майор Павел Борисов Яшеров, а издателем Иван Григорьев Сунгуров. По мнению члена Совета Главного управления по делам печати тайного советника Федора Еленева, для утверждения официального редактора был подобран человек исключительно с точки зрения благонадежности (См.: Еленев Ф. О злоупотреблениях литературы и действиях цензурного ведомства с конца пятидесятих по настоящее время. СПб., 1896. С. 33). На самом деле в редакции заправлял всеми делами старший делопроизводитель канцелярии генерал-губернатора Степного края коллежский асессор К. Михайлов, впоследствии сотрудник «ВО», издававшегося в Иркутске, и редактор петербургской «Сибири» (1897–1898). Об этом сообщает в письме к Г.Н. Потанину от 7 ноября 1894 г. М.Н. Костюрина (см.: Архив Г.Н. Потанина в отделе редких книг и рукописей научной библиотеки Том-

ГУ. № 1284). Это несоответствие между *de jure* и *de facto* засвидетельствовано в ГУДП (Ф. 776. Оп. 12: 1893. Ед. 10. Л. 62) сообщением из департамента полиции. Начальник Омского жандармского управления в политическом обзоре за 1895 г. докладывал в департамент полиции, отправляя при этом копию начальнику Сибирского жандармского округа: «Местный орган печати газета “Степной край” (далее — «СК») не представляет никакого интереса в литературном значении, не имея определенного направления, существует лишь редакцией особых прибавлений “Телеграммы Российского телеграфного агентства”, которыми и удовлетворяются подписчики на газету» (ГУ ИсаОмскО. Ф. 270. Оп. 1. Ед. хр. 44. Л. 2). И через пять лет мнение жандармерии о газете мало в чем изменилось. В черновом отпуске, предназначенном для отправки в департамент полиции, сообщалось: «В Омске издается газета “СК”, убогая в литературном отношении и без всякого направления. Сотрудники и репортеры в большинстве состоят из ссыль[ных] или лиц, заинтересованных в сплетне и инсинуации. ...Из числа местных гражданских лиц, обращающих на себя внимание своей особой политической неблагонадежностью — не замечено. Из состоящих под гласным и негласным надзором в этом отношении выдаются Лев Чермак, Сергей Швецов, Владимир Соколов, Ванновский, Щеголева» (Там же. Ед. хр. 48. Л. 2 об. — 3).

И еще одно мнение об омском издании, на этот раз, коллег. Помещено оно в газете «Степь» (1906. № 10): «“СК” как хамелеон чуть не ежедневно менял свою политическую окраску, превращаясь из конституционно-демократической в социал-демократическую, из социал-демократической в умеренно-прогрессистскую, из умеренно-прогрессистской в социально-революционную и т.д., переходя справа налево и слева направо без всяких стеснений. Истинное лицо газеты, таким образом, терялось под чужими флагами. Но если мы припомним, что два года тому назад редактор-издатель г. Усов носился со знаменитым «Знаменем» Павалакия Крушевана* и травил в своей газете евреев и инородцев, что вплоть до 17 октября газета распевала акафисты по адресу тех самых лиц, на которых потом стала нападать, и что не далее как 5 мая г. Усов самолично распорядился избиением рабочих своей типографии и доносил по начальству о политической неблагонадежности

* Павалакий (Паволокий, Павел) Крушеван (1860–1909), один из лидеров русского антисемитизма, подстрекатель кишиневского погрома, депутат 2-й Государственной Думы, журналист, основавший в Кишиневе газету «Бессарабец» (единственную во всей Бессарабии), ставшую органом крайне правых и антисемитов. С конца 1902 по 1905 г. Крушеван издавал в Петербурге антиеврейскую общественно-политическую и экономическую газету «Знамя», в которой в 1903 г. под общим заголовком «Программа завоевания мира евреями» были напечатаны так называемые Протоколы сионских мудрецов.

своих сотрудников, то мы поймем, что “СК” под фирмой гг. Усова—Опрокиднева является не газетой с определенным направлением, а мелочной лавочкой с Бутырской улицы, торгующей всяческим товаром без разбора и вместо политического знамени какой-либо партии редакция водрузила на своем древке старую, давно истрепанную тряпку с надписью “Тешевт”».

О сотрудничестве В. Костюрина в «СК» свидетельствуют две, судя по подписи, несомненно принадлежащие ему публикации: «Тобольский музей» (1894. 14 июля, № 55) и «К сибирской молодежи» (1894. 31 июля, № 60). Вариант последней публикации появится немного позднее в «СВ» в несколько расширенном виде.

¹⁸ Представить такую ситуацию в провинции весьма непросто. Однако «СВ» опубликовал признание корреспондента из Тобольска дворянина Константина Харламова, что он живет «исключительно литературным трудом» (1893. 10 авг., № 91. Прибавл.)

¹⁹ Литературная и политическая газета, издававшаяся в 1882–1887 гг. и представлявшая интересы провинциальной Сибири в столице. С 1888 г. издается в Иркутске. Основателем издания был Н.М. Ядринцев. После его кончины газета была продана И.И. Попову.

Исследователи «ВО» считают, что В.Ф. Костюрин сотрудничал в сибирской газете лишь перед ее закрытием, в 1905 г. Свои публикации он подписывал К-ин В. (См.: Гольдфарб С. Газета «Восточное обозрение». Иркутск, 1997. С. 152).

²⁰ Такая точка зрения была очень распространена в Российской империи не только во время написания письма, и характерна не только отдельным личностям, но и властным структурам.

Так, в начале 1901 г. М.Ф. Картамышева обратилась в ГУДП за разрешением о продаже газеты «СВ» некоему г. Флееру. Министром внутренних дел был подписан ответ: «...редактор газеты “СВ” Прейсман из еврейской семьи, проживающий в гор. Томске, братья его и в настоящее время исповедуют Моисеев закон, хотя Прейсман и принял православие, но, тем не менее, склонность ко всему еврейскому проявляется весьма резко, не говоря уже о тенденции самой газеты, в редакции которой почти исключительно евреи. Флеер также еврей, не имеющий никаких занятий, и передача ему права издания, по мнению губернатора, весьма нежелательна. ...приобретает издание этой газеты не для улучшения ее, а с целью создать себе благодаря средствам какое-либо общественное положение» (РГИА. Ф. 776. Оп. 12: 1885. Д. 19, ч. II. Л. 89 об. 90).

Через несколько страниц помещено объяснение предыдущего решения: «...главную причину отклонения первого такого ходатайства их была нежелательность одновременного заведывания газетою двумя евреями (редактора и издателя), каковые причины в отношении редактора не устранены» (РГИА. Ф. 776. Оп. 12: 1885. Д. 19, ч. II. Л. 141–141 об.).

²¹ Позиция зрелого в политическом отношении человека. Ср. точку зрения Отпетого из иркутского «Амура», который говорит о причинах, позволяющих прессе иметь право на гражданственность. Только политические соображения «известного кружка лиц, придерживающихся того или другого убеждения проводить его в сознание массы» позволяют жить газетам без финансовых и затруднений другого свойства внутри самих партий (Амур. 1862. № 46–47).

²² Гизберт-Студницкий, Карл-Владислав-Игнатий Адольфович, поляк, дворянин Витебск. губ. (1866, Динабурге — ?). Учился в Динабургск. реалн. уч-ще; с 1885 г. в Варшавском коммерческом училище; курса тоже не окончил. С весны 1888 г. был в Варшаве участником кружка «Пролетариат». Устраивал на своей квартире собрания рабочих, которым читал лекции по политическ. экономии и по французской революции 1848 г.; составил и отлитографировал записки по политической экономии; распространял их между рабочими и вырученные за это деньги отдал на цели партии; принял на себя составление истории социалистического движения в Польше. Арестован в Варшаве 27 октября 1888 г. В связи с проявлениями признаков умственного расстройства освобожден из-под стражи в конце мая 1889 г. и отдан на попечение своих родственников с учреждением за ним особого надзора полиции. В феврале 1891 г. признан врачами здоровым и отправлен в Восточную Сибирь. В августе 1893 г. с надлежащего разрешения выехал в Тюмень. Доехав до Тобольска, просил разрешения из-за болезни отбыть там остающийся срок гласного надзора. По окончании срока гласного надзора по распоряжению департамента полиции подчинен негласному надзору с воспрещением жительства в течение трех лет в столицах, столичных губерниях, университетских городах, в Твери, Н.-Новгороде, Саратове, в пределах Царства Польского и Северо- и Юго-Западного края. В середине декабря 1893 г. выехал из Тобольска в Омск. В 1894 г. его ходатайства о переводе в Томск или о выдаче заграничного паспорта оставлены без последствий. В Омске занимался частной адвокатурой. Около 1895 г. переехал в Тобольск. В ноябре 1896 г. выехал за границу.

В «СВ» за 1894 г. обнаружено несколько публикаций В.А. Студницкого. Все они тяготеют более к научному жанру, нежели журналистскому. Среди них: «Степное положение: по поводу предполагаемого введения мировых учреждений в Западной Сибири»; «Взгляд Ядринцева на инородческий вопрос»; «Ядринцев о сибирских инородцах»; «Взгляд Ядринцева на колонизацию»; «Ядринцев и его труды» (все в 1894 г.) и т.п. Есть несколько публикаций В.А. Студницкого и в «Сибирском листке» (см.: Бабий вопрос. 1896. 28 июля; 8 авг.).

²³ Данных пока об этом не обнаружено.

²⁴ Читали Вы в № 147 «Сиб. вест.» «Заседание Тобольской городской думы 18 ноября»? — *Прим. В. Костюрина.*

Помещая в номере вышеназванную статью, в редакции «СВ» были осведомлены, что аналогичная, практически слово в слово, публикация появилась и в «СЛ». Принципы томского издания не позволяли больше сотрудничать с такими корреспондентами. Когда писалось письмо Г.Н. Потанину, Виктору Федоровичу скорее всего было уже известно о решении редакции разорвать отношения с автором «Заседания Тобольской городской думы 18 ноября», т.к. об идентичности опубликованных текстов в томском и тобольском изданиях было заявлено на страницах «СВ» в том же № 147. Хотя удалось обнаружить еще одну публикацию в «СВ» за подписью В.К.: «Шаман в роли врача» (1895. 1 сент.).

²⁵ Первые публикации в «СЛ» за подписью Виктора Костюрина (или под псевдонимом) начали появляться еще в апреле 1893 г. Они так же, как и статьи В.А. Студницкого, были оторваны от окружавшей его тобольской жизни. Об этом говорят уже сами заголовки статей: «Земледелие, промышленность и торговля в Сибири по Словцову», «Экономическое положение чукчей», «Принять или не принять». Длинные, несоразмерные газетной полосе материалы, изобилующие выдержками из различного рода печатных источников, а иногда и сентенциями автора, переходящие из номера в номер и не всегда завершенные (то ли по цензурным соображениям, то ли из-за тупика, возникающего в процессе развертывания текста в голове пишущего). Так дебютировал вновь появившийся в Тобольске журналист. Однако владение словом будило мысль автора. И уже в конце 1893 г. появилась первая публикация, требовавшая к себе внимания властей, отклика у жителей маленького губернского города: «Бедный Тобольск не прочь выступить при случае в роли Соловья-разбойника, засевшего на трех дубах и останавливающего посвистом молодецким прохожих и проезжих, — мы имеем в виду возделение города наложить пошлины за провоз товаров через Тобольск и удержать судовой сбор с грузов, провозимых мимо города, не ударив палец о палец для удобства проезжающих... Городу, чтобы стать на ноги, следовало бы заняться не исключительно придумыванием новых и увеличением старых налогов... а изыскивать средства поднять торговое и промышленное значение Тобольска, тогда увеличатся и источники доходов». Таков лейтмотив «Новых горизонтов» для Тобольска», опубликованных в четырех номерах декабря и января 1894 г. Автор подверг критике отсутствие у местной власти трезвого взгляда на перспективу развития городского хозяйства... Затем последовало несколько статей, посвященных значению морского пути для Сибири. Очевидно, популярность темы вызвала критику молодого автора, позволявшего себе рассуждать о проблеме государственной важности. Самолюбие В. Костюрина было задето: «Скромность в узкой сфере частной жизни — неизбежное условие порядочного человека, иное дело — общественная деятельность. Вопрос о скромности не может существовать для людей, выступаю-

щих на “форуме”, — уже самый выход человека на арену общественной деятельности... упраздняет сам вопрос о скромности...

Публицистика — служение обществу путем печатного слова — неизбежно должна быть связана с мыслью о суде истории, только тогда это служение будет носить выдержанный характер твердости и неуклонности в достижении намеченной цели, только тогда не будет постыдных сделок с совестью, условиями среды, не будет литературного кумовства, шантажа, грязной перебранки, — только мысль о суде истории может поддерживать в прессе бодрость духа в эпоху мрака и всеобщего уныния, давать уметь бороться с “мелочами жизни”, приискивать новые приемы воздействия на жизнь» (К вопросу о морском пути. 1894. 1 февр.).

Но с наступлением нового года в жизни «СЛ» произошли перемены. 7 января 1894 г. А.А. Сыромятников передал право на издание Т.С. Никифорову. Редактором был утвержден в ГУДП учитель истории и географии И.П. Львов. Сложно сказать, какой конфликт потряс редакцию. М.Н. Костюрина писала в письме от 7 ноября 1894 г. Г.Н. Потанину, что «...все сотрудники “Сиб. лист.”, живущие в Тоб[ольске], вышли из редакции (Подревский, мой муж и я) в виду того, что г-н Зубковский*, фактически заведующий газетой, начал разыгрывать маленького Суворина» (см.: Архив Г.Н. Потанина в отделе редких книг и рукописей научной библиотеки ТомГУ. № 1284). Публикация В. Костюрина «К вопросу о морском пути» в «СЛ» была последней перед разрывом с газетой, которая со временем станет единственной и родной.

Виктор Федорович вернется на страницы «СЛ» лишь в ноябре 1896 г., когда право на издание перейдет в собственность сургутского мещанина Алексея Суханова, утвержденного к тому же еще и редактором издания. Вместе со своим бывшим автором на страницах появилась и рубрика «По Сибири», в которой В. Костюрин делал обзоры событий, происходящих на восточной окраине империи, а также публикуемых в сибирских газетах: «Иркутская хроника “ВО” также безобидно-бледна и бесцветно-протокольна, как Тобольская хроника “СЛ”».

Раньше рубрика «По Сибири» появлялась в «ТобГВ». Подписывал эти злободневные наброски В. Чемерица. Вряд ли В. Костюрин заимствовал из другой местной газеты заглавие для своего обзора, публикуемого с продолжением. Судя по интонации набросков, они вполне могли принадлежать одному автору, у которого для разных изданий был свой псевдоним. И он удивительно точно отражал характер заметок в обеих газетах: ядовитые корни растения вызывали сильнейшее чихание и слезотечение, насморк, рвоту, понос, головную боль, головокружение, общее возбуждение, судороги, упадок сердечной деятельности и смерть...

* Еще один случай несоответствия редактора de jure и de facto, такой характерный для печати Российской империи того времени.

Автор в своих злободневных набросках пытался соответствовать. Он знал, что противоядия против чемерицы пока не придумали.

²⁶ Статья П.М. Головачева — эхо достаточно скандальной истории в сибирской печати середины 90-х годов XIX в.

В «СВ» была опубликована статья «Голос из Тюмени» (1894. 4 авг.) за подписью *Негласный*. Автор ее рассказал о стремлении отдельных горожан попасть в число избирателей. Для достижения имущественного ценза надо было повысить стоимость личной недвижимости путем ее переоценки. «В числе просителей о возвышении ценза был и нынешний городской голова, который чуть ли не с уверенностью предполагает быть избранным и на будущее четырехлетие заправилой города. Шансы на такой благоприятный исход основаны на поддержке партии крупного торгового предприятия и главного воротилы эксплуатации городской недвижимостью и хозяйства». Намеку на политическую интригу сопутствовали доказательства того, что действующий состав городского общественного управления нерационально подходит к финансовым вопросам, принимая отдельные решения в угоду некоторым гласным.

Статью как критику в свой адрес воспринял инженер А. Колмогоров. Выступив в «ТобГВ» (1894. 9 окт. С. 845–846) с опровержением всяческих домыслов в отношении его деятельности как гласного, он заявил: «Автор фельетона скрыл свое имя под псевдонимом. Вступать в дальнейшие объяснения нелепости возводимых на меня огульных обвинений затрудняюсь из опасения иметь дело, может быть, с профессиональным шантажистом. Чтобы выяснить, с какою целью приписаны мне поступки, которых я не совершал и в большинстве даже совершить не мог, — я обращаюсь в суд». Городской голова А. Мальцев практически сразу вычислил, что автором «Голоса из Тюмени» скорее всего мог быть только астраханский мещанин П.С. Зайдман. Лишь ему одному из десяти обратившихся городская управа не произвела переоценку имущества. И он единственный, кто хотел сделать это с целью ее увеличения для получения избирательных прав. Повод для переоценки у него был. В 1893 г. он получил разрешение на строительство дома на месте недостроенной синагоги, которую сломал (sic! Зайдман сломал, а не какой-то Иванов), дом же на ее месте не построил.

После публикации в октябрьском номере «ТобГВ» опровержений А. Мальцева и А. Колмогорова месяц спустя тексты их вновь появились, но уже в «СВ» (5 и 11 ноября). А буквально через неделю Г. Прейсман назвал фамилию корреспондента, скрывавшегося за псевдонимом *Негласный*. Им, конечно же, оказался тюменский присяжный поверенный П. Зайдман.

Раскрытие тайны псевдонима взорвало даже немногочисленную сибирскую прессу. Понять это было сложно, т. к. и раньше происходили аналогичные случаи, но протест вызвало именно решение редактора

«СВ» Г. Прейсмана: «Кто из нас, пишушей братии, сознательно и в своих личных видах злоупотребит печатным словом, того не укрывать надо, а открывать: это единственное разумное и радикальное средство к очищению наших же рядов от негодных элементов» (1895. 8 февр.) Был ли это только хвост инерции всеобщей нелюбви к «СВ» за ее противостояние «сибирским патриотам»? Или затеянная игра, с помощью которой пытались прикрыть истинного автора от суда за диффамацию? И такое сибирская пресса того времени уже знала. Дело в том, что П.С. Зайдман действительно сотрудничал с «СВ», но под псевдонимом Пуд Стратилатович Задира (сравните первые буквы истинного имени и псевдонима). Более того, в 1893 г. несколько его публикаций в томском издании имели заглавие: «Письма из Тюмени». В одном из них как раз и шла речь о публикации-двойнике: «Читали в № 39 неоф. “Тоб. губ. вед.” в фельетоне письмо из Тюмени от 10 сентября Негласного (псевдоним?). Этот Негласный заявляет претензии на звание мэра города Тюмени и в виду предстоящих выборов и рекомендует себя обладателем всех личных необходимых городскому голове качеств.

Вы, конечно, поняли, что г. Негласный шутит, выдавая за достоинство головы качества как раз обратные и тем издевается над кандидатом... Вам нужен такой человек, который позволил бы отчуждать городские недвижимые имущества в потомственное и долгосрочное владение таким пароходчикам, как Игнатов и ему подобные. Наконец, нам нужен человек, который надел бы на вас намордник, а сам натянул на свои руки ежовые рукавицы и держал вас же в руках так, как ловко держит вас в руках уважаемый наш бывший председатель своих заимодавцев.

Они обвешивали и продавцов, и покупателей, занимались сбытом цинка вместо серебра, продавали опилки медные за золото, сбывали фальшивые кредитки и проделывали массу иных коммерций, благодаря чему многие из нас, тюменцев, унаследовали крупные капиталы и недвижимость...» (1893. 6 нояб.).

Тематика «Писем из Тюмени» в «СВ» и «ТобГВ» была родственной, герои были одни и те же. И никого в воротах Сибири не трогало, что пишут о них где-то там в сибирских Афинах. Остается предполагать, что и А. Мальцева, и А. Колмогорова вывела из равновесия подпись под «Голосом из Тюмени» — *Негласный*. Судя по публикациям в «ТобГВ», таковым считался директор Александровского реального училища И.Я. Словоцов. Читатели того времени были не менее образованы, нежели наш краевед Л.Г. Беспалова, сумевшая расшифровать загадку последнего абзаца «Писем из Тюмени претендента на должность городского головы». Но, наверное, дешифровальщики «осми букв» и того, и новейшего времени не учли одну особенность, что автор «издевается над кандидатом» (СВ. 1893. 6 нояб.), но, наверное, и над читателем. Предлагая фамилию летописца, он,

скорее всего, закрывался образом покойного историка, писавшего современную эпопею, и имевшего имидж опального Нестора.

А И.Я. Словцова в Тюмени не очень любили за его просто отвратительный, сутяжный характер. Более того, через несколько лет его директорства Александровское реальное училище было на грани закрытия из-за личности руководителя. Именно во время газетной эпопеи П.М. Головачев работал в этом самом училище. Сам ли он решился встать на защиту корреспондента, чью тайну открыл редактор «СВ», или по просьбе директора училища, нам пока неизвестно. Но несмотря на наличие недвижимости в Тюмени П.М. Головачев уехал в столицу практически сразу после завершения перепалки между ним со страниц «СЛ» и Г. Прейсманом.

В письме в редакцию «Наши литературные нравы» (СЛ. 1895. 26 янв.) П.М. Головачев совершил кавалерийский наскок на «СВ» и, не разбираясь в причинах происшедшего, мотивировал виновность Г. Прейсмана лишь тем, что у издания наследственность и репутация одинаково дурные. Ответ редактора томского издания был лаконичней, в котором ключевыми было категоричное: «Об инциденте моем с г. Зайдманом не считаю возможным входить в какие-либо объяснения до тех пор, пока не выскажется по этому поводу суд. Вам же, милостивый государь, дам пока добрый совет, не судить о вещах, о которых вы не имеете, очевидно, никакого представления» (СВ. 1895. 8 февр.).

Очевидно, эта жесткость заставила П.М. Головачева еще раз вернуться к теме, волновавшей сибирскую печать, и не только ее (СЛ. 1895. 26 марта). Преподаватель истории, географии и русского языка пытался разобраться, что заставило Г. Прейсмана так быстро открыть тайну? Только отсутствие самообладания, храбрости и такта, — таков был вывод автора «Еще по поводу наших литературных нравов». Ибо судебная практика показывает, что в жизни повременных изданий нельзя застраховаться от таких случайностей. «Смешно думать, что порядочных людей нет; привлечь их — вот задача редактора». А чтобы г. Прейсман больше никогда не «находился в трагикомическом положении неискусного волшебника», необходимо избавляться от псевдонимов. В интересах истины корреспондент должен выступать «с открытым лицом, не прячась под маску псевдонимов и инициалов, обилие которых в газете делает ее самую весьма подозрительной».

Несмотря на весьма длинный комментарий к банальному событию — публикации статьи П.М. Головачева в «СЛ», остается вопрос, на который не менее сложно ответить: какова была цель у В.Ф. Костюрина, когда он сообщал Г.Н. Потанину о «наших литературных нравах»? Ответив на него, мы сможем иметь четкое представление о значении тоболяка в общественной жизни Сибири. Ибо, познакомившись с письмами идеолога сибирского областничества, понимаешь, что из-за нераз-

витости сибирской прессы переписка Григория Николаевича была частью повременных изданий, из которых его корреспонденты (а одни принадлежали к самым разным слоям империи) черпали новости. Делал ли «утечку информации» В.Ф. Костюрин сознательно, чтобы убедить общественность через авторитетный источник, что П.С. Зайдман и есть Негласный? Или так и было? В. Костюрин обязан был знать правду, ибо как раз в это время активно сотрудничал в «ТобГВ»...

²⁷ Судьба рукописи неизвестна. Публикации с таким названием в «СВ» за 1895 г. не обнаружено.

²⁸ Панама — афера правления акционерной компании, занимавшейся строительством Панамского канала. Для скрытия хищений был подкуплен ряд французских министров, сенаторов, депутатов и редакторов газет. Крах компании разорил десятки тысяч держателей акций. В данном тексте используется в переносном смысле, как крупное финансовое мошенничество.

²⁹ В научной литературе устоялось мнение, что «СГ» закрыто с подачи ректора первого сибирского университета В.М. Флоринского. На самом деле история сложнее. Е.В. Корш был вытеснен из «СГ» под давлением Н.М. Ядринцева, считавшего, что в издании — не место уголовным ссыльным. В последние годы существования «Сибирки» Евгений Васильевич был почти «правой рукой» Василия Марковича. И Корш явно не хотел прощать события, особенно, последних лет. Редактор «СГ», страдавшей вечно от безденежья, А.В. Адрианов нанял писателя К.М. Станюковича*, который за 600 руб. пообещал написать роман-памфлет против сотрудников основного своего конкурента — «СВ». Даже Н. Ядринцева удивила позиция «разоряющейся редакции».

Действительно, долгая жизнь «СВ» — стал «возмездием судьбы» для многих, имевших отношение к «СГ». Прав В. Костюрин, что для большинства корреспондентов были важны не идеологическая плоскость, в которой работало издание, а обыкновенный гонорар. Живой человек каждый день хотел банально есть...

Ю. Мандрика

А.И. Иванчин-Писарев в письме от 25 января 1887 г. писал Д.А. Клеменцу: «Станюкович — лентяй, обжора и с большими позывами опустошать редакционную кассу. Для характеристики этой кривой свиньи достаточно одного факта: Гарин хочет дать 5000 руб. на журнал, а он, пользуясь безграничной верой в литературную честность, предлагает такую комбинацию: дайте 1000 р. деньгами, 1700 р. векселями и 3000 мне лично, за что буду работать в журнале даром. Деньги взял, векселя учел, по всем перекресткам стал трубить «работаю даром», а в то же время — кар-кар и царапает из кассы 50–100 руб.». — СПб. ИВ РАН. Ф. 28. Оп. 2. № 132. Л. 27–27 об.

Бабушкино слово

(Из тетради З.С. Завьяловой)

Более двух лет прошло с того дня, когда жительница п. Березово 83-летняя Зинаида Степановна Завьялова передала мне свои воспоминания и копии старых фотографий. Ряд обстоятельств задержал публикацию, и только теперь появляется на свет это трогательное свидетельство живучести народной памяти.

Все началось с того, что березовский краевед Андрей Алексеевич Головин, зная о моем интересе к истории местных коренных русских родов, сообщил, будто в Березово живет семья потомков рода Новицких, сохранившая фотографии дореволюционных лет. Материалы о Новицких, родовым гнездом которых было село Шеркальское Березовского уезда (ныне Шеркалы), я к тому времени уже не единожды публиковал в журнале «Югра» и альманахе «Подорожник», но они продолжали прибывать. Было очевидно, что тема неисчерпаема, она неожиданно прорастала все новыми ростками, и вот обнаружился еще один.

В ноябре 2009 года я был приглашен в Березово на очередные Меншиковские чтения, и Андрей Алексеевич устроил мне встречу с Зинаидой Степановной и ее дочерью Надеждой Михайловной в их доме. Много интересных подробностей жизни далекого прошлого услышал я в тот вечер и подсадовал вслух на то, что не взял диктофон. Зинаида Степановна возразила: «И не надо. Я специально для вас все записала в тетради». И на следующий день Надежда Михайловна принесла диск с записью фотографий.

Опорным стержнем всего текста было то, что запомнила девочка Зина из рассказов своей бабушки Марии Степановны Уткиной, в девичестве Новицкой. Материал в нем, безусловно, был, и с публикацией следовало бы поторопиться. Но многие места повествования порождали вопросы, и на поиск ответов требовалось время. К сожалению, обратиться к архивным фондам по разным причинам не удалось. На некоторые из вопросов быстро дала ответ сама Зинаида Степановна.

Текст литературно обработан и местами сокращен, для большей связности повествования отдельные куски рукописи переставлены, а при-

сланные позднее дополнения и уточнения введены в соответствующие по содержанию места. Дан более или менее подробный комментарий, хотя по ряду вопросов пока еще не найдены ответы. Возможно, подобное сотрудничество при воссоздании отдельных страниц частной жизни далекого прошлого со временем привьется. Во всяком случае, данная публикация — результат именно сотрудничества ныне живущих представителей рода Новицких и журналиста, интересующегося местной историей и глубоко благодарного Зинаиде Степановне Завьяловой и живущей в г. Самаре ее племяннице Татьяне Сергеевне Антоновой, тоже заинтересованной в восстановлении семейной истории и приславшей несколько фотографий, за память сердца и отзывчивость.

Теперь перейдем к тексту воспоминаний.

Прочитав в газете «Жизнь Югры» статью о роде Новицких, решила дополнить ее тем, что помню по рассказам бабушки, слышанным в детстве. Тогда, в 1936 году, бабушка, Мария Степановна Уткина, жила у нас, т.е. у своего сына Степана, моего отца. Мне было 10 лет. Все на работе, только мы с ней дома. Бабушке хочется поговорить, вспомнить детство, юность. И вот я была ее единственной слушательницей.

Родилась она в 1869 году в селе Шеркалы в семье рыбака Степана Васильевича Новицкого. У него были еще дети: Иван, Дмитрий, Александра. Александра Степановна была выдана замуж за священника Василия Зиновьевича Емельянова, жили в Тюмени. Их сын Николай Васильевич, родившийся 26 июля 1879 г., тоже был священником, но потом приобрел профессию врача, в 1932 г. жил в Москве, потом в Алма-Ате. Иван Степанович жил в Тобольске, преподавал, по словам бабушки, в мореходном классе, есть фотография бывшего ученика Владимира Германова.

В Шеркалах жили и братья Степана Васильевича: Павел, Алексей, Василий — все вместе с большим двухэтажным деревянным доме. Вместе рыбачили и вели торговлю с тобольскими купцами, меняя рыбу на необходимые товары: мыло, ткани, спички, керосин и другие нужные в хозяйстве товары.

С особой радостью бабушка вспоминала детство в родительском доме, игры. Кроме своих детей, в доме воспитывались сироты. Зимой и летом все дети помогали взрослым: сортировали рыбу, смолили лодки перед новым рыболовным сезоном, вязали новые сети и чинили старые. Немного повзрослев, бабушка стала участвовать в приготовлении

Андрей Николаевич
и Мария Степановна
Уткины.

Тобольск, 1897 г.

Дом Новицких в с. Шеркалы.

2003 г.

Получено от Н.В. Крюковой.

пищи, воспитании детей. Так по заведенному распорядку шла однотонная жизнь. Способных мальчиков отдавали в ученье в город.

Когда Маня подросла, ее отдали учиться в Тобольскую Мариинскую женскую школу¹, где учили в основном рукоделию (вышивке, шитью детской одежды), домоводству, приготовлению праздничных блюд, приему гостей и французскому языку. Прошли годы интересной городской жизни, после окончания школы Маня вернулась в Шеркалы.

В 1887 году в Шеркалы приехал Андрей Николаевич Уткин². В этом году умерла его жена Ольга Максимовна Пименова, дочь чиновника, от

¹ О Тобольской Мариинской женской школе см.: Юбилейная справка // Сибирский листок: 1901–1907. Тюмень, 2003. С 241–244. С 1 августа 1913 г. ст. ст. преобразована в женскую гимназию ведомства учреждений императрицы Марии.

² Об А.Н. Уткине удалось узнать пока очень немного. «Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции» дает о нем такую сверхлаконичную справку: «тобольский купец, торговавший по промысловому свидетельству 2-го разряда мануфактурным товаром (1898–1903)» (Новосибирск, 1998. Т. 4, кн. 2. С. 44). Известно также, что жил он в прибрежной части Тобольска за Абрамовским мостом. Во время случившегося в мае 1899 г. опустошительного пожара у него здесь сгорели два принадлежавших ему дома и один дом его наследников. После этого он заново отстроился в той же Заабрамке на углу улиц Покровской и Малой Пиляцкой.

Согласно тексту З.С. Завьяловой, двухэтажный дом и все имущество А.Н. Уткина были описаны за долги для продажи с торгов в 1916 г. На самом деле произошло это значительно раньше, что подтверждается косвенно вышеуказанными датами начала и конца его торговой деятельности: 1898–1903 гг. Но еще убедительнее говорит об этом один документ. В мае 1910 г. в Государственном архиве г. Тобольска было найдено дело об утверждении в правах наследников умершего купца Ивана Степановича Новицкого, брата Марии Степановны. Умер он в мае 1907 г. В описи недвижимого имущества значатся деревянный двухэтажный дом, крытый железом, двухэтажный амбар, бревенчатая баня, конюшня, два тесовых навеса на деревянных столбах, деревянная мостовая во дворе и многое другое. «Описанное имение, — указано в документе, — прежним собственником его Андреем Николаевичем Уткиным заложено в Тобольском городском общественном банке в сумме 4000 р. и с произведенных означенным банком торгов куплено умершим Новицким за 4400 р. с переводом на него долга по закладной в сумме 3500 р., каковой в настоящее время остается непогашенным в размере 3325 р.» (ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 158. Оп. 16. Д. 2738). А по соседству находился участок усадебной земли, приобретенной на имя Марии Степановны Уткиной, жены Андрея Николаевича.

туберкулеза легких. Остались дети Александр, Андрей, Николай и Зоя. Ее отец сыграл большую роль в жизни Уткина: помог финансами, научил составлять документы, получать товары из Москвы по векселям. Уткин некоторое время жил у них и понравился своим трудолюбием и честностью. Через два года, став купцом, он снова приехал в Шеркалы. Он и родители Марии Степановны договорились породниться, и 20-летнюю Машу выдали за 42-летнего Андрея Николаевича, супруги уехали в Тобольск.

В то время в большинстве тобольских городских семей жены не работали. Вели домашнее хозяйство и воспитывали детей, передавая им жизненный опыт. То, чему учили в Мариинской школе, пригодилось Марии Степановне. В первые годы замужества, когда своих детей не было, а детей от первого брака воспитывала их бабушка, она организовала курсы обучения девушек из бедных семей вышивке покрывал и скатертей болгарским крестом. Материалом — основой и нитками — снабжал Андрей Николаевич. Готовые вещи продавали. По окончании

Подробные описи оставшегося наследникам Ивана Степановича Новицкого имущества дают возможность для воссоздания картины купеческого быта, интерьеров комнат и даже некоторых особенностей семейных и родственных отношений. Это целая отдельная тема. Прежде всего о характере отношений говорит то, что Иван Степанович принял на себя долг зятя. Еще интересная деталь: принадлежавшие ему же биржа и однопалубный винтовой баркас носили имена его детей — «Нина» и «Сеня». В заключение для контраста приведу заметку «Бессмертная “Нина”», встреченную в газете «Остяцко-Вогульская правда» за 15 апреля 1937 г.

«Скоро исполнится 20 лет, как советская власть провела национализацию флота промышленников, пароходовладельцев Плотниковых, Новицких и им подобных эксплуататоров в прошлом нашего Севера. Как правило, все национализированные суда получили новые советские названия.

Однако у нас в Обьтресте, в частности Самаровский консервный комбинат, не хотят расстаться со старыми названиями барж и катеров. Комбинату давно известно, что его баржа «Нина» названа когда-то самим владельцем этой баржи Новицким в честь его жены Нины (жену И.С. Новицкого звали Анна Аристарховна. — В.Б.). Это имя раньше было в “почете”. Уж не думает ли комбинат и впредь сохранить название баржи “Нина”, как исторический памятник “бессмертной” жене Новицкого?».

В тексте воспоминаний содержится еще любопытное, с точки зрения характеристики И.С. Новицкого, упоминание, будто он преподавал в Тобольском мореходном классе, недолгое время существовавшем в 1880-е годы. Если это действительно так, то, значит, преподавательской деятельностью ему пришлось заниматься в молодые годы, между двадцатью и тридцатью годами.

курсов выдавали свидетельства. Этим Мария Степановна помогала девушкам устроиться в жизни.

Семья Уткиных жила за Абрамовским мостом в доме № 7 по улице Малой Пиляцкой (теперь ул. Пушкина). Дом был деревянный двухэтажный с парадным входом. Рядом был позднее построен небольшой флигель на имя Марии Степановны. Здесь хозяева держали разных экзотических птичек, которых Андрей Николаевич привез с юга, ими увлекался Андрей, второй сын от первого брака.

Стали рождаться и свои дети у Марии Степановны: в 1893 году Мария, в 1896-м — Анна и в 1898-м — Степан, мой папа (назван в честь деда). Появились горничные, няни. Бабушка часто вспоминала Бешкильцеву Феню. Жила она в семье долго, потом вышла замуж, сыграли свадьбу и дали ей приличное приданое. Фото не сохранилось, но, помню, была среднего роста, статная, красивая, со светло-русыми волосами и аккуратной прической, в кофейного цвета атласном платье.

Во второй половине флигеля находились музыкальные инструменты: рояль — играла Мария Степановна, гитара принадлежала ее дочери Анне, на скрипке играл сын Андрея Николаевича Николай, мой папа — на бабалаечке. Игнали и пели такие песни: «Коробочка», «Соколовский хор у яра», «Хасбулат удалой», «Накинув плащ, с гитарой под полою...». Тетя Нюра была увлечена песней, хорошо пела под собственный аккомпанемент («Ночь светла», «Чайка»), выступала в любительских сольных номерах в театре. Пьянки не было. Душевный отдых создавал мир счастливой семьи и добрый настрой бодрости для себя, родных и друзей.

В 1916 году семья пережила несчастье: описали двухэтажный дом и все имущество Андрея Николаевича Уткина для продажи с торгов, так как им не были оплачены векселя, по которым он получал товары. Товары были в основном дешевые, для простых крестьян, и он давал их в долг, так как и сам был сыном крестьянина деревни Серебрянка. Родители с 12 лет отдали его в работу одному хозяину скобяного магазина, а его младшую сестру — в Александровский детский приют. Добрые люди научили способного мальчика грамоте, вывели в люди. И пострадал он из-за доверчивости и доброты. Некоторое время пришлось ему провести в тобольской долговой тюрьме.

Вскоре дедушка заболел, признали рак желудка. В 1922 г. сделали резекцию части желудка, но не помогло. Мария Степановна тоже мало чем

Степан Андреевич
и Надежда Константиновна
Уткины с дочерью Зиной
(автором публикации).

Тобольск, 1939 г.

Памятник на могиле
Дмитрия Степановича
Новицкого,
сына березовского купца.

Тобольск,
Завальное кладбище.

могла помочь: питание было скудное, поила травкой. Время было тяжелое, только вера поддерживала: авось и поправится. Но годы (все же 79 лет) взяли свое, и в 1924 г. Андрей Николаевич Уткин закончил земной путь.

Ко времени разорения Андрея Николаевича его дети от первого брака обзавелись семьями. Старший сын Александр, окончивший Тобольскую духовную семинарию, служил священником Крестовоздвиженской церкви, где его отец лет 20 был церковным старостой, поэтому и все дети от второго брака крещены там. После того как жена Елизавета, забрав детей и все ценное, уехала в Москву, жил в Ивановском монастыре. До последнего дня служил в церкви, венчал сводных брата Степана и сестру Марию, ходил по деревням, крестил детей. В 1937 г. взят сотрудниками НКВД, увезен и расстрелян за распространение религии.

Его брат Андрей родился в 1874 г., также окончил духовную семинарию, но в церкви не служил. Армейскую службу проходил в Ибите, где познакомился с Натальей Михайловной Рудаковой, дочерью члена Государственной думы³, женился и уехал на Кавказ, в Анапу. Работал на базе, посылал на Север фрукты, оттуда получал рыбу. Однажды приезжал в Тобольск. В простой крестьянской одежде, в полушубке постоял у порога родительского дома, у флигеля, где жили когда-то любимые им птички, поговорил с жильцами, попрощался и ушел. Больше его не видели.

В 1953 году (я тогда училась в Тобольской фельдшерско-акушерской школе) смогла впервые попроведать дядю Андрея. До этого мы с 1948 года только переписывались, и вот я, подкопив денег на дорогу и купив незамысловатые подарки, поехала в город Орджоникидзе. Дядя Андрей узнал меня сразу. Высокий худощавый старичок в простом черном костюме, коричневом свитере и серой кепке подошел с цветами и спросил: «Барышня, вы не Зина будете?» — «А как вы узнали?» — «А ты вся похожа на брата Степана, а он на мать, Марию Степановну». Не приходилось видаться раньше, но сердце подсказало, и родственные души сразу узнали друг друга.

Брат Александра и Андрея Уткиных Николай⁴ (тот, что играл в детстве на скрипке) жил в небольшом доме в подгорной части Тобольска, непода-

³ Михаил Рудаков в списке членов Государственной думы 1906–1917 гг. не значится.

⁴ Уткин Николай Андреевич. Родился в 1878 г. в Тобольске. Преподаватель музыки педучилища. Арестован 28.02.1938 г. Осужден «тройкой» Омского УНКВД 14.03.1938 г. Расстрелян в Тобольске 24.03.1938 г. Реабилитиро-

леку от драмтеатра. Он в основном работал в оркестре драмтеатра и вместе с женой Елизаветой Максимовной часто ездил по городам, тетя Лиза пела русские романсы. Детей у них не было. Здоровье у дяди Коли было ненадежное, еще в молодости он перенес туберкулез (видимо, передалось от матери), была операция, жил с одним легким. В 1937 году был посажен и расстрелян в Тобольске. За что? За то, что сын купеческий! Уму непостижимо! Ведь из детей Андрея Николаевича никто не вникал в торговые дела отца, ими занимался приказчик Степан Васильевич Антонов, крестьянин из села Карачино. На него была вся надежда, поэтому и породнились с ним Андрей Николаевич и Мария Степановна Уткины, выдав замуж за бойкого паренька, сведущего во всех делах хозяина, свою дочь Марию.

Молодожены уехали от родителей на север, в Самарово. В 1930 г. дядя Степа работал продавцом, тетя Маня — секретарем-машинисткой в нарсуде. Война отняла у нее мужа — Степан Васильевич погиб в 1944 г. в 54-летнем возрасте, подвозя боеприпасы. Погибли и сыновья Александр (был танкистом, умер в госпитале от ожогов), Вениамин и Николай⁵. Дочь тети Мани Агния в 1937 г. поступила в Московский политехнический институт и до начала войны окончить его не успела, участвовала в обороне Москвы, вернулась к учебе только после войны. В 1948 г. получила диплом и направление на преподавательскую работу в Самарский мукомольно-крупяной техникум. Вела курс механизации сельскохозяйственного производства и заведовала учебной частью.

В 1948 г. Агния приехала за тетей Маней в Самарово и увезла ее в Самару, где получила квартиру как участница обороны Москвы. Здесь Мария Андреевна встретилась со своей двоюродной сестрой Антониной Васильевной Крайновой (Новицкой), от которой узнала о ее братьях Пантелеймоне и Кирилле, живших в Омске. Прожила Мария Андреевна 91 год, умерла от гангрены ног.

Мой папа Степан Андреевич, родившийся 22 июля 1898 г., в молодости служил с 1916 г. в армии в г. Туринске писарем, вместе с ним

ван 9.10.1956 г. (Книга расстрелянных: Материалы погибших от руки НКВД в годы большого террора (Тюменская область) / сост. Р.С. Гольдберг. Тюмень, 1999. Т. 2. С. 395).

⁵ В книге «Память» по Тюменской области найдены следующие записи: Антонов Николай Степанович, рядовой, 1926 г., пропал без вести в июне 1944 г.; Антонов Вениамин Степанович, рядовой, 1922 г., пропал без вести в феврале 1942 г. Ханты-Мансийский район.

служил и приказчик его отца Андрея Николаевича Степан Антонов, ставший зятем. В 1918 г. они вместе вернулись в Тобольск. После смерти отца папа решил обзавестись семьей. В то время жива была сестра Андрея Николаевича Марфа Николаевна, воспитанная в Александровском детском приюте. Она получила специальность повивальной бабки (акушерки), ходила по домам и принимала роды. В 1903 г. ей пришлось принять у жены пригородного крестьянина Константина Степановича Ячменева Марии Алекс[андровны?] девочку, нареченную Надеждой. Наши семьи были хорошо знакомы — в молодости Константин Степанович возил моего деда Андрея Николаевича на работу и с работы. Решили породниться, и через месяц сыграли скромную свадьбу моих родителей — Надежды Константиновны и Степана Андреевича.

Первые годы жили у Константина Степановича. Мама работала в шапочной мастерской, шила шапки для армии из заячьих шкурок и оленьего меха. В 1936 г. она окончила курсы дошкольных воспитателей и работала в детском доме имени Крупской в Тобольске на горе. Потом несколько лет мы прожили в Салехарде, где прошли мое детство и ранняя юность. 13 декабря 1944 г. пришла похоронка на папу, и мы в октябре 1945 г. уехали в Тобольск.

Мама говорила: «Да, я была счастлива в браке, таких мужей, как Степа, нет и не будет». Материально жили не так хорошо, но была радость семейной жизни, от которой остались воспоминания на долгие годы. Мама овдовела в 39 лет и больше замуж не выходила, воспитывала меня одна. Умерла в Березово в 1987 году.

И, наконец, о судьбе бабушки. После смерти в 1924 г. Андрея Николаевича Мария Степановна осталась в Тобольске, жила с дочерью Анной, которая не могла нигде постоянно работать. Пока было возможно, продавали оставшиеся вещи и тем жили. А в 1936 г., когда папа работал в управлении речного флота, бабушка жила у нас в двухэтажном доме по улице Декабристов, 13 напротив бывшей духовной семинарии. У нее была врожденная недостаточность митрального клапана. В августе она еще съездила в Самарово к дочери Марии и очень была расстроена, когда увидела, как бедно живет дочь с детьми в подвальной комнате. Это обострило ее состояние, и в сентябре она умерла. Пасынок Николай принес красивые цветы и очень жалел о том, как нескладно прошла жизнь Марии Степановны.

Бабушкино слово (Из тетради З.С. Завьяловой)

Дети от первого брака были дружелюбные, не делали различия «родной — не родной» и помогали, чем могли. Помню, когда дядя Коля ездил в Латвию, то привозил подарки: рубашки папе, красивые шали маме, яблоки. Я ходила с папой к дяде Коле, тетя Лиза нас угощала, а он играл на скрипке. И вот в ноябре 1937 г. его не стало.

Вот то, что я запомнила из рассказов моей бабушки Марии Степановны Уткиной, урожденной Новицкой, и что сама знаю о судьбе членов семьи тобольского купца Андрея Николаевича Уткина. Все эти годы мне хотелось узнать что-нибудь новое о представителях многочисленного рода Новицких, куда и по каким путям направила их судьба, потому что в Березовском районе Новицких почти не осталось. В 1951 г., когда работала в деревне Домниной Вагайского района, в мое отсутствие приезжал какой-то Яков Новицкий проверять почтовое отделение, спрашивал про меня. Так и не узнала кто. Позднее мать говорила, что «какой-то родственник». Встречала еще в Березово старушку Новицкую Нину Семеновну, родом из Полновата. Есть ли родственная связь — не разобралась.

Связь поколений нарушена, восстановить с точностью историю рода уже невозможно. Только я и племянница Таня⁶ интересуемся родственными душами, корнями рода. Когда узнаем что-то новое, передаем друг другу и этим духовно поддерживаем.

Комментарий

Автор воспоминаний Завьялова Зинаида Степановна родилась в Тобольске 15 октября 1926 г. Работать начала в военный 1942 год в Салехардском рыбоконсервном комбинате. В 1953 г. окончила Тобольскую фельдшерско-акушерскую школу, работала по специальности в Вагайском районе Тюменской области. В 1961 г. муж Михаил Афанасьевич Завьялов, специалист рыбной промышленности, был направлен в Ямало-Ненецкий национальный округ. «Жили в Тазовске, — пишет Зинаида Степановна, — там родились дочери Света и Надя. По состоянию здоровья детей мужу дали перевод в более теплое место — Березово. Работал заместителем председателя райисполкома до ухода на пенсию в 1987 г. Я вышла на пенсию в мае 1987 г. в 61 год. В Березово работала в кишечном кабинете...».

⁶ Антонова Татьяна Сергеевна (род. 4 мая 1949 г.) правнучка Марии Степановны Уткиной, живет в г. Самаре. Инженер, окончила Куйбышевский институт электрификации, в настоящее время пенсионерка.

В каком году Новицкие поселились в Шеркалах, пока не установлено. Но в XIX веке сами члены семейства в беседах с заезжими чиновниками и путешественниками утверждали, что ведут свой род от Григория Ильича Новицкого — автора «Описания о народе остячком», сосланного в Сибирь около 1712 г. за участие в заговоре гетмана Мазепы и сопутствовавшего митрополиту Тобольскому и Сибирскому Филофею Лещинскому в его поездках для крещения остяков. Позднее он был послан для наблюдения за исполнением новокрещенными остяками их христианских обязанностей и убит ими около 1725 г.

По-видимому, эта широко распространенная версия шеркальских Новицких о своем происхождении от Г.И. Новицкого породила попытки найти ей документальное подтверждение либо опровержение. Судя по всему, ни того, ни другого до сего дня не найдено. В 1893 г. журналистом и историком Е.В. Кузнецовым были опубликованы в «Тобольских губернских ведомостях» «Сказки 1750 года о семье ссыльного украинца Григорья Новицкого». Их текст констатировал, что законных детей Г.И. Новицкого в Сибири с ним не было, но незадолго до убийства к нему приехала жена с крещеным и воспитанным им Лукьяном Григорьевым. После смерти Новицкого он служил конюхом в Тобольском архиерейском доме (По тобольским архивам // Тобольские губернские ведомости. 1893. № 44. С. 724. Подп.: Е.К.)

В 1894 г. еще одну попытку разобраться в этом вопросе сделал священник шеркальской Спасской церкви Иоанн Кузнецов. Просмотрев записи в документах церкви, он составил родословную Новицких, в основание которой поставил отставного солдата Павла Яковлевича Новицкого, жительствовавшего в селе Шеркальском, по его словам, с 1802 года. Документ этот хранится в фонде тобольского губернатора — вполне вероятно, что и работу священник выполнил по губернаторскому запросу (Государственное учреждение Тобольской области «Государственный архив в г. Тобольске». Ф. 479. Оп. 2. Д. 6). Однако названная им дата опровергается данными переписи населения 1782 года, зафиксировавшей проживание в Шеркалах отставного солдата Павла Яковлевича Новицкого, его жены Екатерины Захаровой и детей Григория, Матвея, Дмитрия, Михаила и Татьяны. Сведений о том, из какой губернии, округа и места поступил в Шеркальское солдат Павел Новицкий, нет, пишет в пояснении и родословной Иоанн Кузнецов.

Согласно этой родословной, прадед автора воспоминаний З.С. Завьяловой Степан Васильевич Новицкий (1828–1903) является правнуком Павла Яковлевича. У него были братья Георгий (род. в 1823), Федор (1825 г.), Иван (1832), Павел (1837), Михаил (1840), сестры-близнецы Аграпина и Антонина (1835). Упомянутый в воспоминаниях Алексей в родословной не значится.

Новицкие были крупными по северным масштабам предпринимателями-рыбопромышленниками. По данным А.А. Дунина-Горкавича, половину рыбных угодий, расположенных между Самарово и Обдорском, арендовали три члена фамилии, выплачивая ежегодно арендную плату в 1183 рубля 87 копеек; для завоза на промыслы товаров и транспортировки рыбы они имели свои суда — баржи и паузки (в орфографии того времени — «павозки») (Дунин-Горкавич А.А. Север Тобольской губернии. Опыт описания страны, ее естественных богатств и промышленной деятельности ее населения. Тобольск, 1897. С. 11).

Степан Васильевич Новицкий, отец главной героини воспоминаний, во второй половине 1890-х «арендовал песок Вонзеватский и сора Ватма-пор и Тахмысов... с правом вотчинников производить в сорах лов рыбы совместно с арендатором; добываемую рыбу сдавать по существующим ценам арендатору» (Дунин-Горкавич А.А. Тобольский Север. СПб, 1904. Т. 1. С. 191).

Как наиболее богатые из шеркальцев Новицкие считали своим долгом поддерживать местную Спасскую церковь, их фамилия доминирует в списке жертвователей в «главной описи церковного имущества шеркальской Спасской церкви Тобольской епархии». Есть в ней и запись о даре Степана Васильевича: в 1890 г. храм получил от него образ святителя Митрофания Воронежского стоимостью в 370 р.

Кроме церкви помогали Новицкие и местной школе. В 1877 г. «Тобольские губернские ведомости» в № 39 сообщали об объявлении генерал-губернатором Западной Сибири благодарности купеческим братьям Егору, Федору, Степану и Ивану Новицким «за устройство ими на свой счет помещения для сельского приходского училища в с. Шеркальском».

Из детей Степана Васильевича в публикуемых воспоминаниях упомянуты четверо: Иван, Дмитрий, Александра и Мария, но, как видно из родословной, составленной Иоанном Кузнецовым, всего их было 13: Василий, Александр, Дмитрий, Александра, Иван, Михаил, Константин, Василий, Мария, Ольга, Христина, Акилина, Матвей. Одиннадцать сыновей и две дочери. Вероятно, не все они упоминались в разговорах Марии Степановны с внучкой, тем более что некоторые из них, может быть, умерли в детстве или юности. Летом 2003 г. на тобольском Завальном кладбище, близ церкви, я набрел на могилу одного из сыновей Степана Васильевича Дмитрия. Рожденный в 1853 г. он умер, как гласит подпись на хорошо сохранившемся каменном надгробии, в 22 года.

В родословной, законченной 16 августа 1894 г., Иоанн Кузнецов пишет, что Новицкие не отличались долгожительством.

«Причину вымирания крестьян Новицких, — поясняет он, — можно определить и отнести к причине вымирания остяков, так как жизнь крестьян Новицких мало чем-либо отличается в обыденной их жизни от

жизни остяков, особенно в весеннее время, когда все остяки и крестьяне как бы на кочевку выезжали из своих селений на временное жительство по разным протокам и озерам (на остяцком наречии «сорам», переезжать — значит «касаться» или «кочевать»), в коих местностях помещаются в их летних юртах, и обстановка домашнего их быта и хозяйства несколько не отлична от хозяйства остяков. Как у остяков, так и у русских в это время в летних помещениях находятся собаки, сырая рыба, продукты разных пород птицы, наловленной в большом количестве перевесами (ловушками), сушится над очагом рыба (очаг посреди юрты) и смешивается дым с сырым веществом... Пища и одежда русских, живущих по протокам, тоже несколько не отличается от остяков, а главное — вредно для русских то еще, что русские позволяют себе совместно с большими остяками (зараженными сифилисом) пить и есть из одной посуды».

Дома, в Шеркалах, Новицкие, конечно, жили комфортнее. Они имели просторный двухэтажный дом, но сказать, что это были хоромы, тоже нельзя, потому что в нем жили по несколько многодетных семей. Публикуемая фотография этого дома любезно предоставлена директором Шеркальского музея Натальей Владимировной Крюковой, снимок сделан летом 2003 г. Со временем некоторые из Новицких стали заводить дома в Тобольске. В городе жительствовавали в конце XIX — начале XX в. семьи Тимофея Васильевича, Ефима Тимофеевича, Павла Васильевича, Ивана Степановича, Василия Ивановича.

Переход Новицких к городскому укладу жизни привел к межпоколенческому разрыву. Малограмотные, а то и вовсе неграмотные рыбаки-северяне увидели интерес в образовании детей и, имея на это средства, стали отдавать детей в духовную семинарию, мужскую гимназию, Мариинскую женскую школу. После окончания этих учебных заведений способные юноши поступали в университеты и получали высшее образование. Внук Степана Васильевича Василий Михайлович Новицкий окончил Казанский университет и в советское время стал крупным деятелем культуры Тобольского Севера. Университетское образование получили и сыновья его брата Павла Васильевича: Кузьма после учебы в Германии стал инженером, Константин — врачом, Апполоний — юристом.

А средства для удовлетворения теперь уже городских потребностей добывались по-прежнему на водных просторах Оби. Каждую весну отцы сплавлялись на своих барках в низовья реки и вели промысел, унаследованный от предков, порой там, а не в городской квартире, заканчивая свои дни. 15 августа 1901 г. умер на рыболовном песке Сыгорском Павел Васильевич. 28 мая 1907 г. во время сильной бури на Оби близ села Троицкого скончался «от разрыва сердца» Иван Степанович.

Если когда-нибудь найдется терпеливый искатель, способный взяться за труд создания истории рода Новицких, читатель может получить

Бабушкино слово (Из тетради З.С. Завьяловой)

исследование того, как основа любого здорового общества — крупные жизнестойкие семьи — оттеснялись на обочину жизни, каким жестким деформациям подверглась семья как общественный институт в революционном двадцатом столетии. Ведь надо иметь в виду, что семья, а тем более род — это не одна фамилия, любая жизнеспособная семья — постоянное межсемейное взаимопрораствание в социальной «почве», и внимательное исследование истории семьи могло бы оказаться ценным и плодотворным историческим ракурсом.

Подсказки возможных линий подобного исследования, зародыши направлений поиска применительно к семье Новицких содержатся в тексте З.С. Завьяловой. В частности, в нем сообщается о браке единственной сестры Марии Степановны Уткиной со священником Василием Зиновьевичем Емельяновым. Отсюда может взять начало одно из интересных ответвлений темы, связанное с биографиями их детей. Четверо сыновей Емельяновых: Иван, Николай, Македон и Григорий — получили образование в Тобольской духовной семинарии. Зинаида Степановна упоминает только об одном Николае. Жизненный путь его не совсем обычен: окончив семинарию, он стал школьным учителем, затем продолжил образование в Юрьевском университете и Киевском политехникуме, но потом принял духовный сан. В 1913 г. служил священником церкви села Пятковского Ялуторовского уезда. Но оказалось, что и это не был его окончательный выбор. Как видно из записи в тетради Зинаиды Степановны, он стал, наконец, врачом и в 30-е годы жил в Москве, потом в Алма-Ате.

На учительскую стезю вступил, но более твердо, чем брат, и Македон Емельянов. Григорий служил столоначальником Тобольской духовной консистории (Тобольские епархиальные ведомости. 1911. 1 апр. С. 133; 1 мая. С. 175).

Яркая биография сложилась у Ивана Васильевича Емельянова (1880—1945). Выйдя из семинарии, он окончил Киевский политехникум по агрономической специальности и служил в земствах Екатеринославской и Харьковской губерний. Переехав в 1921 г. в Прагу, он участвовал в создании там Русского института сельскохозяйственной кооперации, был там заместителем директора, основал и редактировал журналы «Земледелие» и «Хутор». Затем эмигрировал в США, где проявил себя как выдающийся специалист в области экономической теории кооперации (Городская хроника // Сибирский листок. 1910. 10 июня; Белобородов В. Заграничный родственник // Лукич. 2001. № 3. С. 156–157). Информация о нем есть в интернете.

«...остался яко был — в одних низиках...»

(Про то, как старый политкаторжанин пытался правду найти...)

На архивную папку «Материалы на лишенца села Сургута Прилуцкого Евстафия Михайловича за 1934–1935 гг.» я наткнулся случайно, когда просматривал в окружном архиве дела «кулаков» Самаровского района. Сургутские «кулаки» меня не интересовали. Дай-то Бог с самаровскими разобраться. Но эмоциональное письмо «эксплоататора» к вождю меня сразу же заинтересовало. Не часто встретишь в архивных делах такой самобытный стиль. Да и по письму было ясно, что товарищ не из наших доморощенных, а из залётных закалённых революционеров. Потому и отважился выйти на самого товарища Сталина.

Дел на кулаков-лишенцев в Государственном архиве ХМАО немало. И все они как-то друг на друга похожи. Те же обвинения, тот же сценарий раскулачивания, те же жалобы в разные инстанции и те же отказы. И всё же дело Прилуцкого отличается от других. Может быть, тем, что человек, оставшийся гол как сокол, не теряет чувства юмора, ироничен и излагает свою жалобу не по установленной форме.

Мне подумалось, что и в сургутском архиве и даже у кого-нибудь из старожилов Сургута могут отыскаться ещё какие-то лирические откровения поэта поневоле.

Известно, что в 1934 г. в Сургуте по ул. Красных партизан, в доме № 8 проживала его дочь Буканина (Прилуцкая) Ольга Евстафьевна.

Ну, а пока тем немногим, что узнал из дела, решил поделиться с читателями «Подорожника».

Письма-баллады Евстафия Прилуцкого в вышестоящие инстанции были написаны в обычном построчном непрерывном изложении. В публикуемом тексте они приведены к стихотворной форме. Текст письма И.В. Сталину передан с незначительной редакцией с сохранением стилистики. Орфография и пунктуация приведены к современным нормам русского языка.

Подготовлено к публикации Филиппом Зиньковским

г. Ханты-Мансийск

Евстафий Михайлович Прилуцкий родился в 1869 году в деревне Речица Минской губернии. В 1905 году имел неосторожность примкнуться к одной из революционно настроенных партий, за что и поплатился ссылкой на Север. С 1911 года был определён на поселение в г. Сургут. Первый год проживал в качестве работника у купца Клепикова. Освоившись и окрепнув, уже через 4 года политический ссыльный завёл своих лошадей и занимался извозом вплоть до 1925 года. Уроженец юга России, Прилуцкий явно не обладал промысловыми навыками сибиряков, но организаторско-предпринимательская жилка имелась. У местных рыбаков-туземцев Прилуцкий в зимнее время скупал рыбу, которую увозил на рынки Тобольска и Тюмени. На вырученные деньги покупал лошадей, перегонял их и продавал местным крестьянам, разумеется, уже по другой цене.

В 1919 году колчаковской властью был арестован за большевистскую пропаганду и этапирован на одной из печально известных «барж смерти» в томскую тюрьму.

В 1920 году вступил в ВКП(б). В 1926 году по болезни покинул Сургут, но спустя некоторое время вернулся.

«...приехал я в 1932 году на саврасой лошади из Томска. Эту лошадь я купил в Томске за 300 рублей, с упряжкой. В 1933 году по справке ветврача я её заколол. В 1933 году мною была куплена лошадь седой масти за 600 рублей. На Банном променял Клепикову на карего мерина. Спустя некоторое время купил 3-летнего жеребца за 400 рублей».

Летом 1933 года Прилуцкий вместе с женой и сыном заготовил 1200 пудов сена, из которых 500 пудов продал по 30 рублей за воз сургутским односельчанам: учителю Знаменскому, монтеру Виноградову, почтальону Кушникову, сельчанам Пачганову, Пагилеву... Все они и многие другие жители Сургута впоследствии обратятся в сельсовет, защищая Прилуцкого. На вырученные от продажи сена деньги Прилуцкий в 1934 году покупает старенький дом за 300 рублей. В эти годы деятельность Прилуцкого попадает в поле зрения Сургутского сельсовета, в партачейку которого ещё в 1930 году поступило секретное указание из ОКРика: *«Проведение мероприятий по переустройству сельского хозяйства возможно лишь при самой решительной борьбе с кулачеством. Практическими задачами в данный момент являются: <...>самая решительная борьба с кулаком, довершение работы по ликвидации кулачества, как класса».*

Разнарядку надо было выполнять. 17 июля 1934 года сельсоветская тройка производит гарантийную опись имущества «кулацкого» хозяйства Прилуцкого. Нажитое бывшим политкаторжанином богатство состояло из старого четырёхстенного дома, несобранного сруба на дом, хлева, стаи для скота, огорода, засеянного овощами, двух рабочих лошадей, однолемешного плуга, деревянной бороны, смоляных дровней, лодки, двух деревянных кроватей с санным матрасом, стёганым одеялом и двумя перовыми подушками, стола со стульями, глиняных чашек с чайником, а также ряда прочих предметов первой необходимости, сельхозинвентаря и крестьянской одежды. Всего было описано 62 наименования, включая кальсоны. Хозяин имущества под роспись обязывался сохранить своё добро до особого распоряжения властей. Наверное, поняв, что это начало конца, Прилуцкий в тот же день пишет в комитет бедноты заявление в оригинальной форме исповедальной баллады. Интересно, какого результата он ожидал? На что надеялся бывший каторжанин, инвалид 3-й группы по болезни ног. На то, что возьмут во внимание его возраст? Может, надеялся на снисхождение к его умению стихосложения?

Заявление

Обращаюсь к вам, товарищи беднота,
Вот большая у меня хлопота.
Прошу вас внимание обратите,
Как старика ни вертите.

Старость меня сгибает,
Постройка моя погибает.
Я не заливаю вином глотку,
Держу для услуг всем лодку.

Я уже старик и урод,
А вспахал людям 31 огород.
Конём я людям работаю,
Конь мой карий,
А я, видно, хуже твари.

Вот если ликвидируют моё имение,
Вот всем будет удивление.
Меня самого удивляет
Кто же так повелевает?

За личный мой труд и работу
Дают мне же заботу.
Я думал, всё это завожу,
Всем этим я и живу.

Без рабочих и батраков,
И помимо кулаков.
Вот старик дурак
Вам теперь — кулак.

Ну, до свиданья, моё вам унижение
Всё ваше распоряжение.
Ну, дело будто видно —
Мои 65 лет, но обидно.

Прошу снять опись.

Товарищи из «бедноты» не поняли «одесский» юмор, но с незамедлительным пролетарским вердиктом не задержались. И уже 28 июля 1934 года бедняцкое собрание во главе с комбедом села Сургута слушали вопрос об обложении в индивидуальном порядке кулацких хозяйств. В список кулаков был занесён и Е.М. Прилуцкий. *«...Всю зиму 1933–1934 гг. занимался скупкой и перепродажей сена, из чего извлекал нетрудовые доходы. Привлечь к сельхозналогу в индивидуальном порядке, а также просить Президиум РИКа лишить последнего избирательных прав, как лица, жившего на нетрудовые доходы».*

Президиум Сургутского РИКа тут же оперативно, через три дня, утвердил решение комбеда по обложению сельхозналогом и лишил Е.М. Прилуцкого избирательных прав. Прилуцкий моментально реагирует на постановление РИКа и пытается добиться восстановления в избирательных правах, ищет поддержки у односельчан. Около 20 жителей Сургута подписываются в справке. *«Мы, граждане сего села, у Прилуцкого просим: «Сена, дай сена! Дай сена! Прилуцкий выручал нас в этом. Мы им довольны. Жалоб не имеем».* Один из подписавшихся (Пачганов) дописал: *«Если б он не достал сена, то я был бы вынужден убить корову».*

Но Сургутский РИК прежде всего берёт во внимание «нужные» документы, собранные сельсоветом, и веским аргументом считает справку гражданки З.: *«Я жила у гражданина Прилуцкого работницей 1 год (1927–1928). Вместе с ним ходила в извоз до Омутинки. В то время он*

имел 8 рабочих лошадей». И ещё гражданин Г. представил в сельсовет справку о том, что он «действительно брал у Прилуцкого Евстафия 2 воза сена за 20 рублей и был вынужден дать 20 фунтов семян».

Рассмотрев представленные документы на «эксплоататора», Сургутский РИК постановляет: «эксплоатировал батрачку З., имея 8 рабочих лошадей, использовал батрачку в извозе... В течение всей зимы 1933–1934 систематически занимался скупкой и перепродажей (спекуляция) сена. Привлечь к обложению сельхозналогом в индивидуальном порядке как занимающегося систематически спекуляцией и наживающегося на этом за счёт трудящихся».

Сумму сельхозналога в сельсовете пересчитали сразу же на равноценную сумму из описанного имущества. И 3 августа 1934 года сельсоветская «тройка» пришла изымать имущество за неуплату сельхозналога.

Были изъяты телега 4-колёсная, кирпичей 350 штук, часы-ходики, стол со стульями, чугуны, лопаты, пилы, брюки суконные, женское платье, сапоги, пимы, полотенца, занавески, плащ брезентовый, вилы железные, самовар, платки головные, два полушубка и рубахи — верхняя и нижняя.

Той же осенью Прилуцкий пишет письмо председателю Остяко-Вогульского окрисполкома. «Прошу восстановить меня в правах. Отдать мне дом и все мои любимые заборы. А то вот-вот спилят на дрова <...> Я сено продал, легко было на душе у меня, что кое-кому спас корову, а за это всё у меня отняли. Нет у меня средств, [а то] ехал бы до Михаила Ивановича¹, по ссылке я [ему] товарищ. Ещё добавляю. По справке сельсовета в сентябре [19]33 года я середняк, а 3 августа [19]34 года я уже кулак.

Вот кулак, так кулак.

Коровы нет, постели нет, сундука нет.

А поставил хорошие ворота,

Поэтому кулак, а не беднота».

Но окрисполком слезам не верит, а ссылается на решение Сургутского РИКа. Прилуцкий не сдаётся, и как агитатор-революционер со стажем продолжает настойчиво «бомбить» округ. Как всякий одессит, не теряющий чувства юмора в любой ситуации, он обращается к председателю окрисполкома в присущей одесситам манере: «Я имею Вам сказать: шоб мы так жили, как хотели!»

¹ Михаил Иванович Калинин — председатель ЦИК СССР.

Остяко-Вогульск.
Председателю округа

Заявление

Пишу сие заявление,
Может, Вам будет удивление.
Когда описала меня из сельсовета «тройка»,
Остановилась вся моя постройка.

Телега моя со двора укатилась,
Нужда на меня навалилась.
Жена от меня удалилась.

Я не был никогда благородным,
А теперь и вовсе безродный.
По чужим домам валяюсь,
Полушубком одеваюсь.

И так сердце не на месте,
Жена уехала вёрст за двести.
И нет у меня денежного валюта,
И стар, и живу без приюта.

Я стар и политссылный,
И такой бессильный,
Что зимой в морозы
Я не могу работать в колхозе.

Я хотел быть Советам друг,
Купил борону и плуг.
И хотя я стар и урод,
Вспахал любя 31 огород.

Вот за мои усердные работы
Сельсовет мне дал заботы:
За спекуляцию сена
Отбрали у меня всё смело.

Прошу вас, товарищи, усердно и убедительно
Возвратить мне моё хозяйство позволительно.
А мне будет удовлетворительно.

В своём дворе сострою хату,
Хотя б как клетку,
То ещё проживу пятилетку.

Куплю хлеба килограмм,
Буду жить как в раю Адам.
Вам, товарищи, и пишу, и прошу:
Всё не так сложно —
Возвратить хозяйство мне можно.

На лошади я ещё могу работать,
Что я о нужде не буду хлопотать.
Устройте для меня дело отлично,
То и моя жена будет жить
Со мной прилично.

Ну, заявление кончается,
Чем дело увенчается
Буду, буду ждать...

К сожалению, «председатель округа» не смог по достоинству оценить поэтические наклонности заявителя, не сумел прочувствовать эмоциональную оценку описываемых событий... Решение президиума окрисполкома от 27 января 1935 года было сухо официальное. *«Гражданин Прилуцкий в течение ряда лет занимался скупкой и продажей рыбы и лошадей и последние годы сеном. Хозяйство было кулацкое. Наёмный труд применялся. В ходатайстве отказать».*

Но старого бунтовщика, прошедшего закалку в сибирской ссылке, и это решение не остановило. Он решается обратиться лично к НЕМУ...

10 марта 1935 г.

Уважаемому вождю гражданину Сталину!

Не каждый гражданин [будет] писать Вам свою жалобу или биографию своей жизни. Вот Прилуцкий рискует, хотя кратко, но может описать, что в 1905 г. в г. Одессе 25 декабря я был арестован за агитацию среди царской армии по 129-й ст[атье] 2-й части. Военный суд приговорил [на] вечное поселение в Тобольскую губернию. В 1906 году в августе выдворили меня на жительство [в] [К]утарбитку Карачинской волости. В этой деревне идущим тов[арищам] в Тобольский каторжный централ и

ссылку в Кутарбитку всегда была дневка идущей партии большевистских товарищей. Помня эту Кутарбитку, знают и меня <...>. Вы тоже, тов[арищ] Сталин, помните эту деревню, как в ней наших товарищей царские солдаты убили 23 человека. Я тоже за это дело несчастное был гоним царским правительством из Сибири в Сибирь, из ссылки в ссылку. Я в этой деревне 3 года жил мучительно. Мне надо было услужить товарищам всякой помощью. У меня была семья из 5 душ. Мы все оказывали услуги товарищам, идущим в Тобольск и из Тобольска. После всяких многих невзгод меня царское правительство забросило в Сургут.

С 1911 года стал жить в Сургуте. Дети мои трое выросли, поженились. Я сам был здоров физически и способен по хозяйству. Меня 3 раза судили за разные преступления царские, но все-таки было у меня небольшое хозяйство вплоть до [19]25 года. Но жена моя одесская умерла, двое детей умерло. Хозяйство мое рухнуло на нет. Я с [19]26 года бросил Сургут, кое-где мотался 6 лет. Но все-таки явился в Сургут [в] 1932 году, вызвали меня внуки. Вот я давай работать по-большевистски. Работа у меня подается. Я и сбился на пару лошадей. Купил немудрый домик за 300 рублей, телегу сделал, заработал хорошо. Хозяйство мое растет. Меня поставили средняком. Я доволен, что [все] у меня появляется.

А от Сургута три версты большой поселок спецпереселенцев. Вот я в одну красавицу влюбился, на ней женился. У нее два мальчика 12–9 лет. Жить с ней не скучно, но несподручно — паспорта у ней нет. В Сургуте ей нельзя жить. Я как директор к ней разъезжал. Меня штрафуют, я свое горе переношу. Вот [19]34 года июля 20 дня является ко мне сельсовет. [И на всё] мое хозяйство гарантийную опись делает. Я довольный мечтал, что [если] большое у меня хозяйство, то мне премию дадут за то, что старик 66 лет за 2 года [стал] средняк. Но мне скоро после гарантийной описи преподнесли сельхозналог, культсбор, самообложение 1750 р., а мое хозяйство по описи — 2500 р. Вот всё у меня забрали. Я остался яко был — в одних низиках... И так вот, товарищ Сталин, как на Севере работают товарищи молодые.

Я имею копию Одесского военного суда, за что Прилуцкий сослан. Ничего, я могу смело сказать — по Сибири тысячи людей я вооружал против царизма. И вот так надо мной судьба подыграла. Мою любезную жену из Сургута отослали в другой поселок за 120 верст, а я ее бросить не могу.

По сему письму я прошу Вас, тов. Сталин, [с]делайте Ваше распоряжение — отдать мне мое трудовое хозяйство. Прошу вызовите меня к Вам в Москву, пошлите средства на дорогу. Такого рода письмо послал товарищу Калинин. Я просто говорю, чтобы мне не надо страдать в нашей власти. Я тоже ее жаждал.

Прошу передавать товарищу Сталину при ЦИК.

Уважаемый товарищ Сталин! Как видите, что я малограмотный. Но я был работник очень путный. [Если] я был бы перед Вами, я мог бы рассказать. По всей реке Оби, наверное, за 20 лет моего проживания, я все [1 нрзб.] знаю. Товарищ Сталин, я все понимаю, хотя Вы вождь нашей власти, Вы мне один не можете дать помощи. Я надеюсь, что в ЦИКе есть товарищи, [которые] знают меня, как я жил в д. Кутарбитке эти года. Я сотни тысяч встречал и провожал товарищей. Троцкий меня в своем сочинении поместил в книге «Туда и назад»². Он пишет, что я одессит, профессию мою, семейное положение и как я ему рассказал пути-дороги в Сибири. Он был у меня на дому в Кутарбитке.

[И]так, одно мне недо[стает] от нашей власти — отдать мне мое хозяйство. Дать мне права, чтобы моя жена-сперицпереселенка жила со мной вместе на Северу, как-то по реке Оби. Просто мне хочется хотя [бы] пять лет пожить свободно. Мне стыдно и больно, крестьяне смеются — за что я боролся? За что меня Колчак увозил в Томск? Как меня избивали и мучили. Нас сотни тысяч Колчак убивал на Оби. Все это на моих глазах. И я теперь никто. Звание кулак в корне неправда. Не имеет права никто из старых товарищей сказать, что я не был работник.

Прошу вас, вожди наши, Вы, товарищ Сталин, Вы, товарищ Калинин, в урну мои письма не бросьте. Можете меня вызвать, можете нет. Но дайте помощи и совета.

Известный политический ссыльный, живший в д. Кутарбитке

Е.М. Прилуцкий

Надеялся ли пожилой бывший ссыльный, что его послание попадет в руки вождя? Верил ли в торжество справедливости? По крайней мере, это был его последний шанс. И он им воспользовался.

Далее всё поехало по накатанной схеме. Особый сектор ЦК ВКП(б) переслал «исповедь» Прилуцкого в омский сектор, омские товарищи тут же заслали депешу в Остяко-Вогульский окрисполком — «Пересы-

² Имеется в виду книга Л.Д. Троцкого «Туда и обратно» о побеге из Березова Тобольской губернии, написанная им в 1907 году в Финляндии.

лается полученное на облизполком заявление гр. Прилуцкого Е.М. для рассмотрения». 22 сентября 1935 года Омский областной исполнительный комитет поставил точку в этой затянувшейся тяжбе: «Жалобу гражданина Прилуцкого отклонить».

Моя покойная матушка, сама пострадавшая от репрессий, в таких случаях добавляла: «Ворон ворону глаз не выклюет» и «Плетью обуха не перешибёшь».

Лишившись крова над головой и разуверившись в возможности найти правду, Прилуцкий, по всей видимости, вынужден был переехать на житие к любезной супруге, в посёлок Белый Яр. Именно там и постигла его карающая рука революции.

10 августа 1937 года Евстафий Михайлович был арестован органами НКВД. Какое обвинение было предъявлено бывшему революционеру? Наверняка, как и в царское время, за агитацию, только контрреволюционную, направленную против Советской власти... Наверное, не обошлось и без отголосков 21-го года.

37-й год для многих жителей округа явился расплатой за кратковременное и нередко подневольное (под угрозой оружия) участие в восстании 1921 года. Вполне вероятно, что к ним относился и Евстафий Прилуцкий. В характеристике, составленной Сургутским сельским советом, было указано: «<...>В период бандитского восстания был начальником арестного помещения, где содержались коммунисты...». По всей вероятности, участие Прилуцкого в восстании не было обременено отягчающими последствиями, и он в 1921 году был амнистирован. В то же время, как сообщал сельсовет, «сын его Стафей был ярый бандит, впоследствии расстрелян красными».

Из «Книги расстрелянных» (мартиролога погибших в НКВД) известно, что Евстафий Михайлович был осужден «тройкой» Омского УНКВД и расстрелян в Тюмени 29 ноября 1937 года. Реабилитирован 7 мая 1960 года.

Вот такой невесёлый конец получился у бывшего политического ссыльного, жаждущего новой власти.

Использованные источники:

1. ГА ХМАО Ф. 1. Оп. 3. Д. 85.
2. Книга расстрелянных: мартиролог погибших от руки НКВД в годы большого террора (Тюменская область): в 2 т. Т. 2 / сост.: Р.С. Гольдберг. Тюмень, 1999. С.134.

Кадры решают все. Но их надо готовить

Два национальных округа — Остяко-Вогульский и Ямало-Ненецкий — были созданы 10 декабря 1930 года в рамках существовавшей в те годы Уральской области с центром в городе Свердловске, ныне Екатеринбург. Управленческих кадров остро не хватало не только в округах, но и в целом по области, которая в 30-е годы стала главным плацдармом индустриализации в стране.

Планировала ли власть их подготовку? Да, 11 июня 1932 года Комитет Севера при Президиуме ВЦИК принял решение о подготовке советских, хозяйственных, кооперативных, колхозных кадров путем так называемой коренизации аппарата управления. То есть ставилась задача привлечь на работу — в сельсоветы и тузсоветы на должности председателей, заместителей председателя, секретарей советов, финансовых работников — представителей коренного населения Севера.

С этой целью в первые годы образования Остяко-Вогульского (Ханты-Мансийского) округа стали действовать курсы советского строительства. Материалы об этом хранятся в фонде 21 Государственного архива Югры. Но, как утверждает автор книги «Обитаемое прошлое» Валерий Белобородов (Тюмень: Мандр и К^а, 2011), еще в декабре 1929 года в селе Березово Тобольского округа были открыты курсы «подготовки советских кадров из числа коренных малочисленных народов Севера — руководителей туземных советов, производственных ячеек, специалистов охотничьего и рыбного промыслов, счетных работников, фельдшеров, учителей».

С образованием Остяко-Вогульского национального округа первые курсы по подготовке и переподготовке председателей сельских советов открылись 20 января 1932 года и действовали до 20 мая 1932 года. В 1933 году начали работать курсы советского строительства продолжительностью 6 и 8 месяцев. За этот период малограмотные, а то и вовсе неграмотные курсанты должны были не только научиться писать, считать, но и

пройти курсы политучебы, узнать теоретические основы того, чем они занимались в повседневной жизни, к примеру, освоить темы «Рыбное хозяйство», «Техника рыболовства», «Освоение водоемов» и так далее.

В фонде 21 (оп. 1, д. 7) хранятся 19 тетрадей, в которых зафиксированы не только часы, отведенные на преподавание того или иного предмета, но и отражен учет выдачи учебных принадлежностей, снабжения бельем, обувью, мылом курсантов. Сами тетради, в которые вносились подобные записи, сегодня интересны тем, что ярко отражают свою эпоху. Так, на их обложках помещены призывы, которые для того времени были чрезвычайно актуальны, например: «Когдаходишь в школу, в дом, тщательноочищай обувь от уличной пыли и грязи». «Неплюй никогда на пол — это вредно и грязно». «Никогда не сиди в комнате в верхней одежде и в шапке. Проветривай чаще комнату, в которой работаешь».

А вот образец диктанта, которые писали курсанты: простой, короткий текст, главное было — написать его грамотно, без ошибок: «Работницы! Цените свет солнца! От солнца гибнет зараза. Сильнее работает сердце. Солнце — друг человека!» Пропаганда нового, советского образа жизни, быта, видна и на обложках тетрадей, и в строчках диктанта.

Курс политучебы для тех, кто проходил его в 1935 году, включал такие темы: «Как жили и боролись рабочие и крестьяне до революции», «Советский Союз и капиталистический мир» и другие. К примеру, курс обществоведения включал 101 час, с курсантами вели беседы: «Коммунизм — наша конечная цель», «Учение Маркса — Ленина — Сталина о государстве», «Задачи Второй пятилетки» и тому подобное.

Беря в руки тетрадь, курсант видел на обложке фото Сталина и мог прочитать его слова: «Главное теперь — перейти на обязательное первоначальное обучение. Я говорю “главное”, так как таковой переход означал бы решающий шаг в деле культурной революции».

Состав курсов советского строительства постоянно менялся, к примеру, в среднем занимались чуть больше 20 человек. Выбывали из числа курсантов по разным причинам, но чаще всего по болезни. Никаких справок о состоянии здоровья при поступлении не требовалось, но в процессе учебы выяснялось, что курсант болеет туберкулезом (чаще всего), и его отправляли домой. Одна из девушек оказалась беременной. Отправляясь домой, курсанты получали на руки удостоверение от руководителя курсов советского строительства Маремьянина, в кото-

ром он обращался с просьбой «ко всем партийным и советским организациям» оказывать в дороге помощь заболевшему курсанту. Один из них — Мокров — написал письмо председателю окрисполкома Васильеву, в котором сообщал, что на занятиях «идет повторение пройденного», и это интересно только малограмотным, а он все это знает. «Зачем мне сидеть с ними даром, я на практике лучше дойду, чем мне здесь сидеть», — писал Мокров и просил направить его на работу в тузсовет. Сам он был из бедняков, колхозников, по национальности — манси. Письмо Мокрова датировано 24 июня 1935 года.

Резолюция председателя райисполкома была такая: «Если успешно учится, прикрепить его к отстающим до конца учебного года». В 1935 году курсами заведовал А. Копылов, он «обрадовал» Мокрова: «Прикрепляем к вам 2-х курсантов, с 27.6 приступить с ними к занятиям по два часа сверх академического дня, возлагаю ответственность за подготовку их на “хорошо”, за что буду поощрять».

Были случаи, когда курсантов отчисляли за неблагоприятные поступки. Так, Кулаков 7 октября 1934 года получил строгий выговор с лишением двухмесячной стипендии за то, что пьяным «учинил драку в туземном доме при открытии 1-го слета колхозников-ударников». В декабре того же года Кулаков, как видно из архивных документов, «пришел в класс, стал петь, плясать, выкрикивать разные фразы. Актаев Андрей предупредил Кулакова, но тот его оскорбил, назвал «кулацким подпевалой» и «шаманом». Через четыре дня Кулакова исключили.

Покидали курсы и по другим мотивам, так, неожиданно выяснилось, что один из курсантов участвовал «в бандитском восстании». Еще одного курсанта исключили «за распространение нелепых слухов, за разжигание антагонизма между нациями и двухдневный прогул».

Но если на курсы советского строительства принимали выходцев из самых низов — неграмотных, полуграмотных жителей округа и через 8 месяцев направляли их на работу в сельсоветы и тузсоветы, то в эти же годы была поставлена задача подготовить более образованные кадры для работы в партийных и советских органах.

В Государственном архиве Югры хранится постановление Уральского обкома партии большевиков, сверху грозная надпись: «Снятие копии воспрещается». Шестой пункт постановления гласит: «УралОНО (отделу народного образования) организовать новые СПШ (советско-партийные

школы) II ступени с двухгодичным сроком обучения». Такие школы предполагалось создать в Магнитогорске — по подготовке партийных и комсомольских работников для новостроек черной металлургии, в Шадринске — для зерновых районов, в Самарово (Остяко-Вогульский округ) — для северных районов, в Тавде — для лесных районов. Всего в Уральской области должно было появиться 9 совпартшкол. По нормам питания курсанты приравнивались к рабочим, которые снабжались по 1-й категории.

Самаровская совпартшкола должна была готовить руководящие кадры для двух национальных округов. Первый набор на 1933 год определили в количестве 35 человек, из них 10 человек должен был приехать Ямал по разнарядке: 5 человек — ненцы и ханты, 5 человек — зыряне, русские, представители других национальностей. В основном речь шла о членах партии, кандидатах в члены партии и комсомольцах.

Как сказано в одном из архивных документов тех лет, власть придавала «исключительной важности политическое значение организации СПШ в национальном округе как одному из средств, ускоряющему выполнение задач коренизации партийно-советского аппарата». Ставилась задача: при наборе в совпартшколу довести количество ханты, манси, ненцев до 75 процентов. Но это в перспективе. В первый год создания Самаровской СПШ процент коренных жителей Севера должен равняться 50, это даже больше, чем было определено постановлением Уральского обкома партии первоначально, возраст — от 19 до 35 лет, коммунистов среди них должно было быть 65 процентов, комсомольцев — 35.

26 марта 1933 года состоялось совместное заседание окружкома партии и окрисполкома, на котором рассматривался вопрос подготовки к открытию Самаровской совпартшколы II ступени, которая должна была появиться в селе Реполово Самаровского, ныне Ханты-Мансийского, района. Открыть СПШ в самом райцентре Самарово не было возможности, так как не нашлось свободных помещений по причине нахождения здесь органов власти недавно образованного Остяко-Вогульского национального округа.

На заседании рассматривались вопросы: как доставить продукты в Реполово, как организовать столовую закрытого типа «с включением в нее контингента областных курсов партактива». Предполагалось, что «приемо-отборочные испытания пройдут со 2 по 4 апреля и начало занятий не позднее 5 апреля». На этом этапе заведующим совпартшколой был назначен Калабин, завучем Нохрин.

Руководители округа горячо взялись за организацию СПШ. Один из них (подпись в документе неразборчива) пишет с «комприветом в Уралобком» некоему Травинскому и сообщает, что «в округе нет ни одной порядочной библиотеки, из которой СПШ могла бы пользоваться литературой». Он просит Травинского «поставить перед обкомом вопрос ребром». Заведующий совпартшколой обратился на базу книготорга с просьбой обеспечить слушателей бумагой. «В случае отказа вопрос будет рассматриваться как игнорирование постановления секретариата Уралобкома ВКП(б) в части обеспечения всем необходимым открывающуюся СПШ», — грозно предупредил он.

Но открытие не состоялось из-за недобора курсантов. Пришлось обращаться в Уральский обком с просьбой «воздействовать на Ямальский окружком, чтобы к 1 апреля выслали слушателей». К 14 апреля 1933 года, как сказано в одном из документов, «СПШ преподавателями, помещением, инвентарем, денежными средствами, квартирами, обеспечена». Но в наличии имелось только 9 курсантов, поэтому формирование двух групп — партийной работы и советского строительства — перенесли на 15 июня. Но и в этот раз ничего не вышло. 25 курсантов еле-еле смогли набрать только к 7 сентября 1933 года. Ни одного человека не направили Березовский, Ларьякский (Ниженевартовский), Шурышкарский (ныне в составе ЯНАО) районы.

Такая ситуация сложилась не только в Самаровской совпартшколе, но и в других. По Уральскому отделу народного образования вышел приказ от 17 января 1934 года, в котором отмечено, что «комплектация СПШ проходит совершенно неудовлетворительно». Вместо 1 148 курсантов для 9 совпартшкол смогли набрать только 533.

Такая же ситуация была и в целом по стране. В газете «Правда» 4 сентября 1933 года появилась публикация, в которой отмечалось, что ЦК обратил внимание на неудовлетворительное комплектование и материальное обеспечение совпартшкол. Партийным органам было предложено систематически заслушивать доклады о работе совпартшкол и курсов. Также в публикации отмечалось, что с 1934 года сеть СПШ расширится еще на 100, а стипендии курсантов вырастут до 130 рублей. Много это или мало? Например, курсанты окружных курсов советского строительства снабжались мылом по 1,5 руб. за один кусок, майки им продавали по 7 руб. 58 коп. Предполагалось, что этих денег должно было хватить и на питание, и на одежду.

В январе 1934 года Народный комиссариат просвещения потребовал сообщить в Москву сведения относительно деятельности СПШ. Сегодня благодаря этому документу, копия которого хранится в окружном архиве, мы имеем точное представление о совпартшколе, которая Самаровской была только по названию, а располагалась, как уже упоминалось, в 80 километрах в селе Реполово. На вопросы Наркомпроса в январе 1934 года пришлось отвечать заведующему совпартшколой Василию Мотину, который, по его же признанию, лишь недавно занял должность снятого с работы предшественника. Скорее всего, тот поплатился за недобор курсантов. Мотин был членом партии с 1926 года, в свое время он окончил совпартшколу, учился в комвузе, но не закончил — учебное заведение закрыли, а его направили на работу в Остяко-Вогульский округ.

По сообщению Мотина, к январю 1934 года были открыты два отделения, обучалось 50 человек. «Учебное помещение занимает 2-этажный кулацкий дом... под общежитие используется второй кулацкий дом», — сообщал он в наркомпрос.

Как питались курсанты в то голодное время? Судя по ответам, весьма скудно: на завтрак чай с хлебом, обед — суп и каша без масла, то же самое на ужин. Мотин вынужден был признать, что «при 9-часовом рабочем дне плюс выполнение общественных работ у 20,4% курсантов врачи признали малокровие, 20% курсантов оказались неврастениками».

В то время для ускорения темпов индустриализации страны практиковались различные займы, это называлось «мобилизацией средств у населения». Во время первой же практики, которую слушатели совпартшколы провели в колхозах, им пришлось участвовать в «мобилизации средств», в организации посевной кампании, путине. Сами они из своей скудной стипендии собирали средства на постройку самолета в честь здравствующего наркома просвещения Бубнова.

Таковы были будни тех, кто позже встал у руля управления колхозами, партийными, комсомольскими, профсоюзными организациями, кто руководил отделами в райисполкомах и райкомах партии. В совпартшколе они получали знания по таким предметам, как русский язык, математика, экономическая география, естествознание, история классовой борьбы. Не фундаментальные знания, но все же очень важные для формирования первой волны окружной политической элиты.

Валентина Патранова.

Театральные прививки

*Хроника театральной жизни Остяко-Вогульска (Ханты-Мансийска).
1932–1948-е гг.*

В наши дни, когда неперенными участниками культурной жизни округа стали собственные профессиональные театры, не говоря уже о гастролирующих, пора обратиться и к истории местного театра.

Но начать придётся с предыстории, поскольку какие-либо исторические исследования на эту тему нам неизвестны. Мы предлагаем беглую, фрагментарную хронику событий 1932 – 1948 годов. В этот короткий период было сделано несколько попыток создать в Остяко-Вогульске (Ханты-Мансийске) профессиональный театр, так и не увенчавшихся прочным успехом и тем не менее оставивших свой след в местной культуре. Хроника выстроена на довольно скромной документальной базе – главным образом на публикациях местной прессы и отчасти на некоторых архивных источниках. Надеемся на то, что некоторые из приведённых сообщений разбудят чей-то краеведческий интерес и станут предпосылками для продолжения «раскопок».

1932 г.

Октябрь. В соответствии с договором, заключённым Остяко-Вогульским окружным отделом народного образования с Уральским управлением зрелищными предприятиями, в Остяко-Вогульск прибыла для работы зимой 1932–1933 гг. труппа артистов из 29 человек. (Ханты-Манчи Шоп (Шой). 1932. 26 окт.)

15 ноября. Приказом по Остяко-Вогульскому окроно № 22 директором городского театра назначен Толмачёв.

Ноябрь. Труппа артистов из Свердловска поставила спектакль «Улица радости» (Еланцев И. «Улица радости» // Ханты-Манчи Шоп (Шой). 1932. 24 нояб.).

29 ноября командированный ОК ВКП(б) Катков назначен заместителем директора городского театра с 1 декабря. Из приказа: «Обязываю т. Каткова в пятидневный срок организовать секцию национального искусства при гортеатре и художественно-драматические кружки при тузпедтехникуме и тузсемилетке».

Декабрь. 5 декабря директор гортеатра Толмачёв освобождён от своих обязанностей и командирован в распоряжение ОК ВКП(б). Директором с 5 декабря назначена Зудова Любовь Константиновна (Приказ № 27 по окроно).

На сцене Остяко-Вогульска режиссёром Путевым поставлена пьеса «Шаланда». В спектакле были заняты артисты Грачёв, Мартынов, Рябов, Александров, Троицкий, Пышпенкова, Левандовская, Синельская, Марьин (Еланцев И. «Шаланда» // Ханты-Манчи Шоп (Шой). 1932. 9 дек.).

1933 г.

25 января объявлена запись всех желающих обучаться в театральной мастерской при театре посёлка Остяко-Вогульск (Иванов А. Самодетельный и профессиональный театр 30-х годов // Югра. 2000. № 6. С. 49).

29 января директор театра Зудова от работы освобождена и откомандирована в распоряжение ОК ВКП(б), директором назначен Левандовский Юрий Алексеевич (Приказ по окроно № 4).

6 июня. Из заметки в газете «Ханты-Манчи Шоп (Шой)»: «Работники Остяко-Вогульского драмтеатра за ледоходом должны были спуститься на промыслы для культурно-массового обслуживания рыбаков. Благодаря явному неумению работников окроно руководить драмтеатром труппа и по сей день прозябает в городе и больше того — бездействует. Вряд ли кто помнит число последней постановки. Вопросом выполнения договорных обязательств со стороны труппы заняться никто не хочет. Как результат этого работники театра не дают ни количества обусловленных договором постановок, ни качества, несмотря на больше чем достаточное количество времени для подготовки».

1 декабря. Президиум окружного совета профессиональных союзов рассмотрел вопрос об участии профсоюзов в создании национального театра. В постановлении отмечено, что создание театра — «важное мероприятие по повышению культурно-политического уровня трудящихся масс Севера и особенно туземных». Президиум постановил внести на организацию театра в Остяко-Вогульске 20 тысяч рублей и разложил эту сумму на 11 профсоюзов, а также просил Уралпрофсовет отпустить на создание театра 12000 р. (Государственный архив Ханты-Мансийского автономного округа (ГАХМАО). Ф. 54. Оп. 1. Д. 24. Л. 4).

Профсоюзная инициатива не имела ощутимых последствий, национальный театр нигде не проявился в последующие годы.

1935 г.

Февраль. К 17-й годовщине Красной армии устроила вечер окружная библиотека, на нём драматические коллективы Дома народов Севера и тузпедтехникума исполнили отрывки из пьес о Гражданской войне.

Март. На вечере смеха и юмора показано несколько миниатюр: «Великий шутник», «Непреодолимый барьер», «Обратная сторона», «Жена заведующего магазином», «Свадьба» М. Зощенко.

17 мая состоялся первый вечер национального искусства ханты и манси, на котором сыграна небольшая пьеса студента педтехникума Жбанова на языке ханты. Автор показал в своём произведении старый быт коренного населения, вымогательские действия шаманов. Присутствовавший на вечере секретарь окружкома ВКП(б) сказал, что в округе должны быть театры ханты и манси (Иванов А. Указ. соч. С. 49).

24 июня окружная газета опубликовала условия конкурса среди трудящихся ханты и манси на лучшую пьесу «из жизни и быта ханты-мансийского населения», объявленного окружным отделом народного образования. Пьесы должны были отражать борьбу ханты и манси с гнётом и эксплуатацией в дореволюционное время и за укрепление советской власти, раскрепощение женщин, культуру, колхозы, производительность труда, выполнение государственных планов по развитию скотоводства, добыче рыбы и пушнины. Пьесы предлагалось писать на родных языках. Было учреждено 16 премий на общую сумму 1000 рублей.

1936 г.

21 февраля в газете «Ханты-Манчи Шоп (Шой)» опубликована рецензия М. Зыкова на постановку пьесы Афиногенова «Далёкое» местными артистами-любителями под руководством Н.А. Потанина. «Хорошая постановка в нашем Доме народов Севера — дело редкое, — пишет автор. — Постановка пьесы «Далёкое» наголову разбивает все попытки объяснить прежние халтурные постановки тем, что, мол, у нас хороших спектаклей быть не может. Это, мол, вам не Москва! Тщательная работа драмкружка (руководитель тов. Потанин), привлечение в него наших культурных сил — всё это позволило показать интересный, удачно оформленный спектакль. Конечно, актёры-любители играли не совсем ровно, конечно, придирчивый критик нашёл бы в спектакле много недостатков. Но, несмотря на эти недостатки, спектакль получился интересным и увлекательным».

Март. Поставлены водевили «Вицмундир» П. Каратыгина и «Юбилей» А. Чехова.

10 мая в том же издании появилось сообщение о двух любительских спектаклях, состоявшихся в Остяко-Вогульске. «Женитьбу» Гоголя поставил кружок режиссёра Адамова, а «На дне» Горького — кружок Потанина. По словам рецензента, оба кружка «смело берутся за постановку пьес, которые под силу лишь профессионалам и опытным любителям. Но наши любители забыли главное — борьбу за качество. Посмотрев пьесы “Женитьба” и “На дне”, зрители остались недовольны игрой, которую проделывали бессмертные типы Гоголя и Горького на “остяко-вогульский” лад. [...] Постановка таких пьес необходима. Зритель культурно вырос и предъявляет актёру-любителю требования по повышению качества. Борьба за качество должна стать в центре внимания драмкружков».

17 мая в Доме народов Севера показана ещё одна классическая пьеса — «Без вины виноватые» А. Островского. В тот же день в совпартшколе слушатели исполнили несколько миниатюр А. Чехова. Инсценировки были сделаны «наскоро», премьера состоялась без репетиций.

Вскоре зрители впервые увидели оперетту «Дружная горка» В. Дешёвова и Н. Дворикова в постановке коллектива Самаровского рабочего клуба (Ханты-Манчи Шоп (Шой). 1936. 20 мая).

1937 г.

10 февраля в городском кинотеатре на вечере, посвящённом 100-летию со дня смерти А.С. Пушкина, студенты педагогического техникума, фельдшерско-акушерской школы и учащиеся средних школ Остяко-Вогульска исполнили несколько сценок из пушкинских произведений, а в самаровском клубе рыбников на таком же вечере показаны сцены из «Бориса Годунова». Студенты фельдшерско-акушерской школы также инсценировали «Сказку о попе и работнике его Балде» (Иванов А. Указ. соч. С. 50).

Сообщение «Омской правды» **23 марта**: «Омский областной театральный трест организует в Остяко-Вогульске постоянный театр. Это будет первый стационарный театр на крайнем севере области. Сейчас подбирается труппа из 28 актёров. На место работы труппа выедет с первым пароходом, отправляющимся на Север».

20 мая в «Омской правде» опубликована заметка «Колхозный театр едет на Север» такого содержания:

«25 мая управление театрами Омской области отправляет на Север в полугодовую поездку третий колхозный театр. Основной базой его будет Остяко-Вогульск. Оттуда театр будет выезжать для обслуживания всех районов дальнего Севера.»

В репертуаре театра следующие пьесы: «Слава» Гусева, «Платон Кречет» и «Банкир» Корнейчука, «Коварство и любовь» Шиллера, «На бойком месте», «Без вины виноватые» и «Женитьба Белугина» Островского, «Слуга двух господ» Гольдони и «Женитьба» Гоголя.

Художественный руководитель театра А.Л. Бердичевский, директор А.Н. Борисов, режиссёры М.Ф. Казанский и С.Р. Зозуля, художник Н.Н. Панков, заведующий монтажной частью Н.Р. Теплицкий. В составе труппы следующие актёры: Казанская, Борисова, Усольцева, Берлицкая, Елисеева, Соболева, Яхонтова, Щукина, Казанский, Яновский, Зозуля, Шубин, Атапович, Иванов, Егоров, Береснев, Стручков, Зикун и Рябов».

В мае же из Москвы в Омск выехала труппа организованного двумя годами раньше Заполярного театра Главсевморпути под руководством Н. Волконского. Маршрут труппы: Омск—Тобольск—Белогорье и далее вниз по Оби до Нового Порта. Отсюда по Карскому побережью — на остров Диксон, вверх по Енисею в Дудинку и Игарку. Поездка длилась шесть месяцев. Кроме спектаклей и концертов, артисты вели работу с участниками художественной самодеятельности, читали лекции по истории театра и т. д. (Иванов А. Указ. соч. С. 50).

В конце июля в Берёзово приехал областной колхозно-совхозный театр. Позади уже были выступления на сценах Салехарда, посёлков Аксарка, Пуйко, Нанги и др. В плане, кроме работы в Берёзове, были выезд в детский городок посёлка Шайтанское, а на пути следования из Берёзова в Остяко-Вогульск — остановки в сёлах Шеркалы, Перегрёбное и Кондинск (Туманов И. Колхозно-совхозный театр в Берёзове // За большевистские колхозы. 1937. 29 июля).

В этом же номере газеты художественный руководитель театра Бердичевский рассказал берёзовцам накануне спектакля о содержании пьесы Виктора Гусева «Слава».

8 августа совхозно-колхозный театр закончил гастроли в Берёзове и выехал в сторону Остяко-Вогульска. Итоги его пребывания в районном центре подведены в той же газете в статье «Постановки прошли успешно».

24 августа «Остяко-Вогульская правда» сообщила о выезде театра в полном составе в село Реполово Самаровского района и предполагаемом приезде в Остяко-Вогульск к 3 сентября.

11 сентября 3-й совхозно-колхозный театр Севера открыл зимний сезон в Остяко-Вогульске пьесой Виктора Гусева «Слава». В газетной рецензии оценивается игра актёров и художественное оформление спектакля, тепло принятого зрителями («Слава» // Остяко-Вогульская правда. 1937. 10 сент. Подп.: В. Г.).

Конец сентября. Режиссёр Михаил Казанский сообщил о предстоящей в скором времени премьере спектакля по пьесе американского драматурга Сиднея Кингсли «Люди в белых халатах», ставшей крупным событием театральной жизни Америки 1933–1934 гг. (Казанский Мих. Над чем работает театр // Остяко-Вогульская правда. 1937. 29 сент.).

23 октября окружная газета известила читателей, что вечером этого дня театр даёт спектакль по пьесе А.Ф. Писемского «Горькая судьбина», десятки лет пользовавшейся успехом у российской публики. Автор заметки, подписавшийся инициалами «С. З.» (по всей вероятности, это режиссёр спектакля С.Р. Зозуля), даёт краткий пересказ содержания пьесы.

7 ноября в Доме народов Севера состоялся второй вечер национального искусства, на котором была сыграна пьеса ханты Григория Лазарева «Под маской колхозника». Пьесу показали товарищи автора по педучилищу (Иванов А. Указ. соч. С. 50).

Конец ноября. Театр на семь дней выезжал в с. Белогорье Самаровского района.

1938 г.

20 марта. В «Остяко-Вогульской правде» помещена рецензия М. Федина «Член Реввоенсовета» на спектакль по одноимённой пьесе.

23 марта. Режиссёр 3-го областного совхозно-колхозного театра М.Ф. Казанский рассказал в «Остяко-Вогульской правде» о подготовке спектакля «Тропа шпиона» по пьесе Александра Дюма «Его жена». Здесь же сообщается, что художественный руководитель театра А.Л. Бердичевский в ознаменование 70-летия со дня рождения А.М. Горького подготовил спектакль «На дне», а режиссёр С.Р. Зозуля в первых числах апреля покажет публике премьеру пьесы о пограничниках грузинского драматурга Мдивани «Родина» («Честь»).

26 марта. В «Остяко-Вогульской правде» опубликована рецензия М. Федина «Удачный спектакль». На этот раз зрителю была представлена комедия Гольдони «Слуга двух господ». Автор отмечает хорошую игру артистов А. Бердичевского, Л. Ольховской, А. Иванова, Е. Усольцевой, И. Егорова, Яхонтовой, И. Прокаева.

16 апреля. В той же газете рецензентом М. Лесным отмечена хорошая игра С. Зозули, И. Егорова и И. Прокаева в спектакле «Родина».

Конец апреля. В клубе педагогического училища в Остяко-Вогульске силами учащихся с помощью режиссёра С.Р. Зозули поставлена пьеса В. Гора «Мы идём». «Молодые исполнители, — пишет автор заметки, — проявили максимум усердия. Соответствующий грим, костюмы, любез-

но предоставленные в распоряжение кружка дирекцией 3-го совхозно-колхозного театра Севера, в связи с хорошо продуманными и по-настоящему сделанными мизансценами дополняли целостность впечатления. [...] Спектакль имел большой успех. Он прошёл живо, интересно. Не утомляли даже, как обычно бывает, длинные антракты, несмотря на 6 картин, требовавших каждый раз перемены декораций». Автор высказал пожелание повторить постановку в клубе посёлка Перековка.

Конец апреля или начало мая. Третий областной совхозно-колхозный театр представил зрителю окружного центра свою последнюю работу — «В наши дни». Тема её — обороноспособность страны, готовность граждан к её защите. (Казанский М. «В наши дни» // Остяко-Вогульская правда. 1938. 6 мая).

1939 г.

26 мая. Сообщение окружной газеты: по решению Омского обласполкома в Остяко-Вогульск, Салехард и Новый Порт на время летнего сезона направлен 2-й совхозно-колхозный областной театр, труппа из 32 человек находится в Остяко-Вогульске, где будут поставлены пьесы «Галилео Галилей», «Тайна», «Чужой ребёнок», «Крепостные», «Генеральный консул», «На всякого мудреца довольно простоты».

В конце мая гастролы открылись пьесой-детективом «Тайна». По мнению критика, в спектакле привлекли симпатии зрителей артисты Э.Э. Гельвиг, Б.Н. Адлер, С.Ф. Плотников, Е.М. Усольцева, А.Г. Иванов, М.П. Тарасов, Д.А. Белов. 28 мая была показана пьеса «Крепостные» (по Н.С. Лескову) (Солдатов П. «Тайна» // Остяко-Вогульская правда. 1939. 30 мая).

Один из последних дней мая. Поставлена пьеса «Генеральный консул» — лучшая, по мнению зрителей, в майском репертуаре театра. Наибольшие впечатления произвела игра Э. Гельвига, К. Соколова, М. Береснева, С. Плотникова и А. Иванова.

19 июня. 2-й областной совхозно-колхозный театр поставил на сцене профклуба в Берёзове пьесу «Пограничники». В спектакле были заняты А.А. Казаков, Е.М. Усольцева, А.Г. Иванов, Родин, Б.Н. Адлер, С.Ф. Плотников, М.М. Береснев, Э.Э. Гельвиг, В.С. Шимковский и др. (Ермолин Г. «Пограничники» // За большевистские колхозы. 1930. 21 июня).

21 июня. В Берёзове поставлен спектакль «Тайна».

1940 г.

Май. В Остяко-Вогульск прибыл коллектив Тарского драматического театра, командированный Омским областным отделом искусств для обслуживания Крайнего Севера. Организованный только в сентяб-

ре 1939 года театр впервые выехал на гастроли и усиленно готовился к спектаклям, обживая новую сценическую площадку. В местной газете директор театра Красиков и художественный руководитель Корвич познакомили жителей окружного центра с репертуаром. Планировалось поставить четыре пьесы советских авторов («Падь Серебряная» Н. Погодина, «Платон Кречет» Корнейчука, «Страшный суд» Шкваркина и «Вторые пути» Афиногенова), четыре — из классики («Последняя жертва» и «Без вины виноватые» Островского, «Тартюф» Мольера и «Хозяйка гостиницы» Гольдони) и несколько одноактных пьес советских авторов. Помимо этого планировались концерт, ряд спектаклей в Самарово, затем выезд в районы округа, шефская помощь художественной самодеятельности (Красиков, Корвич. К гастролям Тарского драмтеатра в Остяко-Вогульске // 1940. 30 мая).

2 июня состоялся первый спектакль — «Последняя жертва», в нём были заняты актёры Далль, Волконская, Гурова, Медведева, Гуров.

Несколькими днями позже зрителям был показан спектакль «Платон Кречет». Эта пьеса уже не раз шла на сцене Остяко-Вогульска в исполнении местных любителей, и публика была подготовлена и взыскательна. С удовлетворением она приняла игру артистов Райкова, Далль, Клинова, Злобиной, Версальской и с некоторым разочарованием — Акимовой, Гуриновича, Волконской (Осипов А. Первые спектакли Тарского театра // Остяко-Вогульская правда. 1940. 8 июня).

Июнь. Местный любитель театра в отзыве о постановке комедии Карло Гольдони «Хозяйка гостиницы» пишет, что пьеса сыграна превосходно, и особо выделяет исполнителей ролей Далль, Корвича, Забелина, Клинова, Обухова, Кобзелеву, Резвицкую, а также художника Андриевского (Осипов А. «Хозяйка гостиницы» // Остяко-Вогульская правда. 1940. 10 июня).

Хороший отклик получила и постановка комедии Шкваркина «Страшный суд».

Прошли спектакли «Падь Серебряная», «Вторые пути», «Тартюф». В газетной заметке особая похвала высказана всей труппе за исполнение комедии Мольера «Тартюф» и в особенности — артистам Гурову, Далль, Кобзелевой и Версальской (Осипов А. «Тартюф» // Остяко-Вогульская правда. 1940. 18 июня).

18 июня гастрольная поездка Тарского драмтеатра закончилась концертом, в котором артисты Злобина, Андриевский и Смирнов выступили как певцы, Обухов, Андриевский, Версальская и Егоров — танцовщики, Обухов, Гурова и Гуров — мастера художественного чтения. Рецензент выразил мнение, что работы театра не всегда соответствовали высо-

ким требованиям остяко-вогульского зрителя (Осипов А. Последняя постановка Тарского театра // Остяко-Вогульская правда. 1940. 20 июня).

Ноябрь. Введена должность инспектора по делам искусств при Остяко-Вогульском окрисполкоме, ему вменено в обязанность осуществлять контроль за зрелищами и репертуаром в округе.

Конец декабря. Драматический кружок при Ханты-Мансийском Доме народов Севера (Остяко-Вогульск в 1940 г. переименован в Ханты-Мансийск) поставил пьесу советских драматургов Б. Войтехова и Л. Ленча «Павел Греков». Спектакль оценён критиком как большое событие в жизни местной художественной самодеятельности, зрители смотрели его с неослабевающим вниманием. Ведущие роли исполнили артисты-любители Макушин, Кондаков, Потанина, Потанин, Вера Заболотная, Кокшарова, Животиков, Кривобоков («Павел Греков» на сцене ДНС // Остяко-Вогульская правда. 1941. 4 янв. Подп.: Зритель).

1941 г.

Ноябрь. Омским отделом искусств командирован в Ханты-Мансийск и назначен художественным руководителем Дома народов Севера Е.П. Просветов, ранее работавший главным режиссёром Московского музыкального театра. Под его руководством самодеятельные кружки реорганизуются в художественно-производственные студии с твёрдым учебным планом, сообщила «Сталинская трибуна» 13 ноября, объявлена запись в студии театральную, художественного чтения, сценического танца, хорошего пения, сольного пения, игры на струнных щипковых и на духовых инструментах, открыться студийные занятия должны 14 ноября торжественным вечером, посвящённым встрече студийцев и работников Омского областного театра музыкальной драмы и комедии, в тесном взаимодействии с которым должен пройти зимний сезон Дома народов Севера.

Е.П. Просветова хорошо помнит активная участница театральной самодеятельности Ханты-Мансийска первой половины 1940-х годов Алевтина Тимофеевна Коробинцева, тогда — студентка педагогического училища. Просветов преподавал в училище художественное слово, учил дикции, правильному дыханию. Е.П. Просветов (1894–1958) был крупным театральным деятелем, учеником и последователем В.Э. Мейерхольда. В 1928 г. он был среди основателей театра в г. Верхнеудинске (ныне — Улан-Удэ), там же он руководил студией, преобразованной позднее в техникум искусств. В годы войны Просветов руководил Северным драматическим театром в г. Тара, труппа которого была сформирована из эвакуированных артистов украинского театра им. Зеньковецкой. Здесь он открыл дорогу в большое искусство уроженцу Тары, будущему народному артисту СССР Михаилу Ульянову.

1942 г.

Январь. В Ханты-Мансийске работает украинский театр Крайнего Севера. На январь намечены постановки пьес «Тарас Бульба» по повести Гоголя и «Любовь Яровая» К. Тренёва, а также серии одноактных пьес на тему «Покончим с фашизмом» и боевых сборников миниатюр, а на последующие зимние месяцы — «Очная ставка», «Парень из нашего города», «Партизаны в степях Украины». Театр перестраивает репертуар применительно к интересам местного зрителя (Осипов А. На новые рельсы // Сталинская трибуна. 1942. 4 янв.).

В конце января был показан спектакль «Любовь Яровая». Названы некоторые из исполнителей: артисты Агарков, Касьяненко, Хмельницкий (Ларина В. «Любовь Яровая» // Сталинская трибуна. 1942. 30 янв.).

Июль. Театр Крайнего Севера представил зрителю села Берёзова пьесу Афиногенова «Накануне разгрома» в постановке режиссёра Е.П. Просветова с участием в главных ролях артистов Хмельницкого, Касьяненко, Комаровского. Зрители просили повторить спектакль, чтобы его могли посмотреть и другие жители Берёзова («Накануне разгрома» // За большевистские колхозы. 1942. 19 июля).

По решению Омского обкома ВКП(б) в Ханты-Мансийский национальный округ направлен театр миниатюр, в составе труппы которого — артисты московских и ленинградских театров. Коллектив разделён на три бригады, у каждой — свой маршрут по рыболовным пескам. Художественный руководитель театра — Голованов, постановщики спектаклей — заслуженный артист республики Толчанов, орденосец Тутышкин (театр имени Вахтангова) и заслуженный артист республики орденосец Шахет.

Это были большие мастера театрального искусства. Андрей Петрович Тутышкин (1910–1971) имел широкую известность как комедийный актёр. В 1930 г. он окончил школу при московском театре им. Евг. Вахтангова и проработал в нём более 20 лет актёром и режиссёром. Снимался в звёздных ролях в фильмах «Волга-Волга», «Девушка с характером», «Карнавальная ночь». Был режиссёром-постановщиком «Свадьбы в Малиновке» и ещё нескольких популярных фильмов, художественным руководителем Ленинградского театра музыкальной комедии, главным режиссёром Ленинградского театра им. Ленинского комсомола. Иосиф Моисеевич Толчанов (1891–1981) — актёр, режиссёр, народный артист СССР (1962), лауреат Государственной премии (1950), в вахтанговском театре работал с 1918 г., поставил ряд спектаклей, занимался педагогической деятельностью. Борис Александрович Шахет (1899–1950) — режиссёр, в 1939–1950 гг. (с небольшими перерывами) — режиссёр и художественный руководитель Московского цирка.

Август. В первой декаде месяца театр миниатюр показал в Ханты-Мансийске три программы: «И то... И это...», «Весёлый разговор», «Огонь по врагу». В них было занято 40 исполнителей, включая оркестрантов. Программы состояли из одноактных пьес, водевилей, художественного чтения и вокальных номеров. Театр пользовался успехом у хантымансийцев (Сталинская трибуна, 1942. 11 авг.).

Октябрь. Омским областным отделом искусств утверждён постоянный профессиональный драматический театр в Ханты-Мансийске. Директором и художественным руководителем назначен Е.П. Просветов. Открытие намечено на 6 ноября, театр готовит к этому дню пьесу К. Симонова «Русские люди». (Сталинская трибуна. 1942. 30 окт.).

29 ноября. В переполненном зале прошёл в Ханты-Мансийске спектакль «Русские люди». В газетной рецензии высказаны похвалы исполнителям ролей Хмельницкому, Лялиной, Казанской, Турской, Казанскому и Просветову (Сталинская трибуна. 1942. 2 дек.).

1 декабря. Директором Северного театра в Ханты-Мансийске назначен Николай Яковлевич Кобриц, по профессии артист и администратор. В Государственном архиве Ханты-Мансийского автономного округа есть его краткая биография. Родился в 1916 г. в Омске в семье служащего, в 1929 г. здесь же окончил школу. В 1929–1937 гг. — артист Госцирка в Москве, в 1937–1938 гг. — администратор Одесского цирка. В 1938–1940 гг. учился на заочном отделении индустриального института в Одессе и работал главным администратором Одесского драмтеатра. В 1940–1941 гг. — заместитель директора Одесского русского драмтеатра, исполняющий обязанности директора Одесского оперного театра. С июля 1941 г. служил в танковой бригаде, инвалид Великой Отечественной войны, в 1942 г. демобилизован (ГАХМАО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 29. Л. 22).

10 декабря с большим успехом прошла в Ханты-Мансийске в постановке режиссёра М.Ф. Казанского премьера пьесы «Мой сын» (авторы — Литовский и Гергель) (Осипов А. «Мой сын» // Сталинская трибуна. 1942. 12 дек.).

В декабре же хантымансийцы увидели постановку пьесы «Таня». Публике особенно понравилась главная героиня, роль которой высокопрофессионально исполнила артистка Сахарных. В спектакле участвовали артисты Казанский, Казанская, Турская, Малышев, Гершевич (Сталинская трибуна. 1942. 15 дек.).

24 декабря Е.П. Просветов поставил в Ханты-Мансийске драму Горького «Васса Железнова». Центральные роли исполнили Т.Н. Казанская, М.А. Малышев и Н.Г. Сахарных (Сталинская трибуна. 1942. 20, 27 дек.).

1943 г.

30 января в Берёзове поставлена драма А.Н. Островского «Без вины виноватые». Роли исполняли местные любители театра Л.И. Манохина, А.И. Филиппов, артистка Иванова, а режиссёром был артист Омской филармонии Н.С. Сименс. Общественность села выразила ему благодарность (За большевистские колхозы. 1943. 4 февр.).

17 февраля в Самарове и **18** — в Ханты-Мансийске Северный театр отметил 25-летие Красной армии показом пьесы «Наш корреспондент» в постановке М.Ф. Казанского. Роли исполняли М.Ф. Казанский, Н.Г. Сахарных, М.А. Малышев, А.Ф. Хмельницкий, Т.Н. Казанская, Л.И. Платонов, М.Н. Мордвинов, А.А. Лялина и весь состав театра. Художественное оформление выполнено М.А. Малышевым и М.Ф. Казанским.

24 и 25 февраля перед самаровскими и ханты-мансийскими зрителями выступила с творческим отчётом знакомая им ещё по гастролям 1930-х годов актриса Т.Н. Казанская. В номере «Сталинской трибуны» за 25 февраля художественный руководитель Северного театра Е.П. Просветов писал о ней: «Артистка прошла трудную школу жизни. Дочь бедняка-крестьянина Ярославской области, она с 12 лет работала на одной из ярославских фабрик, в годы Гражданской войны уходила на фронт в качестве медсестры. После войны училась в Саратовской театральной студии. За 20 лет работы в колхозных театрах Т.Н. Казанская прошла путь от актрисы вспомогательного состава до ведущей актрисы. Она упорно работает над собой и над ролью. Созревающее мастерство позволяет ей перейти к разрешению образов основных героинь. Создаваемые ею образы убедительны и доходчивы. Это подлинный энтузиаст своего дела, ставящий интересы производственные выше личных интересов. Маленькие роли она исполняет столь же тщательно, как и большие. Т.Н. Казанская является ударницей театра и многократно премирована. Отчётный вечер представит зрителю возможность убедиться в разносторонности дарований Т.Н. Казанской, которая помимо исполнения своей лучшей роли Вассы Железновой выступит также в ролях Евгении из пьесы Островского «На бойком месте», Кручининой из пьесы «Без вины виноватые», Эсмеральдины из пьесы Гольдони «Слуга двух господ».

Март. С успехом прошёл в Ханты-Мансийске спектакль «На бойком месте» (пьеса А.Н. Островского). Особенных похвал публики заслужило исполнение главных ролей артистами Хмельницким, Казанской и Сахарных. Газетная заметка о спектакле заканчивается репликой: «Администрация театра не заботится о зрителе. Адский холод свирепствует во всём здании театра. Часть публики вынуждена была сидеть в зрительном зале в пальто и шубах. Театр даёт по 2 постановки в

неделю. Неужели нельзя в дни постановок как следует отопить здание? Только невниманием к зрителю можно объяснить такое отношение» (Елин П. «На бойком месте» // Сталинская трибуна. 1943. 31 марта). Нужно заметить, что здание Дома народов Севера, где давались спектакли и повседневно работал театральный коллектив, мёрзший ещё больше, чем публика, вряд ли принадлежало театру, и ответственность за отопление должен был нести кто-то другой.

14 апреля в Самарове и 15 — в Ханты-Мансийске состоялась премьера пьесы лауреата Сталинской премии К. Симонова «Жди меня». Постановка Е.П. Просветова, в главных ролях — М.А. Малышев и А.А. Лялина (Осипов А. «Жди меня» // Сталинская трибуна. 1943. 25 апр.).

26 апреля. Директор Северного театра Н.Я. Кобриц отчитался о работе театра на заседании окрисполкома. В принятом решении констатируется, что наличие в творческом составе театра таких квалифицированных актёров, как Хмельницкий, Сахарных, Лялина, Казанская и других, открывает широкие творческие возможности театра, что подтверждается такими постановками, как «Васса Железнова» и некоторые другие. При этом исполком считал, что возможности используются не вполне и большинство пьес поставлено «на низком идейно-творческом уровне». Высказан ряд конкретных претензий: руководство театра не представило плана обслуживания весенне-летней путины, не желает «по-настоящему работать» над развитием художественной самодеятельности, между руководителями нет здоровых деловых отношений, отсутствует политико-воспитательная работа в коллективе, расшатана трудовая дисциплина, не налажена связь со зрителями. В постановлении наряду с претензиями политического характера есть и такие пункты, которые напоминают нам о том, что театр, как и весь Ханты-Мансийск, жил в условиях военного времени. В частности, директору предлагалось заняться созданием подсобного хозяйства, коллективного и индивидуальных огородов, поселковому совету — обеспечить творческий состав театра «вполне пригодными квартирами в соответствии с особенностями труда актёров и составом их семей», Самаровскому райисполкому — «обеспечивать транспортом театр для постановок в с. Самарово». К исполкому Омского областного совета обращены просьбы оставить театр в Ханты-Мансийске на сезон 1943/1944 гг., выделить для него имущество из областного фонда театров и «наряды на получение текстильных товаров, необходимых для изготовления костюмов».

16 мая закончился зимний театральный сезон в Ханты-Мансийске, и Северный театр переключился на обслуживание рыбаков, которое поручалось бригаде из 15 артистов под руководством М.Ф. Казанского. Ей предстояло проехать по всем районам округа, кроме Ларьякского, и по-

казать в населённых пунктах и на местах лова отрывки из пьес и концертные номера (Театр на путине // Сталинская трибуна. 1943. 12 мая).

В мае художественный руководитель Е.П. Просветов призван в армию, его место занял М.Ф. Казанский.

Июнь. В с. Берёзове Северным театром поставлены 10 спектаклей: «Мой сын», «Таня», «Васса Железнова», «Синий платочек», «На бойком месте», «Бесприданница» и др., две концертных программы (За большевистские колхозы. 1943. 1 июля).

Секретарь Ханты-Мансийского окружкома ВКП(б) Долинин направил письмо секретарю Омского обкома ВКП(б) по пропаганде и агитации Тетереву, в котором просил воздействовать на областной отдел искусств, не решивший ряд вопросов театра в Ханты-Мансийске: не зарегистрирован штат театра, из-за чего банк не выдаёт денег на зарплату; состав театра требует пополнения, т. к. часть артистов взята в армию; необходимо принять решение о постоянно действующем театре в Ханты-Мансийске на основании решения окрисполкома; директор театра Кобриц не обеспечивает руководства, не пользуется авторитетом, создаёт нездоровые отношения в театре; временный художественный руководитель Казанский не соответствует этому назначению (Государственный архив социальной и политической истории Тюменской области (ГАСПИТО). Ф. 147. Оп. 1. Д. 709. Л. 33).

Июнь или начало июля. Начальник Омского областного отдела искусств Софронов издал приказ об отзыве из Ханты-Мансийска артистов хозрасчётного Северного театра и его ликвидации. В связи с этим окрисполком 8 июля постановил передать имущество театра, приобретённое на средства местного бюджета, окружному Дому народов Севера. Директору театра Кобрицу предложено имущество передать, а директору ДНС Ясеновой принять не позднее 9 июля (ГАХМАО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 189а. Л. 54).

18 июля. Художественный руководитель Северного драматического театра М.Ф. Казанский направил из с. Кондинск, где, по-видимому, в тот день находилась артистическая бригада, письмо секретарю окружкома ВКП(б) Кулагину и секретарю Омского обкома ВКП(б) Кудинову, в котором высказывает своё несогласие с ликвидацией Северного театра и его реорганизацией в госбюджетный театр Крайнего Севера с базировкой в г. Тара согласно предложению бывшего художественного руководителя Просветова. Здесь же он критически отзывается о бывшем директоре Кобрице, характеризуя его как «малокультурного молодого человека, безграмотного в театральном искусстве», и просит назначить директором или худо-

жественным руководителем его самого. О себе сообщает: работал в театрах Омской области ведущим актёром, режиссёром театра юного зрителя, был инициатором организации Омского театра миниатюр, с 1936 г. дважды работал по году на Крайнем Севере, был членом бригады Омской филармонии по обслуживанию Крайнего Севера в навигацию 1942 г., руководил одним из первых работавших на Севере театров (1937–1938 гг.). Был на фронте, демобилизован по инвалидности (ГУТО ГАСПИТО. Ф. 147. Оп. 1. Д. 709. Л. 60–62). М.Ф. Казанский активно сотрудничал с окружной газетой, подписывая заметки не только собственной фамилией, но и псевдонимами М. Федин, М. Лесной.

24 июля директор Северного драмтеатра Н.Я. Кобриц, в противовес мнению Казанского, в записке секретарю окружкома ВКП(б) Кулагину и председателю окрисполкома Савину настаивает на скорейшей отправке театра в Тару, чтобы ускорить формирование вновь организуемого театра и обеспечить его своевременную подготовку к зимнему сезону 1943/1944 гг. в Ханты-Мансийске. В записке он просит поручить горкомхозу произвести капитальный ремонт здания Дома народов Севера и дооборудование театральных помещений, поселковому совету — перевести из здания ДНС размещённую в нём гостиницу, подготовить для творческого состава 20 квартир или освободить один из домов, а окружному земельному отделу — выделить для театра три лошади и пять коров (Там же. Л. 63). Из сказанного видно, что Ханты-Мансийск ещё не располагал необходимыми условиями для того, чтобы иметь собственный стационарный театр, наличные условия были слишком тяжелы для актёрского коллектива. Отсюда и противоречия в руководстве театра, которые продолжали развиваться.

13 ноября бывший художественный руководитель Казанский обратился к секретарю окружкома ВКП(б) Н.Е. Долинину с заявлением, в котором вновь пишет о неспособности руководить театром как директора Кобрица, так и нового худрука артиста Малышева и предлагает привлечь к профессиональной артистической работе наиболее одарённых участников художественной самодеятельности. О себе сообщает, что оставил с 1 октября работу в театре по болезни (Там же. Л. 85–88).

1944 г.

28 января окрисполком принял решение о передаче дел театра от Н.Я. Кобрица новому директору Т.Н. Казанской. Театр остаётся в Ханты-Мансийске.

8 февраля подписан акт о приёмо-сдаче дел театра. В нём констатируется, что репертуарный план на 1943 год систематически не выпол-

нялся, из 19 предусмотренных постановок осуществлены только 9. Руководители театра при планировании не учитывали реальных возможностей, предусмотренные планом постановки заменялись другими, которые готовились «за короткие сроки и ставились в недостаточно отработанном виде». План не был выполнен не только по количеству спектаклей, но и по числу зрителей, валовому сбору. Н.Я. Кобриц не согласился с оценкой его деятельности в должности директора и возразил: к моменту его вступления в должность 30–40 процентов численности коллектива составляли непрофессионалы, помещение театра не соответствовало требованиям, задолженность по зарплате составляла около 42 тысяч рублей, подсобных цехов не было, всё имущество театра состояло из одной пары щипцов, семи париков, 11 бород, 20 усов и 6 метров крепа (ГАХМАО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 29. Л. 24–28).

20 февраля в «Сталинской трибуне» опубликована заметка нового директора театра Т.Н. Казанской «Повысить роль окружного театра». В ней кратко сообщается, что намечена коренная перестройка художественно-творческой и общественной работы, разрабатывается репертуарный план с учетом усиления культурного обслуживания рыбаков округа и план учебно-воспитательной работы с молодыми кадрами театра, ставится задача вырастить постоянные кадры артистов из наиболее одарённых участников художественной самодеятельности.

14 апреля на 36-м году жизни после тяжёлой болезни скончалась артистка Ханты-Мансийского драматического театра Антонина Александровна Лялина, отдавшая 18 лет жизни театру. С 1937 по 1942 г. она работала в Омском областном театре юного зрителя, пользовалась любовью и уважением детей Омска. Осенью 1942 г. приехала в Ханты-Мансийск и приняла активное участие в организации Северного драматического театра, где и работала до конца жизни, заслужив благодарность зрителя исполнением ряда ролей, наиболее значительными из которых были Лариса («Бесприданница»), Лиза («Жди меня»), Даша («Синий платочек») и мальчик Кузьма («Партизаны»). В период работы в Омске А.А. Лялина была непременным участником художественного обслуживания частей Красной армии, за что награждена почётной грамотой. Некролог подписали М.Ф. Казанский, Т.Н. Казанская, М.А. Малышев, Н.Г. Сахарных, К.В. Турская, М.А. Паккерт, Панышина М.Г., Гершевич А.Л., Хмельницкий А.Ф., Мордвинов М.Н., К.И. Забелин, Т.П. Кобзелева, составившие тогда труппу театра (Сталинская трибуна. 1944. 15 апр.).

26 апреля директор Северного театра Т.Н. Казанская в докладной записке секретарю окружкома ВКП(б) Н.Е. Долинину сообщает: «...директор ДНС т. Вальтфогель при активном участии т. Карачунской орга-

низовал хозрасчётный театральный коллектив, под флагом самодеятельности ДНС практикуют коммерческие спектакли по ценам на билеты профессионального театра. Существование двух театров в одном помещении в условиях Ханты-Мансийска невозможно, директор т. Вальфогель не так понял назначение работы с самодеятельностью, превратив общественно-политико-воспитательное учреждение в коммерческое предприятие театрального типа» (ГУТО ГАСПИТО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 790. Л. 17). Появился конкурент, и руководство театра просит устранить его путём административного вмешательства.

3 мая художественный руководитель Казанский в очередной записке руководителям округа выражает свою профессиональную неудовлетворённость работой театра, вновь предлагает себя на должность директора, просит передать здание Дома народов Севера в полное распоряжение театра и вносит свой план его переоборудования.

23 мая. М.Ф. Казанский в статье «Итоги театрального сезона» сообщает читателям «Сталинской трибуны», что в течение сезона театр осуществил постановку нескольких пьес тематики Отечественной войны («Партизаны», «Большие надежды», «Жди меня», «Вынужденная посадка») и пьес русской классики. Наибольший успех имели спектакли «Партизаны», «Большие надежды», «Вынужденная посадка», «Бедность не порок», «Лес», «Светит, да не греет» и «Чудаки», а из актёров — Т.Н. Казанская, А.А. Лялина, Н.Г. Сахарных, М.Н. Малышев, А.Ф. Хмельницкий, К.И. Забелин. В плане на лето — поездки в Микояновский, Кондинский, Берёзовский и Сургутский районы. По возвращении к 1 октября в Ханты-Мансийск предстоит пополнить художественно-творческий состав. Сезон намечено открыть постановкой пьес «Секретарь райкома» и «Егор Булычёв».

4 июня Ханты-Мансийский драмтеатр прибыл в центр Кондинского района с. Нахрачи. Жители села посмотрели пьесы «Партизаны», «Светит, да не греет», «Жди меня», «Женитьба» и «Вынужденная посадка». (Северный театр // Сталинский путь. 1944. 15 июня).

22 июня в этой же газете опубликована короткая статья «Итоги работы театра», автор которой А. Кузнецова высказывает благодарность труппе от кондинских зрителей и пожелание не слишком увлекаться внешним комизмом.

1946 г.

27 июня в Ханты-Мансийске начались гастроли Тобольского драматического театра. По окончании их «Сталинская трибуна» писала, что этот недавно созданный коллектив сумел донести до зрителя высо-

кохудожественные и актуальные произведения. Достоинства творческого коллектива, руководимого режиссёром П.И. Строгановым, показаны в театральной рецензии на примерах постановок пьес «Старик» А.М. Горького и «Он пришёл» Дж. Пристли. Высказаны похвалы артистам Н.С. Чинарову, Ю.В. Топорниной, О.К. Глазовой, А.В. Давыдову, А.А. Нерадову, Н.М. Раевской и А.Л. Гершевичу (последний в военные годы работал в Ханты-Мансийском театре) (Вигилянский Н., Ландау Ж. Хантымансийцы увидели хорошие спектакли // Сталинская трибуна. 1946. 28 июля).

Август. Автор «Заметок зрителя» А. Кузнецова (Сталинская трибуна. 1946. 21 авг.) называет ещё несколько произведений, поставленных Тобольским драмтеатром, — «Под каштанами Праги», «Женитьба Белугина» А.Н. Островского, «Дорога времени», «Убийство мистера Паркера», «Дамы и гусары», «Ровно в полночь» — и отмечает талантливое исполнение ролей артистами Чинаровым, Строгановым, Иратовым, Давыдовым, Кухтеринной, Глазковой, Нерадовым (он же и режиссер), Адиной, Раевской.

Ноябрь. Начал работу в Ханты-Мансийске вновь созданный Тюменским областным отделом искусств театр под руководством опытного режиссёра с 40-летним театральным стажем М. Анчарова. Первой была поставлена пьеса Мдивани «Молодой человек», за ней — «Чужой ребёнок» Шкваркина и «Студенты» Дьякова и Пенкина. В работе — «Два брата» М. Лермонтова, в плане — «На бойком месте» А. Островского, «За тех, кто в море» Б. Лавренёва, «Последние» Горького, «Далеко от Сталинграда» Сурова (Анчаров М. За новые творческие успехи // Сталинская трибуна. 1947. 1 янв.).

1947 г.

23 марта. Коллектив театра дал в Ханты-Мансийске концерт, а 6 апреля устроил вечер миниатюр и эстрады, разочаровавшие зрителей. С. Правдин писал, что репертуар концертов ориентирован на обывательский вкус, «засорён устаревшими скетчами, безыдейными антихудожественными номерами, а здоровый юмор и сатира заменены пошлостью», «коллектив недостаточно требователен к своей творческой работе». «Театру и его руководителям надо значительно поднять свою роль в культурной жизни Ханты-Мансийска и Самарова», — заключает рецензент (Правдин С. Заметки зрителя // Сталинская трибуна. 1947. 13 апр.).

12 апреля режиссёром Калабиным поставлен спектакль по пьесе молодого драматурга С. Антонова «Наша молодость», который тот же

рецензент С. Правдин оценил как творческую удачу коллектива. Среди лучших исполнителей он назвал артистов Казачковского, Вустину, Лежнёву, Полянскую, Потапова, Тарасова и Алашеевского (Сталинская трибуна. 1947. 19 апр.).

Начало мая. Тепло принят зрителем новый спектакль окружного драматического театра «За тех, кто в море» (режиссёр-постановщик П. Алашеевский).

В середине мая театр закончил зимний сезон постановкой пьесы Л. Рахманова «Беспокойная старость» о жизни и деятельности академика К.А. Тимирязева. В спектакле были заняты артисты М.Ф. Анчаров, З.Б. Секирина, П.М. Алашеевский, П.Д. Казачковский и др. (Сталинская трибуна. 1947. 13 мая).

20 июня в «Сталинской трибуне» опубликована статья режиссёра П. Алашеевского «Окдрамтеатр выезжает на гастроли». В ней подведены итоги первого театрального сезона. В сравнении с ноябрём 1946 г., когда театр приступил к работе в Ханты-Мансийске и имел в своём составе лишь несколько артистов-профессионалов, труппа теперь состояла из квалифицированных артистов и режиссёров. За 8 месяцев театр показал жителям Ханты-Мансийска и Самарова 12 произведений и готовится выехать на месячные гастроли сначала в Берёзово, от туда — в Кондинск.

2 июля спектаклем «Наша молодость» начались гастроли в Берёзово. Одновременно коллектив театра начал работу с местными любителями театрального искусства, готовит постановку спектакля силами кружковцев, семинар руководителей театральных кружков, читаются лекции о мастерстве актёра (Алашеевский П. Окружной театр в Берёзово // Сталинская трибуна. 1947. 6 июля).

В течение лета окдрамтеатр выступил в Берёзовском, Самаровском и других районах округа.

2 сентября директор театра Битенский сообщил в «Сталинской трибуне» о том, как идёт подготовка к зимнему сезону. Дом народного творчества, в котором помещается театр, капитально ремонтируется и полностью переоборудуется на отпущенные окрисполкомом 133 тыс. рублей. «Хантымансийцы любят свой театр и принимают активное участие в его жизни, — пишет директор. — Нет ни одной организации или предприятия, которое не вложило бы свою лепту в материальное оформление спектаклей».

10 октября постановкой пьесы К. Симонова «Русский вопрос» (режиссёр П.М. Алашеевский) начался в Ханты-Мансийске новый театральный сезон.

ральный сезон. В репертуарном плане — ряд значительных спектаклей: «Приезжайте в Звонковое» Корнейчука, «Любовь Яровая» Тренёва, «Навстречу жизни» Успенского, «Молодая гвардия» по роману Фадеева. Рецензент с удовлетворением замечает, что помещение театра, т. е. Дома народов Севера, стало гораздо уютнее: «Расширено фойе, в зрительном зале поставлены новые кресла, сцена увеличилась. Театр внутри стал красивее. В этом немалая заслуга директора театра тов. Битенского и всего театрального коллектива, принимавшего активное участие в ремонте помещения» (Арфин М. Открытие зимнего сезона в окружном драматическом театре // Сталинская трибуна. 1947. 11 окт.).

В октябре в Ханты-Мансийском парткабинете при встрече партийного актива с коллективом театра состоялось обсуждение спектакля «Русский вопрос», с успехом идущего на сцене. Присутствовало более 40 человек, среди них были и секретари окружкома ВКП(б) В.С. Иваненко и С.Ф. Вавилов. О работе над постановкой рассказал художественный руководитель П.М. Алашеевский, после него выступили ещё многие. Учительница А.П. Кузнецова и директор фельдшерско-акушерской школы К.Н. Егорова назвали постановку большой удачей театра и с особой похвалой отозвались о работе артистов Битенского, Анчарова, Казачковского, Секириной. С.И. Битенский рассказал о своей работе над ролью (Партийно-советский актив обсуждает пьесу «Русский вопрос» // Сталинская трибуна. 1947. 28 окт.).

5 ноября «Сталинская трибуна» опубликовала статью режиссёра Н. Калабина «Молодая гвардия» к предстоящему спектаклю в окружном драмтеатре», предваряющую одноимённый спектакль. Его постановщик рассказывает о содержании пьесы и называет исполнителей ролей. Это артисты А.М. Базлов, Л.М. Потапова, Е.М. Тарасов, Л.М. Мартьянова, Н.К. Калабин, З.Б. Секирина, А.М. Потапов, П.М. Алашеевский, Н.С. Лежнёв, И.Д. Казачковский, М.Ф. Анчаров и др.

Конец ноября. Прошёл вечер молодёжи, на котором обсуждены роман А. Фадеева «Молодая гвардия» и постановка одноимённой пьесы окружным драмтеатром.

1948 г.

Январь. Из финансового отчёта Ханты-Мансийского драмтеатра за 4-й квартал 1947 г. В зрительном зале театра 198 мест, в том числе 189 коммерческих. Даны 13 утренних, 110 вечерних и 29 выездных спектаклей — всего 158 против 228 плановых, обслужено 19479 зрителей (по плану — 33065). Доходы составили около двух третей от плана. Расписанием на 1948 г. предусмотрен штат в 73 человека, но после со-

кращения в театре осталось всего 50 (ГАХМАО. Ф. 247. Оп. 1. Д. 38. Л. 2, 30, 31).

Февраль. На собрании коллектива театра обсуждены творческие задачи в связи с постановлением ЦК ВКП(б) об опере В. Мурадели «Великая дружба». Доклад сделал директор театра С.И. Битенский. Предложения по улучшению творческой работы внесли артист Базлов и художественный руководитель Алашеевский (В коллективе драмтеатра // Сталинская трибуна. 1948. 27 февр.).

Апрель. Принято решение о ликвидации театра (ГУТО ГАСПИТО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 1089. Л. 131).

12 июня в Доме народов Севера состоялся вечер, посвящённый 40-летию творческо-сценической и общественной деятельности артиста Анчарова Михаила Филипповича, члена Всероссийского театрального общества. Михаил Филиппович работал в театрах Астрахани, Казани, Саратова, Калинина, Тобольска. Созданные им образы Полежаева («Беспокойная старость»), Любима Торцова («Бедность не порок»), Бублика («Платон Кречет») и другие заслужили высокую оценку общественности и печати. В день юбилея М.Ф. Анчаров премирован окружным отделом культпросветработы (40-летие творческой и общественной деятельности артиста Анчарова // Сталинская трибуна. 1948. 15 июня).

14 июня. Из Ханты-Мансийска вышла в свой первый рейс до Нижневартовска плавучая культбаза для культурного обслуживания рыбаков колхозов и государственных предприятий в период летней путины. Культбаза, сообщает «Сталинская трибуна», укомплектована артистами, имеет библиотеку, радиоприёмник и звуковую киноаппаратуру и за сезон обслужит рыбаков Сургутского, Ларьякского и Берёзовского районов.

30 июля «Сталинская трибуна» напечатала отчёт о 1-м окружном совещании культпросветработников. С докладом «Итоги работы культурно-просветительных учреждений Ханты-Мансийского округа за 1-е полугодие 1948 г.» выступила заведующая окружным отделом культпросветработы Пухленкина. О театральной деятельности в нём сказано только то, что для населения поставлено 270 спектаклей и работает в округе 58 драмкружков. Упоминаний о деятельности окружного драматического театра в отчёте нет (Первое окружное совещание культпросветработников // Сталинская трибуна. 1948. 30 июля).

Собрал Аристофан Софоклов

«Милая Нюсинька, письма пиши не торопясь...»

Тема, посвященная общественному деятелю, первому сибирскому селекционеру Тобольской губернии Николаю Лукичу Скалозубову и его семье, не раз освещалась на страницах краеведческих изданий, в том числе и альманаха «Подорожник». Письма, представленные читателю в этом выпуске, находятся в Государственном архиве Новосибирской области. Фонд Р-1790 (оп. 1) содержит 61 единицу хранения и раскрывает жизнь и деятельность одной из дочерей Николая Лукича — Анны (3 дек. 1902 — 30.03.1970) периода 1927–1970 гг.

Закончив в 1926 году факультет растениеводства сельскохозяйственной академии имени К.А.Тимирязева по специальности «агроном» и пойдя по стопам отца, она всю свою трудовую деятельность посвятила созданию урожайных сортов пшеницы и овса, среди которых сорта яровой пшеницы Скала, Урожайная 716, Якутянка 224, Таежная 4, Мильгурум 400. А.Н. Скалозубова первая в стране изучала разнообразие сортов пшеницы, собранных ею у старожилов и переселенцев. В последние годы работала на Северо-Кулундинской опытной сельскохозяйственной станции в п. Баган Новосибирской области. Насколько высок был ее авторитет, говорит приказ Министерства сельского хозяйства от 21 ноября 1962 г. за подписью зам. министра И. Синягина, один из пунктов которого гласит: «Новосибирской сельскохозяйственной опытной станции провести юбилейное заседание научного совета, посвященного 35-летию научной работы А.Н. Скалозубовой». В приветственном выступлении в честь 60-летия и присвоения А.Н. Скалозубовой почетного звания «Заслуженный агроном РСФСР» отмечалось ее неиссякаемое трудолюбие, исключительная работоспособность, скромность, прямота, принципиальность и бескорыстие — черты, которые были присущи и ее отцу.

Все ее дети получили высшее образование, а старшая дочь Алла продолжила династию агрономов Скалозубовых. Отцом ее четверых детей — Аллы, Льва, Тома и Кима был Порядин Виктор Николаевич (род. в 1901 г.), который также имел специальность агронома и в последние годы работал директором Покровской сельскохозяйственной опытной станции в Якутии. Согласно Книге памяти Республики Саха (Якутия),

«Милая Нюсинька, письма пиши не торопясь...»

арестованный в 1937 году, 15 апреля 1938 г. он был обвинен НКВД Якутии по ст. 58 (п. 7, 11) УК РСФСР. Вторым ее мужем стал Иван Спиридонович Шелухин, агроном.

Архивный фонд в числе других материалов включает и письма, адресованные Анне Николаевне. Среди них 12 писем Н.Л. Скалозубова, датированные 1911–1914 гг.

«Милая Нюрасинька, Нюсинька, Нюрашенька», — обращается Николай Лукич к своей дочурке, будущей Анне Николаевне. Много ли примеров из литературы и жизни мы знаем, когда дочери пишет письма, наполненные нежностью и теплотой, отец? В этот момент (1911–1914 гг.) Анна училась в коммерческом училище Колокольниковых в г. Тюмени со своей старшей сестрой Надеждой и поступившей позднее туда же младшей сестрой Людмилой. Хочу отметить, что письма, написанные в один и тот же день, были всегда разного содержания. Где бы ни был Николай Лукич — в Одессе, на пароходе «Румянцев» в Средиземном море, в Костроме, в Петровском под Курганом, письма писались регулярно. Причем в эти годы Н. Скалозубов был очень занят — до сентября 1912 г. он был сибирским депутатом Государственной думы.

В письмах к дочери Анне нет нравоучений, есть только добрые советы отца, друга. Переписка оборвалась со смертью Николая Лукича в 1915 г. от сыпного тифа на руках своего близкого друга П.П. Успенского.

В Новосибирском архиве хранятся также 12 писем Ариадны Васильевны, жены Николая Лукича, к Анне Николаевне, начиная с 1941 года. К сожалению, не все эти письма были датированы, но, судя по содержанию, 10 писем связаны с периодом жизни Ариадны Васильевны в Ханты-Мансийске.

Ариадна Васильевна Скалозубова, урожденная Максимова, приехала в Остяко-Вогульск вместе со своей дочерью Ариадной Голяновской, которая была направлена в 1937 году из Москвы на работу в сельскохозяйственный опорный пункт. До 1948 г. Ариадна Васильевна работала библиотекарем опорного пункта. Ее письма, адресованные Анне, могут служить примером бесконечной любви, заботы, тревоги матери.

В начале 1950-х годов (предположительно 1952–1953 гг.) Ариадна Васильевна покидает Ханты-Мансийск и переезжает жить к Анне Николаевне в Курганскую область, где и умирает в возрасте 85 лет.

Насколько уважительное было отношение Анны Николаевны к родителям, свидетельствует тот факт, что письма родителей были сохранены ею до конца своей жизни.

Кроме того, в Новосибирском архиве хранятся 150 фото из семейного архива, переданных старшей дочерью Анны Николаевны — Аллой Викторовой (Ф. Р-175. Оп. 1. Д. 34).

Н.Л. Скалозубов — дочери Анне

1911 г., 11 ноября

Дорогая моя дочурочка, Нюсенька.

И ты меня забыла. Не пишешь. Пришли мне какой-нибудь рисунок твой. Недавно я был в семье моего умершего друга Коржинского¹. Двое его младших детей очень любят растения. Достали каких-то семян. Посеяли их в плошки с землей. Завели дневники. И наблюдают, как взошли растения и как растут. Поливают, сверяют рост всходов и записывают в дневник.

А вот еще история. Был я у одного старого господина из литовцев. Он служит у издателя книг и наблюдает за печатанием их. В его комнате стоит аквариум с рыбками и клетка с открытой дверцей. В комнате весело чирикают, летают воробей. Когда господин садится пить чай или обедать, воробей садится ему на плечо и тербит его за ухо: и я, говорит, есть хочу. И успокаивается лишь тогда, когда ему дадут кусочек хлеба. Он очень любит хозяйку. Большое удовольствие доставляет ему забираться ей за ворот и сидеть под воротом, выставляя голову наружу. Воробей этот очень умен. Летит на зов. На ночь прячется в клетку. К хозяевам так привязан, что скучает один и летит непременно туда, в ту комнату, где сидит или работает хозяйка. Были случаи, забывали в комнате закрывать форточку — воробей не улетал.

Почему же он так привязался к хозяевам? Потому что хозяйка воспитала его из слепых птенцов. Он вывалился из гнезда, и она подобрала его. Кормила его мухами из рук. Вот он и привязался к ней. А помнишь, как мы с тобой и Люсей² ходили в стадо коров?

Крепко целую тебя, моя милая Нюрашенька.

Твой папа.

Поздравляю тебя, моя пташечка, с днем твоего ангела!

Оп. 1. д. 57. л. 19–20 об.

¹ Коржинский Сергей Иванович (1861–1900), выдающийся русский ботаник, флорист и географ, академик.

² Скалозубова Людмила Николаевна (1906 — после 1983), в замужестве Багаева, младшая из дочерей Н.Л. и А.В. Скалозубовых. Окончила Ленинградский университет, биолог. В 1942–1948 гг. работала техником по овощеводству и младшим научным сотрудником Ханты-Мансийского опорного пункта. Преподавала биологию и химию в школах Москвы, Калининской и Вологодской областей, Тюмени, Нижневартовска, Сургута, Нижней Туры Свердловской области.

«Милая Нюсинька, письма пиши не торопясь...»

Н.Л. Скалозубов — дочери Анне

1912 г., 30 сентября

г. Кострома

Милая моя Нюсинька!

В Кургане у крестного Арюши³ Петра Павл[овича] Успенского⁴ есть девочка, ровесница тебе. Она очень увлечена ловлей бабочек и сборанием растений. Если я буду жить около Кургана, собирается в гости к нам. Зовут ее Маней⁵, Марией Петровной. А маленькая девочка с Люсю прекрасно говорит стихи. В Костроме еще зимы нет, тепло. Коля⁶ еще катается на лодке. Крепко целую тебя. Начала ли ты учиться музыке?

Твой папа.

Оп. 1. Д. 57. Л. 1–1 об.

Н.Л. Скалозубов — дочери Анне

1912 г., 22 ноября

Пароход «Румянцев».
Средиз[емное] море

Милая моя Нюрасинька. Рад был твоему письму, которое я получил в Одессе. Одесса — это сладкий город. Вот дом [1 нрзб.] весело живет здесь ребятам. Я нигде не видел такой массы сластей, которые всюду продаются вместе с шипучими водами. Но зато бедные дети не знают, что такое ледяные горы, снежки и катанье на коньках. В городе, видимо, любят заниматься рисованием. Много продается и очень дешево картин, писанных масляными красками, и все море, море и море.

Жил я в Одессе в подворье Афонского монастыря в келье. Это большая монастырская гостиница, в которой находят себе приют паломники, т.е. богомольцы, отправляющиеся в Палестину поклониться Гробу Господню.

Ну, как же идут твои занятия музыкой? Можешь ли ты мне сыграть «чижика»? Поклонись от меня Марии Павловне, Анне Петровне и ста-

³ Ариадна Николаевна Голяновская (1897 — после 1973) — дочь Н.Л. и А.В. Скалозубовых. В 1941–1950 гг. директор Ханты-Мансийского опорного пункта.

⁴ Близкий друг Н.Л. Скалозубова, врач Курганской крестьянской больницы.

⁵ Дочь Петра Павловича Успенского.

⁶ Сын Николая Лукича и Ариадны Васильевны Скалозубовых.

ричку Петру Васильевичу⁷. Крепко тебя, моя дорогая доченька, целую.
Будь здорова и весела.

Н. Ск[алозубов].

Оп. 1. Д. 57. Л. 2–3.

Н.Л. Скалозубов — дочери Анне

1912 г., 27 декабря

г. Кострома

Дорогая моя Нюрашенька, меня очень радует, что ты привыкла к школе и к дому в Тюмени, что ты весела и довольна всем. Ты не пишешь мне, как идет твоя музыка, на каком инструменте ты учишься. Арюша тоже ежедневно бегают на уроки музыки. Люля все собирается к вам в Тюмень учиться вместе. Она очень хорошая, веселая и добрая девочка. Ночью на Рождество она ждала Рождественского деда и действительно оказалось, [что] наутро он принес ей целый чулок разных безделушек. Она очень была рада и очень интересовалась, что это за дед такой и почему его она не видела.

Крепко целую тебя, моя дорогая.

Твой папа.

Мой поклон всем в доме.

Оп. 1. Д. 57. Л. 4–4 об.

Н.Л. Скалозубов — дочери Анне

1913 г., 26 сентября

Петровское

Милая моя Нюрашенька, наконец ты порадовала меня своим письмом. Дружочек мой, не забывай мне писать. Тебе все кланяются: Аннушка⁸, Паля⁹, и Лапка виляла хвостом, когда я говорил о тебе. У нас весь дом ремонтируют. Пристроили кухню. Мы с Юрой¹⁰ живем на станции в новом доме. У нас еще все нет снега, и Юра пашет, пересаживает кусты смородины и крыжовника в сад. Со всех цветов собраны

⁷ Квартирные хозяева Шалашниковы в период учебы сестер Скалозубовых в коммерческом училище Колокольниковых в г. Тюмени.

⁸ Домработница в семье Скалозубовых.

⁹ О многих упомянутых в письмах лицах не удалось найти каких-либо биографических сведений.

¹⁰ Сын Николая Лукича и Ариадны Васильевны Скалозубовых.

«Милая Нюсинька, письма пиши не торопясь...»

семена. Цветник весь вспахан. Будущим летом цветы будут перед новым домом. В саду останется лишь ваш цветник. В саду же будут все ягоды и ягоды.

Пиши мне хотя небольшие письма, но чаще. С кем ты дружна? Какая подруга твоя уехала? Как твои успехи в музыке?

Сегодня получил письмо от Люли. 21 сентября ей исполнилось 7 лет. Зовет меня в Кострому.

У нас теперь дома тишина. Встаем мы в 6 часов. Обедаем в 11 часов. В 6 часов ужинаем, пьем чай и читаем с Юрой. В доме жилой осталась лишь столовая. В ней проделана дверь в кухню.

Милая Нюсинька, письма пиши не торопясь, по транспаранту и избегай ошибок, чтобы я мог поставить за письмо sehr gut¹¹.

Мой поклон низкий всем и вверху и внизу. Крепко тебя целую.

Н. Ск[алозубов].

Оп. 1. Д. 57. Л. 9–10.

Н.Л. Скалозубов — дочери Анне

1913 г., 17 октября

[Петровское]

Милая моя Нюрасинька. Рад, что тебе весело. Опишу тебе жизнь наших домашних животных. Начну с мышей и крыс. Их развелось великое множество. В новом здании — станции — они прогрызли стену и каждую ночь врываются и грызут то кукурузу, то пшеницу. За ними организована правильная охота — везде поставлены мышеловки. Ежедневно в них попадают то мыши, то полевки — это особые мышки с короткими хвостами. Но эти маленькие звери еще с полгоря. А повадился к нам «хомяк». Раз ночью слышу валится кукуруза с полка. Я туда. Никого нет, хотел было уже уходить, но взглянул на полки с кукурузой — на ней сидит зверь, преудобно расположившись, смотрит на меня. Я кричу Юру, тот бежит с палкой. Хомяк оказался большой крысой — пасюком. Закрыв двери, начали гоняться за ним. У отверстия норы поставили капкан. Крыса бросилась в дыру, но неосторожно попала ногой в капкан. Вместе с ним бросилась бежать и залезла под шкаф. Мы думали она наша, не тут-то было, она сумела вытащить ногу, сдернув кожу, и

¹¹ Очень хорошо (нем.).

Анна Николаевна
Скалозубова

1960-е годы

1964 г.

«Милая Нюсинька, письма пиши не торопясь...»

скрылась. Капканов я купил до 10, их расставляет кучер Вася. За каждого пойманного хомяка я плачу ему по 2 коп., и он охотно этим делом занят. На дворе ловятся большей частью настоящие хомяки — трехцветные. Но ловушек оказалось мало. Пришлось купить кошек. Куплены два Васьки: умный — за него плачено 30 коп., и глупый — за него 20 коп. Оба они на ночь сажаются на чердак, где сложен хлеб. Туда же посажен еж. И вот ночью они поднимают там возню. На день коты пускаются в комнаты, и этим они очень довольны: сейчас же забираются, мурлыкая, на постели, откуда их за шиворот стаскивают, они лезут на стул, на стол, трутся около нас.

На дворе две собаки — Лапка, старый знакомый, и Рекс, новый красивый, но глупый пес. Ужиться между собой никак не могут. И вчера, напр[имер], из-за брошенной Аннушкой кости возник такой бой, что думали одна из дерущихся «сложит» свои кости. Вася разнимал, изломал о них лопату.

В кухне живут Надюшин¹² кролик и филин, подстреленный Васей. Ну, кажется, и все домашние животные. Тараканов, живущих у Аннушки в часах, клопов и мокриц — не считаю. Мой сердечный привет П.В., М.П., А.П., В. и пр. Крепко целую мою милую девочку.

Н. Ск[алозубов].

Оп. 1. Д. 57. Л. 6–7 об.

Н.Л. Скалозубов — дочери Анне

1913 г., 29 октября

Петровское

Нюсинька, моя дорогая, здравствуй. Жду твоего письма. Что в школе тебе кажется самое интересное? С удовольствием посматриваю твои рисунки растений и ругаю тебя, что ты летом мало рисовала. Попроси Валю¹³ нарисовать мне тебя и Надю за занятиями. Передай ей мой поклон. На днях проявил негативы, где снимал тебя с Арюшей. <...> Арю-

¹² Скалозубова Надежда Николаевна (1899 — ок. 1991), дочь Николая Лукича и Ариадны Васильевны Скалозубовых. По профессии — библиотекарь. Жила в Москве. Некоторое время работала в Детгизе, с 1947 г. несколько десятилетий — в научной библиотеке Московского государственного университета.

¹³ Соученица Анны Николаевны Скалозубовой.

ша стала теперь такая рассудительная. Письма пишет обстоятельные. Юра всем кланяется. Он сделался страстным охотником. Каждое воскресенье исчезает в часу 6-м и приезжает вечером иззябший, без добычи (зайцы не хотят бежать ему под ружье), но довольный. С удовольствием побывал бы у вас и попил чайку. Передай мой поклон всем, всем. Крепко тебя, моя дорогая, целую.

Н. С[калозубов].

Оп. 1. Д. 57. Л. 5–5 об.

Н.Л. Скалозубов — дочери Анне

1913 г., 8 ноября

[Петровское]

Милая моя Нюрасинька. Получил твое письмо, а я было начал скачать, что долго не пишете. У нас жизнь идет очень однообразно. Летом к нам ездило много народу — теперь никого. Мы с Юрой одни. У меня много работы, и я, не выходя, сижу дома, разбираюсь в колосьях. Да и гулять не тянет. Зима еще не установилась. То выпадет снег, то стает. Ни на санях, ни на телеге и на лыжах покататься нельзя. Ты спрашиваешь о рояли. Я думаю о нем, но не знаю, как приступить к делу. Ничего я не понимаю в этих вещах и боюсь купить такой инструмент, на котором ты пожелаешь сыграть чижика, а он тебе камаринскую загудит. Не будет ли в Тюмени у кого продаваться инструмент? Напиши мне, что вам рассказывают по природоведению.

Крепко тебя целую. Всем мой низкий поклон. Это ты и сделай, да кланяйся пониже.

Н. Ск[алозубов].

Оп. 1. Д. 57. Л. 8–8 об.

Н.Л. Скалозубов — дочери Анне

1914 г., 23 января

Петровское

Милая Нюрасинька, крепко целую тебя, моя дорогая доченька; ну, надеюсь, вы теперь опять к школе привыкли после праздничных проказ. Расставшись с вами на вокзале, я дожидался поезда до 12 часов ночи. Был в Омске. Смотрел училище, где учится Володя. Приехав в

«Милая Нюсинька, письма пиши не торопясь...»

Курган, застал там Юру с Володей, выехавших встречать меня. Володя остался очень доволен житьем у нас. Аннушка на праздники уходила в деревню. Юра и Володя сами себе готовили обед. В первый день по моему приезду и меня угощали своей стряпней: ничего — есть было можно. Только Аннушка потом ворчала — много у ней напортили в кухне и побили.

Теперь мы никогда одни не обедаем, не ужинаем: как только садимся за стол — неистово начинает пищать и царапать в двери кот Васька, а собака Спевка, постоянно лежащая в прихожей, входит в столовую — оба ждут своей доли. Если заговоримся и на них не обратим внимания, то Васька поочередно подходит к одному и другому, лапой трогает за ногу — просит обратить на него внимание. Кланяюсь всем, всем — и Анне Петровне, и Марии Павловне, и Петру Васильевичу, и Надежде Александровне, и Вале, и Ане, и Настиньке, и прочим.

Нюрасиньку же, доченьку, крепко целую.

Н. Скалозубов.

Оп. 1. Д. 57. Л. 11–12.

Н.Л. Скалозубов — дочери Анне

1914 г., 13 сентября

Петровское

Нюсинька, моя дорогая. Рад за тебя, что снова весела. Без вас здесь скучно. Надя и Толя постройки бросили, заходят иногда и, видимо, скучают. Ловят мне мышей. Люля привезла [1 нрзб.], Надюша початков — передайте в коллекцию в училище и Надежде Александровне. Сейчас мы копаем картошку. В земле много куколок. У нас были сильные заморозки — из цветов остались живы только астры, левкой и маргаритки. Когда будешь изучать географию, то хорошенько выучи, как зимой ехать из Тюмени в Петровское. Люляшу приласкай, чтобы она не скучала.

Поздравляю с днем рождения. Помни наше условие — писать хотя бы раз через неделю. Всем мои приветы. Крепко целую тебя.

Н. Скалозубов.

Оп. 1. Д. 57. Л. 13–14.

Н.Л. Скалозубов — дочери Анне

1914 г., 1 сентября

Петровское

Милая моя Нюрасинька! Вот и вы на зимних квартирах. У нас было два сильных утренника, первый — как раз, когда вы уезжали. Поморозило картошку, многие цветы. Липы пожелтели, вообще сад как будто опечален, что не будет слышно ваших голосков. Только яблони богато убраны румяными яблоками. Ну, как вы довели своих гусениц? Живы ли они? Люся шлет поклон. Не пишет, потому что не умеет писать по этим строчкам. Мой сердечный привет Петру Васильевичу, Анне Петровне, Марии Павловне, Надежде Александровне.

Крепко тебя целую.

Н. Скалоз[убов].

Кто теперь с вами живет? Валя [1 нрзб.] уже окончила?

Оп. 1. Д. 57. Л. 21–21 об.

Н.Л. Скалозубов — дочери Анне

1914 г., 23 октября

[Петровское]

Милая моя Нюрасинька, совсем ты забыла нас, напиши, как ты учишься, что тебя особенно интересуешь? Как живет Люляша? Ставят ли ее в угол в школе и часто ли ее колотят мальчишки? Мы теперь с мамой одни. Вчера был первый буран и установился санный путь. Видали ли вы на небе комету — внизу Большой Медведицы? Довольны ли вы новым помещением своего училища? Коля из Костромы переехал в Ярославль в частную гимназию. Мама у нас хворает, всю уже почти неделю лежит, теперь ей стало лучше. Передай мой низкий поклон всем. Давно не писал, потому что давно не был в городе.

Крепко тебя целую.

Твой папа.

Оп. 1. Д. 57. Л. 15–15 об.

А.В. Скалозубова — А.Н. Скалозубовой[1941 г.]¹⁴

[Москва]

Милая Нюрасинька.

Никак времени не нахожу написать тебе. Детей не принимают в школу без прописки, и документы не оформлены.

¹⁴ [...] Установлено по содержанию писем.

«Милая Нюсинька, письма пиши не торопясь...»

1) Киме¹⁵ метрики и табель о переходе во II класс со штампом школы (у него без штампа).

2) У Левы¹⁵ метрик нет, я была в Октяб[рском] загсе, меня направили на Миусскую площ[адь] № 2, но сказали, что метрики дают только родителям, или надо справку от домкома о прописке, ну а такой справки я достать не могу без документа, вышли справку-выписку из своего паспорта (старый паспорт нельзя и показывать — угодишь в тюрьму, узнай у себя на месте (у юриста или милиции), какую справку можно послать, удостоверяющую рождение: год, мес[яц], место Левы) или доверенность на получение метр[ического] свидет[ельства].

Волнует меня, ведь уже 25ое, а еще ничего нет. Анна Ив[ановна] без прописки не принимает, вот еще жду К[арла] К[арловича]¹⁶. М[ожет] б[ыть], он может что-ниб[удь] сделать. Необходимо все документы оформить. Деньги 1000 я получила, волнует меня, что много денег вышло. Ты оставила 1000 и Ив[ан] Сп[иридонович]¹⁷ прислал 1000 р., а у меня за мес[яц] вышло 1700 р. Я купила две кровати — 90 р., обувь 73, ремонт обуви — 26. Посуды руб. на 15–20, 2 стирки — 44 р. Остальное все стираем сами, два раза дети ходили в Ц[ентральный] парк и на Вс[есоюзную] выставку. За квартиру 35 р. + 80 р. + 22 электр[ичество] — 1137. 200 р. я дала Виктору¹⁸ для Ам[алии] К[арловны]¹⁹ (Арюша ничего не посылала, а у А[малии] К[арловны] денег не было), эти деньги вернутся. И еще не помню, на всякое барахло хозяйств[енное] руб. 20 и остальное — баня, трамвай, но, главн[ое], питание много поглощает. Дети здоровы, хотя работают, помогая мне. Все увеличилось в весе, больше всего поправились Ким, Том²⁰ и Лева. Алла²¹ хуже, Ким и Том загорели,

¹⁵ Сын Анны Николаевны Скалозубовой.

¹⁶ Голяновский Карл Карлович — муж Ариадны Николаевны Голяновской-Скалозубовой.

¹⁷ Шелухин Иван Спиридонович — второй муж Анны Николаевны Скалозубовой.

¹⁸ Голяновский Виктор Карлович, сын Ариадны Николаевны и Карла Карловича Голяновских. Участник Великой Отечественной войны. В послевоенные годы получил ученую степень кандидата военных наук, преподавал в одной из военных академий в Москве.

¹⁹ Сестра Карла Карловича Голяновского.

²⁰ Сын Анны Николаевны Скалозубовой.

²¹ Алла Викторовна Скалозубова — старшая дочь Анны Николаевны Скалозубовой, агроном. Род. ок. 1927 г. Окончила сельскохозяйственный институт в Омске в 1950 г. Кандидат наук. Работала в Новосибирске.

ходят с голой грудью. Душ устроили в саду. Лева усердно и с желанием помогает, Ким тоже, про Аллу и не говорю, ее приходится останавливать. Таня²² тянется за ними, но все еще дикий конь.

Мне предстоит еще расход на учит[ельни]цу нем[ецкого] яз[ыка], т.к. Лева и Алла в 5 кл[ассе] не проходили, надо подгонять. Мне рекомендуют хорошую немку (А[малия] К[арловна] не годится, т.к., во 1-х, она очень отстала, во 2-х, надо заниматься систематически, а не от случая к случаю, а у нее будет в перерыве между жареньем картошки или чего-нибудь[удь]). Ты еще пишешь об А[малии] К[арловне], чтобы она взяла питание детей на себя, да она тяготеет и той работой, кот[орая] у нее есть. Правда, она куда-то все бегала и, по-видимому, не так легко найти такое место, чтобы 100–200 р. платили и работы было мало, и теперь уже об уходе не говорит, но дети уже привыкли сейчас к правильному режиму: в 8–9 — кофе, 1–2 — обед, 6–7 — ужин, все здоровы. У Тани исправился желудок. У А[малии] К[арловны] пойдет все кувырком, завтрак в 2 ч[аса], в 6–7 обед. С полным брюхом спать, у Тани опять начнется вздутие, а все равно не обойдется без помощи детей, только лишь трата денег. Я до тебя дотяну, а там ты сама решай, все равно я уже пропустила все свои занятия: картины не написала на выставку, м[ожет] б[ыть], пойдут только этюды или нет. Пока я не хочу и думать, чтобы не расстраиваться, так пускай же хоть одно дело я сделаю с детьми.

Ребята слушаются. Удивительно, что и Лева хорошо ведет себя, если не считать дразнения, но он с охотой выполняет мои поручения, а уж Аллочка мой первый друг. С ней и советуюсь. Она отдала покрыть мою шубу и очень расстроилась, что я хотела покрыть дешевым серым матер[иалом], говоря, что мне недолго жить, не стоит дорогие вещи шить. И слышать не хотела, отдала синюю шерст[яную] материю: «Ты должна долго жить». Милая девочка.

Боюсь, как выйдем, когда вступит в свои обязанности А[малия] К[арловна]. Тяжелее мне будет. Она ведь несмотря на 18 л[ет] жизни — наемная. «Хозяева», «хозяйское», уж она мне изволила сказать, что вот, мол, приехала «чужая» семья. Я хотела ей сказать, что вы — чужая, считающая «хозяевами» тех, кто ей платит, не хотела связываться, а право, если бы она ушла, я вполне справилась еще с 2-мя Кар[л] Кар[ло-

²² Кузнецова Татьяна Георгиевна — приемная дочь Ариадны Николаевны Голяновской. В похозяйственной книге по с. Самарово значится как Голяновская Татьяна Карловна.

«Милая Нюсинька, письма пиши не торопясь...»

вичами] и Гая²³, но не уйдет она, п[отому] что как немка она отстала, а как домработница — не годится, ведь это суший гипноз у Голяновских. С Ам[алией] К[арловой] К[арл] К[арлович] сам стирает, моет полы, воду таскает, но зато она наливает кофе и разливает суп. Да ну ее! Постараюсь не обращать внимания.

Нюся, ты все сделай с документами.

Целую тебя, привет Ив[ану] Сп[иридоновичу], хотя его не знаю, но он принимает участие в твоих делах.

Статью твою я передала в «Соц[иалистическое] Строит[ельств]во», но редактор сказал, что передаст в «Сов[етскую] Агрономию», а до сих пор не передал. Цыпленкова в ред[акции] нет. Я спрашивала Гутмана, ред[актора] «Сов[етской] Агр[ономии]», кто в редакции, но про Цыпленкова он не сказал, а я не спрашивала про него, чтобы не возбуждать лишних разговоров. Завтра еще раз схожу.

Ну, кажется все.

Любящая мама.

Оп. 1. Д. 53. Л. 43–46 об.

А.В. Скалозубова — А.Н. Скалозубовой

[1941 г.]

[г. Москва]

Милая моя Нюрасинька, получила твое письмо и две телеграммы, одна о материалах, другая о письмах, через Солодовникову²⁴. Посылку я соорудила, но я бы больше всего послала, но боюсь затруднять Солодовникову. <...> Не знаю, найдет ли вторые материалы, которые ты просила передать, я сначала приостановила печатание по ответу Тюрденева²⁵, я соображения уже тебе писала. После телеграммы я вновь передала для машинки, но она что-то долго не приносит. Как я рада за тебя и детей, что тебя выдвинули кандидатом на сельскохозяйственную выставку, но ты правильно пишешь, что мне будет неприятно, что тебе при-

²³ Младший сын Ариадны Николаевны и Карла Карловича Голяновских. В похозяйственной книге по с. Самарово годом его рождения указан 1931-й. Трагически погиб в мае 1944 г.

²⁴ Солодовникова Елизавета Александровна (1910–1969), коллега А.Н. Скалозубовой по Якутской станции. Впоследствии — заслуженный агроном РСФСР и ЯАССР.

²⁵ Тюрденев П.А. — агроном Управления районов Крайнего Севера Министерства сельского хозяйства РФ.

дется остаться на станции, но я думаю, видно будет по приезде сюда, а м[ожет] б[ыть], я буду в состоянии поехать к тебе и еще пожить вместе, а там м[ожет] б[ыть], проведут жел[езную] дорогу и не будешь чувствовать [себя] отрезанной. Арюша виделась с [1 нрзб.]. Он просил меня помочь в комплектовании вашей библиотеки. Я постараюсь все, что можно, сделать. Елизавета Ал[ександровна] была несколько раз и только один раз поймала меня, и то я написала ей открытку. Говорили долго с ней о всех делах, видно, она к тебе привязана, чему я рада. Жду и сегодня, что зайдет перед отъездом, но я вечером ухожу в биб[лиоте]ку, боюсь, что разойдемся. У нас попеременно все хворают, сейчас у Гаи грипп, у К[арла] К[арловича] спина болит. У Гаи все держится экзема на лице. Арюша кончает свой отчет, целых 4 мес[яца] писала и 20го [1 нрзб.] выезжает в Ост[яко]-Вогульск. Отчет затянулся из-за того, что ей пришлось проверять все данные практикантов, кот[орые] оказались не на высоте, так и не отдохнула, хотя она выглядит ничего себе, т.к. освобождена была от всякой тяжелой работы, но сидячая жизнь тоже не очень-то хорошо, у нее начинается ожирение. <...>, [она] была на пленуме комиссии д[альнего] сев[ера] и, видимо, играла не последнюю роль, ее авторитет очень повысился, а вот Лещенко²⁶ что-то неважно себя чувствует, собирался уходить, но его не пускает [1 нрзб.]. Его так же, как Ариадну, нервирует отсутствие необходимых средств, а расходов много. Его тянет на научную работу, а директорство не дает возможность заняться. Мне Лещенко понравился, и для Ариадны, конечно, лучше, если он останется. Я все пишу об Арюше, ну это понятно, я живу с ней. От Люли писем нет давно, я ей послала посылку, ответа нет, верно, занята и с ребенком, и со службой. Надя не живет, а скрипит, плачет часто, с Ариадной они совсем разошлись, к нам не ходит, я была два раза у нее в выходной. От Коли, кроме того письма, о кот[ором] я тебе писала, больше ничего не было. Я ему больше не нужна и писать, значит, нечего. У меня все перегорело и не могу себя заставить написать ему, да и к чему? Одна ты у меня, Нюсинька, ведь чего я пережила прошлой зимой — думала, что сойду с ума, близка была очень, и теперь полное равнодушие. Не стоит и говорить, вычеркивала одну страницу жизни. Зато я смотрю на твою карточку, люблюсь на свою милую Ню-

²⁶ Лещенко Федор Куприянович (1905–?), кандидат сельскохозяйственных наук, с 1939 по 1941 г. — заведующий Остяко-Вогульским опорным пунктом.

«Милая Нюсинька, письма пиши не торопясь...»

сеньку, хотелось бы горячо твоего счастья, счастья в детях, в работе, чтобы ты отдохнула. В прошлый приезд ты хорошо не отдохнула. М[ожет] б[ыть], можно поехать на юг. Я тоже подкоплю денег. Целую тебя, крепко, крепко.

Твоя горячо любящая мама.

Оп. 1. Д. 53. Л. 1–3 об.

А.В. Скалозубова — А.Н. Скалозубовой

1942 г., 11 марта

г. Ханты-Мансийск

Милая моя Нюрасинька, ошеломила ты меня своим письмом, и главное — чем помочь. Кима уже не вернешь, надо об остальных думать, а как уберечь, живя в одной маленькой комнатке при плохом питании и когда кругом болезни. Милая моя, очень жалею, что не приехала к тебе, вместе бы легче было, и пенсия прибавилась бы к бюджету, но хныкать некогда, да ты в этом отношении в меня пошла. Конечно, то, что я могу тебе желать, очень мало по сравнению с ценами, но все же, что, м[ожет] б[ыть], можно купить, а я хоть немного подрабатываю летом. Летом я совсем себя плохо чувствовала, а сейчас ребята Гая и Боря²⁷ мне помогают, и пью молоко, и вот могу, кроме домашнего хозяйства, заниматься в библиотеке и ликбезом. Арюша уехала в Омск на совещание, еле выбралась, такая очередь на самолет, она очень похудела и стала нервная, обстановка тяжелая и моя забота не лишняя. У нее был хороший аппетит, а последнее время не знала, чем кормить при отсутствии жиров и молока, она не пьет, так я ее почти насильно кормлю, боюсь возврата туберк[улеза], а у нее из служащих одна Сосновская²⁸ — свой человек, с остальными все время надо держать себя по-директорски на вытяжке, тянуть на работу, на заботу о фронте, везде воевать, и это ее утомило беднягу. И только дома она чувствует себя хорошо. У нас живет Боря.

²⁷ Горинович Борис Васильевич, 1924 г. р. — сын Надежды Николаевны Скалозубовой. Призван на фронт 13.08.1942 г. Ханты-Мансийским ОВК. Пропал без вести в декабре 1943 г.

²⁸ Сосновская Зоя Ивановна (1905 — после 1973), агроном. С 1940 г. работала на Ханты-Мансийском опорном пункте, в военные годы проводила опытные работы в колхозах Микояновского района, позднее заведовала элитно-семеноводческим хозяйством опорного пункта.

После отъезда Арюши пришла телегр[амма] от К[арла] К[арловича] из Казани «Мобилизован, завтра в часть, позаботься о семье». Она еще не знает. Мы ей телеграфируем. Виктор в Астрахани — учится, Нина²⁹ с Аней и Таней и А[малия] К[арловна] в Казани. С питанием плохо. Нина кончает курсы сестер, увлечена работой среди раненых. Антошка³⁰ растет и буянит, ест все, что дают, плохо с молоком, кот[орое] он любит, но его мало. К[арл] К[арлович] писал, чтобы Ар[юша] забрала «хвост», т.е. всех каз[анских] сирот к себе, но как перевезти. И я думаю, как ты поедешь с ребятами и вещами, и почему И[ван] С[пиридонович] не заехал за тобой. М[ожет] б[ыть], нельзя было, п[отому] что его командировали? Нюсинька, береги себя, я буду посылать хотя и немного, но покупайте продукты, а после, м[ожет] б[ыть], можно будет послать что-нибудь. Сейчас посылки не принимают. Ну, солнышко мое, крепись. Если что ты заболеешь, телеграфируй, уж я как-нибудь выберусь или помогу деньгами. Целую крепко тебя и детей.

Горячо люб[ящая] мама.

Гая шлет горячий привет всем.

Оп. 1. Д. 53. Л. 4–5 об.

А.В. Скалозубова — А.Н. Скалозубовой

[1947 г.]

г. Ханты-Мансийск

Милая Нюрасинька. Совершенно неожиданно для меня я сначала получила телеграмму от Аллочки «еду за тобой», а после явилась сама Аллочка своей розовой веселой персоной, и внесла столько жизни и бодрости в нашу скучливую жизнь, а скучливая она из-за унылой Арюши, которую ничто не радует, не спит или спит половину ночи, которая никак не может отделаться от тяжелого настроения и с таким трудом, пересиливая себя, работает. Так же было с ней прошлый год перед поездкой в Москву. Ей нужен отдых и не просто по бюллетеню, а с переменной обстановки. И оставить ее в таком состоянии я не могу, ведь у нее такое «окружение» ошестившихся «помощников», и единственное

²⁹ Голяновская (урожд. Фаворова) Нина Владимировна, жена Виктора Карловича Голяновского.

³⁰ Сын Нины Викторовны и Виктора Карловича Голяновских, внук Ариадны Николаевны Голяновской.

«Милая Нюсинька, письма пиши не торопясь...»

место — дом, где о ней заботятся мать и Дуся³¹, но Дуся хоть и хорошо относится, но у нее есть семья и, случись освобождение, она может уехать.

Если она не выберется из такого угнетенного состояния, придется ехать лечиться и, м[ожет] б[ыть], оставит совсем или временно работу. Диссертацию она не окончила и здесь в условиях адм[инистративной] работы не сможет закончить, а сможет ли она, не полечившись основательно, окончить? Аллочка все расскажет о нашей жизни. Меня так взбудоражил ее приезд, так хочется вырваться с Севера. Здоровье плохое, лечиться здесь трудно, но, с др[угой] стороны, боюсь сделать нагрузку на тебя, придется тебе ухаживать за больной старухой, а яглохнуть начала, верно, склероз, да много всего. Ну, все же надеюсь скопить денег на зиму и уехать, если не умру, но я больше думаю сейчас об Арюше, как она. Целую тебя, Ив[ана] Спир[идоновича], Тому, Леву.

Твоя любящая мать.

Оп. 1. Д. 53. Л. 38–38 об.

А.В. Скалозубова — А.Н. Скалозубовой

[1948 г.]

г. Ханты-Мансийск

Милая Нюрасинька, почему нет ответа на мои письма? Ив[ан] Спир[идонович] тоже молчит, вправе думать, что не хочет писать, а я ведь серьезно собираюсь хоть повидаться съездить. Получила письмо от Аллочки, хотя она и не пишет о болезни, но я боюсь за нее: после перенесенной болезни и в условиях недостаточного питания может быть осложнение. Она пишет о твоём возможном переезде в Омск, но ведь ты связана с работой. Потом она пишет, что ты одна с Томой, Ив[ан] Спир[идонович] в командировке. Пиши, пожалуйста, пока я еще жива. Сейчас все вы, кроме Арюши, в какой-то неопределенности. Люля писала, плохо ей живется, собирается обратно, если примут. В лаборатории нужен агрохимик. Пишет, что и сама, и девочки полуголые и полуголодные. Это в Алт[айском] крае, но благодаря отдаленности от рынков, колхозники не желают продавать по малости, а везут за (1 нрзб) на рынок. Надя, не знаю, получила ли работу. Все продала, что можно.

Жду через день-два Арюшу из Москвы. Ходят последние самолеты, скоро перерыв в поч[товых] сообщ[ениях]. У нее дела лучше, т.е. с ин-

³¹ Домработница А.Н. Голяновской.

[ститу]том отношения налажены, ее считают лучшим директором (вероятно, по сети), но здесь ее ждет застой. Без нее затишье. Все поотбывали в отпусках. Долго канителились с отчетом и рабочим выдавалась не вся зарплата, и рабочие были в затруднит[ельном] положении. «Вот приедет барин». Все надежды на Ар[юшу], и завертится колесо, и удивляешься, что так мало людей, кровно заинтересованных в производстве. У всех личное на первом плане.

Пишите, пожалуйста.

Передай своему Ив[ану] Спир[идоновичу], что я на него сержусь. Забыла еще тебе написать — получила из Худ[ожественного] фонда посылку с красками, холстом и частью с кистями, была несказанно рада, но не поздно ли? Боюсь, что не сумею использовать. Сейчас в отпуску, бросить службу не решаюсь, хоть и 150 р., но они не лишние.

Нюсинька, целую крепко тебя, Тома. Привет Ив[ану] Спир[идоновичу].

Любящая тебя горячо мама.

Я могу без ущерба посылать 50 р.

Оп. 1. Д. 53. Л. 30–31 об.

А.В. Скалозубова — А.Н. Скалозубовой

[1948 г.]

[г. Ханты-Мансийск]

Милая Нюрасинька. Я писала тебе в Омск до востребования. Я не знаю, ты ездила ли в Омск, как об этом ты писала. Я тебе и Ив[ану] Спир[идоновичу] писала о биографии Ник[олая] Лук[ича], которую я срочно написала для Омского областного музея, которому были Сибнизхозом переданы материалы Ник[олая] Лук[ича], но какие, я не знаю, и музею потребовалась биография Ник[олая] Лук[ича]. Если ты не получила мои письма и биографию, то я прошу тебя написать доверенность на кого-нибудь в Омске получить и выслать тебе. В письмах я все подробно написала, не буду уже повторять. Теперь думаю, как попасть к тебе, вот прошлым летом не уехала с Аллочкой, а нынче говорят, очень трудно попасть на поезд. Я не знаю, когда поедет Арюша в Москву и возьмет ли меня. Одна-то я не решусь в далекий путь, а мне еще хотелось бы пожить с тобой, и если я останусь еще такая, как сейчас, то могла бы еще освободить [тебя] от части работ, как я делаю здесь. Конечно, особенно тяжелой работы делать не могу.

«Милая Нюсинька, письма пиши не торопясь...»

Надоела я тебе причитаниями, вот скажешь, не сидится тебе на одном месте, но сидела-то я с 1941 по 1948 г[од]. Шутка сказать, 7 лет дальше поймы или Х[анты]-Мансийска не бывала. Ну, хоть помечтать, если нельзя осуществить. Сейчас у нас все куда-то едут. Приехала Татьяна, проводит практику. Она поправилась, растолстела. Арюша едет в командировку по колхозам, летит на самолете в Кондинский р[айон] на 2 нед[ели]. Ждем Людмилу с ребятами. Дуся (домработница) получила паспорт и едет к родителям временно, обещает вернуться. На опорном тоже то приезжают, то уезжают. Вот и заразилась я. Пиши, Нюся, да поскорее. Целую тебя, детей. Ив[ану] Сп[иридоновичу] привет.

Любящая мама.

Оп. 1. Д. 53. Л. 47–47 об.

А.В. Скалозубова – А.Н. Скалозубовой

[1948 г., 15 мая]

г. Ханты-Мансийск

Милая моя Нюрасинька. Весна, весна, сегодня ждут первого парохода, а с ним вести с родины. Это самое скверное здесь, живешь только почтой и ждешь газет. Хорошо, что есть радио и не вовсе оторван от мира. Я стала такая политиканка, не пропускаю «последних известий» и сообщаю Арюше «последние новости», да вообще удивляюсь на свою 78-летнюю живучесть, продолжает все меня интересовать, в биб[лиоте]ке не работаю. Нет денег у оп[орного] пункта, даже 150 р. жалко!

Вместо меня молодая, член ВКП, кончила 7-летку и, конечно, не обходится без Ар[иадны] Вас[ильевны]. Сейчас я выполняла обязанности секретаря, которого тоже сократили, а дел осталось куча неразобранных. Какое будет еще очередное дело — покажет время. С Арюшей у меня все теснее отношения, и я склонна думать, что я еще не бесполезна и что голова у меня работает неплохо. У Арюши столько всякого дела, что помощник домашний близкий нужен, а она тоже подумывает о перемене, уж очень надоели склоки, хотя где их нет.

Как бы мне хотелось, чтобы вы все собрались в одном месте. Сейчас мы ждем сюда Людмилу, но не знаю еще, выйдет ли что, т.к. на то место, кот[орое] Ар[юша] приглашала, едет из Ленинграда другое лицо, какое-то недоразумение получилось. Пиши мне обо всем. Как здоровье детей, твое, Ив[ана] Спир[идоновича]? Да — я все же, пока не было Арюши,

успела написать этюдов 5, из них зимних 4 «со снегом», кот[орые] я никогда не писала. Был у меня художник — ученик Ак[адемии] худ[ожеств], расхвалил 2 этюда «хоть на выставку», ободрил меня. Буду работать!

Сегодня 15 мая, день теплый, но снег еще не везде стаял. И ходим еще в ватниках. Идет подготовка к севу. Пугали наводнением, но вода спала, хотя еще нельзя быть уверенным, а ведь у нас лучшая почва на пойме.

Ну как у вас? Хоть бы съездить погостить! Но я одна, конечно, не решусь, хотя и хорохорюсь, и не знаю, не то сердце, не то легкие, вернее сердце. Одышка, если заволнуюсь или устану, ну да и годы. Целую крепко мою Нюрасеньку, Тома и...Ив[ана] Спир[идоновича], если разрешит, но, злодей, не пишет.

Пишите обо всем, ведь я всем интересуюсь.

Любящая мама.

Оп. 1. Д. 53. Л. 41–42 об.

А.В. Скалозубова — А.Н. Скалозубовой

[1948 г.]

г. Ханты-Мансийск

Милая Нюрасинька, вчера получила твое письмо, очень огорчило меня и то, что Ив[ан] Спир[идонович] заболел, и то, что вы оба пережили. Да, у нас совсем другая обстановка, в обсуждение докл[ада] Лысенко³² втянулись все служащие и даже часть рабочих, и в этом заслуга Ариадны. Очень жаль, если тебе из-за Тома придется бросать начатую работу с пшеницей, не доведенную до конца. Это уже будет 4-е место твоей деятельности, и конечно, неблагоприятно для получения результатов. Конечно, работа в разных районах обогащает знаниями различных условий — климата, почвы и пр[очее], расширяет кругозор, но страдает результатами благодаря короткого времени наблюдений, если бы можно найти место по условиям Челяб[инской] об[ласти] равное + десятилетка, но где найти такое место? Приходится чем-то пожертвовать.

Здесь, в Самарове (если мне не ехать в Москву), есть 10-летка не на опор[ном] пункте, а в Самарове, которое находится под горой, а пункт на горе. Надо спуститься под гору и немного пройти по Самарову или прой-

³² Лысенко Трофим Денисович (1898–1976), советский агроном, академик ВАСХНИЛ, академик АН СССР. Речь идет о докладе на сессии ВАСХНИЛ 31 июля 1948 г. «О положении в биологической науке».

ти (как делают учащиеся) до крутого спуска прямо к школе. Школа, конечно, по качеству уступает столичным, но в общем необходимое есть. Конечно, Том был бы обеспечен хорошим питанием и надзором (жил же у нас Антон), но я боюсь климата — нынче зима на диво теплая, а бывают резкие перемены, морозы с ветрами, но, я думаю, одевшись тепло, можно перенести 3-го года. Ар[юша], наверное, останется, если не выживет ее сумасшедший Парфенов³³, комок злобы, который спит и видит стать директором опорного пункта, сейчас ее положение прочно, но держится ее необыкновенным трудом, энергией и советским патриотизмом, все, что надо для советского работника, но силы-то не резина. И чуть ослабится, всякая шваль, вроде Парфенова, воспользуется этим. Ты не можешь нынче зимой съездить в Москву повидаться с Ар[юшей]? Я думаю, это было бы для обеих полезно, ведь вы очень близки друг с другом, больше, чем остальные сестры — Надя и Люля, которые требуют от нее помощи, а не наоборот. Удивляет меня Людмила. Уж она должна была бы понимать, но она по-прежнему мечется, твердит все о своем желании работать агрохимиком, на деле не подтверждая своего желания.

О биографии. Я тоже получила от Горюнов[а] о желании переработать, ему нужно о методе работы Н[иколая] Л[укича], больше о его личности. Я засушила биографию, это отчасти по вине Ар[юши], которая велела все личное выкинуть, а разве можно изолировать от всего личного. Трудно мне, конечно. Вчера я перечитала статью Н[иколая] Л[укича], как выводятся новые растения. Я думаю, что он очень близок к современным взглядам. Ты читала эту статью? Нюсенька, пиши, не мучай меня молчанием. Письма Ив[ана] Спир[идоновича] я не получала. Целую тебя и Тому. Поклон Ив[ану] Спир[идоновичу].

Любящая мама.

Оп. 1. Д. 53. Л. 32–33 об.

А.В. Скалозубова — А.Н. Скалозубовой

[1951 г.]

г. Ханты-Мансийск

Милая моя Нюрасинька. Так я и не собралась поехать из-за всяких сомнений. Надо было за теплую погоду поехать, когда ты хотела меня встре-

³³ Парфенов Иван Дмитриевич (1904–?), зоотехник. В 1936–1941 гг. — главный зоотехник Остяко-Вогульского окружного земельного управления, в

тить, и можно было, повидавшись, вернуться. Конечно, дорожные условия тяжелые, а Арюшу все задерживает Титлянов³⁴ (новый директор), а я выжидала, что будет. Титлянов оказался очень тяжелым человеком, но Арюша очень спокойно, по кр[айней] мере внешне, отпаривает его колкости и выходки. Она заканчивает агроправила, да еще подготовка к с[ельско]х[озяйственной] выставке и едет, вероятно, сначала заедет к тебе.

Приезжал милейший Александр Павлович, пробыл около 2-х недель, жил, как в родной семье. Он очень взволновался моей болезнью, обещал достать лекарство Дорохова, хочет устроить на курорт. В общем, его присутствие было таким хорошим. Он проредактировал якутский период моей жизни. Кстати, у кого же мы останавливали[сь], когда переезжали из города в Покровское? Помню благоустроенную юрту, гостеприимство, угощение. Напиши еще название той горы недалеко от Якутска, где мы боялись встречи с медведем.

Почему Аллочка мне не пишет, как она живет? <...>Я ей написала письмо с выговором за молчание. Хотелось бы получить от Тома, он самый «маленький», какие у него интересы. Внешний вид взрослого юноши. Антоша меня совсем забыл, ничего не пишет. Как скоро теряется связь, ведь уж с Аллочкой-то были какие друзья, и что случилось. Я очень огорчена, тем более что, несмотря на 81 год, тяжелую болезнь, я жива духовной жизнью, продолжаю работать и кистью, и пером, значит, не совсем выжила из ума. Вот с Тат[ьяной] не налаживается связь, ну это, м[ожет] б[ыть], обоих вина, я несколько раз пробовала и не выходило. Итак, я остаюсь одна, если не считать домработницы, с которой остерегаешься говорить из-за ее длинного языка. В одной непроходной комнате будет жить одна уже немолодая науч[ная] раб[отни]ца, кажется, симпатичная. Ну, буду стараться не падать духом и работать, пока хватит сил, а мне хотелось так видеть тебя, неужели мое желание не осуществится? Пиши мне обо всем. Как мне хотелось тебе помочь, ты бы защитила диссертацию, у тебя богатый материал. И Арюше тоже. Хорошо, что вы увидите.

1941–1943 гг. — зав. Ларьякским райзо, в 1943–1944 гг. — инструктор окружка ВКП(б), в 1944–1946 гг. — зам. заведующего отделом животноводства Тюменского обкома партии. В августе 1946 — апреле 1947-го — директор опорного пункта в Ханты-Мансийске.

³⁴ Титлянов Антонин Андреевич, кандидат сельскохозяйственных наук, директор Ханты-Мансийской опытной станции (1951–?).

«Милая Нюсинька, письма пиши не торопясь...»

Целую крепко мое золото Нюрасиньку. Не забудь напомнить Томе, хоть один бы вспомнил.

Горячо любящая мама.

Оп. 1. Д. 53. Л. 39–40 об.

А.В. Скалозубова – А.Н. Скалозубовой

18 октября 1951 г.

г. Ханты-Мансийск

Милая моя Нюрасинька. Получила твою телеграмму и взволновалась. Я с 10 окт[ября] заболела воспал[ением] легкого в правом легком, но все ходила, охала, обслуживала себя, никак не могла дозваться врача, а она была занята. Наконец, после 7 дней приехала и уложила окончательно в постель, никаких движений. Сердце еще хуже легких. Хотя левое легкое почти не дышит. Живу одним, а и оно [1 нрзб.]. Назначила лечение и полный покой, мне надо было выбраться летом, и, м[ожет] б[ыть], этого бы не случилось, но сердце уже давно болит. Живу надеждой, что доживу до весны и поеду, ведь это все боязнь заразить. Перечитываю твои письма и больно становится от своего бессилия.

У нас событие, Таня 10го окт[ября] зарегистрировалась с одним из служащих в отделе звероводства Евг[ением] Ильичом Пискуновым. Человек хороший, образование. Лучшего мужа Тане не найти. Арюша воскресла духом, оживилась. Устраивают общее хоз[яйст]во. Он уже ее называет мамой, что мне не нравится. Таню на 2[-й] день послали в командировку, совсем по-современному. Я себя чувствую немного лишней, хотя Арюша не дает мне повод, но я уже не думаю так, как я тебе писала, что будет одинокой. Молодая жизнь ее увлекла и сама помолодела. А ты не пишешь о семейной жизни Алочки, и она ни звука... Все-таки, Нюсинька, мало о тебе заботятся, чтобы сохранить твоё здоровье, и мне не пришлось пожить и помочь, а сейчас могу быть только обузой, если не выкарабкаюсь. Людмила тоже устроилась. Андрей Ильич³⁵ очень заботится о семье, только Надя по-прежнему одинока, но увлечена работой.

Есть еще у нас Наташа³⁶, дочь Коли. Ей уже 27 л[ет]. Живет очень плохо, часто пишет о смерти, получает после матери пенсию 140 или

³⁵ Муж Аллы Викторовны Скалозубовой.

³⁶ Внучка Ариадны Васильевны Скалозубовой.

130 р., делает цветы и игрушки, стремится учиться, а сил и денег нет. Я просила Арюшу заехать к ней в Кострому.

Нюсинька, пиши, родная моя, как я скучаю по тебе. Арюша к тебе обязательно заедет. Хоть бы дожить до весны. Целую тебя, жду письма.

Любящая тебя бесконечно мама.

Оп. 1.Д. 53. Л. 7–8.

А.В. Скалозубова – А.Н. Скалозубовой

1952 г., 10 апреля

г. Ханты-Мансийск

Милая моя Нюрасинька. Если я написала, во что обходится мое лечение, то это не значит, что ты должна тратить на меня, да и к июню, верно, закончится, если не закончится, то я перейду на дороховскую жидкость. А ты мне не ответила на мои вопросы. Я хочу знать на всякий случай, какой ближайший медицин[ский] пункт, кроме Шадринска, есть ли в Черемисском и Батурине, и расстояние до них, какие врачи есть, вот что нужно, где аптека? Без медиц[инской] помощи не обойтись. Может быть, Тома может это узнать, а ты меня не поняла. И на дорогу у нас деньги найдутся. Я ведь получаю пенсию 310 р. Конечно, этого мало на дорогу, но Арюша даст. Я нынче подавала заявление об увеличении пенсии, но надо ходатайство райисполкома, Арюша против обследования и всяких разговоров по поводу. Мне тоже неприятно, но, м[ожет] б[ыть], я перешагну через неприятность. Я просила 500 р.

Но довольно о материальном. Далеко ли от станции селекц[ионной] колх[оз] «Зав[еты] Ильича» и какое сообщение. Мне, конечно (если я буду в силах), захочется лично повидаться с Мальцевым³⁷. Я писала в Тоб[ольский] музей дир[ектору] Шананину³⁸ о Суманове и Мальцеве, что хотелось бы совместно с ними издать биографию Н[иколая] Л[укича].

³⁷ Мальцев Терентий Семенович (1895–1994), организатор и руководитель Шадринской опытной станции при колхозе «Заветы Ильича» (1950–1994). Разрабатывал учение о безотвальном земледелии, занимался селекцией яровой пшеницы. В работах опытной станции участвовала Анна Николаевна Скалозубова.

³⁸ Известно, что в 1951 г. директором Тобольского музея был Г.А. Шананин. Имя и отчество установить не удалось. — *Прим. ред.-сост.*

«Милая Нюсинька, письма пиши не торопясь...»

Еще я хочу написать в Костромской музей краеведения, куда без моего согласия Иван Лукич³⁹ отдал письма и дневники Ник[олая] Лук[ича]. Это такой ценный материал, а кто поедет в Кострому для использования? Я уверена, что никто не пользовался, но надо решить, куда их посылать, в какой музей, где наилучше будут использованы.

Тоб[ольский] музей имеет преимущество, что у него имеется часть материала о нем и что Тоб[ольский] музей — детище Н[иколая] Л[укича]. Им создан на его средства с[ельско]-х[озяйственный] отдел, который из-за небрежности админ[истрации] музея пришел в упадок и сейчас восстанавливается.

Я не знаю про Кург[анский] музей, что он представляет. Тоб[ольский] музей имеет один недостаток — отсутствие ж[елезно]дор[ожной] связи с Тюменью. Хорошо, если об этом Ив[ан] Спир[идонович] поговорит с Сумановым и Мальцевым, но поскорее, я буду хлопотать. Пиши, если тебе некогда самой, уполномочь Тому написать мне.

Целую тебя и Тому. Ив[ану] Спир[идоновичу] поклон.

Любящая тебя мама.

Оп. 1. Д. 53. Л. 10–11 об.

А.В. Скалозубова — А.Н. Скалозубовой

1952 г., 12 мая

г. Ханты-Мансийск

Милая Нюрасинька. Получили твою телеграмму и решили позвать тебя на помощь. Арюша так устала и от работы и ухода за мной, хотя с новокаином легче, вообще-то я становлюсь крепче. Дай телеграмму «Самарово Тюменской опытная станция Голяновской Выезжаю название парохода».

Арюшка просит [у] тебя какой-ниб[удь] материал о работе Мальцева. Здесь очень интересуются некоторые работники вопросами селекции. А теперь от меня: здесь в биб[лиотеке] такой шурум-бурум, ничего не добьешься, я все хотела прочитать ст[атью] Суманова в «Сел[екции] и Сем[еноводстве]» о Цезим и Мильт[урум], и о Мальцеве в «Соц[иалистическом] Земл[еделии]». Ничего не нашла. У нас идут все комиссии за комиссиями. И подготовка к посевной. Арюша все еще не может расправиться с агроправилами.

³⁹ Брат Николая Лукича Скалозубова.

Ты, пожалуйста, не подумай, что я тебя прошу привезти с собой. Некогда будет, надо собираться в дорогу. Я только хотела узнать, если ты помнишь, в каких № и за какой год? А если не помнишь, не старайся узнавать. Я вижу, как устала Арюша и стала мной тяготиться, это вполне понятно, но я подумала, как плохо не иметь своего угла, хоть бы «воронье гнездо» было, одна теплится надежда — на хотя неполное выздоровление, а главное — перестать быть заразной. Я стараюсь что-нибудь заработать. Пишу в надежде, что напечатают. Уж думала игрушки делать, так опять заразишь. Вот какое весеннее настроение, а видеть тебя так хочется в белом берете набочок, задорную, а ты пишешь, постарела, рано еще, просто устала. Целую. Жду.

Любящая мама.

От Нади получила унылое письмо, боится, нет ли рака, она очень одинока, напиши ей чего-нибудь.

Оп. 1. Д. 53. Л. 9–9 об.

Письмо из Абакана

(к 80-летию со дня рождения выдающихся экологов —
Николая Федоровича Реймерса (1931–1993)
и Феликса Робертовича Штильмарка (1931–2005))

Знакомство и общение с коллегами-учеными — это существенная составляющая научной жизни и творчества. Особенно интересны мне те, кто внёс вклад в изучение природы моей родины — Сибири. Их многолетнее пребывание в этом регионе и проведение исследований накладывает своеобразный отпечаток на характер и жизненные установки, превращая даже москвичей в настоящих сибиряков. Да и москвичи не прочь пообщаться с сибиряками, например, в лице мэра С. Собянина. Скажу больше — кто в Сибири не бывал, тот России не видал! В жизни многих ученых из столицы был сибирский этап: кто родился, кто приезжал добровольно, кто по направлению (договору), а ранее это нередко случалось и по этапу.

Знакомство с Н.Ф. Реймерсом состоялось в далёком 1967 г. в Томске, где он защищал на биолого-почвенном факультете ТГУ докторскую диссертацию, а я в ту пору был молодым свежее испеченным кандидатом географических наук, думающим о путях экологизации географии. Считаю это большой жизненной удачей. Наше общение и скромная переписка продолжались до его кончины. Последняя встреча произошла осенью 1992 г. в его квартире в Москве на Петрозаводской улице: по моей просьбе он написал предисловие к небольшой книге «200 ядерных полигонов СССР. География радиационных катастроф и загрязнений», вскоре опубликованной в Новосибирске. Фундаментальные труды Николая Федоровича, уважительно относившегося к географии, не только постоянно влияли на моё мировоззрение: они стали основой для разработки классификации общей структуры естественно-научных и экологических знаний, своего рода мегаэкологии, объединяющей все новые направления расширяющихся экологических исследований в России. Аналитический обзор «Российская экология: дифференциация»

ция и целостность», продолжающий и развивающий идеи Н.Ф. Реймерса, увидел свет в 2001 г.

В этом же году коллега и друг Николая Федоровича Ф.Р. Штильмарк выпустил посвященную его жизни и деятельности книгу «От старых кедров — к бессмертию человечества». Моё личное знакомство с Феликсом Робертовичем, которого я знал по научным и научно-художественным публикациям, произошло незадолго до этого в Барнауле, в Алтайском университете. Позднее мы встречались в Ханты-Мансийске, городе, в котором его помнят и почитают как почетного гражданина, много сделавшего для становления и укрепления системы охраняемых территорий ХМАО — Югры, развития экологического просвещения и образования. В присланном им письме речь идет о взятом в поездку и прочитанном в поле вышеупомянутом аналитическом обзоре, обсуждается моё предложение создать нечто подобное по заповедникам, по общей ситуации с охраной природы в России.

5. XI. 2001 г.

Река Коярд, приток Уса.

Дорогой Валерий Иванович!

Пишу сие в дымной келье (избушке), находясь в заброшенном поселке геологов среди саянских гольцов (р. Коярд, 30 км от Арадана, что по Усинскому тракту, хребет Куртушубинский). Был здесь 30 лет назад — люди жили... Читаю Ваш ультра-обзор, отмечаю в списке особо ценное и поражаюсь Вашей преданности науке — Вы, видимо, отдаете ей — как и Николай Фёдорович Реймерс — все свои силы и время. Ваша книжка, поистине, «томов премногих тяжелей...», а ведь это уже подвижничество, а не творчество.

Увы мне, я не таков. Свой отпуск трачу на то, чтобы выбраться со своей карельской лайкой в тайгу, проверить её способности, показать ей тайгу и её обитателей, так что сочетаю рациональное (?) природопользование с экологией выживания (ибо жрать, пардон, почти нечего). Зато с ясной головой читаю Вас в ожидании обещанной машины, чтобы унести отсюда ноги (ранее был в Хакасии, но там места соболиные, собака за соболем не пошла — бельчатница и врунья).

Но — к делу! Конечно, очень даже соблазнительно сделать подобный обзор типа «Заповедное дело в XX веке» (или ООПТ — особо охраняемые природные территории). Но! Во-первых, подобные обзоры были. Это не так-то и сложно. Мой замысел был иной — создать

избранную библиографию на данную тему как пособие для работников заповедной системы. Это, к сожалению, требует не только большего объема, но и спецподготовки, требует определенных затрат на сбор сведений, пользования Интернетом (у меня нет модема). Сейчас даже малые статьи пишут на гранты, а мне на мой замысел никто не хочет дать и копейки, никому ничего не надо. Так надо ли надрываться, делая все это «на общественных началах»? Брошюру, изданную тиражом 400 экз. в Новосибирске, придется рассылать по всей стране за свой счёт (как я это делал с книгой о Николае Фёдоровиче Реймерсе, затратив на это весьма немало). Право же, лучше я буду мемуары писать, чем вопреки здравому смыслу готовить такой научный труд, в котором не вижу заинтересованности. А обзор — что же, можно...

ООПТ и заповедникам, которые я всё же считаю передовым краем реальной охраны природы (если их не уничтожит Артюхов, как это уже было в 1951 г.!), в Вашем обзоре почти нет места (в списке не более 5–10 упоминаний работ, а их больше тысячи). Может быть, все-таки вспомнить реймерскую «сепортологию» как науку об ООПТ и соответствующий обзор-анализ дать? Но ведь даже для науки об охране природы нет названия («экология», какая она ни будь, все же, согласитесь, иное). Новые термины приживаются трудно, в этом есть резон.

Мне бы хотелось, чтобы Вы просмотрели (не более того!) мою главную книгу — «Историография российских заповедников» (М., Логата, 1996), и также автореферат моей докторской диссертации, 1997, Москва). И еще просьба — указывая «От старых кедров — к бессмертию» лучше дать в скобках «Жизнь и деятельность Николая Фёдоровича Реймерса».

Извините за почерк, такие уж условия, при коих я это Вам пишу.

Виноват, хотел отправить письмо Вам, когда ехал сюда в начале октября, но суета сует одолела, простите меня.

Ваш Ф. Штильмарк

P.S. В ожидании okazji, чтобы выбраться «из глубины сибирских руд», я еще раз перечитал Вашу работу, подивившись вновь и вновь широте и глубине Вашей эрудиции, Вашим познаниям и смелости суждений (причем почти во всех полемических вопросах я с Вами вполне солидарен, в т.ч. в столь важном — первостепенном, пожалуй! — разделе 2.5 («Гуманитарная экология. Экология человека. Социальная экология»). Пожалуй, я не дерзну на подобный опыт аналитического обзора в своей

области, хотя и мог бы попытаться. Кстати, «Экология ООПТ и (или) заповедных территорий» отнюдь не аналогия «Заповедному делу» или реймерской «Сепортологии» (я не очень одобряю этот термин, ибо «поддержка» экологического равновесия — как полагал Николай Федорович — вовсе не главный смысл заповедности. Суть её в *сфере духа*, в поддержке *самого человека*, готового хоть чуть-чуть поступиться своей жадностью, оставив кусочек природы нетронутой (заповедной).

Другое дело, что это в реальности почти не удаётся и заповедники наши либо превращаются в разновидности хозяйств (зловещий и подлый «экотуризм!»), либо просто обречены на уничтожение силой невежественной нашей власти (будь то «советская» или «демократическая» — обе стоят друг друга...)

Вообще-то Вы фактически обошли эти проблемы в тексте раздела 2.3 («Биоэкология»), и то сказать — что такое заповедность и заповедное дело на фоне общей теории и систематизации знаний — суета сует... Смотрите мою статью в самом первом номере «Гуманитарного экологического журнала»¹.

Прошло уже 10 лет с момента написания этого письма. Шесть лет назад, 31 января 2005 г., ушел из жизни Феликс Робертович, успевший подготовить и оставить нам пронзительную книгу «Отчет о пережитом», в которой на стр. 444–450 детально описана и та поездка, во время которой появилось письмо из Абакана. Красной нитью проходит в этой книге главный принцип заповедности: помни праотцов — заповедного не тронь! И как это перекликается со словами Н.Ф. Реймерса: «Не природе нужна наша защита. Это нам необходимо её покровительство: чистый воздух, чтобы дышать, кристальная вода, чтобы пить, вся Природа — чтобы жить. Она — Природа — была и всегда будет сильнее человека, ибо она его породила. Он лишь миг в её жизни. Она же вечна и бесконечна. Человек для неё деталь. Она для него — всё. А потому — не вреди!» И что же мы имеем сегодня в сфере российской заповедности, расширения системы ООПТ? Приведу только что присланный мне документ общественной организации — Сибирского экологического агентства.

«Профильный комитет Государственной думы и Минприроды внесли новые поправки в законопроект № 97705-5 «О внесении изменений

¹ *Притиска на полях*: 5 X. выехал, 24 ноября приеду... Ужас! Был в тайге до 20.XI, сейчас еду в Москву 22.XI.2001

в Федеральный закон «Об особо охраняемых природных территориях» и некоторые законодательные акты Российской Федерации» уже принятый депутатами в первом чтении 4 ноября 2008 года. Новая редакция закона создает юридическую базу для окончательного разрушения заповедной системы России.

Поправки в закон об ООПТ готовятся тайно, в спешке, без консультаций со специалистами. Говорят, что они нужны для “создания правовых рамок для развития рекреационной и туристической деятельности”, но малограмотные чиновники ставят все с ног на голову. “Их инициатива неминуемо убьет главный ресурс того туризма, за развитие которого они так бьются — природу! Любоваться на корты, коттеджи и бассейны охотников не так уж много. На Кавказ, Алтай, Байкал или Камчатку едут совсем не за этим!” — говорит Михаил Крейндин, руководитель проекта по особо охраняемым природным территориям Гринпис России.

После утверждения поправок можно будет:

- изменять границы заповедников;
- строить в заповедниках и национальных парках гостиницы, базы отдыха, парковки, пирсы, горнолыжные базы, дороги и т.д.;
- без должного основания преобразовывать заповедники в национальные парки, с последующим изъятием их территорий;
- ликвидировать памятники природы регионального значения (в России их около 9 000!);
- отказывать в создании водных ООПТ и т.д.

“Наше поколение имеет все шансы остаться в истории как разрушитель одной из лучших заповедных систем мира, которая складывалась на протяжении последних полутора веков. Это не преувеличение, а реалистичный прогноз уже на ближайшее будущее. Так и будет, если депутаты одобряют поправки в природоохранное законодательство. Они вполне могут сделать это, следуя пожеланиям лидера главной парламентской партии”, — комментирует ситуацию Андрей Петров, руководитель проекта Гринпис России “Всемирное наследие”.

Многие заповедники и национальные парки России находятся под защитой международных соглашений. Принятие непродуманных поправок и последующее наступление на заповедные участки вызовет массу международных скандалов. Имидж России, не первый раз стра-

дающий из-за неблагоприятных историй на Западном Кавказе, Байкале, в Республике Коми, пострадает еще больше».

И оказались экологи в ситуации, которую можно определить почти классически: «Земную жизнь пройдя до середины, я очутился ...в Химкинском лесу»... Именно так, не в «сумрачном», как у классика, а Химкинском. И летние пожары, и навязанный чиновниками Лесной кодекс, и маленькая победа — остановка проекта Эвенкийской ГЭС. И актуальнейшие для ХМАО — Югры слова врача Святослава Федорова, жившего в одно время с героями моей статьи: «Не хочется, чтобы новых русских хватило только на то, чтобы вырубить леса, разбазарить нефть — ведь всё это подарено нашему народу природой. Просто по праву рождения. И свалившееся богатство прокутить в парижских ресторанах? Другие люди нужны России». Вспомните, во что вкладывали душу Николай Федорович Реймерс и Феликс Робертович Штильмарк. Общение с такими людьми — воистину роскошь. Они ушли — но остались их книги. Об этом напоминаю я молодым экологам, биологам, природопользователям — читайте, учитесь, думайте, действуйте.

В.И. Булатов

(Югорский госуниверситет, г. Ханты-Мансийск)

Литература

- Реймерс Н.Ф. Надежды на выживание человечества. Концептуальная экология. — М.: Россия молодая, 1992.
- Реймерс Н.Ф., Штильмарк Ф.Р. Особо охраняемые природные территории. — М.: «Мысль», 1978.
- Штильмарк Ф.Р. От старых кедров — к бессмертию человечества (Жизнь и деятельность Николая Федоровича Реймерса). — М.: Изд-во МНЭПУ, 2001.
- Штильмарк Ф.Р. Отчет о пережитом (записки эколога-охотоведа). — М.: Логата, 2006.

«Площадь предоставляется...»

Заметки по поводу краеведческих журналов. И не только...

В моей памяти сказка «Рукавичка» выглядит уже совсем не так как детстве. Я представляю нерадивого, который шел-шел и потерял один из теплосберегающих элементов своего тела. Вскоре по той же тропинке топал большой зверь. Скажем, к примеру, слон. А поскольку в Африке снега нет, то ему захотелось где-нибудь обогреться. И он — шнырь, вместе с хоботом в рукавичку, заняв там практически все свободное место... Так что логика сказки понятна... Никто кроме мышки да еще всякой мелкой живности туда попасть больше и не смог...

Каждый раз при выходе очередного номера «Коркиной слободы» мне почему-то приходит в голову этот сказочный сюжет. То ли потому, что редколлегия «КС» испускает «горькие вздохи» о том, что краеведение потеряно «власть имущими», то ли потому, что при внимательном рассмотрении в каждом номере «КС» встречаются свои и трехгорбые, и двуххвостые. Как гласит народная молва, индивиды, развивающиеся в рамках нормы, изучением своей среды не занимаются: они ее попросту осваивают с методичной целесообразностью...

А поскольку встреча с «краеведческим альманахом российского Приишимья» (не подозревал, что Приишимье может встретиться еще где-либо; оказалось, что в Казахстане) происходит уже в одиннадцатый раз, я все отчетливее через ткань варежки угадываю, где какие находятся части слона, и каждый раз с ужасом думаю: неужели в оттопыренном пальчике снова находится не хобот? Неужели я опять ошибся?

За жизнь меня многому научили. Помню, работая в многотиражке моторного завода «Прогресс», мне захотелось противостоять тому серому валу, который в цехах моторного завода назывался стенгазетой. И я написал резкую статью, пародируя финальную фразу из анекдота: «Почему вымерли динозавры?» На публикацию через пару месяцев откликнулась «Тюменская правда», областная партийная газета. И тут уж мне досталось за все: и за ернический стиль над общественными началами «отрадного в нашей жизни явления», и за недопустимые в

партийном, пусть маленьком, но органе языковые вольности... Критика на критику была не объемней, но весомей, директивней. И позднее, распивая «чашку чая» в кабинете с его хозяином, ныне покойным Генрихом Мингалевым, я слушал объяснение автора о звонке куратора многотиражек из сектора печати Владимира Лисовского.

У нас с последним была особая взаимная любовь... Но с тех пор я четко усвоил, чего можно критиковать, а что — никогда и ни за что!

К последним сегодня и относится краеведение. Мы, правда, потеряли четкие семантические контуры «отрадного в нашей жизни явления». И мало кто может разобраться в позиционировании Анатолия Омельчука, относящего себя к родиноведам. Может, краевед — это тот, кто любит окружающий его мир через знание природы в родном околотке, исследование микроистории, изучение биографий неформальных лидеров малой родины? А у родиноведа всяческий андеграунд вытеснен любовью к сегодняшней власти и ее задачам, которые, судя по СМИ, помогают со страшной силой двигаться нашему обществу... Вот только куда? На этот вопрос у краеведа и родиноведа два диаметрально противоположных ответа. Как у пессимиста и оптимиста. Особенно они начнут отличаться при наличии пугала последнего тысячелетия — телекамеры. Вот и получается, что у краеведения — одни покойники, сплошная некрофилия как форма ухода от действительности. Что в принципе не очень-то верная позиция. И никто еще не посмел, включая автора этих строк, вытащить из небытия лекции по родиноведению С. Патканова (экземпляр сохранился в исторической библиотеке), чтобы разобраться в количестве соли в каждом из двух не подлежащих критике общественных движений.

Но краеведческие журналы, фиксирующие исследовательскую динамику вышеназванных процессов, скорее — барометр, показывающий состояние исторической памяти народа. И мы все должны быть заинтересованы в рассмотрении надводной части айсберга, именуемого периодикой. В репертуаре деятельности автора этих строк несколько подобных изданий. И ему самому интересно понять, какова же истинная причина смерти трех журналов, которые похоронены собственными руками в тот момент, когда о кончине не могло быть и речи?

Первый — «Лукич» — относился к изданиям клубного типа. В нем сотрудничало всего несколько постоянных авторов (до десяти). Большинство из них не получало никакого денежного вознаграждения за свои краеведческие изыскания, но имело за участие в работе журнала бонус на получение бесплатного экземпляра книги издательства, или нескольких. Приходило много журналистов, желающих подработать. Они готовы были писать о чем угодно, лишь бы платили. Редактор соглашался сотрудничать лишь с теми, кто писал для себя, в стол. Но

обязательно рассчитывался со всеми авторами опубликованных материалов, хотя по-разному. Да и журнал был затеян не как знамя краеведов, а как корзина для отходов производственной деятельности.

Некоторые переиздания рубежа тысячелетий находили отклик у читателя, другие провоцировали на поиски истины, третьи — делились имеющимися знаниями. Чтобы понять ситуацию, приведу типичный пример. Переиздание произведений Надежды Лухмановой способствовало появлению связей у журнала с ее родственниками. У тех сохранился архив. Куда девать было его материалы? Т.е. все было прямо как в теории. Средство массовой информации нельзя придумать. Оно должно быть востребовано изначально партией, читателем, производственным процессом.

Вместе с ростом «Лукича» происходила и его самоидентификация. Вначале отмерла литературная часть, которая не только роднила его с другими региональными изданиями, но взывала о помощи: в ближайшей округе уже не осталось ничего ненапечатанного. Затем журнал начал избавляться от авторов, которым были не чужды обзоры известных краеведческих материалов как основа для строительства текста на любую тему. Безвременно ушедшие вместе со своими потрохами замещались на страницах «Лукича» перепечатками статей из недоступных для массового читателя изданий. Поиск собственного лица привел к тупиковому пути развития, в результате которого издатель и редактор остались практически единственным бессменным автором. Спасти имевшуюся к тому времени репутацию могла только коварная смерть, выдрывшая скоростно издание из рук краеведов...

Многие пытались понять, почему журнал прекратил свое существование? Мнения были разные. От «обиды издателя на низкую востребованность обществом» до «отсутствия денежных средств». Сам издатель объяснял тем, что перестал понимать некоторых авторов и предпочел найти причину прикончить «Лукича», нежели сотрудничать с некоторыми сумасшедшими его авторами.

Мне нравится «Коркина слобода». Потому что она, повторяя путь «Лукича», убеждает в правильности моих выводов. И поэтому придает уверенность, что приглашать паталогоанатома не придется, т.к. диагноз болящему удивительно верен. Сегодня со страниц «КС» мы узнаем, что она была обречена из-за отсутствия финансирования. Но ее спас грант Фонда им. Д.С. Лихачева. Но автор этих строк знает и другое. Сегодня у предпринимателей много лишних денег, которые в нашей стране можно более-менее уверенно инвестировать разве что только в собственную причастность к вечности. А краеведческая периодика — это всегда работа на послезавтрашний день. И стон «КС», что «нет пророка в своем отечестве», скорее всего рекламное кокетство. Как и

брюзжание на недостаточность тиража в 1000 экз. В Тюмени, например, лишь один магазин торгует местной книгой. Через него удавалось продать разве что 50–70 «Лукичей». Краеведческая литература при ее востребованности, тем не менее, литература очень специфическая. Остальные — это бесплатная раздача достаточно высокого по себестоимости товара. Нужным людям? Или тем, которым этот журнал нужен? Вот в чем вопрос. Так что наемать, что существующий тираж «КС» — мизер для Ишима, не более чем нахальство...

«Лук & Чок» при всем том, что некоторые его публикации заслуживают несомненно уважения (прошу прощения за скромность), был дитем из пробирки. Идея, о том, что в журнал придут студенты, вообще тифлоновая. Те, для которых было уготовлено ложе журнала, не знал об этом. Репутация предка не гарантировала жизнеспособность этих двоих из одной пробирки. Автор местной периодики как таковой вымер словно после эпидемии. Энтузиазм рубежа тысячелетий иссяк. В голове все четче формировалось понимание, что мы никакая не самобытная провинция, а убогая периферия, обочина далекой Москвы, расположившаяся за сотым МКАДом. И по-прежнему за всем мы едем туда, в центр. То ли в библиотеку, то ли в архив. Раньше ездили только за колбасой...

Четыре номера практически одного автора. Естественный вопрос: ради чего существовали «Лук & Чок»? Ради амбиций их создателя?

«Большое городище» собрало аншлаг. Там обещали за публикации деньги. Ставя шильду «краеведческий», думали о «родиноведческом». Но обмануть судьбу так и не удалось. Не имевшему пола «Большому Г.» не удалось обрести плоть. Ребенок скончался, не родившись...

...Бордюрчики в виде сторожевой башни с идентификацией владельца; большие поля в виде рюшечек, позволяющие сделанным флажковым набором сносам изображать разодраность краев; обилие иллюстративного материала, подчеркивающих не качественное, а массовое издание... Такова графическая модель «Коркиной слободы». Не дизайн, а сплошной изыск российского Приишимья.

Слоном (читай — самой крупной вещью) в одиннадцатой варежке несомненно является «Ишимская мужская гимназия» вузовского преподавателя из Тобольска Вадима Сулимова. Четверть площади альманаха занята им. Увлекательный сюжет о том, какие тернии встречались на пути благого намерения Думы учредить в городе восьмиклассную мужскую гимназию. Здесь и тщательная проработка на местном уровне всех вопросов: от количества детей обоюбого пола в губернии до стоимости проезда за версту. Но быстро только сказка сказывается. Лишь через пять лет после принятого Думой решения, когда начали искать помещение для размещения гимназии, была утверждена министерством народного просвещения смета на 1910 г., а вместе с ней получено разрешение на откры-

тие в г. Ишиме двух младших классов. И тут вмешался попечитель Западно-Сибирского учебного округа. Он был против нового среднего учебного заведения в Тобольской губернии из-за отсутствия ясности: когда и на какие средства будет строиться здание гимназии.

Автор публикации детально излагает материалы архивных документов, приводит необходимые для доказательств различных точек зрения схемы, планы, таблицы... Учебное заведение все-таки удалось открыть 19 сентября 1910 г., но у кого вынуждены были учиться дети, севшие за парты новой гимназии? Вместе с учениками росли и проблемы. Выбор участка земли под строительство, проект собственного здания, попытка найти деньги на его воплощение в жизнь... Непростая судьба провинциального учебного заведения. Несомненно, для большинства жителей г. Ишима он станет историческим открытием.

Но статью В. Сулимова, очевидно, не касалась рука редактора альманаха. Сюжет об открытии гимназии завершен, и автор начинает рассказывать другую историю. О том, как в гимназии проходило богослужение, в каких совместных мероприятиях участвовали ученики мужской и женской гимназий, как повлияла Первая мировая война на учебный процесс. Статья потеряла свой формат и медленно превращалась в книгу. К тому же авторские изыски не привлекли внимание редактора. Отсутствуют инициалы у некоторых действующих лиц, таких, например, как министр просвещения, городской голова, попечитель округа. В тексте нет-нет да и встречаются повторы. Иногда трудно понять, кому принадлежат некоторые фамилии. Ну и, конечно, стилистика архивов, которую нужно бы закавычивать. «Задержка в данном вопросе произошла вследствие намерения директора гимназии», «местное население предпочитало мужскую гимназию в сравнении с реальным училищем и специальными учебными заведениями», «в 17 учебных заведениях иных городов обучалось 150 мальчиков и 146 девочек, не считая пропущенных...» и т.д. Сегодня так даже не говорят. А если об этом и пишут, то все-таки на языке читателя, имеющего смутное представление о канцелярите начала XX в.

О целесообразности такой статьи в краеведческом альманахе говорит и предисловие к ней. Оказывается, данная публикация является не больше и не меньше, а значительной частью книги, уже вышедшей в Тобольске под названием: «Светская школа Ишима (1817–1917 гг.)». Практика, не характерная для журналов (в понимании автора данной публикации журнал и альманах являются по сути тождественными). Обычно тематическая вещь апробируется в периодике, а затем выходит отдельным изданием. В бизнес-практике — это нормальное явление, не позволяющее обеим сторонам потерять коммерческую привлекательность. Случай с публикацией статьи В. Сулимова в «Коркиной слободе» позволяет нам низвести журнал в ранг паноптикума, собира-

ющего все, что напечатано об Ишиме. Увы, вторичные тексты — далеко не новость не только для этого номера альманаха «российского Пришимья». В этом же выпуске статья тюменского краеведа В. Копылова из «Окрика памяти»... Но не будем зацикливаться на коллекционировании текстов, появившихся в «КС» из других изданий.

В этом же номере есть еще одна публикация Вадима Сулимова, в прошлом — ишимца. В ней он рассказывает о семье Павла Грабовского. Жена его Анастасия Лукьянова проходила обвиняемой по делу террористической организации. За что и была выслана в Тобольск. Чем занимался поэт в Тобольске — так и осталось тайной для читателя. Автор изложил хрестоматийную версию биографии Павла Арсеньевича, не вдаваясь в подробности общественной жизни. Хотя вполне мог бы рассказать о П. Грабовском-корреспонденте одного из приложений к «Тобольским губернским ведомостям», в котором практически из номера в номер тот публиковал обзоры дел в сельском хозяйстве губернии.

Несомненно вызывает интерес записанные воспоминания Н. Прокураковой о «Голдобинской эпидемии» 1933 года. Автор сюжета пытается понять, правы ли те, кто винит «пьяный» хлеб в смерти почти полутысячи человек Ишимского района?

Учитель русского языка и литературы Роза Загнеева ведет читателя альманаха по тихим улочкам Ишима, на одной из которых и родилась: «Глядела с неба желтая луна, и желтый подсолнух на своей ноге увязал в грязи после дождя... Достаточно было сказать проказнику: “Вот расскажу твоему отцу”, — и он понимал, что это серьезно...» История о том, как на ее памяти застраивался маленький сибирский городишко, как облагораживали микрорайоны, как обновлялась топонимика улиц.

Есть краеведческие исследования из истории советского времени. Зарисовка об основателе детской художественной школы Гигории Ивановиче Шарাপове и его учениках. Рассказ журналистки Натальи Кутыревой о выпускнике школы №1 Герое Социалистического Труда Василии Бахилове ограничен популяризацией биографии знатного нефтяника по существующим публикациям. Смущает неологизм, употребленный в отношении доктора исторических наук Михаила Бударина — «бахиловед». Какофония какая-то, не попавшаяся на глаза редактора альманаха, но, впрочем, вызывающая определенные ассоциации.

...Буквально несколько дней назад удалось посетить культовое место региона — град Тоболеск с его знаменитым музеем, который в разные периоды был местом развития краеведения. Минувшие дни заведения оставили нам много имен, а вместе с ними и работ, опубликованных в «Ежегоднике Тобольского губернского музея». Дух, который дышит...

Мой старинный приятель Б. попросил передать в библиотеку музея краеведческие книги. Так было всегда, музеи жили пожертвованиями.

Автор, чьи книги я туда принес, как-то раз подал им на бедность ксерокс формата А3. Вещь не дешевая. Посетителям музея стало легче: некоторые тексты не приходилось отныне переписывать от руки. Но вот самому Б. понадобилась для своей очередной книги фотография, хранившаяся в фондах музея. Ему в благодарность предложили купить ее копию за восемьсот с копейками рублей. Это было так давно, что Дух в музее с тех пор совсем перестал дышать. Он умер вместе со всеми своими сотрудниками, которых уволили. А завсегдатаи туда перестали ходить. Но я отважился...

В жизни ведь всегда есть место подвигу. Особенно, когда ты идешь в музей. В котором есть не одна сотня книг, подаренных тобой. Когда ты что-то сделал для популяризации и сохранности памятников. Ты идешь ведь в свой храм...

На входе мне предложили заплатить. Что такое халява я никогда не знал. Но и откровенного нахальства здесь не приходилось встречать. Чтобы вручить подарки центру краеведения, даритель должен был внести в кассу, наличностью. За входной билет. Я спасовал. Я спасался бегством...

Но гнала нужда. На следующий день решился на вторую попытку. Тест на денежный сбор я прошел успешно. Но когда мои уши, направлявшиеся в сторону библиотеки, услышали рык «а где бахилы?», я испугался, потому что понял: без них меня не пустят. А сильно хотелось выполнить просьбу старинного приятеля. На ходу сбросил обувь, как отвлекающий маневр, швырнул туфли в середину раздевалки, и в одних носках помчался на второй этаж. Не знаю, прятались ли обслуживающий персонал и охрана в ожидании взрыва. Очутившись в современном читальном зале, прекрасно оборудованном и оформленном, конечно, и компьютеризированном, вдруг понял, что их здесь много, а посетитель — один. И они пришли посмотреть на босого сумасшедшего, как на единственный, самый дорогой, но совсем исчезнувший экспонат.

Я заказывал ксерокопии. Для них мой визит в отчете мог быть оформлен как оказание услуги. Никого не интересовало, кто я и зачем. С меня в один присест стерли все идентификационные насечки, которыми и гордился, и от которых страдал. Меня обезличили. В музее важны были лишь порядок да отсутствие пыли. Очевидно, ради главной функции бахиловеды готовы на кого угодно надеть резиновый... как его?

Процесс умирания музеев начался в области давно. Даже не с тех пор, как кое-где посетитель музеев начал париться в русской баньке, мог там же выпить самогоночки под картошку в мундирах. И даже в авансовый отчет включить расходы за все эти банные услуги как за посещение очага культуры исключительно с производственной целью.

Потом в музеях начали появляться режиссеры всех мастей, предлагавшие замануху для любителей клубнички. Представьте сюжет. Стул, на котором когда-то сидел Гришка Распутин. Посидишь на такой мебе-

ли определенное время за какую-то сумму, и даже у стульев начнут подниматься ножки. Тут уж без сервильного бахила никак не обойтись... Кажется, об этом писал Антоша Чехонте: «Мороз крепчал...»

Но вернемся к «Коркиной слободе», пока еще не достигшей мастерства современного издания знаменитого в прошлом музея, которое теперь рекламирует еду для туристов...

Более десяти процентов журнальной площади отдано религиозной тематике. Привычная в последнее время практика для «КС». Но во всякий паноптикум, дабы к нему проявляли интерес окружающие, должен кто-то вдвухать современный ритм. И не обязательно Болотной (речь идет не о второй от вокзала остановке в г. Ишиме, о которой вспоминала Роза Загнеева). Вспомните того же «Лукича», где устраивались регулярные обзоры издательских краеведческих проектов. К сожалению, они не стали трибуной для любителей истории, а остались рубрикой одного автора.

Но не все однозначно в том мире, в котором мы живем. И наши знания о региональной жизни множатся гораздо быстрее, чем хотелось бы, дополняя существующий срез информации и опровергая устоявшиеся точки зрения. Понимая, что ритм Приишимья несколько иной, нежели в столице области, хочется отметить один из спорных вопросов, которые у краеведов данного локуса возник при публикации последнего номера.

На разговор об этом провоцирует интервью редактора альманаха Геннадия Крамора с доцентом Ишимского пединститута Татьяной Павловой Савченковой. «Таланты Ершова многогранны» под таким заголовком опубликована беседа. В ней заявлено мнение, что Петр Ершов выступал на страницах «Тобольских губернских ведомостей» со статьями. Заявление спорное и не подкрепленное никакими документальными источниками. Мне уже приходилось вступать в полемику с автором такого суждения. В свое время чиновник особых поручений Я. Скропышев сообщил бывшему губернатору В. Арцимовичу фамилию автора местных новостей в Тобольских губернских ведомостях. Вспоминать «Слободу» пословицу о кулике и болоте не хотелось бы, но утверждения некоторых краеведов нуждаются в трезвом осмыслении при их обнародовании. Хотя бы названием рубрики...

Популяризация знаний о крае — характерная черта «Коркиной слободы». Преобладание информативного, а не исследовательского материала говорит скорее о кризисе в краеведении, который может привести к потере альманаха, интересно дебютировавшем. Вспоминаются объявления советского времени о поиске работников нужных профессий. Часто при этом подкупало уточнение: «Жилплощадь предоставляется».

Судя по содержанию одиннадцатого номера в альманах может попасть всяк желающий. Значит, требуется Краевед!

Ю. Мандрика

Дорога в традиционной культуре коми Нижнего Приобья

У жителей Севера, практикующих традиционные занятия — оленеводство, охоту, рыболовство, осваиваемая территория достигает значительных размеров. Особенно это касается оленеводов, амплитуда кочевания у которых может быть более 1000 км. Знания территории, ее восприятие, практика передвижения формировались на основе запаса сведений предыдущих поколений, корректируясь в процессе получения личного опыта. Этот дорожный опыт, усвоенный алгоритм движения позволял преодолевать огромные расстояния, в т.ч. и по незнакомой территории.

Коми (зыряне) соотносятся с «культурой больших пространств», имеющей «большой потенциал движения»¹. Территориальная мобильность и успешная адаптация к новым условиям проживания стали залогом появления сети коми поселений в Западной и Восточной Сибири, на Дальнем Востоке². Север Западной Сибири с первой трети XIX в. осваивали представители ижемской группы коми, основой жизнеобеспечения которых были оленеводство и торговля³. Несмотря на присутствующий народу в целом стереотип оседлости⁴, у ижемских оленеводов была установка на кочевой быт, жизнь в состоянии постоянного передвижения («мы — кочевники; короли тундры!»).

Ижемцы, как оленеводы, так и постоянно живущие в стационарных поселениях, хорошо знали местность, даже пешком легко преодолевали

¹ Головнев А.В. Антропология движения (древности Северной Евразии). Екатеринбург, 2009. — С. 355–356.

² Жеребцов Л.Н. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами (X — начало XIX в.). М., 1982. С. 97–116.

³ Повод Н.А. Коми Северного Зауралья (XIX — первая четверть XX в.). Новосибирск, 2006. 272 с.

⁴ Конаков Н.Д., Котов О.В. Этноареальные группы коми: формирование и современное этнокультурное состояние. М., 1991. С. 25–32.

большие расстояния. В течение многих поколений была отработана практика передвижения, создан комплекс обычаев, связанных с культурой дороги, одним из стереотипов поведения коми-ижемцев стала быстрая ориентация в пространстве⁵. Мобильность, коммуникабельность, билингвизм (или полилингвизм) обусловили их успехи в выездной и ярмарочной торговле, перевозке грузов, участии в различных экспедициях в качестве проводников⁶.

У оленеводов вся жизнь проходила в дороге, в условиях постоянных перекочевков. У каждой оленеводческой бригады, основу которой обычно составляла семья, был свой маршрут для перехода на соответствующие сезонные пастбища. Передвигались обозом (*аргыш*⁷), состоящим из оленьих упряжек с ездовыми и грузовыми нартами (*дадь*). Первым в аргыше каслает мужчина, потом женщины, сзади тоже может быть мужчина. Мужчины обычно везут хозяйственный груз, инструменты, женщины — чум, одежду, продукты, все предметы первой необходимости. В одном аргыше у женщин бывает 6–5 нарт с грузом и впереди одна ездовая. Женские ездовые нарты (*кошова*⁸, *баба дадь*), в которой возили детей, имели с трех сторон бортики и, зачастую, покрытие. Мужчины сле-

⁵ Там же. С. 40.

⁶ Коновалова Е.Н. Путешествия тобольского мещанина А.И. Тротнгейма // Три столетия академических исследований Югры: от Миллера до Штейница. Екатеринбург, 2006. Ч. 2: Академические исследования Северо-Западной Сибири в XIX–XX вв.: история организации и научное наследие: Материалы междунар. симпозиума. С. 296; Повод Н.А. Коми Северного Зауралья (XIX – первая четверть XX в.).

⁷ Здесь и далее для написания и определения значения терминов использованы словари: Безносикова Л.М., Айбабина Е.А., Коснырева Р.И. Коми-рочкывчукор / Коми-русский словарь / под ред. Л.М. Безносиковой. Сыктывкар, 2000. 816 с.; Жилина Т.И., Сахарова М.А., Сорвачева В.А. Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. Сыктывкар, 1961. 492 с.; Лыткин В.И., Гуляев Е.С. Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970. 388 с.; Сахарова М.А., Сельков Н.Н. Ижемский диалект коми языка. Сыктывкар, 1976. 230 с.; Словарь мужевского говора ижемского диалекта коми-зырянского языка / под ред. А.И. Кузнецовой. Екатеринбург, 2010. 320 с.; Русско-коми словарь / под ред. Д.А. Тимушева. Сыктывкар, 1966. 776 с.

⁸ Для передачи звука *o* в мужевском говоре ижемского диалекта коми языка может применяться специфический знак — шва [ʔ], см.: Словарь мужевского говора ижемского диалекта коми-зырянского языка / под ред. А.И. Кузнецовой. Екатеринбург, 2010. С. 6, 86.

дили, в первую очередь, за передвижением стада, в задачи женщин во время каслания входило обеспечение сохранности груза и безопасности детей: «Когда мы каслали, в обозе было по 5 сзади, я шестая. Едешь, смотришь назад, чтобы не опрокидывались нарты; в нарты таких — еда в одной, в другой постельное, в другом сахар, мука, еще в одной палки, чум. Едешь, боишься отстать, потому что одной нарту, если перевернутся, не поставишь, они же тяжелые. Ребятишек еще надо держать, если и ревут, не останавливаемся, чтобы не отстать» [ПМА, Белоярский р-он].

Количество транспортных оленей зависело от размеров семьи и могло составлять от 20 до 50 и более [Там же]. Зимой, несмотря на то, что грузов было больше, требовалось меньшее количество оленей. В ездовую нарту зимой запрягали по 2–3 оленя: «на три нарты надо 9 голов, день поработают, а потом их меняют» [Там же]. В ездовые нарты, которых у одной семьи обычно было по 6, запрягали по 2–3 оленя, которые могли тянуть до 200 кг груза [Там же]. Часть вещей, используемых в зимнее время, оставляли весной на хранение в лабазе — «в лОбазе лишнее оставляем, на лето много не берешь, там у тебя лишний волос — это груз», «во время каслания лишние вещи оставляли в лОбазах, на весеновке или осеновке. Также и продукты оставляли» [Там же]. Летние нарты отличались, они были легче зимних, в них обычно запрягали от 3 до 5 оленей: «Впереди четыре, а сзади по три оленя запрягали в нарту. В которой сидишь, она впереди едет — в нее четыре, летом же тяжело. На мужских нартах запрягали у некоторых пять. Они же быстрее едут со стадом. Иногда со стадом они сзади могли ехать» [Там же].

Специфика ландшафта (вертикальное зонирование, каменистая почва) определяли особенности передвижения на оленях. Летом, чтобы полозья нарты не стирались, их подбивали специальной накладкой из дерева — *нярма*: «Полозья нарт, чтобы не стирались, к ним прилаживают другую, и как-то прицепляют. Они же кончают, ездят, ездят, она тонкая стаёт. Кто хорошо ездит, долго ездит — несколько лет. А потом они подшивают как бурки — подошву сделают, и туда. И опять ездят. Всегда осенью делают. На осенёвку приедут числа 25 августа, и начнут нарты делать» [Там же]. В зависимости от сезона использовалось дерево разной толщины. Для этого в большом количестве заготавливали бруски из березы или лиственницы, которые должны были просохнуть. «Доски для нарт заготавливают, идут в лес, рубят, для полозьев — загнутые деревья, а прямые рубят и раскалыва-

ют. И в чуме есть струж, им стружат или ножиком. На осенёвке с 25 августа начинают делать» [Там же]. «Нарты сами делали, всегда хорошо. Если на изгибе где-нибудь что-то случилось, то уж на месте вытечешь че-нибудь, закрутишь и все. Лишь бы по земле не бороздила, или по снегу. В тундре летом к полозьям нярмы крепили, да и зимой тоже. Нярма защищает полоз. Надо его делать шириной см 15... а изгибающуюся часть — нащеп-то идет, и нащеп в отверстие потом загоняют. И там веревкой скручивают, приготовят, и всё. И потом упряжку туда привязывают. На длинную дорогу, в тундру нярму заготовливали, там надо было. А так — 100–120–200 км, так можно было. Даже если где-то сломается, там все равно в дороге они починят. Другого выхода нету» [ПМА, Шурышкарский р-он].

Качество изготовленных нарт не только обеспечивало скорость передвижения, но и было предметом гордости мастеров: «Они же отлично делали и нарты. У нас отец делал нарты, только долго, но прекрасно. Анастасия Захаровна вспоминала, что он говорил: “Ведь не спросят, за какое время это сделали, а спросят — кто так прекрасно сделал?”» [Там же].

По снегу во время каслания в горах в аргыше к последним нартам привязывали оленя, чтобы он «держал», тормозил на спуске нарты. К ездовым нартам при спуске с горы могли привязывать к полозу спереди в качестве тормоза цепь. Зимой полозья нарт подбивают пластиком для обеспечения лучшего скольжения.

При переходах через речки не устраивали сложных переправ, мостов — «две палки положишь — весь мост» (рис. 1). Оленеводы не практиковали переходить большие реки с оленями в летнее время. При необходимости старались пройти через вершину, где русло уже. Либо выбирали такое место, где по обе стороны реки были пески — «Если отмель песчаная с одной стороны, и песчаная отмель с другой стороны — то наискосок, они по этому месту как раз пересекали и переходили речку наискосок, Полуй или Куноват так переходили» [Там же]. Чтобы не подмочить загруженные нарты, под настил снизу привязывали бревна: «Летом два бревна привяжешь, четыре быка — они не хуже коня. Бревна привязывали, чтобы нарты были на плаву. Нарты на плаву, а олени вплавь. И поэтому там никаких проблем не было» [Там же]. Иногда для переправы делали плоты, либо реку перегораживали импровизированным мостом — «валили деревья, поперек их жерди валили, их на раз делали, на следующий день их уносило»; «Если речка большая — мост

делаем, пока мост сделаем. Лесины бросали, вдоль и поперек, так боялись, что нарта перевернется» [ПМА, Белоярский р-он]; «А если река какая-то средняя, дак деревья нарубим, поперечины, как мостовую сделаем. В половодье их когда сносило, тогда в землю вкапывались» [ПМА, Шурышкарский р-он]; «Помню, как мы переезжали через ручей, через широкую речку. Они из шестов сделали плотик, на плот поставили нарту с ребенком, со мной. И бедные олени плывут, нарту тянут, а вода кругом. А мужские нарты, они прямо так и плыли почему-то. И еще какой-то мужчина, он заранее перешел или переплыл, и он веревку тянул через всю реку. Она, веревка, из жил сделана, как тынзян» [Там же]. Для переправы через большую реку, к примеру, Лонг-Юган, Амня, у казымских оленеводов иногда уходил целый день [ПМА].

Сомнительные болота, низинки обходили: «Мы, как правило, по тропам ходили. По живым местам не ходили. А если уж там, например, болота да такие бугры с багульником и карликовая березка, там уже терпит, там нормально. А если плоское такое и ни одного кустика, то это уже опасное место» [ПМА, Шурышкарский р-он].

Жители села также легко собирались в дорогу, поездки обычно совершали в хозяйственных или профессиональных целях, или в гости к родственникам. Летом чаще передвигались по воде, зимой — на лошадях, на санях, на оленях. Раньше все обычно делали на оленях — возили почту, доставляли оленеводам деньги, пушнину, даже воду оленями возили

Рис. 1. Переход через ручей.
2010 г. Шурышкарский р-он ЯНАО.
Фото Е.Е. Ермаковой

[ПМА, Белоярский р-он]. «Зимой грузы возили, летом сено ставили. Грузы возили в Нумто, Юильск, Помут. Один раз даже в Кондинск ездила. В Полноват еще возили, в Кислор. Ехали с обозом. Днем-то едешь, а вечером чум делаешь. И оленей отпускаешь. Ночь ночуешь, утром встанешь, покушаешь, оленей привяжешь и опять... Поехали дальше. Возили туда сахар, муку, а оттуда опять рыбу всегда, щуку и язь и всякую рыбу. Тут рыбу солили и отсюда отправляли. Ягоды еще сюда возили бочкам» [Там же]. И свататься ездили на оленьих упряжках, к примеру, казымские оленеводы чаще ездили свататься в Мужи, Березово, Саранпауль. На оленьей упряжке можно было проехать в любом направлении — «Дорог не было, практически направления были, хоть в северном, хоть в западном, хоть в восточном, хоть в южном, по бездорожью — хоть по воде, хоть по лесу, хоть по кочкам...» [ПМА, Шурышкарский р-он]. «Через Казым-мыс прямо по берегу дорога шла до Амни, до Казыма. И по той стороне Казыма ... И по этой дороге и на оленях, и на лошадях ездили. А мы раньше, в молодости, и напрямую даже из Куновата через хребет и — в Казым. Там зимой через отроги перевалить, реку Казым пересечь, и все. Там возле Казыма есть высокие отроги. Они не такие, как горные отроги, но внушительные. По весенней дороге я один раньше ездил, дак если вышел утром часов в 10, то в 4 дня я уже там был, в Казыме. Это напрямую. По снегу еще. Там и так снег не особенно глубокий был, раз проехал, а потом уже всё. А там еще оленеводы когда подойдут, там совсем укатают» [Там же].

Маршрут для конной дороги был более обустроенным — «такая полуобустроенная была дорога, а на юг ехать — там даже станции были, где кони отдыхали и дальше ехали» [Там же]. На лошадях обычно ездили зимой, зимник проходил по реке («по нашей реке — по Оби»). На лошадях возили сено, дрова, различные грузы [Там же]. К примеру, на лошадях доставляли из Мужей в Салехард рыбу, во время Великой Отечественной войны обозом управляли зачастую молодые девушки: «8 суток всего, день и ночь, тёмно-не тёмно, бУран-не бУран, а зимы-то холодные тогда были — 50 градусов, а день и ночь надо ехать. Лошадь остановку делает, покормишь ее и дальше. Какой буран, какой холод. И всё девки. В 41 г. война началась, всех забрали на войну, и всё бабы да девки. На 5 лошадей — вдвоём» [Там же].

Пешеходные переходы также раньше не были редкостью. Во все сезоны пешком (или на лыжах) могли преодолеть большие расстояния: «изпод Урала почти пешком пришел, там в стадах работал» [Там же]. Боль-

шой запас еды в дорогу не брали — «хлеб, чай, сахар — всё! Вяленое мясо с собой брали. Вяленое мясо — оно не портится. Соль, спички — это обязательно, это уж всегда. Тут это сам Бог велел» [Там же]. Чтобы спички не отсырели, их заматывали в непромокаемые мешочки, сшитые из оленьей шкуры. Мешки затягивались на вздержку и не промокали даже в воде. Запасы пищи пополняли в дороге — охотились, рыбачили.

Для ночевки в пути могли останавливаться как в населенных пунктах, так и на обустроенном месте ночлега, либо спали, не останавливая движения. К примеру, дорога от Казыма до Мужей на оленях занимала дня три, при этом ночевать могли в Мозьямах, Тутлейме, в юртах [ПМА, Белоярский р-он]. Для ночевки в дороге брали с собой «брезенты», «могли небольшой чум брать — его завернули и возят так», «если уж необходимость такая, дак они делают из жердей, вокруг ветвями уложат, и шкурами со всех сторон. И так и ночуют. Это тоже называли чум» [ПМА, Шурышкарский р-он]. Могли ночевать без особого обустройства ночлега: «А один раз ночь ночевали на улице, на снегу, в малице, в кисах, гусях. Амдёры (оленьи шкуры для сидения на нарте. — *Н.Л.*) выбросили на снег, и так и спали. Костер не разводили. Ноги немного замерзли. Вдвоем ехали» [ПМА, Белоярский р-он], «Одевали малицы, да чё-да, кисы-да. Не было тогда штанов. Если сильно холодно, то гусь еще одевали. В малице сидеть не можешь, холодно, а гусь оденешь — ходить не можешь». «Зимой на ноги одеваешь оленьи меховые чуни. А сверху из оленьих лап сделано, мездра внизу, а лапа снаружи, лапа не изнашивается. Это тобаки. А оленьи чуни — липича. Они длинные были. Рукавица из лап, прямо к малице защита. Внутри мездра, а снаружи — мех. Крепкая, надежная такая рукавица. Малицу одевали, и на малицу — гусь мохнатый. Гусь оденешь — считай, что в избе сидишь. Он с капюшоном тоже был» [ПМА, Шурышкарский р-он]. При перевозке грузов в 1940-х гг. дорога от Мужей до Салехарда на лошадях длилась 3 суток, останавливались для отдыха через «25 килОметров, лошадей кормили, сено давали, кормим да опять дальше, для ночевки не останавливались — на санях только дремлешь, у нас рыба, дак хранить надо» [Там же].

Чтобы скоротать дорогу, вели разговоры, пели песни: «Я, например, пел всегда. Что попадетя, сначала одно поёшь, потом другое поёшь. А потом так уж. Всякие песни были. Дак из Полуя, когда до Салехарда едешь, там триста километров, дак там чё только не напоешь. И русские, и зырянские песни пели» [Там же]. Неприятностей от других людей не

Рис. 2. Остатки бревенчатого настила в с. Мужы Шурышкарского р-на ЯНАО. 2009 г.

ожидали, случаев разбоя, воровства в дороге практически не было, да к ним и не готовились: «И не страшно было, оружия — только один хорей. И никто не трогал» [ПМА, Белоярский р-он].

Формирование культурного ландшафта у коми переселенцев складывалось на основе уже существующей аборигенной ландшафтной системы. Хозяйственное освоение пространства сопровождалось номинированием природных объектов — ручьев, холмов, озер, возвышенностей и пр., либо адаптацией имеющихся аборигенных названий к своему языку. В современной культуре коми почти за каждым микротопонимом закрепляется бытовая или легендированная история, как правило, связанная с традиционными занятиями, судьбой конкретных людей или природной особенностью⁹.

В населенном пункте социально значимые постройки или природные объекты являлись ориентирами и имели название (к прим. *Почтакреж* 'Почтовая гора', *Шоргорт* 'середина села', в с. Мужы это местонахождение церкви); освоенное, жилое пространство подчеркивалось качеством дороги — ее настилали из бревен, делали деревянные троту-

⁹ Дмитриева Т.Н. Топонимия бассейна реки Казым. Екатеринбург, 2005. С. 449–452; Матвеев А.К. Географические названия Тюменского Севера. Екатеринбург, 1997. 192 с.; Квашнин Ю.Н. Коми топонимия на севере Западной Сибири: к вопросу о границах расселения коми-ижемцев // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень, 2011. № 1 (14). С. 154–161.

ары. В с. Мужи до сих пор сохранились остатки таких настилов (рис. 2). За пределами поселения летом почти никто не ездил, в благоустройстве не было необходимости, зимой передвигались уже по снегу: «Дорог не было, практически направления были. А ходить-то все равно ходили. На Тарко-Сале — прямо на восток, в сторону Ныды — на север, на восток — ближе к Енисею, туда, и через Уральский хребет переваливал, тоже если надо было. По-зырянски *туй* — дорога. Тарко-Сале туйыс — Тарко-Салинская дорога» [ПМА, Шурышкарский р-он].

В лесу по маршруту передвижения с оленьим стадом при необходимости вырубали просеки — «Вырубают, очищают всё, что можно. Просека была. А между деревьями надо, чтобы обоз прошел. И всего вот такая небольшая ширина нужна. Проходили, спокойно. А если, например, тысячное стадо пройдет в летнее время, да, конечно, оно вытопчет. И как дорога обосновывается» [Там же].

На севере, в условиях бездорожья, любой проложенный путь — в лесу, по болоту — получал имя, к примеру, в окрестностях с. Мужи одной из основных и значимых дорог, путей (*туй*) был *Сарантуй* — ‘зырянская дорога’, ее называют также *Тильтимка*, вероятно, в честь хантыйского поселения Тильтим (рис. 3); известны дорога до соседнего с. Восяхово — *Аспугтуй*, *Микиткатуй* — дорога в окрестностях с. Мужи, идущая на юго-запад, получила название в честь Никиты Емельяновича Рочева, вырубавшего просеку. Дорога *Гордья-туй* названа по имени человека — «здесь был такой человек, которого звали Гордья, Гордей. Он там всегда дрова рубил». *Могила-туй* — «там могила была. Там дрова заготавливали, ягоды собирали, 7 км отсюда». *Изья шор туй* — букв. ‘каменистого ручья дорога’. Долгая дорога называлась *кузь туй* ‘длинная дорога’, небольшая поездка — *матыс/матын туй* ‘близкая дорога’/‘близко’, сухопутная дорога вдоль ручья — *шор туй*, водная дорога — *ва туй*; обозначались и звериные тропы: *ош туй* — медвежья тропа, *лола туй* — лосиная тропа, *коч туй* — заячья тропа.

Именовались возвышенности, общее название — *Из-чульк*, это самые возвышенные места. Возвышение в сторону Урала называется *Мыжи-из*, или *Дзоля-из*, «из — это камни, это Малый Урал, Дзоля — это Малый» [Там же]. Сам Урал называли *Из*, *Из сайысь* — ‘из-за Камня приехал’ [Там же]. Низменности были в основном без названия, для их обозначения использовалось слово *торэл* ‘ложбина у основа-

ния хребта, возвышенности'¹⁰. Болота называли общим термином *садуку*, если болото большое с озером, то могли именовать, например, «тут в лесу есть озеро Хочаты, может, раньше болота и называли, кто где охотился, сейчас нет» [Там же].

Рис. 3. Сарантуй — «зырянская дорога».

Шурышкарский район ЯНАО. 2009 г.

Для ориентации и указания направления в населенном пункте редко пользовались обозначением по сторонам света, т.к. села обычно были вытянуты вдоль реки, для определения движения говорили *кытыд* 'вниз по течению', 'на север' и *катыд* 'вверх по течению', 'южнее', 'на юг', соответственно части села определялись как *кытыдын* и *катыдын* (*кытыдса* и *катыдса*). Эти слова были более употребительны для обозначения севера и юга как сторон света в пределах поселения. Восток и запад определялись по солнцу — «Где солнце встает, где солнце садится — так мы определяли» [Там же]. Кроме того, для указания направления длительного путешествия использовались выражения: *извытуй* 'западная дорога', или *шульга* 'левая сторона', 'влево', 'на запад'; *веськыдтуй* 'восточная дорога', «веськыд — это вправо, если, например, к морю едешь, веськыд — это правая сторона, как восток» [Там же]. Кроме того, *веськыдтуй* могло обозначать прямое направление, прямую дорогу¹¹. Обозначения сторон света сохранялись в названиях ветров (*тоо*): *Вой тоо* — северный ветер, полярное направление, *Лун тоо* — южный ветер, южное направление, *Асы тоо*

¹⁰ Сахарова М.А., Сельков Н.Н. Ижемский диалект коми языка. Сыктывкар, 1976. С. 223.

¹¹ Словарь мужевского говора ижемского диалекта коми-зырянского языка / под ред. А.И. Кузнецовой. Екатеринбург: Баско, 2010. С. 29.

— восточный ветер, *Ретоо тоо* — западный ветер, он мог обозначался как «ветер с Урала» — *Из тоо*, безветрие — *Дэнь (Дёнь?)*. Понятия «день» и «юг», так же как и «север» и «ночь», были синонимичны — *лун* и *вой* соответственно [Там же].

Ориентирами были и географические объекты: «Оленеводы дорогу знают, все знают, они по деревьям, по всем определяли, по местности»; «Для нас всё кругом ориентир, мы с детства там всё проездили. Я 19 лет в стаде был дак. По деревьям, по холмам, по речкам ориентировались. Реки мы все знали, просеки знали, сколько лет там дак. По звездам я никогда не смотрел, потому что считал, что по звездам можно звездануться. Так всё определяли» [Там же]. По мнению К.В. Истомина, у коми использовался тот же механизм ориентировки, как и у городских жителей при перемещении в хорошо знакомом им городском районе, «Этот механизм основан лишь на знании местности и взаимного расположения элементов рельефа, без привлечения каких бы то ни было других способов ориентирования (по звездам, по солнцу и т.д.), знание которых так часто предполагают за ними жители городов и поселков»¹². В лесу стороны света определяли по деревьям: «С южной стороны ветки больше, с северной — меньше. У ёлки, и у кедра» [Там же]. Кроме того, на деревьях делали «затески» — *лэсооны ну* 'затесанное дерево': «Там затески стояли всегда. И по ним шли спокойно уже. Вдоль дороги затёски сделают и всё. Эти затесы не стираются, они заворачиваются вовнутрь растут когда, и там в середине голо. Я не помню случая, чтобы этот затес зарастал. Оно так заворачивается, как у нас ватрушки-то делают в праздник. А в середине он почему-то ссыхает этот ствол-то» [Там же]. На открытом месте, к примеру, в горах по пути передвижения ставили вешки в виде жердей, закрепленных вертикально в куче камней (рис. 4). «Еще на дороге деревья ставили. А еще если дорога раздваивается, то дерево с наклоном втыкают, если кто-то не знает, вдруг. Это указатель уже. Вешки ставили. Если, например, свёрток надо, поставишь, их просто втыкают в снег, и всё» [Там же].

В большинстве случаев у коми при измерении расстояния понятия движения и пространства были синкретичны. Народная метрология не имела точных мер измерения. В сер. XIX в. для измерения расстояния была известна коми мера *чемкос*, которая соответствовала примерно пяти

¹² Истомин Кирилл Владимирович. Этноэкологическая характеристика коми-ижемского оленеводства : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.07. Сыктывкар, 2004. С. 62.

Рис. 4. Указатель дороги
на Приполярном Урале.

Березовский район ХМАО — Югра.
2007 г.

верстам, при этом расстояние считалось по плесам, между примечательными мысами, островами и другими «приметными предметами»¹³. И в настоящее время более предпочтительным остается измерение длительности пути не расстоянием, а временем передвижения — «с Урала двое суток, что ли, шли, налегке» [Там же]. При передвижении на оленьей упряжке расстояние определяли в попрысках: «на оленях даже если едешь, олень, например, бежит 10 км, потом передохнет, и вот эти попрыски (так называется) они постоянно так и держатся, для того, чтобы олень мог постоять, отдохнуть. Попрыск — это где-то 10–15 км. Отдыхали минут 5–6. До 10 мин. Во время отдыха

— просто остановились, походили маленько, промялись, а олени копают там ягель. А потом опять сели да лучше прежнего поехали» [Там же].

В контексте традиционного мировосприятия пространство реального мира не было однородным, выделялись так называемые «плохие» места, которые считались местом обитания зловредных сверхъестественных существ (лешего, водяного, бесов и пр.). По мнению Н.Д. Конакова, мир духов существовал параллельно обычному земному миру, но, тем не менее, эти миры были взаимопроницаемы. И у коми, хозяйственная жизнь которых во многом была связана с лесом и водой, лес не воспринимался антагонистичным миру людей, а занимал рубежное положение, «...выступает не столько средой обитания представителей «чу-

¹³ Юрьев Д. Топографическое описание Северного Урала и рек его обоних склонов // Записки ИРГО. СПб., 1852. Кн. 4. С. 270.

жого», потустороннего мира, сколько пространством, где человек регулярно встречается с ними»¹⁴. Особое отношение было к соймам, поросшим хвойным лесом, — их считали «дорогой лешего», «пристанищем бесов». В таких местах легко можно было потерять ориентацию — человек в лесу терял направление движения, «крутился на одном месте», это объяснялось тем, что человек попал в «плохое» место, где леший «водит». Для того, чтобы сориентироваться, нюхали табак — считалось, что леший боится этого запаха; более действенным способом ориентации было перемена стелек в обуви — «Вынули и перевернули ее наоборот»; а также чтение молитв — «По лесу когда хожу и заблужусь, всегда Богородицу читаю, помогает»; «Его, говорит, крутили, и крутили, и крутили, но все же он вылез какими-то молитвами, и говорит, последнюю молитву он пропел “Преображенскую”» [Там же].

У дороги (водной или сухопутной) на особых местах ставили кресты, которые выполняли разные функции. Высокие придорожные кресты являлись прежде всего ориентирами в пути. С ними связывались различные мифологические сюжеты, предания о легендарных личностях и событиях из истории населенного пункта, былички о дорожных происшествиях и пр., т.е. крест, как значимый элемент ландшафта поддерживал историческую память. Повсеместно считалось, что пути, пролагаемые людьми, особенно дороги с перекрестками, открыты для действия самых разнообразных сил¹⁵, а кресты защищают от всякой нечисти, т.е. выполняют апотропейную функцию. Обычно придорожные охранительные кресты располагались на высоком месте — на горе, холме, либо на повороте, развилке или перекрестке¹⁶. У зауральских коми-ижемцев с последней четверти XIX в. известен крест, расположенный на дороге Сарантуй, неподалеку от с. Мужы (рис. 5)¹⁷. В

¹⁴ Конаков Н.Д. Традиционное мировоззрение народов коми: Окружающий мир. Пространство и время. Сыктывкар, 1996. С. 51.

¹⁵ Власова М.Н. Новая АБЕВЕГА русских суеверий. СПб., 1995. С. 115.

¹⁶ Щепанская Т.Б. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX–XX вв. М., 2003. С. 245–252, 264–275.

¹⁷ Воропай И.М. От реки Оби до Северного океана. Ханты-Мансийск, 2008. С. 47–49; Голубкова О.В. Этнокультурное взаимодействие северных коми-зырян и русских в сфере сакрального символизма // Археология, этнография и антропология Евразии. 2006. №3. С. 101–111; Ермакова Е.Е., Лискевич Н.А. Сакральная география ижемцев Нижнего Приобья // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень, 1911. № 1 (14). С.168–176.

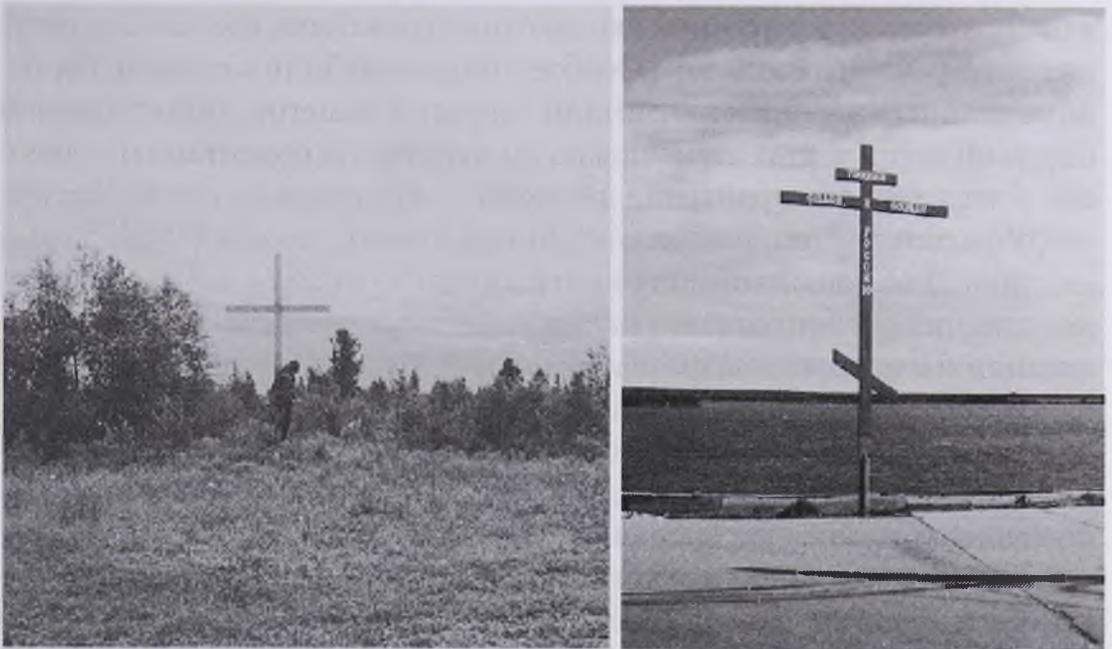

Рис. 5. Придорожные кресты в Шурышкарском районе ЯНАО (в урочище Кресты на дороге Сарантуй и в с. Мужей). 2009 г.

сер. 2000-х гг. в центре Мужей на берегу Оби по инициативе церкви и поддержке местных предпринимателей был поставлен придорожный восьмиконечный металлический крест с надписью «Господи, спаси и сохрани Россию», охраняющий путников и проходящие суда (рис. 5). Место установки креста было выбрано не случайно. Во-первых, роль большой дороги в северном поселке традиционно играет река — летом ходит водный транспорт, зимой по реке проходит зимник.

Несмотря на территориальную мобильность, присущую ижемцам, дальняя дорога воспринималась как опасность — «Раньше уже опасность действовала, а сейчас — тем более» [Там же]. Реальную опасность представляли болота, топкие места, где после дождей появлялись глубокие трясины, непогода при передвижении по воде и пр. У коми до наших дней сохранились некоторые ритуалы, входящие в систему обрядов ухода — «комплекс ритуальных и ритуализованных (символических, сценарно организованных) действий перед отправлением в путь»¹⁸.

Для отправления в дорогу старались выбрать благоприятный день. Раньше нельзя было начинать новые дела в понедельник, церковные

¹⁸ Щепанская Т.Б. Указ. соч. С. 51.

праздники, воскресенье, неблагоприятным считался день недели, на который выпадало Благовещение (7 апреля) — «В этом году было во вторник — вот во вторник весь год ничего начинать новое не стоит, в дорогу нельзя новую в первый раз вступать. Новыми делами нельзя заниматься — дом строить, и вообще ничем» [Там же].

Перед дорогой не принято было задавать прямой вопрос: «куда едете»? Обычно спрашивали: «далёко»? На такой вопрос могли отвечать *матын улын*, т.е. «близко», либо *улын улын*, т.е. «далеко». Далёким считалось расстояние, к примеру, от Салехарда до Ханты-Мансийска или до Тарко-Сале, Ныды, Гыды [Там же].

Перед дорогой обычным пожеланием было *бур туй* 'хорошей дороги', либо благословление — «Говорят: ну давай, благослови меня, сейчас на охоту пойду, если кто из семьи уезжал, то им вслед Божье благословение говорили, и всё», детей перед отъездом благословляли словами: «хлеб хороший кушать, и хорошим человеком прожить» [Там же]. Собравшиеся в дорогу и сами молились перед выходом, во многих семьях перед дальней дорогой молились перед иконостасом, были специальные «дорожные молитвы». «У Бога просили благословления, если куда-то ехать собирались: “Благослови меня ехать, чтобы благополучно, живым и здоровым...” Можно к Пантелеймону обращаться или к Николе. На покос идут — надо перекреститься и сказать: “Господи, благослови”»; «Мы дома всегда, если едем, мы из дома без молитвы никогда не выезжаем. И нас Бог миловал» [Там же]. Брали с собой в дорогу и так называемые «дорожные» иконы.

Чтобы дорога была благополучной, перед поездкой рекомендовалось поддержать во рту взятые из церкви просфоры [Там же]. Для определения успеха/неуспеха путешествия загадывали «на сон» сбудется ли дорога или нет, и какая будет — *торгатая* или *хорошая*; вещими считались сны, приснившиеся с четверга на пятницу [Там же]. Перед самым выходом из дома был обычай посидеть «на дорожку» [Там же]. Признаком невезения перед уходом была встреча с женщиной, что усугублялось наличием у неё пустого ведра [Там же]. Для нейтрализации вреда рекомендовалось проходить мимо с *кукишем*.

Если надо было куда-то срочно ехать во время непогоды, то практиковалось применение приемов метеорологической магии. Для улучшения погоды делали 40 зарубок на палке, вспоминая (считая) при этом 40 плешивых (лысых) стариков. После эту палку ставили против ветра

либо вешали, чтобы она «болталась — и ветер все равно стихнет» [Там же]. И, напротив, если собирались в путь на лодке с парусом — *городовушке*, то при помощи трёхразового издавания специальных звуков можно было вызвать ветер [Там же]. Поворачивая старый топор, с зазубринами на лезвии, в сторону тучи, сокращали время дождя — «Если туча, то туча сразу раскалывается. Это я сам приметил. Только надо не острым поворачивать, а зубчиками» [Там же].

После отъезда членов семьи соблюдали определенные ограничения — после проводов нельзя заходить в чужой дом, надо было сразу пойти к себе домой; в этот день нельзя было мыться в бане, мыть пол, выносить из дома мусор и стирать одежду уехавших, «чтобы они снова по-хорошему вернулись. Всё было чтобы хорошо» [Там же]. Родители, родственники после отъезда членов семьи молились за них, чтобы всё было благополучно — «Они молитву читали, как я в командировку в оленстада еду, отец в основном всё читал молитву, без меня, уже когда меня нет. Мама мне всегда говорит: “Бог тебя бережет”, отец, говорит, читает за тебя. Молитва “Живые помощи вышнего”» [Там же].

Таким образом, культура дороги у коми включает в себя материальные аспекты, связанные с использованием транспортных средств, дорожной одежды, утвари, пищевого запаса и пр., технологические навыки и рациональные знания — умение ориентироваться на местности, выбирать нужный маршрут, организация дорожного быта. В рамках традиционного мировоззрения передвижение в пространстве могло быть сопряжено с соприкосновением с миром духов. Для профилактики нежелательных последствий существовал комплекс мер, направленный на избегание подобных контактов, защиту человека, исправление экстремальной ситуации. В жизни современных коми в большей степени сохраняются ритуалы, направленные на обеспечение благополучной дороги, предотвращение кризисной ситуации в пути, в том числе связанной со здоровьем, достижением цели путешествия и своевременным возвращением. Изменение технологий передвижения, расширение коммуникативных возможностей не снизили актуальность иррациональных способов профилактики чрезвычайных обстоятельств. Ритуальные действия до и после отъезда, как правило, выполняют старшие родственники — родители, бабушки и дедушки, что обеспечивает межпоколенную преемственность этнокультурных традиций.

Нина Лискевич

Информанты¹⁹

- 1) Ануфриев Анатолий Васильевич, коми, 1948 г. р., с. Мужы Шурышкарского района ЯНАО.
- 2) Ануфриева Прасковья Николаевна, коми, 1922 г. р., с. Восяхово Шурышкарского района ЯНАО.
- 3) Артеев Иосиф Васильевич, коми, 1929 г. р., с. Мужы Шурышкарского района ЯНАО.
- 4) Витязев Василий Георгиевич, коми, 1945 г. р., с. Горки Шурышкарского района ЯНАО.
- 5) Вокуев Федосей Яковлевич, коми, 1929 г. р., с. Казым Белоярского района ХМАО – Югра.
- 6) Канев Александр Алексеевич, коми, 1936 г. р., с. Казым Белоярского района ХМАО – Югра.
- 7) Канев Иосиф Акимович, коми, 1935 г. р., с. Казым Белоярского района ХМАО – Югра.
- 8) Конева Таисия Владимировна, коми, 1925 г. р., с. Мужы Шурышкарского района ЯНАО.
- 9) Канева Фелицата Федуловна, коми, 1922 г. р., с. Казым Белоярского района ХМАО – Югра.
- 10) Прокопчук Татьяна Ивановна, коми, с. Горки Шурышкарского района ЯНАО.
- 11) Семяшкин Борис Степанович, коми, 1938 г. р., с. Мужы Шурышкарского района ЯНАО.
- 12) Семяшкина Агафья Ивановна, коми, 1936 г. р., с. Мужы Шурышкарского района ЯНАО.
- 13) Хозяинова Анна Федоровна, коми, 1925 г. р., с. Мужы Шурышкарского района ЯНАО.
- 14) Худoley Анна Александровна, коми, 1966 г. р., с. Мужы Шурышкарского района ЯНАО.
- 15) Чупров Иван Иосифович, коми, 1938 г. р., с. Мужы Шурышкарского района ЯНАО.
- 16) Шуганова Александра Ефимовна, коми, 1937 г. р., с. Казым Белоярского района ХМАО – Югра.

Сокращения

Г. р. – год рождения.

ИПОС СО РАН – Институт проблем освоения Севера Сибирского отделения Российской академии наук.

ИРГО – Императорское Русское географическое общество.

КНЦ УрО РАН – Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук.

ПМА – полевые материалы автора.

УрО РАН – Уральское отделение Российской академии наук.

УрГУ – Уральский государственный университет.

¹⁹ Большое спасибо нашим собеседникам, делившимися сведениями о традиционной культуре коми-ижемцев во время этнографических экспедиций ИПОС СО РАН в 2009–2010 гг.

«Всегда Вас держу у сердца»

*Письма Владимира Алексеевича Баталина
(архимандрита о. Всеволода) к Моисею Семеновичу Лесману*

О нашем дорогом друге Владимире Алексеевиче Баталине (о. Всеволоде), часто бывавшем в нашем доме на ул. Лизы Чайкиной на Петроградской стороне во время своих приездов в Ленинград, я уже писала довольно много¹. Во время визитов к нам его беседы с моим мужем, Моисеем Семеновичем Лесманом, пианистом-концертмейстером и известным собирателем книг и рукописей русских писателей XVIII — начала XX века, всегда духовно содержательные, были наполнены литературными реминисценциями, т. к. оба собеседника прекрасно знали литературу, особенно Серебряного века.

За столом, где сживало много интереснейших людей (библиофилов, писателей, музыкантов, музейных работников, библиографов) звучали стихи Ахматовой, Пастернака, Гумилева и, конечно, Пушкина и Лермонтова. Оба, и священнослужитель Владимир Алексеевич, и пианист Моисей Семенович, знали их наизусть. Часто это сопровождалось игрой на рояле: Моисей Семенович исполнял своих любимых Шопена, Шумана, Скрябина. Душа Владимира Алексеевича была открыта всему высокому и прекрасному.

Как я уже писала, Владимир Алексеевич, будучи глубоко верующим человеком, никогда не навязывал своих убеждений, а атеист Мои-

---

¹ Н. Князева. Рядом с веком // Невский библиофил: альманах. СПб., 1998. Вып. третий. С. 97, 98; Н. Князева. «Звук шагов, тех, которых нету...»: Моисей Семенович Лесман, человек и библиофил // Библиофилы в России: альманах. М., 2006. Том III. С. 216–218; В. А. Баталин (архимандрит о. Всеволод) о Владимире Васильевиче Передольском. Публ. Н. Г. Князевой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2007–2008 годы. СПб., 2010. С. 687–696; То же // Подорожник. Тюмень, 2010. Вып. 12. С. 309–321.

сей Семенович, уважая своего собеседника, всегда деликатно относился к его уморасположению. Дружба их была полна взаимной симпатии. Это видно и в письмах, которые впервые, целиком, публикуются в этом сборнике.

Моисей Семенович, будучи крупнейшим собирателем и хранителем творческих материалов русских писателей, был еще и исследователем их жизни и творчества. Поэтому он всегда просил свидетелей их судеб писать воспоминания. Это коснулось и Владимира Алексеевича, и он с удовольствием выполнил просьбу Лесмана. Благодаря о. Всеволоду, в нашем собрании появились его воспоминания о Н. Ключеве, В.В. Передольском (эти материалы ныне хранятся в фонде М.С. Лесмана в Рукописном отделе Пушкинского Дома², о встрече с П. Флоренским в Читинской области, где оба отбывали свои лагерные сроки³. Жизнь всех персонажей воспоминаний Баталина закончилась трагически.

Судьба Владимира Алексеевича была очень нелегкой, но он никогда, насколько я помню, не жаловался и благодарил Бога за все, что выпало на его долю. Это видно и по его письмам, полным добра и светлой мудрости. Правда, комментировать их было нелегко, т.к. они наполнены цитируемыми по памяти библейскими, поэтическими, историческими текстами, часто без указания источников. Поэтому прошу читателей этой публикации простить возможные ошибки в трактовке и определении цитат, приводимых Владимиром Алексеевичем.

С молитвой за светлую память двух замечательных подвижников — В.А. Баталина и М.С. Лесмана.

Н. Князева. Публикация Н. Г. Князевой

СПб.

Март. 2012

Приношу глубокую благодарность Е. М. Аксененко, научному сотруднику Рукописного отдела Пушкинского Дома, за оказанную мне помощь.

² РО ИРЛИ. Ф. 840 (Коллекция М. С. Лесмана).

³ В. А. Баталин в 1933 г. был арестован, отправлен в Дальлаг, где отбыл 16 лет, о чем он пишет в своих воспоминаниях о В. В. Передольском (см. прим. 4; письму 1). В биографических материалах, бывших в распоряжении автора публикации, нет отражения этого страшного периода жизни В.А. Баталина.

Письмо 1

23 ноября 1966

г. Астрахань

Дорогой Моисей Семенович! Братски Вас обнимаю, сердечно приветствую и — ой, страшно даже и вымолвить! — прошу великодушно меня простить за хамское молчание! Но уверен в Вашей большой человеческой доброте, дорогой, и ... надеюсь на прощение. Представьте, *не мог* ответить. Очевидно, это уже не простая усталость и даже не просто старость, а видимо... болезнь. Вот с утра хожу с твердой мыслью засесть вечером за письмо к Вам, а вечером, возвращаясь со службы, в лучшем случае, включая приемник, засыпаю, а в худшем — сразу же валюсь замертво. И так изо дня в день, с самого возвращения из отпуска, т<ак> к<ак> один из моих коллег — сердечник длительно болен, и мы двое оставшихся несем нашу общую ношу. Правда, совесть моя все время меня обличает за неотвеченные письма. Но и все... Правда, за этот период я в одном кратеньком письме к Геннадию — моему внуку просил его хотя бы *позвонить* к Вам и сказать, что я письмо к Вам вынашиваю и скоро напишу, наконец. Но, очевидно, и внук не смог Вам позвонить (либо не дозвонился до Вас?), т<ак> к<ак> за эти дни у него случилось большое горе: у его матери, живущей здесь в Астрахани, обнаружили рак. Это его и нас здесь, его родных, страшно встревожило. Сегодня мы отправили ее самолетом в Л<енингра>д, в надежде, что Геннадий ее поместит для лучшего обследования и операции в свою — институтскую — клинику. Простите, дорогой, за такое громоздкое объяснение моего хамства — но *душа* требует! А в общем-то письму Вашему я ведь очень обрадовался, потеплело как-то у меня на сердце от Вашего внимания и доброты. И то, что мне надо будет написать о нашем дорогом профессоре В.В. Передольском⁴ по просьбе его детей — это тоже меня по хорошему взволновало, и я с радостью это сделаю. Здесь у нас уже месяца 1,5 стоит голая, но очень теплая осень.

Нет той невероятной жары, которая выматывала людей от мая до сентября. Но зато нет и зелени, и только волжские необозримые просторы с пустынными низкими берегами радуют глаз. Занятость по службе далеко уводит меня и от хороших книг, и от интересных передач по радио и телевизору. Разве что «на ходу» что схватишь понаслышке. Но

⁴ О В.В. Передольском см.: В.А. Баталин (архимандрит о. Всеволод) о Владимире Васильевиче Передольском. Публ. Н. Князевой // Подорожник. Тюмень, 2010. Вып. 12. С. 309–321. То же // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2007–2008 года. СПб., 2010. С. 687–696.

«Бег времени»⁵ — Ваш бесценный дар — всегда около меня на тумбочке, и каждый день я хоть на полчаса да погружаюсь в этот очарованный Мир Поэзии. Царство ей небесное — нашей неумирающей Царевне-Лебеди! И здесь, представьте, нашелся человек, «зачарованный» ее поэзией — это регент нашего хора, человек лет 50-ти. Он переписал от руки почти всю нашу с Вами книгу и теперь терроризирует стихами своих знакомых. — Таковы «неисповедимые» пути распространения власти Поэта над сердцами и умами людей. А есть ли в нашем городе хоть 1 экз<емпляр> «Бега времени»? — Я даже и представить не могу. Поэтому, дорогой Моисей Семенович, сами понимаете, как я бесконечно благодарен Вам за вашу доброту — Ваш подарок мне и «Бега времени», и пластинки с голосом Покойной, и за прошлогодний — тоже совершенно здесь уникальный подарок томика Евг<ения> Евтушенко⁶. — Если бы я хоть в сотую долю смог Вас отблагодарить за все это! Но — увы! — ничего я здесь интересного для Вас пока не нашел и не видал. Мой шеф — в прошлом художник, кажется, даже с высшим образованием — тоже жалуется на то, что ничего достойного древней Астрахани он здесь не находил. Все уже ранее, видимо, подобрано и расхищено... Но обещаю «держат ушки на макушке» и быть всегда в «поиске». Тем более, что я, видимо, в ближайшее время перехожу на более спокойную (хотя и загородную — поездки!) службу, но зато у меня будет оставаться время на книги, музыку (слушание ее, конечно!) и на переписку с моими милыми и добрыми друзьями. Позвольте, дорогой Моисей Семенович, к ним причислить и Вас! Дай Вам Бог доброго здоровья и «Мужества Старости», когда она к Вам таки придет — «Мужество Старости» — этот образ давно уже мне навеян впечатлением от замечательного человека (теперь ведь, она наша *общая* знакомая!) — Любви Вас<ильевны> Шапориной⁷. Не правда ли, замечательный, интересный человек? И какое *мужество* в несении этого тяжелого креста — старости! От Степановых⁸ из Ялты — 2 открытки. Здоровы, наслаждаются

⁵ А. Ахматова. Бег времени: стихотворения. М.; Л., 1965.

⁶ Евтушенко Евгений Александрович (1933), русский поэт, прозаик.

⁷ Шапорина Любовь Васильевна, урожд. Яковлева (1879–1967), художница, основательница первого советского театра марионеток, жена композитора Ю. Шапорина.

⁸ Степановы: Георгий Александрович (1890–1969). Автор стихотворного сборника «Рондо» (имелся в собрании М.С. Лесмана. Подарен в составе биб-

теплом и нежным (осенью) солнышком. Но тревога наша за милого Георг<ия> Ал<ександрови>ча, конечно, основательна. Дыхательная машина у него так изношена, что катастрофа может случиться вдруг. А как бы мне хотелось удержать его подольше на этой «горестной земле»⁹!

А вы, друзья, которых так *немного* —
Вы с каждым годом для меня милей.
Какой короткой сделалась дорога,
Которая казалась всех длинней!¹⁰

— как не вспомнить дорогую А. А.

«Воспоминания»¹¹ — к сожалению, краткие и очень, вероятно, сумбурные — я прилагаю дополнительно к Вашему письму, имея в виду, что их будет читать его дочь. Прошу извинить мои недостатки — как сумею!

Крепко Вас обнимаю, дорогой Моисей Семенович! Желая счастья. С гл<убокой> признат<ельностью> Вл. Баталин.

P. S. Посылаю Вам, дорогой, скромный астраханский подарок — икры и рыбы. Но простите, ради Бога, за убогость и несовершенство засолки рыбы: моя «хозяйка» — племянница и я — совершенные бездари в этой сфере. Но все-таки — думаю — хоть какой-то «знак внимания». Пожалуйста, не рассердитесь!

«Исполнен долг, завещанный...» А. П-н¹².

В. Б.

лиотеки Лесмана в музей А. Ахматовой) с дарственной надписью автора: «Единственное достоинство этой книжки — она очень редка; я прошу Вас постараться и сделать так, чтобы у нас с Вами создались “редкие” отношения. С самыми лучшими пожеланиями глубокоуважаемому М.С. Лесману от автора. 21. XII. 58 г. Л-д».

Елена Ивановна Степанова — его жена. Оба — близкие друзья М.С. Лесмана и о. Всеволода.

⁹ «О доблестях, о подвигах, о славе / Я забывал на горестной земле, / Когда твое лицо в простой оправе / Передо мной сияло на столе...» — А. Блок. О доблестях, о подвигах, о славе... 1908.

¹⁰ «А вы, друзья! Осталось вас немного, — / Мне оттого вы с каждым днем милей.../ Какой короткой сделалась дорога, / Которая казалась всех длинней». — А. Ахматова. Не мудрено, что не веселым звоном... 1958.

¹¹ См. прим. № 4. Письмо 1.

¹² «...Исполнен долг, завещанный от Бога / Мне грешному». — А. Пушкин. Борис Годунов.

Р. Р. S. Уф! — только что, «одним махом» закончил мои воспомина-
ния о Вл<адимире> Вас<ильевиче> Передольском (писал с 2-х до
6-ти часов — больше некогда и «короче — некогда»). Уж простите вели-
кодушно! Очень интересна реакция на них его дочери. Ее имя — *Людми-
ла*? Была ж такая в их семье? Знают ли они что-нибудь о месте кончины
отца и его тетки Нат<альи> Конст<антиновны> Кащевской — быв-
<шей> домаш<ней> акушерки кн. Голицыных, жившей на Фонтанке?

Черкните мне, пожалуйста.

Обнимаю! Ваш В. Б.

Сердечно приветствую и желаю здоровья и множества всяческих
радостей Вашей милой племянницей — Наташе¹³!

В. Б.

Письмо 2

20 янв. 1967

г. Астрахань

Дорогой Моисей Семенович! Сердечно приветствую и несказанно бла-
годарю за Ваши милые заботы и трогательное внимание. На днях получил
Ваши книги и очень обрадовался. Спасибо Вам, дорогой! Наплывшие кре-
щенские праздники помешали сразу Вам ответить и поблагодарить Вас,
дорогой Моисей Семенович! Правда, кое-что из авторов и было у меня:
Блок, Есенин, Тютчев, но ведь это — жалкие «избранные» однотомники
30-х гг., и поэтому Ваши Блок и Есенин принесли мне настоящую радость;
Фета я давно тщетно искал. Тютчев, правда, повторился, но я его, с Вашего
разрешения, подарю от Вас моему внуку Геннадию, который только вхо-
дит во вкус всей этой Красоты Мира и найдет там столько прекрасного.
Кстати, ему я и завещаю мою небольшую и хаотическую библиотеку. Спа-
сибо Вам, дорогой! Хотелось бы и мне Вас чем-нибудь порадовать, но
чем? — От людей я отрешен моей профессией, м<ожет> б<ыть>, и есть
здесь, в Астрахани, еще какие-либо оазисы старины и уникамов, а мне об
этом и не узнать. По нашей же линии пока ничего интересного... Как Вы
живете, дорогой? У Вас такая полная, насыщенная встречами и интерес-
ными людьми жизнь! Радуюсь за Вас! Я все так же предельно занят и очень
устаю. Снова мечтаю о лете и о возможности побывать в Л<енингра>де и

¹³ Наталья Леонидовна Белькова — племянница первой жены М.С. Лесмана —
З. К. Плахоцкой (1951), мастера художественного слова.

встретиться с вами — моими добрыми друзьями. Вот жду своего Геннадия из Л<енингра>да на каникулы с л<енингра>дскими новостями. Он, бедный, со своими горями, так, видимо, и не позвонил к Вам и к Любове Васил<ьевне> Шапориной¹⁴, о чем я его просил.

Из поздравит<ельной> открытки Ел<ены> Ив<ановны> из Крыма вижу, что Георг<ий> Ал<ександрович>¹⁵ снова (и там!) простудился и болен пневмонией. Страшно за него! В любой момент может во время пневмонии отказать сердце! Но и выезжать им из Ялты в Л<енингра>д раньше мая я бы не советовал: л<енингра>дская сырость может совсем его погубить.

Благодарю Вас, дорогой, за Ваше теплое письмо и добрые слова о моих «воспоминаниях» о покойном проф. В.В. Передольском. На днях я получил от Людмилы Владимировны (дочери его) очень милое взволнованное письмо. Чувствую, что от нее я еще кое-что мог бы узнать и об отце ее, и о наших общих с ним друзьях. На днях, надеюсь, соберусь ей написать, а летом, м<ожет> б<ыть>, и встретимся. Теперь о моих книжных «аппетитах», дорогой Моисей Семенович! Здесь я ничего не достану: нет у меня связей. О книге А. Павловского «Ахматова»¹⁶ и не слышал, и не читал. И здесь ее не видно. Очень бы, конечно, хотел иметь. Вычитал где-то, что *отдельными книжечками* должны выйти в 1967 г. и Бальмонт, и В. Иванов, и Мандельштам и даже... Гумилев. Что готов к выпуску 2-томный Пастернак, что выйдет дополненная М. Цветаева... Все это, конечно, — моя мечта. И, если Вам что-нибудь попадет, бесконечно буду Вас благодарить. А здоровы ли Вы? — спрашиваю «по традиции»: ведь у пророка — царя Давида есть такое: «Жизни его — 70, много — 80 лет. И многие из них — *труд и болезнь*»¹⁷. А «подступом» к этим Рубиконам¹⁸ — 55–60 и т<ак> д<алее> лет, в которые тоже —

¹⁴ См. прим. № 7. Письмо I.

¹⁵ См. прим. № 8. Письмо I.

¹⁶ Речь идет о книге: Павловский А. И. Анна Ахматова. Очерк творчества. Л.: Лениздат, 1966.

¹⁷ «Дней наших — семьдесят лет, а при большей крепости — восемьдесят лет; и самая лучшая пора их — труд и болезнь, ибо проходят быстро, и мы летим». — Псалтирь. Гл. 89. Ст. 10. Библия. Ветхий Завет. Изд. Моск. патриархии. М., 1968. С. 573.

¹⁸ Река на Аппенинском п-ве. Стала знаменитой благодаря выражению «перейти Рубикон» (принять бесповоротное решение). Ист.: Цезарь, нарушив закон, перешел Рубикон и начал войну с Галлией.

«труд и болезнь» и «томление духа»¹⁹. Храни Вас Бог и Наташеньку²⁰. Ей мой привет.

С глуб<оким> уваж<ением>

В. Баталин.

Письмо 3

24 апреля 1967

Астрахань

Дорогой Моисей Семенович! Сердечно поздравляю Вас и Наташеньку со светлыми праздниками весны. Желаю весенних настроений и доброго здоровья. Все собираюсь на «большое письмо», но... увы! — очень устаю и не успеваю. Откладываю на будущее. Мечтаю и нынче о встрече в Ленинграде.

Ваш признательный

Вл. Баталин.

Письмо 4

[30.V.67.

г. Астрахань]

Спасибо Вам сердечное, дорогой Моисей Семенович, за печальное письмо о смерти Любви Васил<ьевны> Шапориной²¹. Несколько раньше Вашего мне сообщила о ее смерти внучка Соня (а еще раньше она сообщила, что бабушка без сознания и без надежды). Очень, очень грустно узнавать об уходе «путем всея земли»²² таких людей. Они могли как-то, страдая сами, *светить* другим. И этот свет их, несомненно, согреет души и тем, кто идет им на смену. Такова была и незабвенная наша А. А.²³ Меня всегда это поражало: как это они могли превращать «тьму в свет» и, страдая сами,

¹⁹ «Видел я все дела, какие делаются под солнцем, и вот все — суета и томление духа!» — Книга Екклесиаста, или Проповедника. Гл. I. Ст. 14. Библия. Ветхий Завет. Изд. Московской патриархии. М., 1968. С. 618.

²⁰ Наталья Георгиевна Князева — вторая жена М.С. Лесмана. Филолог-романист, преподаватель французского языка в Институте культуры им. Н.К. Крупской (1967–1986), ныне — С.-Петербургский государственный университет культуры и искусств.

²¹ См. прим. № 7. Письмо I.

²² «Путем всея земли», поэма А. Ахматовой (1940) с эпиграфом: «В санях сидя, отправляясь путем всея земли... Поучение Владимира Мономаха детям». Восходит к библейскому «...и настало ему время идти путем всея земли». Кн. Царств.

²³ Анна Ахматова.

они становились источником утешения и света для других? Это, ведь, дано совсем не многим. И это непостижимо. Любовь Васильевна дарила меня добрым вниманием. Беседы с ней незабываемы. Вы, вероятно, знаете, дорогой Моисей Семенович, что она по отцу — из рода Яковлевых (из их рода — А.И. Герцен). Она, по ее словам, всю жизнь вела записки («неорганизованные» — на клочках, без системы) и очень хотела бы, чтоб ее Архив попал в Публичн<ую> б<иблите>ку²⁴. С молодости она была, очевидно, профессионал<ьной> художницей (училась чуть ли не у Петрова-Водкина²⁵), потом она стала профес<иональной> переводчицей. Одна из последних ее больших работ — это перевод записок Стравинского²⁶ (1964 или 1965 г.), с французского. Она мне читала отрывки из них еще с рукописи. Очень интересно. Но подарить мне книжку она так и не смогла («авторско»-переводческ<их> экземпляров, видимо, дают очень мало), а купить я ее также, конечно, не смог. Не найдется ли у Вас лишнего экземпляра, мой дорогой «сострадаватель»? У нее д<олжна> б<ыть> интересная «иконография», и предков, и многих писателей — ее друзей. В частности, у нее была трогательно-простая подписная фотография: А. А. с Пуниным²⁷ где-то в садике, она в платочке, в летнем платье — очень оживленная, буднично простая. И он очень прост, улыбается. Простая человеческая семья — радость... И других у нее, вероятно, много фотографий, дарственных книг, рисунков и пр. Куда это все теперь попадет? Интересно, был ли на похоронах ее сын из Новосибирска (театральный художник Шапорин с женою —

²⁴ Ленинградская Государств. библиотека им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. Ныне: Российская национальная библиотека.

²⁵ Петров-Водкин Кузьма Сергеевич (1878–1939). Живописец, засл. деятель искусств РСФСР (1930). Автор картин «Купание красного коня», «Смерть комиссара» и др. портретов, в том числе А. Ахматовой.

²⁶ Стравинский Игорь Федорович (1882–1971). Русский композитор и дирижер. Автор музыки к балетам «Жар-птица», «Петрушка», «Весна священная», симфоний, «Реквиема», литерат. записок «Хроника моей жизни». (1953); русский пер. — Л., 1963.

²⁷ Пунин Николай Николаевич (1888–1953). Искусствовед, худож. критик, историк и теоретик искусств. Автор книг и статей о русском, советском и зарубежном искусстве. Исследователь русского Авангарда. Второй муж А. Ахматовой. В. 1949 г. был репрессирован и отправлен в Коми АССР, поселок Абезь, где скончался 21 августа 1953 г. Его памяти посвящено стихотворение А. Ахматовой «И сердце то уже не отзовется/ На голос мой, ликуя и скорбя.../ Все кончено. И песнь моя несется/ В пустую ночь, где больше нет тебя». 1953.

оперной певицей?). Соня (внучка) — его дочь, главная забота бабушки (неудачница в замужестве, несостоявшийся археолог, уже тяжело больная почками). Видимо, Соня и унаследовала комнату бабушки и все содержимое комнаты. Хотелось бы мне знать, будете ли Вы, дорогой Моисей Семенович, в июле дома? Я предполагаю, что в июле я получу отпуск и недели 2 из него проведу в городе моей юности — в Л<енингра>де, чтобы повидаться и с ним — моим городом — и с Вами, моими добрыми друзьями. А потом поеду в Печоры²⁸. И, если это будет возможно, к зиме уже переберусь в Печоры... навсегда. «Пора, мой друг, пора...»²⁹ От Степановых³⁰ давно нет вестей. Я теперь в постоянной тревоге за моего Георг<ия> Ал<ександрови>ча! Очень он сдает! А я устаю, но креплюсь и все еще не перестаю питать какие-то надежды. Обнимаю Вас, дорогой! Привет Наташеньке.

Ваш **В. Баталин**.

Письмо 5

20.XII. 1967

г. Челябинск

Дорогой мой Моисей Семенович! Братски сердечно обнимаю Вас и поздравляю с наступающими праздниками Нового, 1968-го года. От души желаю крепкого здоровья и исполнения лучших надежд. Простите, пожалуйста, за долгое молчание. Я, представьте, был даже прошлым летом 3 недели в Л<енингра>де, но по непреложной необходимости не мог ни повидаться, ни позвонить Вам. Так вот случилось у меня. Надеюсь, что в последующую встречу (Дай Бог, чтобы в этом новом году) и встретимся, и поговорим. Всегда Вас тепло помню и, что называется, «держу на сердце». Теперь я живу и служу в Челябинске. Здесь мне совсем хорошо: не холодная (пока!) снежная «русская» зима, в 10-ти минутах ходьбы от меня — большой бор-парк («гуляй — не хочу!»); работа «стариковская»: почетная и неустомительная, редкие разъезды по городам Южного Урала, но ... сдает здоровье: гипертония и проч<ие> «сердечные» дела. И это — увы! — так серьезно, что ко мне ходит врач, а милая «медсестрица» без-

²⁸ Псково-Печорский (Успенский) мужской монастырь. Основан в сер. XV в. в пещерах (отсюда — Печоры). В нем также служил о. Всеволод. Находится в городе Печоры в 30 км. от Пскова. См.: Вечная память погибшим // Подорожник. Тюмень, 2010. Вып. 12. С. 307–308.

²⁹ «Пора, мой друг, пора! Покоя сердце просит —...». А. Пушкин.

³⁰ См. прим. № 8. Письмо I.

Вл. Баталин

жалостно и ежедневно меня колет в самые неподходящие места. И все-таки, все-таки «жизнь хороша и жить хорошо»³¹. Всего, всего Вам доброго, дорогой и милый Моисей Семенович! Привет Наташеньке.

Ваш **Вл. Баталин**.

P.S. Я здесь пока совсем отъединен от культуры. В будущем надеюсь регулярно ходить в Публичную б<ibliote>ку (говорят, она здесь обширна и неплоха), а пока довольствуюсь запаздывающими здесь крайне «Новым миром»³² и «Юностью»³³ (я их выписываю). И, конечно же, «Вечными спутниками»³⁴ моими — Пушкин, Ахматова и тот — от Вас! — последний Пастернак. Это — как музыка и как молитва:

Она сама со мною говорит
И утешать мне душу не стыдится³⁵.

³¹ В. Маяковский. Поэма «Хорошо». 1927.

³² Лит.-худож. и обществ.-полит. журнал, орган СП СССР, с 1925. М.

³³ Лит.-худож. и обществ.-полит. иллюстр. ежемес. журнал, орган СП СССР, с 1955 г. Москва.

³⁴ Дмитрий Сергеевич Мережковский. Вечные спутники: портреты из всемирной литературы. СПб., 1897.

³⁵ Неточно цитируемые строки из стихотворения А. Ахматовой «Музыка» (1957–1958) с посвящением Д.Д. Шостаковичу: «В ней что-то чудотвор-

Музыку, понятно, я слушаю только по немногим пластинкам, привезенным с собою, и это очень меня «утешает». Дай Вам Бог всякого добра и радости.

В. А.

Письмо 6

Май 1968 г.

Челябинск

Дорогой Моисей Семенович! Сердечно обнимаю Вас и приветствую со Светлым Праздником. От всей души желаю Вам доброго расположения Духа, крепкого здоровья и исполнения лучших надежд.

Всегда Вас тепло и благодарно помню. Ваш **Влад. Баталин**.
Привет Наташеньке.

Письмо 7

1.1.69

г. Челябинск

Дорогой Моисей Семенович! Братски обнимаю и сердечно поздравляю Вас и Ваших милых Наташенек³⁶. Желаю *новых* радостей, *постоянной* дружбы и *неиссякаемого* здоровья. Тепло и нежно Вас вспоминаю.

С глуб<оким> уваж<ением> **Влад. Баталин**.

Письмо 8

Май 1969

[Челябинск]

Дорогие мои, Моисей Семенович и Наташенька! Крепко вас обнимаю и сердечно приветствую с весенними праздниками. Главное — здоровья и «тихих радостей»³⁷! Да хранит вас Бог.

Ваш **Вл. Баталин**.

ное горит, / И на глазах ее края гранятся. / Она одна со мною говорит, / Когда другие подойти боятся».

³⁶ Племянницу первой жены М.С. — Н.Л. Белькову и его вторую жену Н.Г. Князеву.

³⁷ Выражение из церковных текстов. См., например, «Акафист Архангелу Божию Гавриилу»: «Радуйся, тихую радость на сердце полагая всем, любящим Господа и Творца своего».

Письмо 9

6.XII.69

г. Челябинск

Дорогой Моисей Семенович! Братски Вас обнимаю и желаю радости и полноты жизнеощущения. Это так важно не утратить Вам теперь, когда Вы перешли на пенсию. Я совершенно понимаю Вас, дорогой, что именно теперь-то Вам и не хватает времени. Я, собственно, ведь совсем не загружен «тяжкой» работой, надо бы и мне иметь массу свободного времени, а я кружусь, как белка в колесе: хочется «объять необъятное», хочется ухватить уплывающее «меж пальцев» время, а ведь Время — это и есть жизнь, которая чем старше, тем неужднее стремится под откос... И с отчаянием вижу, что ничего не успел. И все-таки, считаю, торопиться, жадничать надо, иначе станешь ... ну, просто всеядной хрюшкой! Ваше милое письмо получил пред самым отъездом Геннадия, который порадовал меня собой дня 4–5. Я наказал ему, чтобы он созвонился с Вами и, когда Вы ему скажете, он придет к Вам и обо мне и о себе Вам расскажет. Он стесняется — говорит он — чтобы Вам не было с ним скучно, т<ак> к<ак> при Вашей интеллектуальной и «опытной» полноте он чувствует себя совсем «тощим». Мне это понятно в нем. Помню, общение с Клюевым Н. А.³⁸ мне было необычайно интересным, и он дарил меня добрым вниманием, звал меня к себе, не прочь был и сам заглянуть в мою студенческую квартиру на Зоологическом³⁹, а мне было всегда как-то неловко отрывать его время и тоже справедливо — казалось, что ему со мной м<ожет> б<ыть> скучно. А от посещения дорогой для меня всю жизнь А. А.⁴⁰ я много раз отказывался (Люб<овь> Вас<ильевна> Ш<апорина>⁴¹ много раз меня к ней приглашала, а один — последний — раз даже передала мне *личный* привет от самой А. А. с приглашением зайти), отка-

³⁸ Клюев Николай Алексеевич (1884–1937). Русский поэт. Воспоминания В.А. Баталина о Н. Клюеве, написанные им по просьбе М.С. Лесмана, хранятся в Рукописном отделе Пушкиного Дома (фонд 840 М.С. Лесмана). См. также публикацию Н.Г. Князевой «В.А. Баталин (архимандрит о. Всеволод) о Владимире Васильевиче Передольском» // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2007–2008 годы. С. 687.

³⁹ Зоологический пер. на Петроградской стороне г. С.-Петербурга (тогда — Ленинграда).

⁴⁰ Анна Андреевна Ахматова.

⁴¹ См. прим. 7.

«Всегда Вас держу у сердца»

зывался вот именно от этого горестного сознания, что со мной ей будет неинтересно. А теперь, правду сказать, и жалею об этом... Так что поймите, пожалуйста, Геннадия, правильно и, когда можно, не отказывайте ему в Вашем добром и для него чрезвычайно плодотворном внимании. А я, дорогой Моисей Семенович, всегда Вас сердечно помню, думаю о Вас с Наташенькой и желаю Вам хорошей и светлой дружбы ... на всю жизнь! Всегда буду бесконечно рад весточке от Вас. Да хранит Вас Бог.

Ваш **Вл. А.**

Приветище Наташеньке.

Письмо 10

21.XII.69 г.

Челябинск

Дорогие Моисей Семенович и Наташенька! Сердечно поздравляю вас. От души желаю радостей, крепкого здоровья и ... счастья. Счастья непременно! Хотя бы и в призрачном обличье Синей птицы⁴². Но чтоб непременно стремиться за ней, мечтать и надеяться. Крепко вас обнимаю.

С глуб<оким> уваж<ением>

Ваш **Вл. Баталин.**

Письмо 11

12 марта 1970 г.

Челяб<инс>к

Дорогие мои Наташенька и Моисей Семенович! Приветствую вас и желаю, главное, здоровья и весенних хороших надежд. И их исполнения. «Кстати заговорил я о весне: весной и счастливых тянет вдаль» (Тургенев)⁴³, а уж меня-то, одинокого, и подавно потянуло к вам в Ленинград и во всякую другую заманчивую даль. Но все это осуществится, конечно, только после мая. Спасибо Вам за письмо, дорогой друг! Так и думал: не больны ли Вы? Аритмия — это мой «пройденный этап». Да, да, в самом деле, промаявшись целый год с мерцательной (!) аритмией, так что и иногда чув-

⁴² «Синяя птица» (1908) — пьеса бельгийского писателя М. Метерлинка (1862–1949), лауреата Нобелевской премии. Синяя птица — символ счастья, обычно недостижимого.

⁴³ Неполная цитата из очерка «Лес и степь» из цикла «Записки охотника» И.С. Тургенева: «Кстати заговорил я о весне: весной легко расставаться, весной и счастливых тянет вдаль».

ствовав себя умирающим, я теперь от нее избавился. Пишу это, дорогой, в надежде вселить и в Вас уверенность в полное излечение. Только обязательно — терпение и «монашеское» (т<о> е<сть> очень строгое и добросовестное!) *послушание* лечащему врачу. Постель? — постель! Режим? — «пожалуйста»! И так — до мелочей. А главное — профилактические снадобья (их теперь — тьма, из которой лечащий выбирает для Вас подходящие): метионин с липокаином, даукарин или анэтин, витам<ин> В₁₅, эпизодические уколы с витаминами; вероятно, очень Вам кстати теперь введение кокарбоксилазы. Я вначале сам смеялся над этим множеством и отмахивался, но «страховитость» аритмии (Вы ведь сами теперь знаете, дорогой друг, как это страшно, когда «падает» сердце!) и настойчивость моей молодой, но умеющей быть настойчивой врачевательницы заставили меня собой заняться. И она же посоветовала мне заниматься «гимнастикой» сердца: в момент *предчувствия* начала аритмии чуть задержать дыхание, набрав больше воздуха, а затем медленно его выдохнуть. И так неск<олько> раз. Обычно этот прием сдерживает очередной аритмический «скачок», и сердцебиение выравнивается. Вот, дорогой Моисей Семенович, все это, несомненно, Вас, как и меня в свое время, исцелит — только займитесь собой, ради Бога! Сама врачиха изумляется, как это мне все здорово помогло. Правда, и теперь я все время «сизу на профилактиках» и ежедневно принимаю уколы с витаминами. Но без этого нельзя: ведь в сосудах-то наших произошли уже — увы! — необратимые процессы. Будем держать, дорогой мой Моисей Семенович!

Весна и здесь нынче ранняя: бегут ручьи, в лесу моем появились какие-то новые, очевидно, весенние птицы. Я тоже переболел, должно быть, нетипичным гриппом, теперь маюсь непросыхающим насморком (какая это гадость!) и стоматитом. Но все-таки на душе — весна «без конца и без края»⁴⁴! И не верится, что всего этого вдруг может не быть... Конечно, дорогой друг, иметь все эти книги мне бы очень хотелось (хотя бы даже подержать в руках), но что же нам делать, если они недоступны?! Хотя бы для Вашего обширного собрания Вам удалось их приобрести, а уж я бы их у Вас полистал, а м<ожет> б<ыть> и переписал кое-что. Сегодня же [нрзб.] я направляю к Вам Геннадия — во-первых, попроведать Вас, а во-вторых, и поговорить с Вами подробнее, в каких «недрах» купить бы эти книги по дорогой цене? Посоветуйте ему. Вдруг да «клюнет»! От Ел<е>

⁴⁴ «О, весна без конца и без краю — / Без конца и без краю мечта!..» — А. Блок. 1907.

ны> Ив<ановны> решительно нет вестей: порадовала меня только «импрессионистически» написанной открыткой, что она «набрала 7 1/2 кг». И все. Ну, дай Бог, чтобы наша вдова утешилась в прекрасной Ялте.

Желаю Вам, дорогой, скорейшего и полного выздоровления от Вашей аритмии. Ну, а остальное — «приложится»...

Милой Наташе желаю сил в ее весенней страде⁴⁵, как-то Вы себе представляете нынче Ваш летний отдых? Куда и когда предполагаете поехать?

Да хранит Вас Бог!

Крепко Вас обнимаю,

Ваш **В. Баталин.**

Письмо 12

Апрель 1970

[Челябинск]

Дорогие мои, Моисей Семенович и Наташенька!

Сердечно обнимаю вас и радостно приветствую с праздником. От всей души желаю здоровья, дружбы и радостей. Нежно вспоминаю Вас и рождение белых ночей в нашем неповторимом городе. «Но ни на что не променяем пышный, гранитный город славы и беды. Широких рек сияющие льды...»⁴⁶ Ни на что.

Ваш **Вл. Б.**

Письмо 13

18 мая 1970 г.

Челяб<инс>к

Дорогой Моисей Семенович! Сердечно приветствую Вас и Наташу. Очень благодарю Вас за заботу обо мне: давненько получил от Вас книги. Все очень мне ново и интересно. Спасибо вам, дорогие мои! Но я «скис»: с 26-го апреля валяюсь в постели, болею двухсторонней пневмонией. Острый период, слава Богу, миновал, но теперь поправка идет очень медленно. Отвратительная слабость. Хотелось бы поскорее вые-

⁴⁵ В.А. имеет в виду пору весенних экзаменов в институте, где Н.Г. Князева преподавала и принимала экзамены. Время, действительно, очень напряженное.

⁴⁶ «Но ни на что не променяем пышный / Гранитный город славы и беды, / Широких рек сияющие льды...» — А. Ахматова. Ведь где-то есть простая жизнь и свет... 1915.

хоть куда-нибудь отсюда, но до конца мая нельзя и подумать. А в конце мая — не то в Крым (в Ялту, если там не начнется жара), не то к Елене Ивановне в Литву. Но непременно хочется сначала побывать в Л<енингра>де. Будете ли вы там в июне? У Геннадия с 26/V по 26/VI — госэкзамены, и мне хотелось бы в это время быть в Л<енингра>де. Но все, пока, в тумане, т<ак> к<ак> выехать не могу. Я поручил Геннадию непременно позвонить вам, поблагодарить за книги и объяснить причину моего молчания. Позвонил ли он? — Давно и от него нет вестей.

Еще раз сердечно благодарю вас и дружески обнимаю. Да хранит вас Бог.

Ваш **Вл. Баталин.**

P. S. Здесь отвратительная весна с рецидивами зимы (позавчера выпал сне<г> по колено). Надеюсь, у вас в Л<енингра>де настоящая весна и белые ночи. «Май жестокий с белыми ночами!»⁴⁷. Надеюсь на встречу с вами.

В. Б.

Письмо 14

23.II.1971

Ялта

Дорогие мои Моисей Семенович и Наташенька!

Братски обнимаю вас, приветствую и безмерно благодарю вас за ваши добрые заботы и дружескую ласку. Здесь теперь наша Веселая Вдова⁴⁸ — Ел<ена> Ив<ановна> — она рассказывает мне о Л<енингра>де, о Генке, о вас, и все вижу «наяву». Мне нынче «повезло», друзья мои: 3 раза переболев пневмонией (даже здесь, в Ялте, я уже ухитрился переболеть ею), я имею жесточайшую бронхиал<ьную> астму (а в Челябинске она осложнялась астмой кардиальной). Здесь мне, слава Богу, несравнимо лучше, но избыть окончательно эту гадость и здесь не удастся. Каждое похолодание, дождливость немедля заявляют о себе. Правда, к счастью, за 2 1/2 м<еся>ца пребывания в Ялте я «имел» только 2–3 дождливых дня и один день «зимы», когда выпал снег и тут же погубил цветущие миндаль и сливы. А как правило, здесь — земной

⁴⁷ Май жестокий с белыми ночами! / Вечный стук в ворота: выходи! / Голубая дымка за плечами, / Неизвестность, гибель впереди!... — Ал. Блок. 1908.

⁴⁸ Видимо, намек на оперетту Ф. Легара «Веселая вдова».

рай! Я ежедневно, конечно, греюсь на солнце и брожу у моря... так это отратно! Но возвращение в Челябинск заранее пугает. Мое доброе начальство даже само предложило мне не возвращаться к 1-му марта (как было «запланировано»), а пробыть еще здесь до 1.IV. В феврале — марте там еще — метели и морозы до -25°C . Итак, я еще блаженствую на юге. Здесь я и не одинок: в прогулках моих меня сопровождает один ленинградский батюшка, 40-летний, молодой еще, начитанный и интересный, но тяжело больной (у него — хроническая пневмония и обширный псориаз на нервной почве) и пенсионер. Каждую зиму он «убегает» из Ленинграда в Ялту. С ним — интересно: в Челябинске я ведь совсем одинок. Жаль мне, что вряд ли в этом году я увижусь с вами, мои дорогие, и побываю в Челябинске. К 1-му апреля я уже должен быть в Челябинске и приступить к службе. А «прогуляв» $3\frac{1}{2}$ месяца зимой, я уже и «морально» не имею права снова просить себе отпуска. И без того ко мне проявлен тахиит доброты и внимания. За все — слава Богу!

Желаю вам, дорогие мои, здоровой весны и доброго, счастливого и теплого лета.

Да хранит вас Бог.

Ваш **Вл. Ал.**

Письмо 15

25.5.1971

Челябинск

Дорогие мои, Моисей Семенович и Наташенька!

Дружески вас обнимаю и сердечно благодарю за добрые заботы. Спасибо вам, дорогие! Да, я снова в больнице: астма душит и сдает сердце. В больнице делают все возможное. Сейчас несколько лучше. Около 1-го июня, вероятно, выпишусь. И тогда, приеду в Ленинград, в надежде, что Геннадий покажет меня какому-нибудь из специалистов по моей астме. А потом, если буду в состоянии, то поеду в Друскеники. Там летом, судя по прошлому году, и не жарко, и не холодно, а уж позднее, ближе к осени, хотелось бы перебраться в Крым, где мне целых $3\frac{1}{2}$ месяца было совсем хорошо.

Искренне желаю вам, мои дорогие, доброго и веселого лета!

С глубоким уважением

Ваш **Вл. Бат.**

Письмо 16

17.IX.1971

г. Челябинск

Дорогие мои, Моисей Семенович и Наташенька!

Рад случаю приветствовать вас и хотя бы мысленно вас обнять.

Уезжая из Челябинска в Астрахань (м<ожет> б<ыть> и совсем, в надежде, что астма-злодейка отстанет от меня там), ходя в последний раз по городу с Геннадием (он прилетел ко мне по вызову: я очень болел), мы вдруг обнаружили в киоске эту книгу⁴⁹. Бегло просмотрев, вижу, что подбор авторов-писателей в ней — увы! — крайне неполон, но, тем не менее, думая, что вдруг да вы еще не приобрели ее для вашего собрания, мы решили с Геной Вам ее послать, как наш дружеский привет из Челябинска. Прощайте, мои дорогие друзья! А м<ожет> б<ыть> еще и до свидания.

Из Астрахани, придя хотя бы в относительный «порядок», постараюсь вам написать. От всего сердца благодарю вас за ваше доброе внимание и дружбу, мои дорогие!

Привет от Гены, который после 25/IX д<олжен> б<ыть> в Л<енингра>де и обещает мне вам позвонить.

С глубок<им> уваж<ением>

Ваш *Вл. Баталин*

Письмо 17

13 июня [1972]

Ялта

Милые Моисей Семенович и Наташенька!

Ради Бога не сердитесь на меня, непутевого, что редко пишу. Все мучит меня злодейка-астма. По прилете из Ташкента (в мае) было прохладно, но живительно-ласково и у моря, и в парках, и даже дома — в комнатке. И мне было совсем возмечталось выздороветь. Снова вернуться к жизни, к службе, к друзьям. Думал уже в начале июня быть у вас в милом городе нашем. А теперь вот опять истомила злодейка: душит ночью, душит в лесу и у моря. Противно быть среди благодушных, отдыхающих людей — как будто всегда влюбленных, веселых, совершенно здоровых (так им весело «ходится» по этой битком набитой набережной!) — а мне — кашлять, дышать из ингалятора и неизбежно

⁴⁹ Название книги не определено.

плеваться от удущья. Вспоминаются последние (самые последние!) годы незабвенного Георгия Ал<ександрови>ча, когда ему вот так же бывало грустно и нехорошо среди нас — здоровых... Все же не теряю надежды быть в Л<енингра>де в июле. Вот только вас-то, конечно, вряд ли я там встречу тогда. Где-то вы будете нынче отдыхать? Вот будь бы я поздравей: забросил бы я «чепчики за мельницу»⁵⁰ и стал бы вместе с вами неутомимым странником по всяким интересным местам, как это вы умеете и как я очень любил когда-то. А теперь мне даже трудно предвидеть: что со мною будет в июле и буду ли я, действительно, в Л<енингра>де? А вдруг да снова — б<ольни>ца, бездна человеческих скорбей и переходы от надежды к отчаянию! Гена собирается за предстоящую зиму (думая, что мы ее будем переживать где-то вместе) сделать из меня «долгожителя» (ха-ха!) с помощью фитонцидо-терапии, которую он (ради меня!) «осваивает» в малые свободные свои передышки и по ночам. Даже жаль парня, что я столько ему приношу забот собою в такое нелегкое для него время! Здесь я тоже, было, начал лечиться травами (у некоего — по-моему, одержимого — профессора ботаники), но он мне — при его «одержимости» и отсутствии знаний в специал<ьной> медицине — не внушает доверия. И «напары» и настои его на ароматных травах пока не производят никакого эффекта (лечусь уже больше 2-х недель). Не обходится без обычных противоастматических средств, иначе — задушит.

Простите, ради Бога, за нытье — жалобы. Сам не любил их, а вот сбиваюсь на этот противный тон. Дай вам Бог здоровья, дружбы и счастья: я твердо знаю, что эта «категория» — счастье совершенно не считается с возрастом, а вот с болезнями ... это — да!

Обнимаю. Жду весточки.

Ваш **В.Б.**

---

⁵⁰ Часть франц. идиомы «Jeter son bonnet par-dessus les moulins» (XVII в.). Буквальный перевод: «бросить свой чепчик за мельницы». Употреблялось, в основном, в отношении к женщинам в значении «пренебрегать правилами приличия, хорошего тона, не уважать мнение окружающих, пуститься во все тяжкие». Выражение часто использовалось в русской литературе. («Положим, я забросила свой чепец через мельницы...» Л. Толстой «Анна Каренина»; часто в очень измененном виде: «Кричали женщины: ура! И в воздух чепчики бросали» А. Грибоедов «Горе от ума»).

Письмо 17

21. XII. 1972

Ялта

Дорогие мои! Сердечно обнимаю вас и поздравляю с праздниками. От всей души желаю радости и здоровья. Всегда вас нежно помню и все еще питаю надежду встретиться на этой «горестной земле». Здоровье мое (вот уже более 2-х месяцев) вполне сносно. Благодаря Бога и трудам моего «маленького доктора» — Геннадия у меня нет удушій и вполне удовлетворительно с сердцем (летом умирал!). Правда, сейчас, в связи с похолоданием и здесь, в Ялте, несколько хуже (дает знать «неисцелимая», видимо, хроническая пневмония), но и все-таки дышу и радуюсь солнышку, морю (зимой оно чаще неласковое, бурное, но и все-таки хорошо!) и каждому доброму человеку. Правда, живем мы, пока, с Геннадием уединенно (нет своей квартиры — ютимся «по углам»), бываем только изредка на концертах музыки, если приезжают гастролеры в театр им. Чехова и у наших, совсем уже стареньких, знакомых Яновых⁵¹ (они вас знают по Георгию Александровичу). Обрадуйте меня, пожалуйста, весточкой о себе: как вы живете, как здоровье и проч.? Что нового в мире литературы и искусств? Мы читаем «Литературную газету» и изредка литературные журналы (но тщетно ищу в них что-нибудь «захватывающее»). Гена кланяется вам, сердечно приветствует. Он — врачом в санатории моряков, много трудится, но говорит, что неинтересно. Мне жаль его, что он оставил Ленинград. Но с его стороны это очень благородно: ведь я погибал. Спасибо ему! Крепко обнимаю. Желаю радоваться.

Ваш **В. Баталин**

Письмо 18

Дорогие мои, Моисей Семенович и Наташенька!

Сердечно приветствую вас с праздниками, желаю радости и здоровья. Я и Геннадий всегда Вас тепло помним. Я и молюсь о вас в моем недостойнстве. От души хотим, чтоб было вам хорошо — «въ семь вѣцѣ»

⁵¹ Сестры Яновы (Елена Филипповна, Софья Филипповна, Анна Филипповна) — известная в Ялте и не только там семья. Их дом был наполнен духовной аурой, и в нем бывало много интересных людей — по свидетельству знавших этот дом — до 200 человек в месяц. В частности, постоянным гостем во время приездов в Ялту был певец И.С. Козловский. Я, единожды, к сожалению, была в доме Яновых, говорила с Еленой Филипповной,

и въ будущѣмъ»⁵² ... Мечтаем даже и встретиться еще здесь «на горестной земле»⁵³. В Ялте нынче весна необычно прохладная, ветреная. Хотя все в цвету и благоухает. Но ...я простудился! В общем-то очень хорошо! Гена работает, я бездельничаю, лечусь. Одно плохо — нет «гнезда»: квартиру Геннадию не обещают и в этом году. Ютимся «в углах». Но оптимизма не теряем. Надеемся на будущее. Приветствуем вас Пасхальным целованием.

Ваши *Вл. Баталин и Ген. Тимофеев*

Пасха 1973

Письмо 19

[ноябрь] 1974

Дорогие, Моисей Семенович и Наташенька!

Крепко обнимаю вас и желаю от всего сердца радоваться в добром здоровье. Всегда вас тепло помню и рвусь в мой милый Л<енингра>д. Но — увы! — моя астма пока исключает всяческие вояжи! Чаше мне (здесь) хорошо, но, бывает, и задыхаюсь. Хорошо, что рядом — Геннадий, мой добрый «маленький доктор». А теперь еще и присутствие Елены Ивановны скрашивает жизнь... Очень хочу знать о вас, как вам «живется-можется».

Ваш *Влад. Ал.*

Письмо 20

[декабрь] 1974

Дорогие Моисей Семенович и Наташа!

Сердечно поздравляю вас с праздниками. От всей души желаю радости и здоровья. Всегда тепло и благодарно вас помню. Увы, не могу похвалиться здоровьем. Незаметно часто простужаюсь, и тогда — постель. Все

которая поразила меня остротой своего ума и знаниями. До сих пор горжусь, что она сравнила меня с Еленой Сергеевной Булгаковой, определив меня как «тип тургеневской женщины».

⁵² Со старославянского: «в этом веке и в будущем».

⁵³ См. прим. № 9, письмо 1.

это надоело, но головы не вешаю. Гена — со мной, не женат, ждем, наконец, квартиру (однокомнатную, конечно). Рад буду весточке от вас.

Влад. Ал.

Храни вас Бог!

Письмо 21

10 февр. 75

Ялта

Дорогие Моисей Семенович и Наташенька!

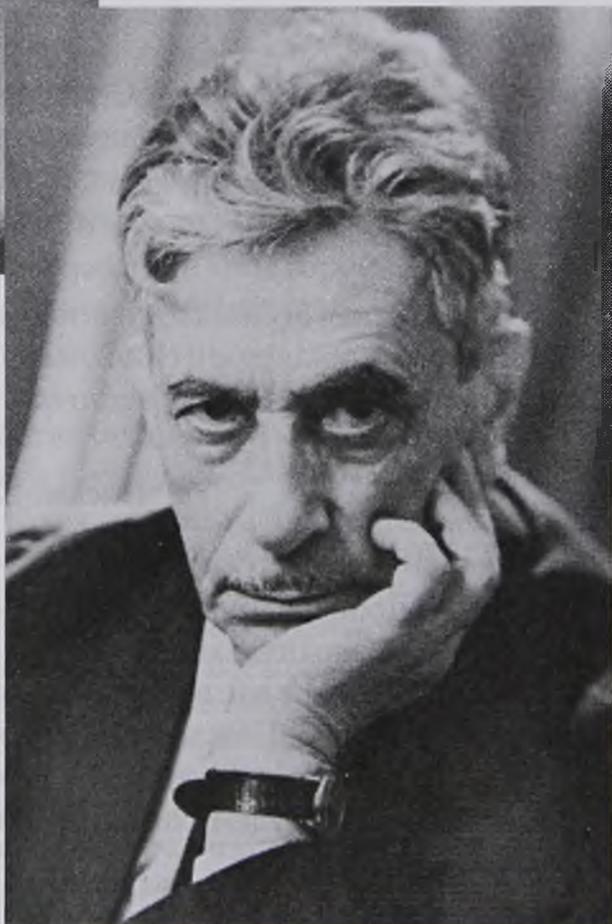
Сердечно приветствую вас и благодарю за доброе внимание. Своевременно получил ваше новогоднее поздравление и несказанно был рад «Рождественской звезде»⁵⁴ Б.Л. Пастернака. В свое время она была у меня в памяти, но вот с годами забыл и с радостью воспринял ее заново, как драгоценный Дар и от ушедшего⁵⁵, и от Вас, дорогой Моисей Семенович! Всегда Вас и Наташеньку держу у сердца и — увы! — уже отчаиваюсь побывать в миллом Ленинграде. Астма и здесь, в Ялте, часто душит меня, а как только выезжаю отсюда, так она начинает душить невыносимо — что называется, до «смертного одра» дохожу. Спасибо еще дорогому «моему маленькому доктору» Геннадию: он всячески «изощряется» помочь мне и как-то (не без Божьей помощи, конечно) выводит меня из тяжелого состояния. Неизбежно, конечно, к астме (и бронхиальной) присоединяется еще и сердечная астма, и гипертония. Но теперь вот снова — «ремиссия» (пора просветления), нет удуший, подкрепилось сердце, и я снова радуюсь и щедро му крымскому солнцу, и синему морю, и чайкам над ним. Трудно вам поверить, вероятно, что мы даже с Яновыми и Еленой Ивановной здесь видимся чрезвычайно редко! Все трое (вернее «три дома» наших) живем на разных довольно высоких горках (Яновых мы даже прозвали: «наши старушки на горке»), и вот для нас, т<o> е<сть> Ел<ены> Ив<ановны>, Яновых и меня, горки «неодолимы» по подъему — поэтому и встречаемся редко, тем более что и телефонов у них нет (только у нас с Геней, у хозяев: 2-29-69). А тут еще — грипп. На днях переболела Янова Елена Филипповна. Гена-то, конечно, ежедневно посещал ее после своих работ, а мне было «противопоказано». И об Елене Иван<овне> давно не слышно, не больна ли она? Гена обещает забежать к ней. Январь стоял «летний» (точно наш,

⁵⁴ Стихотворение из романа Б. Пастернака «Доктор Живаго» (1957).

⁵⁵ Т. е. Б.Л. Пастернака (1890–1960).

Н.Г. Князева

М.С. Лесман

российский, октябрь погожий!), а вот в феврале похолодало. Но ведь в конце февраля здесь уже цветет розовый миндаль! А у вас еще до всего «такого» далеко... Было бы здоровье! Как у вас проходит зима, дорогие Моисей Семенович и Наташенька, как «живется-можется»? Знаю, что, когда здоровы, то всегда живете *интересно*, насыщено. А мы с Геной все еще без квартиры. Не налажен быт и никак, можно сказать, еще не налажена и духовная сторона. Все — в надеждах. Хотелось бы очень, чтобы у Геннадия наладилась *хорошая*, интересная жизнь! Привет от него вам сердечный. Он — настоящий врач по своему «настрою»: отзывчивый, беспокойный, забывающий о себе. Много над собой работает. Я рад за него. Желаю вам от Бога радости и здоровья. Всегда тепло помню.

Ваш *Вл. Ал.*

Письмо 22

IV.75

Ялта

Дорогие, Моисей Семенович и Наташенька!

Торжественно и нежно вас обнимаю и приветствую с праздником весны и цветов. Пусть их аромат благоухает наши души надеждой на все самое лучшее и красивое. Будем здоровы и радостны! Всегда вас держу у сердца.

Ваш *Влад. Ал.*

P.S. Здесь такая весна! Не хочется кашлять, задыхаться и вообще... стареть. А море спокойное и синее, как в детском сне. Храни вас Бог! От Гены сердечный привет. Жду весточки.

Письмо 23

05.01.1976

Ялта

Дорогие мои Моисей Семенович и Наташа!

Сердечно поздравляю вас и от всей души желаю радоваться в добром здоровье. Жду от вас весточки — как «живется-можется»? Всегда вас держу на сердце. Пожал<уйста>, пишите. Я живу «по-зимнему»: боюсь простуды и трудно дышу, но тонуса не теряю. Жизнь — это такой «Дар бесценный»! Будем жить и надеяться. Храни вас Бог. От Гены сердечн<ый> привет.

Ваш *Влад. Ал.*

Письмо 24

22.X.1976

Ялта

Ах, дорогой Моисей Семенович!

Спасибо Вам. Как Вы хорошо меня встревожили и взволновали добрым дружеским Вашим письмом. Уж давно-давно я не садился за стол. Да и обстановка, говоря прямо, не из благоприятных. Одна комната, набитая вещами — пустяками настолько, что и столика для письма поставить было некуда. А тут целое лето — друзья и «родичи» из разных мест Сов<етского> Союза. Не поверите — буквально с июня, включая сентябрь, по 4–6 и даже, бывало, и 10 человек. Конечно, оживленно-весело (публика приехала отдохнуть-развлекаться!), но ни подумать, ни написать о чем-нибудь, казалось, было и немыслимо. И вот — октябрь, пасмурный и преждевременно (для Ялты-то!) прохладный. Почти опустела Ялта — пусто и тоскливо и у нас. Гена с утра до ночи на работе в своем санатории, и я один. Правда, с похолоданием и сменой погоды и меня чаще душит. Но все-таки ведь живу же пока что, слава Богу! Перечитываю милых сердцу классиков, почитываю периодику и все, что попадет под руку. А как возвращается Гена — «телик», ну, конечно, и музыка (через проигрыватель), — и течет-течет неумолимое время. Кстати, замечают ли все пожилые, что «к вечеру» Телега жизни⁵⁶, действительно, мчится неудержимо-стремглав «под гору»? Не успеваешь ничего существенного-нужного для ума и сердца сделать, как промчался день — месяц — год. Я в отчаянии от этого. И вот — Ваше милое вразумляющее письмо: «Пишите!» О, конечно же, конечно, надо писать. Ведь ничего и ни о чем, действительно, не рассказано и не написано, а уже «горизонт в огне и ясен нестерпимо»⁵⁷! И там — «закат, закат»⁵⁸. Я по-хорошему взволновался, дорогой Моисей Семенович, получив Ваше доброе письмо, даже ночью не поспалось: «Вобла вообра-

⁵⁶ Аллюзия на стихотворение А. Пушкина «Телега жизни».

⁵⁷ «Предчувствую тебя. Года проходят мимо, — / Все в облике одном предчувствую Тебя. / Весь горизонт в огне — и ясен нестерпимо, / И молча жду, — тоскуя и любя». — А. Блок. Стихи о Прекрасной Даме. 1901.

⁵⁸ «Я вглядывался в строки, как морщины / Задумчивости, и часы подряд / Стояло время или шло назад. / Как вдруг я вижу, краскою карминной / В них набрано: закат, закат, закат. Как нитки ожерелья, строки рвутся, И буквы катятся, куда хотят». — Б. Пастернак. За книгой. 1931.

жения»⁵⁹ и воспоминаний теснилась в сердце и в голове. И сегодня встал с решимостью: спешить, спешить что-то начать и сделать. Правда, предстоят, очевидно, в ближайшие же недели новые хоз<яйственные> хлопоты: кажется, Гене дадут, наконец, 2-ю комнату, а м<ожет> б<ыть> (счастье!), и отдельную квартиру. Хлопоты предстоят «грандиозные», но зато в результате их у меня м<ожет> б<ыть> отдельная келия, где уж непременно будет и стол-«Престол»⁶⁰ (по М. Цветаевой) и бумага и проч<ее> под руками. Вот тогда-то уж! ...Но даст ли Бог здоровье и все остальное? Да будет Его Св<ятая> воля... Кажется, я говорил Вам как-то, что однажды покойная Шапорина Любовь Вас<ильевна> передала мне просьбу незабвенной А.А. Ахм<атов>ой написать для нее все, что я знал и помнил о Ник<олае> Ал<ексеевиче> Клюеве. Я это сделал, как умел, и А.А. сказала Любовь Вас., что ей это понравилось и она оставила у себя. Увы, у меня не осталось (по обычной «лагерной»⁶¹) привычке черновика, как, впрочем, нет черновика и из воспоминаний о В.В. Передольском и всего прочего (сколького, увы!) написанного за эти годы. Поэтому мне и хотелось бы в первую очередь о бедном Н.А. Клюеве и еще о многом пережитом. Начну, начну непременно, если Бог поможет. А о том, как, заваленный 3-дневным колымским снегопадом, в землянке, обреченный (так казалось) на неминуемую смерть, я, подметая земляной пол, нашел вдруг (!) листок из ж<урнала> «Новый мир» за 1937 год с подборкой стихов А. А. Ахматовой, — это я теперь в подробностях представляю, «заново живу» всем тем — далеким и неизбывным и даже решил, что заголовком к этому будет: «У меня сегодня много дела. Надо память до конца убить: надо, чтоб душа окаменела. Надо снова научиться жить»⁶². Эти стихи (в «Реквиеме» названные «Приговор») как раз (представьте!) и были напечатаны в «подборке», как и еще более «рискованное»: «Нет, это не я страдаю — это кто-то другой. Я бы так не

⁵⁹ «...и тихо барахтается в тине сердца глупая волба воображения...» — В. Маяковский. Облако в штанах. 1915.

⁶⁰ Стол. «Столп столпника, уст затвор — / Ты был мне престол, простор ...». — М. Цветаева. 1933.

⁶¹ См. сноску 2 к вступительной статье публикации.

⁶² Подборка стихов А. Ахматовой, приводимых В. А., была, исключая «Нет, это не я страдаю...», напечатана в журнале «Звезда» в 1940 г. «У меня сегодня много дела: / Надо память до конца убить, / Надо, чтоб душа окаменела, / Надо снова научиться жить» — А. Ахматова. Requiem. 1935–1940.

могла. А то, что случилось, — пусть черные сукна покроют, и пусть унесут фонари ... Ночь»⁶³.

Вот об этом я и хочу начать в первую очередь. И потом — уж, пожал-л <уйста>, разрешите! — пошлю Вам. И все, что смогу. Можно?

Крепко, дружески Вас обнимаю. Обоих вас с Наташенькой всегда «держу у сердца» и молюсь о вас, как могу, в моих убогих «воздыханиях». Сегодня же написал и (наконец, одно <письмо> за все пронесшееся лето!) нашей вдовствующей и дорогой Елене Ивановне. Чую, она *ненавидит* меня за этот «беспорядок» в моей стариковской судьбе. От Гены сердечный привет.

Храни Вас Бог.

А если встретитесь с Серг<еем> Ал<ексеевичем>⁶⁴ — непременно мой самый наисердечнейший привет и любовь моя.

Ваш несобранный старик **В.А. Баталин**

P.S. Ну, и конечно же, мне очень хочется узнать о Вашем здоровье, о проведенном лете (где? и как?), о Ваших планах (всегда интересных и *живых*)? Как Наташенька?

Будьте же непременно и здоровы и *живы* сердцем!

В.

Письмо 25

Декабрь 1976

Ялта

Дорогие мои Моисей Семенович и Наташенька!

Сердечно поздравляю вас и от всего сердца желаю радости и здоровья. Всегда душевно помню. Наша «квартирная эпопея» все еще ничем не закончилась, и мы в большом «неуюте». Геннадий (от него — самый сердечный привет вам) много нынче трудится — я совсем мало вижусь с ним. И все о чем-то хлопочу и беспокоюсь. Без толку.

Как-то вам «живется-можется»? Рад буду весточке. Храни вас Бог. С глубок<им> уважением.

Вл. Баталин

⁶³ «Нет, это не я, это кто-то другой страдает. / Я бы так не могла, а то, что случилось, / Пусть черные сукна покроют, / И пусть унесут фонари... / Ночь». — А. Ахматова. Requiem. 1935–1940.

⁶⁴ Сергей Алексеевич Желудков (о. Сергей). Священник, жил и служил в г. Пскове. Автор самиздатовской книги «Почему я христианин». В каждый свой

Письмо 26

Май 1977

Ялта

Дорогой Моисей Семенович!

От всего сердца поздравляю Вас и Наташеньку с праздниками весны. Желаю самого главного теперь в нашей жизни — здоровья. А вместе с ним — радости, дружбы и, конечно же, всяких удач. Всегда Вас душевно помню. И немного «боюсь» Ваших справедливых упреков в лености и проч<ем>. Часто болел зимой⁶⁵. И весной мне немного получше. Надеюсь на теплое лето и прочие радости. А пока в Ялте прохладно и не верится, что это в Ялте такой май! Ну, будем надеяться, верить и ... жить. От Гены сердечный привет.

Ваш *Владим. Алексеев*.

Письмо 27

Мои дорогие! Моисей Семенович и Наташенька,

Вас сердечно поздравляя,
от души я вам желаю,
чтоб в грядущий Новый год
упасть от всех невзгод.
Чтобы Счастье и Успех
Вас порадовали всех.
Чтоб над вашим изголовьем
Сторожил вас Друг — *здоровье*.
И живите *много* лет!

Ваш болящий старый дед — Владимир Алексеевич.

Новый 1978-й

г. Ялта

приезд бывал в нашем доме, встречался и с Владимиром Алексеевичем. Несмотря на некоторые расхождения в религиозных положениях, они никогда не ссорились и вели вполне дружеские разговоры, полные взаимоуважения.

⁶⁵ Очевидно, к этому периоду относится недатированное письмо внучатого племянника В.А. Баталина Геннадия Тимофеева: «Моисей Семенович и Наталья Георгиевна! Сердечно поздравляем вас с чудесным праздником новолетия. Желаем вам доброго здоровья и всего самого наилучшего. Дедушка сам написать не смог — вновь пневмония. Очень сдают силы. Трудно порой подниматься. Часто вспоминает вас. Когда узнал, что я пишу поздравления — несколько раз напомнил, чтоб я не забыл вам написать. Всего вам доброго — дедушка и я».

Письмо 28

[апрель]

Дорогие Моисей Семенович и Наташенька!

От всей души приветствую вас с Праздником Праздников — праздником Весны и лучших Надежд. Пусть они сбудутся, эти надежды всего человечества. Всегда вас «держу у сердца» и сердечно желаю радости и здоровья. О, как нам бы хорошо было, если б здоровье нам «улыбалось». Увы, не могу похвалиться. Впрочем, это так неизбежно и «естественно». Ел<ена> Иван<овна> гостит в Ялте. Подарила мне вырезку из газеты со ст<атьей> «Собиратель»⁶⁶. Радуюсь за Вас, что Вы энергичны, деятельны... «Так держать!» Дорогой! Храни Вас Бог.

Ваш *Вл. Ал.*

Пасха, 1978

Письмо 29

7.V.1978

Моисей Семенович, дорогой друг!

30 IV в 23.30 м<инут> скончался наш незабвенный, милый, скромный Владимир Алексеевич — архимандрит Всеволод.

Ничто не предвещало такого внезапно-близкого конца. Как я приехала, он был на ногах, немного грустный и усталый. Почти ежедневно в храме, строго постился да еще навещал больных. Ждал Пасхи.

В субботу 29.IV он служил утром с 8 до 12 дня, а затем заутреню с 10 веч<ера> до 3 час<ов> утра. Лег отдохнуть в 5 час<ов>.

Звонил нам, звал к себе и на кладбище. Мы — я и Елена Филип<овна> — сперва возымали желание встретиться и немедленно, взяв такси, ехать к нему в 2 ч<асам> дня, договорились. А затем она почувствовала себя плохо, легла и попросила меня извиниться, перезвонив ему. То был последний мой разговор с ним.

Он очень поскорбел, что мы не едем к нему, сказав, что он уже готов был к приему таких почтенных и требовательных дам. Мы пригласили его к себе к 4 ч<асам> дня на обед, на котором будет 12 чел<овек> ему знакомых, приехавших в Ялту на праздники.

⁶⁶ Речь идет о статье о М.С. Лесмане: Ерыкалова И. Собиратель. // Смена. 1978. 5 янв.

Так как он ждал к этому времени гостя из Перми и, прося разрешения прийти с ним и Геннадием в тот же час на завтра (1/V), мы мирно и радостно распростились «до завтра»... Он дождался гостя и с ним к 5 час<ам> дня пошел в храм на вечерню. Мы занялись встречей гостей из Севастополя, Феодосии, Симферополя, Харькова и Днепропетровска, помимо своих местных. Все были моложе нас, и все спрашивали, почему нет с нами о. Всеволода. Праздник прошел оживленно и радостно. К 10 час<ам> веч<ера> все разъехались, а мы так устали, что решили скорее ложиться, к тому же у нас 5 чел<овек> осталось ночевать.

Я только что задремала, как сквозь дремоту слышу в другой комнате громкий голос Е<лены> Ф<илипповны> — умер дедушка, звонит Геннадий, только что, ну 5–7 мин<ут> тому назад.

Умер на руках гостя, Гена делал уколы от приступа астмы. Приехала «скорая», но сделать что-либо не успели, даже он, о. Всеволод, успел между вздохами только три раза сказать «Господи помилуй!»

Перед этим он весь вечер был дома среди своих, был ровен, ни на что не жаловался, радостный и ласковый, только немного бледный...

Всю ночь мы, конечно, не спали, бесконечно звонил телефон к нам и от нас. Утром рано поехали к нему, но в 5 утра прибыло духовенство, и его облачили по полагающему<ся> монашескому чину. У него давно уже все было приготовлено на смерть и крупным почерком написан чин одевания монаха. Предусмотрено *буквально* все.

3/V — было погребение. Хоронил его весь город. Церковь все расходы взяла на себя. Могила его утопает в цветах, она в 2-х шагах от м<атушки> Рафаилы⁶⁷, где мы все с ним 12 и 18/IV в день ее памяти возлагали цветы и молились.

Все эти дни я на ногах кручусь, как белка в колесе, 4 мая весь день у Гены, наехало много друзей на похороны, 5/V — день ангела о. Всеволода, вчера Г<еоргий> Ал<ександрович>.

Сейчас проснулась в 6 ч<асов> ут<ра> и решила скорее писать Вам. Сегодня надо в храм, а затем провожать одних, устраивать других — завтра 9-й день кончины о. Всеволода, а мне с 30/IV нет секунды для себя. Помощников у Гены оказалось много, но такая бездарь, я только вчера узнала, что моя телеграмма Вам в числе 47 — не отправлена была 1/V. «Почему?» — я спросила дурака, которому поручалась почта. «А

⁶⁷ Матушка Рафаила — сестра Е.Ф. Яновой, монахиня.

зачем, он же не придет?» — «Во-первых, ты не знаешь, кто придет, а во-вторых, твое дело не рассуждать, а выполнять...». Короче, кто много делает, тому и попадает, но я к этому отношусь по-своему. Энергично и решительно приказываю. Устала ужасно, о своей обстановке не пишу, здесь горько и трудно. Тяжело больна и вторая Е<лена> Ф<илиповна>. Всегда слабая. Обе не знают, что в дом пришел «господин рак». Все знал о Всеволод.

Грустно, грустно кругом. Кроме солнца и моря. Одно хоть мне светит, и другого я пока не вижу. Некогда.

Звонит телефон. Бегу. До свидания. Привет Наташе.

Е. Степанова.

P.S. Сумбурно. Прошу извинить.

Сокращения имен в письмах

Степановы

Елена Ивановна — Ел. Ив.; Елена Иван.; Ел. Иван.

Георгий Александрович — Георг. А.; Георг. Ал-ч; Г. Ал.; Георгий А-рович.; Георг. Ал.; Г. Ал.

Янова Елена Филипповна — Е. Ф.; Елена Филип.

Баталин Владимир Алексеевич — В. Б.; Вл. Баталин; В. Баталин; В. А.; Вл. А.; Вл. Б.; Вл. Ал.; Влад. Ал.; Владим. Алексеев.; Влад. Баталин.

Ахматова Анна Андреевна — А. А., АА; А А; АА Ахм-а.

Шапорина Любовь Васильевна — Любовь Васил.; Люб. Вас. Ш.; Любовь Вас.

Тимофеев Геннадий — Ген.; Гена.

Желудков Сергей Алексеевич — Серг. Ал.

Ленинград — Л-д.

Кашевская Наталья Константиновна — Нат. Конст. Кашевская.

Клюев Николай Алексеевич — Ник. Ал. Клюев.

По следу «Семейной хроники»

(К 80-летию со дня рождения А.К. Михайленко)

То, что мы привычно называем «краеведением», российский историк С.О. Шмидт однажды определил как «действенное краелюбие», подчеркнув важнейшую особенность этого занятия: в нём исследование непременно окрашено личным отношением, чувством. В том, что эта характеристика безукоризненно точна, не усомнятся знавшие краеведа Александра Константиновича Михайленко (25 августа 1932 — 7 августа 2003).

Александр Константинович, уроженец Берёзова, потомственный сибиряк, в 20-летнем возрасте был до конца своей жизни оторван от родины, хотя получил в Тобольском рыбопромышленном техникуме профессию вполне сибирскую. Но стране в 1952 году нужны были военные кадры, и его со студенческой скамьи сразу же пересадили на курсантскую — в Кемеровское военное училище связи. А потом он уже служил там, куда его посылали, но всё далеко от Сибири, и в Берёзово за годы службы приезжал только дважды. И всё же разлука длиною почти в целую жизнь не разорвала душевных струн, Александр Константинович вёл переписку с родными, с друзьями и от них, а также из газет и книг узнавал, чем живёт родной край.

В 1990 году, живя в г. Западная Двина Тверской области, он вдруг оказался в центре одного интересного и важного дела, затеянного берёзовскими краеведами. Библиотека Берёзова, одна из старейших на западносибирском Севере, готовилась отметить своё 90-летие и искала материалы об одном из организаторов общественной библиотеки, открытой в год 100-летия со дня рождения А.С. Пушкина, — инспекторе местных училищ Фёдоре Филипповиче Ларионове¹. (1) В Берёзове знали, что он — автор сочинения под названием «Семейная хроника»,

¹ Ларионов Фёдор Филиппович (1876–1951) — педагог, выпускник Омской учительской семинарии. В 1897–1903 гг. — учитель русского языка в Берё-

по-видимому, ценного источника информации о жизни города и края в конце XIX — начале XX в., и что искать этот труд нужно либо в Ленинграде, где прошли последние годы жизни Ларионова, либо в Москве, где жили его внуки. И директор районной библиотечной системы Галина Васильевна Захарова, узнав адрес Михайленко, решила обратиться к нему: вдруг да поможет отыскать «Семейную хронику»?

Это обращение имело действие спускового крючка. Интерес Александра Константиновича к родному Берёзову, его истории вдруг приобрёл практический смысл, стал пружиной энергичной поисковой деятельности. Завязалась переписка не только с библиотекой, но и с краеведческим музеем, старожилами.

Ничего не знавший прежде о Ф. Ф. Ларионове и «Семейной хронике», Михайленко, навещая в Ленинграде дочь, попутно разыскал внучку Ф. Ф. и М. А. Ларионовых² Галину Леонидовну Константинову³, прочёл имевшийся у неё экземпляр «Хроники» и поставил себе задачу помочь березовским краеведам приобрести текст этих интереснейших воспоминаний, имевших весьма значащий подзаголовок «Материалы к истории культуры Западной Сибири». «Семейную хронику» Ларионов начал писать осенью 1943 года. Заканчивая свой труд в первые дни 1949 года, он так обращался к будущему читателю:

«Мне кажется, что рассказ о длинном пути, пройденном мною от крестьянского мальчика, выросшего в сибирской деревне в глухое царское время, до преподавателя и научного работника педагогического института в советское время, может представить интерес не только для членов моей семьи, но и для более широкого круга людей, особенно для специалистов по истории культуры Западной Сибири. Проживая в раз-

---

зовском уездном училище. В 1903–1905 гг. учился на естественном отделении физико-математического факультета Петербургского университета. В 1906–1914 гг. — учитель, инспектор Берёзовского трёхклассного городского училища. С 1914 по 1940 г. — на педагогической работе в Тюмени. Занимался краеведением. Сыновья — Леонид и Вячеслав.

² Ларионова Мария Андреевна (1883–1958) — дочь обдорского рыбопромышленника А. С. Протопопова. Окончила Тобольскую Мариинскую женскую школу. Разделяла краеведческие интересы мужа.

³ Константинова Галина Леонидовна — дочь Леонида Фёдоровича Ларионова (1902–1973), онколога, профессора, лауреата Государственной премии (1951) за открытие противоракового препарата.

личных городах Западной Сибири, начиная от Омска и кончая Обдорском (теперь Салехард), я имел возможность присматриваться к быту населения, особенностям климата и природы этих мест. Всё это я стремился отразить в своей работе».

Почти половину двадцатого столетия «Семейная хроника» пролежала не только неопубликованной, но и практически никому не доступной, кроме родственников. Путь к читателю ей открыл А.К. Михайленко. Он взял у родственников автора под расписку текст воспоминаний, его жена Людмила Николаевна перепечатала его — и «Семейная хроника» прибыла в Берёзово.

Объёмистый труд в несколько сотен страниц состоял из двух частей: в первой описаны история семьи, детство и юность автора вплоть до окончания им Омской учительской семинарии и начала педагогической деятельности в Тобольском уездном училище, во второй — главным образом, жизнь в Берёзове.

В начале 1990-х гг. через руководителя Берёзовского историко-культурного центра Ираиду Даниловну Шабалину⁴ рукопись попала в редакцию журнала «Югра». Как раз в это время было начато издание серии небольших книжек «Библиотечки» журнала. Выпустить «Семейную хронику» в полном объёме редакция, конечно, не имела возможности, и в 1993 г. вышла только её вторая — березовская — часть.

Через несколько лет отыскалась третья, заключительная, часть «Семейной хроники», составленная из переписки Ф.Ф. и М.А. Ларионовых с бывшим учеником Березовского городского училища В.И. Таскаевым⁵ и воспоминаний о Фёдоре Филипповиче некоторых его учеников и педагогов. Фрагмент её опубликован в 2002 г. во втором выпуске настоящего альманаха под заголовком «Вновь обретённый учитель».

Спустя пять лет, в седьмом выпуске «Подорожника» увидел свет опущенный при публикации 1993 года отрывок второй части — воспоминания Марии Андреевны Ларионовой «Девочка Маша» о детстве, прошедшем в Обдорске, и учёбе в Тобольской Мариинской женской школе. Первая же часть, представляющая собой богатое живописными подробностями

⁴ Шабалина Ираида Даниловна (р. 1955) — краевед, в 1988–1990-е гг. — директор Берёзовского филиала окружного краеведческого музея, директор историко-краеведческого центра в пос. Берёзово.

⁵ Таскаев Василий Иванович (1898–1986) — березовский краевед.

ми неспешное повествование о жизни мальчика Феди в селе Каргатский Форпост Каинского округа Томской губернии, куда прадед автора переселился из Смоленской губернии ещё в конце XVIII века, и на заимке среди щедрой южносибирской природы, своём раннем сиротстве, детском труде в поле, на сенокосе и пастбище, о быте деревенского мира, церкви и кабаке, кулачных боях и мирных посиделках и многом другом (авторский подзаголовок к «Семейной хронике» имеет здесь полное подтверждение), полностью нигде ещё не печаталась. Но обширные отрывки из неё опубликованы в 9 и 10-м номерах «Подорожника».

Хочется надеяться, что когда-нибудь «Семейная хроника» будет наконец издана полностью одной книгой, она стоит того, и решающая предпосылка для этого создана А.К. Михайленко ещё два десятка лет назад.

В 2003 г. Александр Константинович умер в г. Западная Двина Тверской области, но его архив сохранился, был привезён в Ханты-Мансийск и передан в фонд музея Природы и Человека. Как документальный источник по истории Берёзовского края он представляет серьёзный интерес. Особенно обогатился он в последнее десятилетие жизни Михайленко в результате интенсивной переписки. В архиве, в частности, содержатся сведения о старожильческих родах Добровольских, Кузьминых, Нижегородцевых, Никитиных, Новицких, Оболтиных, Первовых, Силиных, Фофановых, Щепёткиных, об улицах и домах Берёзова, материалы к коллективной «Летописи Берёзова», которую Михайленко предложил вести в своём обращении к берёзовцам в 1995 г., и для рубрики «Краеведение для малышей», которую он вёл в берёзовской газете «Жизнь Югры», письма к нему Г.В. Захаровой, И.Д. Шабалиной, С.В. Алексеевой, В.Ф. Барановой, В.И. Елфимова, Л.Д. Рязанцева, Р.П. Гураловой, В.Н. Ксенофонтовой и др. и черновики писем к ним А.К. Михайленко, автобиография, личные воспоминания, записки, родословная семьи и другие документы.

Александр Константинович сочетал в себе, что редко случается, два важных качества краеведа-исследователя: страстность и придиричливость к достоверности сообщаемого. При наших встречах в Тобольске, в Берёзове я видел, как пристрасно и дотошно выспрашивал он своих собеседников, допытываясь истины хоть за праздничным столом, хоть посреди улицы. Свою статью «Новицкие» в газете «Жизнь Югры» 23 июля 2002 г. он закончил такой характерной для него настойчивой и убедительной просьбой: «Очень хотелось бы, чтобы люди охотнее отвечали на подоб-

ные запросы, ведь это не личный интерес, а попытка воссоздать порой уже почти утраченную историю чьей-либо жизни и жизни в целом нашего Берёзовского края. Буду признателен всем, кто откликнется на мою публикацию, поправит меня, внесёт уточнения и дополнит её».

С разрешения музея для первоначального знакомства с персональным фондом А.К. Михайленко ХМ 9996 публикуем отрывки из нескольких писем 1990–1991 гг., когда шёл поиск возможностей приобретения для Берёзова «Семейной хроники». Они открывают нам Александра Константиновича Михайленко как незаурядного краеведа, глубоко честного и ответственного за каждое своё слово. Читаешь их, и невольно думается, что именно в историческом исследовании, а не в профессии технолога рыбопромыслового дела и тем более — военного связиста было его истинное призвание.

Из письма А.К. Михайленко к Г.В. Захаровой

17.05.90 г.

Теперь главное, о чём Вы пишете. Об основателе общественной Берёзовской библиотеки Фёдоре Филипповиче Ларионове. К сожалению, о нём я никогда ничего не слышал и не знаю. Беда всех нас в том, что чувства любви и интереса к своему родному краю приходят к нам слишком поздно. И, как обычно, многие, кто бы ещё мог рассказать о прошлом, уходят из жизни. А спросить было у кого. [...]

...Что бы я мог? Я часто бываю в Ленинграде. Буду в июле. Мог бы зайти к тем родственникам Ф.Ф. Ларионова, которым Вы писали. Напишите мне их адреса и кто там живёт, заодно и московский адрес. Надо попробовать. Такой важный документ, как Берёзовскую семейную хронику, терять из виду нельзя.

Из письма А.К. Михайленко к Г.В. Захаровой

27.07.90 г.

Уважаемая Галина Васильевна!

...Раньше я Вам писал о намечаемой мной поездке в Ленинград в июле и о том, что сделаю попытку разыскать кого-либо из родственников Ларионовых Ф.Ф. и М.А... Могу обрадовать — есть кое-какой ре-

зультат. Встретился с внучкой Фёдора Филипповича Ларионова Галиной Леонидовной Константиновой. [...] Был я у неё дважды. В первый день был всего минут тридцать... На другой день поговорили обо всём более обстоятельно. По ходу я делал для себя необходимые пометки. Съездили вместе на кладбище. Кладбище — Серафимовское. [...]

...Я представился как выполняющий поручение библиотеки и музея села Берёзова Тюменской области. Показал ей фотографию семьи Ларионовых, переписку, рассказал о приближающемся 400-летию Берёзова, о материалах в музее и библиотеке, посвящённых березовскому просветителю и основателю библиотеки Ларионову Фёдору Филипповичу. И она засветилась. На другой день была уже совсем другим человеком. Если до этого она просто хранила в куче какие-то бумаги, в основном об её отце Леониде Фёдоровиче и кое-что о своём дедушке, то теперь она поняла, что всё это нужно. И нужно не только ей, а людям, там, далеко, где когда-то жил и работал её дед. Оживилась, загорелась желанием посильных для неё поисков, желанием помочь нам всем, чем она сможет, и, наконец, желанием принять участие в праздновании 400-летия Берёзова. Готова даже, если это будет нужно, выступить в Берёзове с докладом. Вот такое произошло изменение с человеком.

[...] Относительно хроники. Один экземпляр из 1-го и 2-го томов (без 3-го и фотографий) хранится в Ленинграде у невестки Галины Леонидовны для праправнука Фёдора Филипповича Никиты. Один полный комплект (все три тома и фотографии) есть в Москве у родного брата Галины Леонидовны Вячеслава (1937 г. р.). Где все остальные — ей неизвестно. Возможно, в Москве у Олега или Игоря, внуков Фёдора Филипповича (сыновей Вячеслава Фёдоровича)⁶. На моё предложение приобрести нами для Берёзовского музея один подлинный и полный экземпляр хроники Галина Леонидовна ответила отрицательно, предложив пока только копию, которую может сделать на ксероксе. Договорились, что в сентябре она будет в Москве и там всё точно узнает и попытается взять у Вячеслава хронику. Если это ей не удастся, она свяжет меня с ним. Её беспокоит сохранность хроники у брата, т. к. человек он для истории опасный. Он уничтожает всё, что только можно. Галина Леонидовна го-

⁶ Ларионов Вячеслав Фёдорович (1903–1975) — зоолог, доктор наук, заведовал зоологической станцией при Московском университете и кафедрой зоологии Всесоюзного института сельского хозяйства.

ворит, что он после смерти у них в Москве Марии Андреевны, а потом и родителей, уничтожил все остававшиеся бабушкины бумаги. А ведь там были, по всей видимости, все письма Таскаева к Ларионовым и другие бумаги и материалы, которые готовила Мария Андреевна к 4-му тому хроники «25 лет жизни». Это годы их жизни и работы в Тюмени. Галина Леонидовна говорит, что в уничтоженном были и письма молодости Фёдора Филипповича и Марии Андреевны из их переписки. Дикое и непростительное варварство. Договорились с Галиной Леонидовной о поддержании постоянной связи через переписку и телефонные разговоры. Номер телефона у меня её есть. Правда, в отношении переписки она меня предупредила сразу, что на письма она обычно не отвечает. И что рассчитывать нужно в основном на телефон. Но я думаю, мне удастся изменить её отношение к переписке, тем более, что остаётся ещё много к ней вопросов. Она обещает в ближайшее время по взаимной нашей договорённости дать мне пока под расписку 1-й и 2-й тома хроники, которые находятся у её невестки. [...]

В неразобранном виде большая стопа бумаг, которых пока мы не коснулись. Обещала всё разобрать и, по моему совету, всё разложить по назначению.

Видел я этот дом [*Ленинград, ул. Набережная р. Карповки, д. 30, кв. 9 — дом, в котором жили Ларионовы в начале 1950-х гг. — Ред.*], подходил к нему не раз. Мысленно переносил себя в те далёкие 50-е годы и представлял в 9-й квартире двух старых, уходящих из жизни людей, торопящих себя с написанием хроники, даже как бы слышал голос Марии Андреевны, обращённый в письмах к дорогому «Васкадегамушке»⁷ — краеведу Берёзова. Обязательно хочу сфотографировать этот дом со стороны, чтобы в объектив попали и река Карповка, и мост через неё...

О самой переписке Ларионовых с Таскаевым, присланной Вами мне, о вопросах, возникших в связи с её прочтением, в следующем письме.

Из письма А.К. Михайленко к Г.В. Захаровой

4.08.90 г.

...Нельзя читать спокойно эти письма. Я пробежался по ним не один раз. Удивительные люди. Люди, отдавшие нашему краю лучшие годы сво-

⁷ Васкадегамушка — шутовское прозвище В.И. Таскаева, данное Ларионовыми.

ей жизни и оставившие в ней заметный след. 14 лет отданы Берёзову. Фёдор Филиппович Ларионов — учитель городского училища, уездный инспектор, организатор первой общественной библиотеки в Берёзове, её первый библиотекарь. И вот эти люди уже на склоне лет своей жизни, живя вдали от Берёзовского края, спешат подытожить её, описать свою жизнь, описать историю Берёзовского края. Труд свой решают назвать «Семейной хроникой». Заканчивают 2-й том хроники. Фёдор Филиппович, немощный и слепой, торопит Марию Андреевну: «Жить осталось немного». И вот написаны 2 тома, 375 стр. Фёдор Филиппович умирает, Мария Андреевна одна продолжает хронику, пишет 3-й том о последних годах жизни дорогого для неё мужа. В итоге — 500 страниц хроники. Силы Марию Андреевну покидают, и она уходит из жизни. Вот такие это люди.

Из письма А.К. Михайленко к Г.В. Захаровой

9.08.90 г.

...В своём письме к Вам я тогда намеренно пока не написал адрес и телефон Галины Леонидовны (оставил это для последующего времени), боясь, что излишняя поспешность в этом деле может повредить нашему поиску. Мне хотелось дать ей возможность самой собраться с мыслями, разобрать бумаги и решить, каким образом помочь нам быстрее. Тем более, что её беспокоит сейчас судьба полного комплекта хроники у брата в Москве... потом, она не знает вообще пока, где 3-й экземпляр хроники и 3-й том и фотографии к экземпляру хроники, которая у невестки в Ленинграде. После нашей встречи с ней она решила специально в сентябре съездить в Москву и потом об этом сообщить мне...

Галина Васильевна, я написал своё мнение, а может быть, и наоборот, непосредственное подключение Вас сейчас к поиску через Галину Леонидовну ускорит даже дело. Было бы хорошо.

[...] Частичные ответы на свои вопросы, связанные с перепиской Ларионовых с Таскаевым В.И., я получил уже от Добровольского Георгия Дмитриевича⁸. В голове сейчас столько всего, что пора уже скоро переходить к обобщениям. И тем не менее вопросов ещё много. Задаю их всем, с кем переписываюсь.

⁸ Добровольский Георгий Дмитриевич (1922–1998) — березовский педагог, краевед, участник любительских театральных постановок.

Из письма Г.В. Захаровой к Г.Л. Константиновой

21 августа 1990 г.

...В 1989 г., когда библиотека начала готовиться к 90-летию со дня основания, мы тщательно изучили письма Ф[едора] Ф[илипповича] к своему ученику, нашему земляку В.И. Таскаеву, только что переданные в музей женой сына Вас. Ив. Капиталиной Ивановной. В ходе подготовки к вечеру мы начали поиск родственников Фёдора Филипповича. Хотели пригласить их на вечер, но поиски были безуспешны.

Вечер состоялся 3 июля 1989 г. К этой дате в библиотеке обновили некоторые материалы в краеведческой галерее: вместо фотопортрета повесили портрет Ф.Ф. (работа местного художника В.Г. Горянова), оформлены альбомы.

[...] Продолжая поиски родственников Ф.Ф. Ларионова, мы начали переписку с А.К. Михайленко, нашим земляком, проживающим ныне в г. Западная Двина Тверской области. Он и нашёл Вас по нашей просьбе. Мы очень рады, что Вы есть! Что Вы готовы нам помочь! Что есть такие люди, как Михайленко!

[...] Ф.Ф. посылал в Берёзово отдельные главы из «Семейной хроники» с целью передачи их в библиотеку. Они, к сожалению, не сохранились. Для библиотеки, для Берёзова «Семейная хроника» Ларионовых представляет большой интерес... Ф.Ф. был незаурядным человеком, много сделавшим для Берёзова.

[...] Галина Леонидовна, если «Семейная хроника» будет оценена Вами, просим сообщить назначенную сумму денег, необходимую для изготовления фотокопий. В Березове нет ксерокса, поэтому мы хотели бы попросить Вас заказать 2 экз. копий «Хроники» с тем, чтобы 1 экз. подарить в музей. Мы сразу оговариваем финансовые вопросы, хотя знаем, что ещё не все тома «Хроники» найдены. Хочется верить, что будут найдены. Копировать можно уже сейчас первые два тома. Если для организации копировальных работ требуется участие нашей библиотеки, напишите нам об этом, мы организуем командировку.

А.К. Михайленко сообщил в письме, что Вы выразили желание приехать на 400-летие Берёзова. Мы очень рады видеть Вас, Галина Леонидовна, и других родственников Ф.Ф. Ларионова... Выражаем уверенность, что с Вашей помощью, с помощью других родственников Ф.Ф. Ларионова нам удастся восстановить историческую память о благородной просветительской деятельности Ф.Ф. Ларионова в Берёзове.

Из письма А.К. Михайленко к Г.В. Захаровой

14.09.90 г.

[...] Галина Васильевна, сейчас пока не пишу своих суждений о прочитанных приложениях и Ваших ответах на мои вопросы. Об этом в следующих письмах. А сейчас пока хочется сказать: напрасно Вы без боя отступаете от архива Таскаева В.И. Нужно незамедлительно, любыми путями приобрести весь архив Василия Ивановича до единой бумажки! И уж потом в библиотеке, в спокойной обстановке, без спешки всё разобрать, не упустив ни малейших каких бы там ни было сведений из прошлого, включая и фамилии упоминаемых там людей. И лучше этой работой заняться Вам самой.

Из письма А.К. Михайленко к Г.В. Захаровой

25.09.90 г.

...Встретиться с Галиной Леонидовной было непросто. Она вся в житейских заботах. [...] Зная о моём приезде в Ленинград, она заранее привезла от Ирины «Семейную хронику». Впервые увидел, что это такое. Это настоящий труд! Две толстые, формата машинописного листа книги. Переплетены в обложки коричневого цвета. [...] Снять с них копию на ксероксе, как предполагала раньше Г. Л., — отпадает. Для этого нужно было бы расшить переплетённые книги, что неразумно. Остаётся — перепечатывание на машинке. В первой книге 266 листов, напечатанных с одной стороны, с более редким интервалом между строками, чем обычно. Во второй — 189. Остаётся ещё надежда на приобретение одного из экземпляров хроники. Тот, который я видел, хранят для Никиты — праправнука Ф.Ф. Другой экземпляр (полный, из трёх томов) с фотографиями, по словам Г.Л., в Москве, у её брата Вячеслава. А третий — пока неизвестно у кого. Возможно, в Москве у внуков Ф.Ф. — Олега или Игоря. Или в Москве у троюродной сестры Г.Л. Маргариты Михайловны Протопоповой... Г.Л. при мне звонила ей в Москву... Рита помнит, что у её отца была хроника Ларионовых и что после смерти отца она забрала все бумаги к себе в Москву. Но сейчас не помнит, у неё хроника или нет. Посмотрит.

Г.Л. в Москву в конце сентября не поехала, как она говорила мне раньше, а поедет в конце октября вместе со своим внуком во время его

каникул. Там она рассчитывает заняться поиском этих двух экземпляров хроники. Встретиться с братом Вячеславом, двоюродными братьями Олегом и Игорем и названной мною Ритой. А нам остаётся пока ждать.

Обе книги хроники были у меня в руках более суток. В часы, когда я освобождался от своего Илюшки — внука 2-х лет, а также прихватывая и ночные часы, я успел кое-что прочитать в этих книгах и выписать, пока хотя бы для общего представления о них, оглавления книг, а также предисловия и заключения. Посылаю Вам пока только оглавления. Предисловия и заключения — в следующих письмах... Для себя же я выписал из текста книги все подзаголовки каждой из одиннадцати глав первого тома. Получилась очень большая и подробная расшифровка. Тоже пришлю позже.

Из письма А.К. Михайленко к Г.В. Захаровой

18. 10. 90 г.

...Высылаю в этом письме два списка фотокарточек, думаю, для Вас они должны иметь определённую ценность. Подлинные списки я взял у Галины Леонидовны во время встречи с нею в сентябре. Были они у неё в числе прочих близлежащих бумаг. Взял с условием возврата. И вот сейчас с помощью жены перепечатал. Кстати, всё мне печатает она. Зовут её Людмила Николаевна. Длительное время она возглавляла централизованную библиотечную систему, затем в большом городе — отдел комплектования ЦБС, сейчас на партийной работе. Это так, коротко, в качестве отступления.

Теперь о списках. В этом порядке они, видимо, составлены Марией Андреевной Ларионовой для приложения к хронике. Фотографии, негативы фотографий с их описанием выслал Ларионовым Василий Иванович Таскаев. Помогали ему в фотографировании тогда ещё молодые Г. Д. Добровольский и П. С. Баушкин⁹ (см. переписку Ларионовых с Таскаевым). Старинные фотографии Василием Ивановичем перефотографированы с альбомов березовского фотографа Миши Корепанова.

⁹ Баушкин Павел Сергеевич (1908–1995) — краевед, почётный гражданин пос. Берёзово.

Из письма А.К. Михайленко к Г.В. Захаровой

29–30.05.91 г.

Уважаемая Галина Васильевна!

После октября прошлого года Вы не получили от меня ни одного письма. Прошло больше полгода. Бурная активность сменилась кажущимся застоєм: молчу я — не предпринимаете активности и Вы. И я Вас понимаю. А время идёт. И я особенно больно всё это переживаю. Время так дорого, что малейший перерыв в нашей переписке, малейшее охлаждение к тому, ради чего мы ведём её, приводит в итоге к отчуждению. Все начатые дела должны иметь постоянную подпитку. А что получается? Постараюсь объяснить.

Дело, которое объединяет нас с Вами и началось с поиска «Семейной хроники» Ларионовых, движется, но движется медленно, не так, как хотелось бы нам. И всё же начало есть — «Семейная хроника» найдена, она была у меня в руках, я читал её. Впереди главное — её приобретение для Берёзова. Я не скрывал своей радости, когда в сентябре и октябре прошлого года послал Вам подряд четыре письма со своим «канцелярским» отчётом о результатах поиска «Хроники». Всё возможное на то время в качестве приложения я отправил в тех письмах и начал ждать от Вас ответа с квалифицированной оценкой содержимого писем, т. е. хотелось знать, нужно ли было всё, что я послал, может быть, на то время что-то я должен был дослать ещё. В ноябре получил благодарственную грамоту с общей оценкой моих стараний. За это от меня и моей Людмилы искреннее спасибо. И всё же и дальше я продолжал ждать от Вас письмо. В январе получил новогоднее поздравление, в мае — майское, и опять же ни в той, ни в другой открытках ни слова о деле. Как так можно? Проходят месяцы, я рядом с Ленинградом, а Вы не решаетесь побеспокоить меня. В таком деле мы равны и должны быть взаимно проще друг к другу.

В январе этого года под влиянием накопившейся у меня информации и собранных материалов я начал писать Георгию Дмитриевичу Добровольскому, задавая ему массу вопросов. Написал одно за другим три письма... Многие вопросы в письмах касались и образовательных школ Берёзова, и Ф.Ф. Ларионова, переписки Ларионовых с Таскаевым и других исторических событий. В письмах обращался и к Вам, и к Ирине

Даниловне Шабалиной, уверенный, что и Вы прочтёте с Ириной Даниловной эти письма. Но всё впустую. Как будто всё вымерло. Нет ответа от Георгия Дмитриевича, промолчала Ирина Даниловна и Вы ограничились одними поздравлениями. Для меня дороги не поздравления, а любые хотя несколько слов о деле. Вот такова моя душевная обида.

Теперь о последних моих делах. С Галиной Леонидовной последний раз я встречался в конце февраля и начале марта. Узнал о Ваших отношениях с ней, прочитал Ваше к ней письмо... На то время она ещё так и не собралась съездить в Москву, чтобы узнать судьбу 2-го и 3-го экземпляров «Сем. хроники». Звонил ей 5 мая в Ленинград. Сообщила, что, наконец взяла билет в Москву на 15 мая. О результате её поездки узнаю при встрече с ней в Ленинграде, куда еду 4 июня.

При встрече с Г.Л. в феврале—марте опять читал «Сем. хр.», делал выписки, поэтому могу Вам ответить на два Ваших вопроса к Галине Леонидовне в отношении Фёдора Филипповича, т. к. она сама не соберётся написать.

Подготовил В. Белобородов

Музей Ольги Павловны

Уходя после очередного посещения из какого-либо югорского музея, мы испытываем уважение к тем, кто так преданно сохраняет прошлое нашей Родины и оберегает настоящее. Это о музейщиках больших городов. Но ведь они не единственные. Сколько же подвижников по всей нашей необъятной северной земле! В районных центрах, в посёлках, в сельских школах... Мы знаем о подвижнической работе Надежды Ивановны Богдановой из Кондинского, исследователей и хранителей древнего Эмдера и др.

А вот ещё одно имя — Ольга Павловна Стыцюк. Посёлок Талинка. Средняя школа. С 1998 года — учитель истории и мировой художественной культуры. И неизменный руководитель музея «Отражение».

Приехала из Казахстана, привезла с собой уже какой-то накопившийся опыт работы с детьми, искреннюю любовь к Родине (как бы она ни называлась: СССР или Россия), к её истории и огромное желание работать. И работает. Создала и постоянно пополняет музей, который из школьного перерос в Историко-краеведческий музей посёлка Талинка. В нём грамотно и тщательно формируются коллекции по истории региона и его природе. Некоторые экспонаты просто уникальны. Например, в музее представлены старинные иконы, рукописные книги из исчезающих старообрядческих сёл.

Ольга Павловна увлекла поисковой работой школьников, и они уже не мыслят себя без этого. Вместе с коллегами-учителями она применяет различные развлекательно-познавательные средства: выездные экскурсии, игры, инсценировки (надо было видеть, как дети изображали жизнь первобытных людей). При музее создан кружок «Юный краевед», в нём ученики занимаются научной работой, делают доклады на различных конференциях, окружных и всероссийских, их научные работы удостоиваются призовых мест.

Но самая яркая страница жизни посёлка: дети иллюстрируют книги. Эта работа ведётся не менее десятилетия, и теперь их творчество известно не только у нас в России, но и за рубежом, вплоть до США. Проиллюстрированы книги Анны Коньковой «Сказки бабушки Аннэ» и «Древний Эмдер. Былины о богатырях города Эмдера». Прекрасное художественное и полиграфическое исполнение обеих изданий позволило издателям получить несколько значительных наград. Среди них —

Ольга Павловна Стыцюк

дипломы лауреата конкурса «Книга года» и победителя выставки «Югорский книжный мир» в номинации «Лучшее издание для детей».

Ольга Павловна стала автором идеи, руководителем этого проекта и привлекла к работе всю творческую интеллигенцию посёлка Талинка, особенно плодотворны результаты её сотрудничества с педагогами детской школы искусств.

Неуёмный темперамент не даёт ей остановиться: в 2007–2008 годах осуществлён важный проект — экологическая выставка-конкурс детского творчества «Краснокнижный мир Югры глазами детей». Ее содержательность определили талант детей, что и позволило принять участие в программе Конгресса финно-угорских народов и саммита «Россия—Евросоюз» (2009 г.). В настоящее время конкурс имеет статус Международного под эгидой Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО. Теперь тысячи детей не только из России, но и других стран Азии и Европы присылают на конкурс свои работы.

В 2011 г. по результатам конкурса на средства долгосрочной целевой программы «Дети Югры» издана «Красная книга Югры глазами детей», автором и руководителем проекта снова стала Ольга Павловна, значи-

тельную помощь ей, конечно же, оказали её коллеги: директор школы Надежда Ивановна Фаттахова, директор детской школы искусств Елена Владимировна Канаева, преподаватели Юрий Викторович Савин, Дмитрий Валерьевич Седайкин и директор центра культуры и спорта Альфия Габдулахатовна Лыкова.

В 2011 году Ольга Павловна осуществила ещё один проект: теперь уже в Москве вышла «Красная книга глазами детей». В неё вошли лучшие работы участников конкурса.

Удивление вызывает план работы туристско-краеведческого движения «Отечество» учащихся средней общеобразовательной школы № 7» (Талинка, Октябрьский район, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра) своей масштабностью.

Автор и руководитель программы О.П. Стыцюк видит задачу «Отечества» в совершенствовании организации и содержания обучения и воспитания подрастающего поколения средствами туризма и краеведения. Бережное отношение и уважение к природно-историко-культурному наследию родного края, приобщение учащихся к краеведческой, поисково-исследовательской и творческой деятельности позволит воспитать у школьников чувство патриотизма, сохранение исторической памяти.

Программа туристско-краеведческого движения «Отечество» предусматривает целый ряд направлений, среди которых:

1. Родословие.
2. Летопись родного края.
3. Земляки. Старожилы.
4. Исчезнувшие памятники.
5. Исторический некрополь.
6. Археология.
7. Природное наследие.
8. Экология.
9. Геология.
10. Историко-культурное наследие.
11. Литературное краеведение.
12. Этнография.
13. Военная история.
14. Великая Отечественная война.

15. Дети и война.
16. Поиск.
17. История детского движения.
18. Туризм.
19. Музеи, в т.ч. школьные.

И всё это делается! Отсюда и богатство экспонатов в музее, отсюда и возможность у школьников делать свежие, ценные в научном отношении доклады, писать работы. И, конечно же, всё это при серьёзной поддержке и коллектива средней школы № 7, и Центра культуры и спорта посёлка Талинка.

Главные черты характера Ольги Павловны — организованность и неуклонное стремление к осуществлению намеченных целей. Организовать экспедиции, убедить в важности музейного дела окружающих, найти общий язык с руководителями всех уровней, чтобы обеспечить финансированием задуманное. Она не устаёт делать заявки на всевозможные гранты и умеет их выигрывать. Её настойчивость в поисках финансовой поддержки кто-то может принять за назойливость или напористость, но нет: это — настойчивость в лучшем смысле этого слова, потому что слишком самоотверженна Ольга Павловна, слишком любит детей и своё дело, а чтобы подумать о себе, у неё и времени не остаётся. Поэтому все, кто может помочь в добром деле, идут ей навстречу.

Работа Ольги Павловны Стыцюк весьма значима. Она награждена Почётной грамотой губернатора Югры. А национальный комитет поддержки образования «Элита российского образования» присвоил ей звание «Заслуженный деятель просвещения».

И вот уже маленький сибирский посёлок, точка на карте нашей Родины, выходит в огромный мир, потому что в нём живёт такой неспокойный трудолюбивый, инициативный человек — Ольга Павловна Стыцюк.

*А.А. Пыхтеева,
доцент кафедры филологии
Югорского государственного университета*

«...говорить о Родине, не произнося этого слова...»

(Обзор изданий 2010–2011 гг.)

Государственная библиотека Югры является региональным книгохранилищем, выполняет функции книжной палаты, тем самым своим региональным компонентом интересна мировому сообществу, имея в своих фондах уникальные издания о крае и издания, вышедшие на территории автономного округа. В Законе «О регулировании отдельных вопросов библиотечного дела и обязательного экземпляра документов Ханты-Мансийского автономного округа — Югры», который принят Думой Ханты-Мансийского автономного округа — Югры 28 октября 2011 года, закреплена норма, в соответствии с которой «производители документов безвозмездно осуществляют рассылку (передачу, доставку) по три обязательных экземпляра документов автономного округа всех видов печатных изданий в центральную библиотеку автономного округа в день выхода в свет первой партии тиража». К сожалению, мы получаем не всю выходящую печатную продукцию, тем не менее за 2010–2011 гг. в фонд библиотеки по обязательному экземпляру и в дар поступило более 1 500 экземпляров изданий. Информация о них будет включена в ежегодный библиографический указатель «Краеведческая книга» и «Местная печать».

Выстроенная мною последовательность представления изданий носит субъективный спонтанный характер, и относиться к ней как к некоей иерархии я бы не рекомендовала. Но все же в первую очередь хочу представить солидный труд «Краткий справочник по фондам архивов Югры» в 4-х томах:

Т. 1. Краткий справочник по фондам Государственного архива Ханты-Мансийского автономного округа — Югры / сост. : О. А. Батманова, Л. В. Набокова. — Ханты-Мансийск : ООО «Типография “Печатное дело”», 2010. — 188 с.

Т. 2. **Краткий справочник по фондам архивного отдела администрации города Сургута** / сост. А. А. Кайдалова. — Ханты-Мансийск, 2010. — 222 с.

Т. 3. **Краткий справочник по фондам архивных отделов городов Ханты-Мансийского автономного округа — Югры** / сост. : Т. А. Алетдинова и др. — Ханты-Мансийск, 2010. — 440 с.

Т. 4. **Краткий справочник по фондам архивных отделов районов Ханты-Мансийского автономного округа — Югры** / сост. : С. Н. Василенко, Ю. В. Дружинина. — Ханты-Мансийск, 2010. — 310 с.

Наконец, свершилось! Справочная информация по фондам архивов, так необходимая исследователям, краеведам, историкам и всем-всем, кто хоть раз испытывал потребность обратиться в архив, появилась!

Это первое издание, которое раскрывает состав и содержание всех фондов, хранящихся в государственном архиве и муниципальных архивах Ханты-Мансийского автономного округа — Югры по состоянию на 1 января 2009 г. Архивная служба существует в округе с 1934 года, первые районные архивы были образованы в 1936 г.

Любопытная статистика: в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре действует Государственный архив (архивный отдел Управления по делам архивов автономного округа) и 22 муниципальных архива. Объем хранящихся в них дел составляет 637 764 единицы хранения, сосредоточенных в 3234 фондах. Ежегодно архивами исполняется более 50 тысяч социально-правовых запросов и более 10 тысяч тематических запросов граждан и организаций. Более 60 тысяч пользователей ежегодно обращаются за архивной информацией. Кроме того, архивисты Югры проводят ежегодно более 600 информационных мероприятий: публикации, выставки, теле- и радиопередачи, экскурсии, лекции, школьные уроки и др.

Настойчивым, кропотливым трудом нескольких поколений архивистов в государственном архиве сформировано много ценных, востребованных исследователями, организациями, гражданами документов. Например, документы о работе культурных центров и красных чумов, школ-интернатов, детских домов, больниц, о подготовке национальных кадров, о борьбе против эпидемий и социальных заболеваний. Сохранилась информация о ссыльных 1930-х гг., лицах, эвакуированных и депортированных в годы Великой Отечественной войны по национальному признаку.

Огромный интерес представляют документы личного происхождения, систематическая работа по их комплектованию началась в 1960-е гг.

Архивные документы находят широкое применение в работах ученых, исследователей, краеведов, журналистов, используются в средствах массовой информации, при организации выставок, при подготовке и

праздновании юбилеев организаций и учреждений. Источниковая база окружного архива была использована, например, при создании энциклопедии «Югория», работе над другими издательскими проектами.

Теперь несколько слов о структуре справочника: каждый том состоит из трех разделов. Первый раздел «Фонды учреждений советского и постсоветского периодов». В предисловии подробно разъясняется принцип расположения материалов в этом разделе. Во втором разделе архивные коллекции расположены по тематическому принципу, в третьем разделе фонды личного происхождения расположены в алфавитном порядке фамилий фондообразователей. В состав справочных данных о фонде входят порядковый номер, объем фонда (количество единиц хранения), крайние даты документов. К большинству архивных фондов учреждений составлены исторические справки. Издание содержит большой научно-справочный аппарат.

Трудно переоценить значение фактографической информации, которая содержится в «Кратком справочнике». В последний том справочника включены также сведения об административно-территориальном делении Ханты-Мансийского автономного округа в 1930–2003 гг., что добавляет ценности имеющейся в нем информации.

Каждый том справочника, естественно, имеет свои особенности, но подходы к их составлению едины. Остается посетовать, что тираж справочника небольшой, чуть больше 200 экз., что уже делает его библиографической редкостью. Надеюсь, что он попадет в публичные муниципальные библиотеки, и тем самым значительно расширится возможность доступа к нему.

Ромбандеева, Е. И. Героический эпос манси (вогулов) : Песни святых покровителей / Е. И. Ромбандеева. — Ханты-Мансийск : Принт-Класс, 2010. — 648 с.

Книга знакомит читателя с лучшими образцами героического эпоса манси (вогулов). Посвящена она Отырам-Богатырям, духам-покровителям, призывные тексты которых изложены в основном в стихах. Все тексты взяты из II тома Мансийской народной поэзии, записи были сделаны в 1843–1885 гг. А. Регули и 1888–1889 гг. Б. Мункачи, а издан этот фольклорный материал в начале XX столетия в Венгрии. Мансийские тексты опубликованы в финно-угорской фонологической транскрипции, из латинской графики тексты были переложены на русскую графическую систему и обеспечены переводами на русский язык.

В данном издании представлено 35 текстов героического эпоса, которые охватывают территорию распространения верхнелозьвинского, верхнесосьвинского, среднесосьвинского и сыгвинского диалектов се-

верного наречия мансийского языка, носители которого свободно общаются друг с другом, читают и понимают письменные источники литературного мансийского языка.

Автор-составитель фольклорного тома во вступительной статье «Фольклор — поэтическая душа народа манси (вогулов)» пишет о значении фольклора в жизни манси, о первых исследователях мансийского фольклора — выдающихся венгерских и финских ученых, а также о наших соотечественниках, занимавшихся сбором и изучением фольклорных текстов, среди них М.П. Плотников, В.Н. Чернецов, А.Н. Баландин и др.

В дополнение к информации о личных песнях даны тексты (и комментарии к ним) мансийских (вогульских) личных песен, записанных от Ромбандеевой Марии Дмитриевны ее дочерью Евдокией Ивановной Ромбандеевой. К ним прилагается компакт-диск с образцами ее исполнения личных песен. Нотный текст песен был составлен Агеевым Дмитрием Георгиевичем в 1998 г.

В комментариях к песням меня заинтересовал сюжет довольно распространенной песни-танца «Куринька». Мне самой приходилось не раз видеть исполнение этого танца, но я не подозревала, что песня имеет иронический характер, высмеивая девушку за нескладный танец. Евдокия Ивановна сообщает, что «сочинитель этой песни знает, что мансийские женщины танцуют, делая плавные движения руками и корпусом, двигаются по кругу без шума и шороха, никогда не притопывают. В песне высмеивается девушка явно с нижней Сосьвы или Оби».

Ежегодник Тобольского губернского музея, 1893–1918 [Электронный ресурс] / [авт. вступ. ст. В. К. Белобородов ; сост. указ. Т. В. Пуртова; ред. О. А. Хасанова]. — Электрон. текстовые дан. — Екатеринбург : Баско, 2010. — 1 эл. опт. диск (DVD-ROM) + 1 бр. (45 с.).

«Ежегодник Тобольского губернского музея» — собрание ценнейших сведений о Западной Сибири. Это научное издание, выходящее в 1893–1918 гг., было одним из первых в России региональных периодических изданий. Бывшие раритетами, теперь 29 его выпусков становятся доступным источником краеведческой информации для любого жителя Югры, имеющего привычку обращаться к ресурсам общедоступных библиотек.

Во вступительной статье так объясняется полезность «Ежегодника» для наших современников: «Он дает ясное представление о том, каким в тот период было краеведение, и может навести на полезные размышления тех, кому небезразличны вопросы современной общественной жизни». Здесь же дана обширная информация о музее, его истории,

охарактеризована его деятельность, названы имена его крупнейших деятелей.

«Ежегодник» знакомил читателей с научными коллекциями музея по этнографии, орнитологии, ихтиологии, ботанике и другим отделам, в нем публиковались исторические документы, статьи по истории, этнографии, географии, экономике, народному образованию Тобольской губернии, предания, сказания, песни.

Не удержусь, чтобы не процитировать текст, содержащий информацию о деятельности библиотеки музея, надеюсь, это интересно не только мне, но и читателям этих строк:

«Посѣтителѣ Музея, не принадлежавшіе къ числу членовъ, пользовались библіотекой въ помѣщеніи ея. Члены же Музея получали книги преимущественно на домъ. Всего выдано въ отчетномъ году членамъ на домъ 261 названіе книгъ, въ 272 томахъ.

Въ минувшемъ 1895 году, между прочимъ, были изданы: 1) “Библіографія желѣзнодорожнаго вопроса Сибири. Указатель статей, корреспонденцій и замѣтокъ, помѣщенныхъ въ сибирскихъ періодическихъ изданіяхъ и сб о р н и к а х ъ за 1857–1894 г.”, составл. членомъ-библіотекаремъ Музея, и 2) „Къ библіографіи Сибири. У к а з а т е л ь статей и главнѣйшихъ замѣтокъ, касающихся Сибири и помѣщенныхъ въ сибирскихъ періодическихъ изданіяхъ 1893 г.”, составл. членомъ Музея А. А. Терновскимъ.

Библіотекаръ Музея *С. Мамѣевъ*».

Обратите внимание, об издании солидных библиографических указателей, над которыми современные библиографы работают достаточно долго, сообщается, что они были изданы «между прочим».

«Бесплатный кабинет для чтенія въ теченіе отчетнаго года получалъ 179 періодическихъ изданій, причемъ начиная со 2-й половины года изданія эти получались неаккуратно. Получалось всего 42 журнала общественно-литературныхъ, 94 сельскохозяйственныхъ и научно-техническихъ, 16 газетъ російской прессы и 27 газетъ сибирскихъ. Посѣщеній за годъ было 6604 (5005 мужчинами и 599 женщинами). Наибольшее число посѣщеній — 942 было въ октябрѣ, наименьшее—389 въ іюлѣ. Открытъ былъ кабинет съ 4 ч. дня до 7 ч. вечера, а вовсе не открывался 62 дня; такое большое число пропущенныхъ дней объясняется тѣмъ, что кабинет помѣщается въ Народномъ Домѣ, который нерѣдко занимается разными организациями» (Из отчета секретаря Тобольского губернского музея за 1917 г. П. Козлова). По нынешним временам неплохой перечень периодических изданий! Очень впечатляет, особенно сейчас, когда из-за дороговизны периодических изданий библиотеки вынуждены сокращать перечень выписываемых газет и журналов.

Вступительная статья, примечания, тематический указатель содержания «Ежегодника Тобольского губернского музея» даны также в печатном варианте, электронный формат указателя дает возможность осуществлять поиск через активные ссылки.

Директор Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника С.Ю. Сидорова назвала этот проект знаковым и выразила надежду на то, что «потомки оценят эти труды и с благодарностью воспользуются ими для изучения уникальных фактов, событий, памятников, повествующих о прошлом удивительного края».

Дунин-Горкавич, А. А. Сборник трудов (1907–1911) : Репр. воспр. изд. / А. А. Дунин-Горкавич. — Екатеринбург : Баско, 2010. — 196 с. — (Югорский репринт).

Александр Александрович Дунин-Горкавич занимался широким исследованием Обь-Иртышского Севера, возглавив крупнейшее в Российской империи Самаровское лесничество. Многогранная деятельность ученого сейчас вызывает большой интерес, изучается и осмысливается его творческое наследие. Общеизвестно, что главным поприщем А.А. Дунина-Горкавича было лесное хозяйство. Область же интересов ученого гораздо шире, он был большим знатоком аборигенных народов, их экономического положения, духовной культуры, этнографом, языковедом. Кроме того, его интересовали гидрография, метеорология, картография, транспортная схема Севера и многое другое.

Проект по изданию серии книг «Югорский репринт», который реализует Государственная библиотека Югры, начался первым репринтным изданием в 1995–1996 гг. трехтомника А.А. Дунина-Горкавича «Тобольский Север». Очередное издание серии «Югорский репринт» включает в себя работы А.А. Дунина-Горкавича по сельскому хозяйству и рыболовству, опубликованные в начале XX века. Работы эти не переиздавались со времени первого опубликования. Они содержат практические сведения по организации сельского хозяйства и рыболовства на Севере.

Любопытны некоторые замечания автора: «В г. Березове большая половина домохозяев имеет огороды: хотя свободных и удобных мест очень много, но огороды очень малы. Обрабатываются они весьма плохо — лопатой и только четыре огорода — плугом «Шварцгофа» и обыкновенной крестьянской бороной».

Автор сожалеет: «... воспитанницы градо-Березовской второклассной школы не принимали никакого участия в ознакомлении с правильным ведением огородной культуры». И высказывает пожелание, чтобы учащиеся березовских училищ «не только теоретически и наглядно

знакомились с правильными приемами ведения огородной культуры, но и сами принимали участие в практических работах на огородах».

В работе «К вопросу о возможности сельскохозяйственной культуры на Тобольском Севере и колонизации последнего», впервые опубликованной в 1907 г., содержится фактический материал об успехах земледелия, анализируются сведения о климате и метеорологические данные, которые доказывают возможность земледелия в крае. Автор делает вывод о том, что земледелие в крае возможно, но для «успешного его развития нужно... опытное руководство, при помощи которого названные отрасли сельского хозяйства могли бы быть поставлены на твердую почву».

Составители адресовали издание специалистам, исследователям Севера, студентам. От себя хочу добавить, что материалы сборника представляют интерес для краеведов и любителей истории и этнографии нашего округа, так как содержат много информации о том, как жили предыдущие поколения людей, чем занимались, какие имели навыки, привычки, склонности, как относились к новшествам и т.д.

Белобородов, В. К. Обитаемое прошлое : книга негромких приключений / В. К. Белобородов ; Государственная библиотека Югры. — Тюмень : Мандр и К^а, 2011. — 256 с.

Большой соблазн спросить у читателей этих размышлений, знают ли они, кто такой, например, Николай Шахов (художник-самородок, автор картины «Битва остяцких племен»), или Иринарх Евсеев (уездный исправник, чья карьера пострадала из-за весьма громкого события: побега политического ссыльного Л.Д. Бронштейна, широко известного под фамилией Троцкий, из города Березова, где он находился на пути к месту своей ссылки — Обдорску)? Прежде чем оставить это занятие (выбрать очередное имя из-за невозможности отдать кому-либо предпочтение), все-таки назову еще хотя бы одного героя книги: Моисей Корсунский (недоучившийся 21-летний студент Киевского политехнического института, высланный на три года в Тобольскую губернию под гласный надзор полиции). И сама же отвечу на свой вопрос: скорее всего, не знаем. Большинству из нас, специально не занимающихся историей и краеведением, имена эти неизвестны.

Теперь появилась великолепная возможность «соприкоснуться со своей историей» через людей, которые оставили след в этой самой истории. Автор книги в силу своих занятий в последние 20 лет имел возможность работать в архивах, библиотеках и музеях Западной Сибири, Екатеринбурга и Санкт-Петербурга. «Эти погружения в прошлое оказались эмоционально насыщенными, так как открывали людей: сна-

чала только имена, далее начинали обозначаться и все отчетливее проявляться лица, характеры. Люди “оживали”, я обнаруживал в себе личное отношение к ним», — пишет в предисловии автор. По словам Валерия Константиновича, книга сама собой сложиться не может. За ней стоит огромный труд.

Перед нами книга чрезвычайно интересная, порой даже захватывающая, во-первых, по манере повествования, во-вторых, по невероятным, почти детективным историям, которые случались с героями книги, и, в-третьих, по количеству и набору имен, которые представляют собой срез времени, в котором они жили. Причем «каждое повествование сборника имеет документальную основу и не содержит никакого вымысла», — уверяет нас автор. И нет никаких оснований сомневаться в этом. Большой фактический и исторический материал может быть использован историками, преподавателями, учеными-исследователями, а прочие читатели получают истинное удовольствие и наслаждение от чтения.

Остается добавить, что В.К. Белобородов за книгу «Обитаемое прошлое» в номинации «Лучшая краеведческая книга» получил «Серебряную литературу» и диплом лауреата регионального конкурса «Книга года-2011» (г. Тюмень).

Подорожник : краеведческий альманах / ред.-сост. В. Белобородов. — Тюмень : Мандр и К^а, 2010. — Вып. 12. — 336 с.

Постоянные читатели альманаха ждут его с нетерпением и читают от корки до корки. А для «дилетантов» сообщу некоторые подробности.

Как всегда, блестяще преподнесенный материал В.К. Белобородовым о представителях семейства Шейминых. Это жители с. Самарова с начала XX века, принадлежавшие к кругу наиболее состоятельных граждан. В публикации прослеживается путь во времени ветви рода Шейминых, идущей от Петра, «владельца рыбных ловель и сенных покосов на Оби». Основные занятия их — рыболовство, охота, торговля. Люди были очень предприимчивые, а посему каждый вносил посильный вклад в полученное наследство и приумножал его. Занимались благотворительностью в пользу церкви, образования, сами учились, имели устойчивые связи с местными ханты и русскими крестьянами. Конечно, у каждого из них своя судьба, тем интереснее знакомиться с этими удивительными людьми.

Значительным событием, на мой взгляд, является публикация воспоминаний Николая Петровича Родионова «На медленном жертвенном огне». Автор — раскулаченный крестьянин-хлебороб, долгое время живший вдалеке от родных мест на территории нынешнего Ханты-Мансийского района. Не могу согласиться с ремаркой, что в тексте нет апелля-

ций к чувствам читателя — одна лишь череда фактов. Хочу уверить, что это беспристрастное повествование вызывает и эмоции, и желание узнать о том времени, и, что очень важно, побуждает к размышлениям.

Меня, разумеется, заинтересовала публикация «Свет мой, зеркальце...» А.А. Пыхтеевой, предваряющая очерк Сергея Иосифовича Карцевского «Халтура». Александра Алексеевна пишет: «Выросло поколение нечитающих людей, лишенное интеллектуальной и духовной пищи, которую почерпнуть можно только из талантливой литературы...». Как не согласиться с автором и не выразить солидарность с ее озабоченностью: «Надвигающаяся трагедия молодого поколения в том, что языковая бедность приводит к определенному результату: чем примитивней человек, тем проще он мыслит».

В этом выпуске помещена библиография: содержание 7–12 выпусков альманаха «Подорожник», составленная Т.В. Пуртовой, и много другой, не менее интересной и полезной информации.

В бездонных водах времени : улицы и памятники города Ханты-Мансийска : библиогр. справ. в 2 ч. Ч. 1 : Если бы улицы умели говорить... / Гос. б-ка Югры, отдел краевед. лит. и библиогр. — Ханты-Мансийск : Издательский дом «Новости Югры», 2011. — 172 с.

Выход этого библиографического справочника стал значительным событием в издательской деятельности Государственной библиотеки Югры в 2011 г. Составители предположили, что гулять по улицам родного города вдвойне интереснее, когда знаешь их историю. Не согласиться с этим трудно, тем более что улицы могут рассказать о многом: в честь кого и почему они так названы, о людях, которые здесь жили, по архитектуре зданий можно судить о времени, в которое они были построены. Работать над справочником оказалось непросто, ведь нужно было по крупицам выявить информацию, которая до этого не была собрана воедино и тем более обобщена. Пришлось работать с архивными фондами, печатными источниками. Помогли и воспоминания старожилов.

Перед нами сборник, в котором представлен материал обо всех имеющихся на данное время улицах окружной столицы. Мне довелось редактировать материалы справочника, работа эта меня очень увлекла. Многие улицы неоднократно переименовывались. Первые улицы в 1933 г. назывались: Ленина, Фридриха Энгельса, Карла Маркса, Коминтерна, Комсомольская. Несколько раз переименовывалась улица Мира: в 1933 г. ее называли ул. Революции, в 1947 г. — ул. 30 лет Советской власти, а в 1960 г. она получила теперешнее название. Северных улиц было даже три, Октябрьских улиц две, Чкаловских — две, Красных — тоже две. Позже ул. Красная была переименована в ул. Розина. Интересная ис-

тория у улицы Кирова, она переименовывалась три раза: была Царской, Царско-Никольской, Ленина, а улица Конева ранее была Старо-Базарной, Самаровской.

В справочник вошла информация о 172 улицах и переулках нашего города, 53 из них носят чье-либо имя. Если говорить об именах самое экзотическое в названии улиц, на мой взгляд, имя Патриса Лумумбы. Африканский борец за независимость был казнен в январе 1961 г., а уже в марте 1961 г. в его честь переименована улица Новая. В последние годы в городе появились улицы, названные в честь наших земляков: Анны Коньковой, Арефьевой, Башмаковых, Елены Сагандуковой, Кузьмы Шагута. Горожане заметили, что совсем новые улицы теперь называются Васильковая, Грибная, Звездная, Малиновая, Осенняя, Рябиновая, Тенистая, Ягодная. Сплошная романтика и поэзия!

Составители столкнулись еще вот с таким фактом: старожилы помнят улицу Ломоносова, которая находилась в районе стационарного отделения окружной больницы, что и было определено решением исполкома Ханты-Мансийского городского Совета депутатов трудящихся от 28 января 1962 г. В настоящее время в названном районе такой улицы нет, решение о ее переименовании не обнаружено, а ул. Ломоносова, тем не менее, есть и находится она в поселке ОМК. Вот такая загадочная история!

Надеюсь, я вас уже заинтересовала. Нужно сказать, что справочник пользуется большим спросом у жителей города, его на самом деле хочется иметь в домашней библиотеке. Остается добавить: информация о каждой улице содержит выдержку из официального документа об образовании улицы, сведения о месторасположении, достопримечательностях, фактографическую справку, биографические данные тех, чьи имена носят улицы, а также выявленную библиографию. Из всего этого следует, что библиографическому справочнику «В бездонных водах времени» нет цены. Над его изданием работали сотрудники отдела краеведческой литературы и библиографии Государственной библиотеки Югры во главе с заведующей Татьяной Владимировной Пуртовой.

И еще несколько изданий Государственной библиотеки Югры.

Библиотеки в истории Югры [Электронный ресурс] : 80-летию Ханты-Мансийского автономного округа — Югры посвящается : [хрестоматия] / Учреждение Ханты-Манс. авт. окр. — Югры «Гос. б-ка Югры». — Электрон. текстовые дан. — Екатеринбург : Баско, 2010. — 1 эл. опт. диск (DVD-ROM) : цв.

В электронной хрестоматии представлены важнейшие исторические документы, отражающие развитие библиотечного дела в Ханты-

Мансийском автономном округе — Югре за период с XIX по XXI в. Этот временной отрезок вобрал в себя более 500 документов по весьма широкому спектру тем: населенные пункты, первые избы-читальни, образование и культура, первые руководители библиотек и др.

В приложении даны фотографии людей, создававших историю библиотечной отрасли автономного округа и фотохронику становления и развития Государственной библиотеки Югры за 1936–2010 гг.

Один пример из сравнительно недавней истории. Связан он с именем Нины Викторовны Лангенбах. Она руководила отраслью без малого 25 лет. Эти годы сотрудники библиотеки называют «эпохой Лангенбах». И слово «эпоха» как нельзя лучше подходит к тому периоду окружной библиотеки, когда ее возглавляла Нина Викторовна: и по времени, и по масштабам деятельности, и по безусловному авторитету в округе как среди коллег, так и в сфере ее общественной деятельности. 1 февраля 2012 года исполнилось 75 лет со дня рождения нашей легендарной коллеги.

Все, кто работал с Ниной Викторовной, вспоминают её неуёмный характер. Она всегда была в гуще событий. 1960–1970-е гг. отличались общим подъемом в округе: открывались месторождения, забивались колышки, извещавшие мир о том, что здесь будет город, прокладывались нефте- и газопроводы. Нина Викторовна лично занималась снабжением книгами вахтовых и трассовых поселков; в геологоразведочную экспедицию, которая находилась в Горноправдинске, выезжала часто и с книгами, и с беседами. Кстати, именно там она познакомилась со своим будущим мужем.

Время было немножко сумасшедшее, и мы сами были таковыми. Когда какая-нибудь стройка объявлялась Всесоюзной ударной, то в формировании фонда библиотек, которые открывались в округе, принимал участие весь СССР, книги прибывали и прибывали, нужно было создавать условия для их размещения, учета, обработки, организации доступа к ним читателей. Темп был невероятный, Нина Викторовна «не вылезала» из командировок, и везде она была своим человеком, решала все вопросы напористо, энергично. Что греха таить, у местных руководителей забот было полно: нужно было размещать людей в общежитиях, организовывать учебный процесс (учились в три смены), строить детские сады, решать вопрос с выпечкой хлеба и пр. — что называется, «не до библиотек». Но Нина Викторовна ставила вопросы так, что всем становилось ясно: обеспечить строителей и нефтяников книгой — архиважная стратегическая задача.

Представленные в хрестоматии документы хорошо передают специфику библиотечной работы и историю библиотек.

Нам 20 лет : отдел краеведческой литературы и библиографии Государственной библиотеки Югры : история и современность / Департамент культуры Ханты-Манс. авт. окр. — Югры ; Гос. б-ка Югры ; [сост. Т. В. Пуртова, ред.: В. К. Белобородов, М. Н. Мадьярова]. — Ханты-Мансийск: Принт-Класс, 2011. — 104 с.

Библиотека как судьба : сборник воспоминаний ветеранов библиотечной отрасли Югры / Департамент культуры Ханты-Манс. авт. окр. — Югры ; Гос. б-ка Югры. — 2-е изд., испр. и доп. — Ханты-Мансийск : Принт-Класс, 2011. — 114 с.

Библиотека — социальный институт, открытый для общения, это место, где можно соприкоснуться с представителями науки, образования, культуры, литературы, искусства, музыки. И поэтому, мне кажется, наши издания не являются событиями «местечкового» характера, а затрагивают интересы большого количества друзей, партнеров, коллег, читателей, посетителей. И посему я их представляю в обзоре книжных событий, которые состоялись в 2011 году. Об этом же говорит и В.К. Белобородов: «Наверное, природа библиотеки такова, что она не может быть просто хранилищем, вещью в себе, а призвана к диалогу, к сотрудничеству». Его имя открывает раздел «Наши партнеры и друзья» в сборнике «Нам 20 лет». Здесь же мы находим имена Н.Б. Патрикеева, Ю.Л. Мандрики, Е.И. Ромбандеевой.

Мы надеемся, что сборник воспоминаний ветеранов библиотечной отрасли Югры будет интересен не только тем, кто работал и сейчас работает в библиотеках округа, но и читателям библиотек, ведь многие из них до сих пор помнят и любят своих библиотекарей. По воспоминаниям можно почувствовать атмосферу 1960–1970-х гг., когда начиналась нефтяная история Югры. Вот как об этом времени вспоминает С.В. Романова из г. Белоярского: «В те времена при библиотеке был штаб стройки (газопровод Надым—Пунга), и меня обязательно приглашали на все его еженедельные заседания, где я порой ничего не понимала. А в библиотеке у меня висела карта строительства газопровода, и я добросовестно отмечала каждый новый проложенный километр трубы».

О том, что в то горячее время книги в мешках в качестве специального груза перевозили на вертолетах, сбрасывали на открытую площадку, откуда их переносили в библиотеки или вагончики, стало известно нашим современникам только по воспоминаниям ветеранов. Еще много интересного найдут читатели в этих воспоминаниях.

«Искренно делюсь с Вами как с другом» : из переписки Х. М. Лопарева и Ю. М. Поповой / ред.-сост. В. К. Белобородов ; Служба по делам арх. Ханты-Манс. авт. окр. — Югры. — Тюмень : Мандр и К^а, 2011. — 232 с.

В книге представлена переписка Хрисанфа Лопарева с другом юности Юлией Поповой, много значившей в его жизни. Естественно, «эта переписка... интересна прежде всего тем, что открывает нам черты не хрестоматийного персонажа истории, а вполне земного человека...», — сказано в предисловии. Но для составителя важно еще и то, что «читая письма, мы имеем возможность сравнить, в чем мы в своих человеческих взаимосвязях похожи на людей того времени, чем отличаемся. Здесь найдется, о чем поразмышлять». И это действительно так.

Отношение к чтению переписки у меня, мягко говоря, индифферентное, я не могу «заставить» себя прочитать переписку А. Чехова и письма Ван Гога, несмотря на то, что мне обе эти личности чрезвычайно интересны. А вот переписку Лопарева с Поповой прочитала, что называется, на одном дыхании, давно уже чтение не приносило мне такого удовольствия. Я сочувствовала этой симпатичной паре, мне очень хотелось, чтобы они, наконец, стали жить вместе, потому что были близки друг другу, брала досада на Хрисанфа Мефодьевича за то, что он не проявил решительности и не принес счастья своей милой подруге. Мне кажется, что он и сам от этого страдал. Но оставим эмоции.

За эту книгу и редактору-составителю, и издателю ее Ю.Л. Мандрике благодарна не только читающая публика, но, в первую очередь, ученые, историки, краеведы, исследователи. Все, кто интересуется личностью Х.М. Лопарева, знают его как человека, преданного науке, в письмах он постоянно высказывается о своих научных интересах, о желании служить науке.

Издание состоит из публикации текстов писем и научно-вспомогательного аппарата, который представлен предисловием, примечаниями по содержанию, указателями имен и географических названий, списком сокращенных слов и перечнем публикуемых документов.

Там, где Иртыш обнимается с Обью : сборник стихов поэтов Югры / Ханты-Манс. окр. орг. Союза писателей России ; Гос. б-ка Югры ; [ред.-сост., автор вступ. статьи И. Г. Рябий; сост. : Т. В. Пуртова, Д. Д. Решетникова, Е. В. Рыбина]. — Ханты-Мансийск : Принт-Класс, 2010. — 196 с.

В сборник вошли произведения семидесяти авторов — жителей округа и тех, кто является частым гостем Югры и любит наш край. Посвящено издание 80-летнему юбилею Ханты-Мансийского автономного округа — Югры. Интересен подход к подбору авторов и их произведе-

ний, это всегда (при издании подобных сборников) определяется литературным вкусом составителей. И здесь нужно отдать им должное. Вот что по этому поводу сказано во вступительной статье Ирины Рябий: «...наш сборник вобрал в себя таланты самые разнообразные: здесь представлены стихи как именитых поэтов, известных за пределами региона, так и первые попытки совсем юных авторов, наконец, стихи дилетантов. И пусть это не смущает читателя, потому что самое важное и лучшее в книге — объяснение в любви Югорской земле. Любовь — ключевое слово сборника... и в этом его благодатность, а значит, и залог будущей популярности». Поэтому под одну обложку попали А. Тарханов и К. Пипляева, М. Волдина и Е. Пионт, П. Суханов и А. Ратушный.

Сборник снабжен краткими биографическими сведениями об авторах. Материал в сборнике размещен по географическому принципу (по месту проживания авторов).

И позволю себе одну цитату из этого сборника. Стихи принадлежат Юрию Вэлле:

Я мечтаю, чтобы мы — люди,
Научились говорить о Родине,
Не произнося этого слова...
Я мечтаю, чтобы мы — люди,
Научились говорить о Любви,
Не клянясь в любви...

Читайте, изучайте, любите свой край, ибо спасти нас от невежества может только интеллект, который нуждается в развитии и пополнении знаний, а любовь должна быть деятельной и созидательной. На эту мысль наводят меня строки Ю. Вэллы.

Мария Мадьярова,
гл. библиотекарь отдела маркетинга, рекламы
и массовой работы Государственной библиотеки Югры

Предтеча двадцать пятого кадра

Предисловие переводчика

Рассматривать книгу Василия Денисенко¹ «На далеком Севере» исключительно как источник популяризации знаний о инородцах, живущих в Сибири, нельзя. Вышедшая в Киеве на украинском языке через полтора года после знаменитого XX съезда, на котором прозвучал «секретный» доклад Н.С. Хрущева «О культе личности и его последствиях», она сегодня свидетельствует о двойных стандартах, существовавших во все советские времена. Резкая критика культа личности И.В. Сталина на съезде, особенно за политические репрессии 1930 — начала 1950-х годов, не сразу стала в повседневной жизни граждан СССР сигналом к оздоровлению общества с помощью гласности.

Автор книги в предисловии пишет, что около десяти лет (с 1934 по 1944 г.) он «проживал на нашем Крайнем Севере, в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком национальных округах — среди ханты, лесных и тундровых ненцев, манси и коми». Но вот что заставило сорокалетнего столичного жителя сменить Крещатик на плохо освоенные земли около Полярного круга — ни слова. Хотя информация об этом могла быть продолжением линии Коммунистической партии на съезде.

«В Москве задержались дольше, нежели думалось. Поэтому торопились. В Тобольске также задержались: здесь оканчивалась автомобильная дорога и начинался путь конный, а по весне, как обычно, санный путь разбитый, лошади уже усталые, многие из них — нетрудоспособные, а тем временем еще осталось немало неперевезенной почты, грузов, людей, которые спешат доехать до северных земель и поселков. А солнце с каждым днем пригревало, снег таял, портилась дорога», — данная цитата из первой главы книги ставит множество вопросов. Кто эти «мы», которые задержались в столице, а затем и в Тобольске? Ка-

¹ Денисенко В. С. На далекий Півночі / Василь Денисенко. Київ, 1957. 335 с.

кая задача стояла перед ехавшими в Сибирь? На Крайний Север? Книга не дает на это ответа. И, наверное, потому, что линия украинских националистов, видящих будущее одной из советских республик исключительно в суверенных тонах, пока была все-таки запретной темой.

Хотя в самый раз вспомнить события начала тридцатых годов на Украине. В это время прекратили свое существование практически все учреждения, в которых работали ученики киевской исторической школы М.С. Грушевского (избирался президентом Украинской Народной Республики в 1918 г., разрабатывал концепцию независимого демократического украинского государства с ориентацией на Европу), а сам академик был выслан с Украины. Василий Семенович Денисенко (1896–1964) в 1930 г. еще был аспирантом кафедры истории Украины ВУАН, затем здесь же, в академии, работал как научный сотрудник культурно-исторической комиссии. Но в 1933 г. «ученик Грушевского», стоявший «на классово-враждебных позициях», был уволен с работы без всякой возможности трудоустройства в столице Украины. Добровольно ли он уехал на Север? Ни одна из опубликованных работ об учениках киевской школы М.С. Грушевского не дает ответа на этот вопрос.

В предисловии к изданию «На далеком Севере» автор, формулируя концепцию книги как исследование о жизни малых народов у северной реки, делает оговорку: «Однако автор никак не претендует на исчерпывающее исследование о народах, флоре и фауне обского Крайнего Севера. Мы обошли целый ряд явлений разнообразной народной жизни, которые могли бы заинтересовать этнографа, археолога, палеонтолога, искусствоведа, а также вопросы о разделении труда, технике промысла, технике изготовления орудий промысла и т.п. — того, что до недавнего времени существовало и иногда существует и сейчас».

В толстом томике встречаются не только описания различного рода, обряды с их атрибутикой. Но каждый читатель познакомится не только с жизнью и бытом жителей далекого Севера.

В книге можно встретить географо-статистическое описание территории в том ключе, который очень нравился исследователям Императорского Русского географического общества. Читатель узнает, что Приказымые занимает 36 тыс. квадратных километров. Это только пятая часть территории Березовского района. И проживает здесь всего около 150 семей, немногим более тысячи человек.

Автору не чужд экскурс в историю верховьев Казыма, где проживал род Молданов, присвоивший себе право называться «турум-сир-йох» — божьим народом. Князья этого рода упоминаются уже в документах XV в. В. Денисенко не преминет подчеркнуть ущербность генетики Молданов: их правящая верхушка вместе с оленеводом Сорумом и его сыновьями вела вооруженную борьбу с советской властью.

Но это верхний слой, лишь перья павлина-самца, красиво расправляющего перья своего хвоста перед жертвой. Идеологическая канва повествования сложнее, она по сути — песнопение существующей власти. Вот охотник Сангеп пишет картину счастья: «У меня было пять оленей. Советская власть дала мне десять. Сын и дочка моего сына, который умер, учатся в школе. Там их одевают хорошо, учат, кормят».

Герой книги В. Денисенка ничего лучшего в своей жизни не видел. Умом он, конечно, мог понимать, что закавыченное в вышестоящем абзаце счастье — удел раба, ибо только холопы работают за кусок жрачки. А здесь в книжной строке отлит идеальный случай существования в советской стране тридцатых-сороковых. Ориентир, к которому должны стремиться все.

И, конечно, квинтэссенцией одетого, обученного, накормленного ханты могла быть только Культбаза (да, именно с большой буквы), которая уже наладила свою работу. Это комбинат, куда входят школа-семилетка (десятилетка с обучением на родном языке), интернат для учащихся, неполная или средняя школа для русского населения, больница, амбулатория, зоотехнический и ветеринарный пункты, Дом народов Севера (до 1936 г. в них входили и краеведческие пункты). На обском Севере культбаз было четыре.

Обязательным атрибутом книги является и Иосиф Виссарионович, чье имя, несмотря на доклад на XX съезде КПСС, конечно, носит крупнейший оленеводческий совхоз.

Эта страсть ко всему коллективному настолько всеохватывающая, что уже в те времена, когда правящая верхушка Молданов вместе с оленеводом Сорумом и его сыновьями все еще вела вооруженную борьбу с советской властью, все ханты на 49 лет сдали в аренду свои озера под рыбную ловлю. И в этом строительстве светлого будущего, несомненно, участвует и автор, возникший на страницах книги по воле случая (власти?). В предисловии он отчитывается за эти десять лет, прожитых им где-то рядом с Полярным кругом: «Во время пребывания на Крайнем

Севере я не только наблюдал, но и помогал в меру своих сил грандиозному процессу вхождения в новую советскую жизнь отсталых в прошлом народов. Я был свидетелем свершения коллективизации в этих отдаленных районах страны, все большего усиления Советской власти.

В прошлом отсталые, обреченные на вымирание народы теперь возродились, включились в новую жизнь, практически доказали свою жизнеспособность, уверенно уничтожили так званные (?) “теории” о высоких и низких расах. Появилась своя интеллигенция — врачи, учителя, зоотехники, партийные и советские работники...»

Вывод во времена издания книги напрашивался сам собой: старший брат пришел на помощь в отдаленный уголок советской страны... Сегодня — это штамп сорок седьмого калибра из захудалой районной газеты.

Автору книги настолько понравились десять северных лет, что в 1950-м он приехал в этот край еще раз посмотреть...

Книга разделена на десять глав. Поскольку издание недоступно массовому читателю, приведем их названия. «В дороге к Казымской культ-базе», «Казым-юган», «В поселке Вутвожи», «В районе озера Нум-то», «По течению северной реки», «В глубине северной тайги», «В чумах кочевников-оленоводо-вод», «Средь снегов лесотундры», «На родине Ваули Ненянга» и «В Приуральской (Байдарацкой)».

Помещая одну из глав книги В. Денисенко, публикатор хотел бы познакомить читателя с манерой письма автора. Передвижение героя по страницам книги в обрамлении красивых пейзажей, занимательных обычаев, восхищенных коллективным сверхурочным трудом инородцев должны были создавать прекрасное далеко. То, которое в разрушенном немцами Киеве в тот момент пока не могли еще все почувствовать. И это чистописание с претензией на большую литературу было предтечей двадцать пятого кадра...

Практически у всех учеников киевской исторической школы М.С. Грушевского была тяжелая судьба. Некоторые из них, чтобы выжить, клеветали на уехавшего не по своей воле учителя. Василий Денисенко пиарил ту власть, которая «позволила» ему пожить на Севере... Для интеллигента это был грех посерьезнее, нежели клевета на соседа во спасение...

Ю. Мандрика,
канд. филол. наук

По течению северной реки

Моя маленькая лодочка покачивается в Казымском заливе, месте будущей пристани. Багаж заботливо уложен и перевязан, к сиденью прикреплен маленький столик, специально сконструированный Тебетевым для буссоли, компаса, секундомера, бумаги и других вещей, необходимых для маршрутного фиксирования течения реки Казым.

Передо мной далекая дорога — около тысячи километров вниз по течению безлюдной извилистой реки, перерезающей территорию северной тайги и захватывающей часть лесотундры. Только проплыв километров семьсот-восемьсот, я встречу рыбаков.

Здесь, в верховьях, река не очень широкая, до двадцати пяти метров, но глубокая. Она становится шире с каждым днем езды, забирая в себя воду с берегов, скованных вечной мерзлотой, с болот и озер.

Только после шести-семи дней путешествия, как мне говорили, Казым вдруг станет широченным, поглотив воды Щоур-югана и Кур-йох.

Широкий заливной луг, заросший роскошной травой, в отдельных местах далеко уводит низкий левый берег. Иногда речка сужается, и лодочка плывет по зеркальной аллее вдоль высоких берегов, покрытых нетронутым лесом: соснами, елями, кедрами, а возле воды в низинах — белыми высокими березами с желто-красными листьями. От дуновения ветерка листья срываются стайкой, ложатся ржавыми пятнами на поверхность реки и тихо плывут по воде. Часто лес прерывается и перед глазами открывается широкое болото, заросшее пожелтевшей травой, или большое озеро, в котором ни один рыбак не ставил сетей.

Натыкаюсь на озера и болота, что почти вплотную подходят к реке. Тогда выхожу на берег, картографирую местность, вымеряю. Всего несколько метров твердого грунта отделяют эти болота от Казыма. Как легко будет в будущем осушить их, спустив воду в Казым! Но это в будущем...

Я отдыхаю. Лодка легко идет по течению с точно определенной скоростью, записи показаний буссоли и компаса, лаконичные заметки и зарисовки маршрутной съемки не утомляют меня. Напротив, эта работа дает мне возможность углубиться в наблюдения меняющихся берегов, флоры, причудливых извилин реки. Такое изучение природы и ландшафта не только не утомляет исследователя, но и вызывает новые волны душевного подъема, радостный интерес к новым местам. С большим наслаждением принимаю в себя разнообразие осеннего ландшафта берегов безлюдной реки.

Осенним утром небо особенно глубокое. Тает легкий туман, нависший над рекой, и побелевшая от ночной изморози трава под лучами солнца снова становится зеленой. Все это я как-то особенно остро ощущаю, потому что я — один.

Осень — лучшее время года на Крайнем Севере. Берега окрасились в «багрец и золото». Исчез гнус, не нужны больше дымокуры, легко вздохнули люди. Только следы гнуса — красноватые веки глаз и еще не сошедшие рубцы на лицах взрослых и детей — напоминают о недавнем лете, так же, как ранней весной черные пятна на лицах от обморожений напоминают о прошедшей суровой зиме.

Поедая грибы, быстро набирают вес олени, по лесам и тундре разбредаются покорные важенки во главе со злыми и нервными теперь хорами.

Из тундры и лесотундры начинают возвращаться к югу, в глубину северной тайги огромные лесные красавцы лоси и погрузневшие медведи. Медведи и лоси-самцы в этот период спаривания особенно острожны и злы. Лоси, обычно смирные, теперь становятся опасными.

«Осенью в лесу встретиться с лосем, все равно, что с лосихой ходить, — в гробу быть», — гласит местная поговорка.

Подросли и влились в стаи птенцы, впервые увидевшие свет в этом году, выросли молодые горностаи, зайцы, песцы.

Как и ранней весной, в воздухе беспрестанно проплывают стаи уток, лебедей и гусей. Но если весной в крике перелетной птицы слышна суматошная тревога, то теперь чувствуется сытое спокойствие. Сбившись в группы, птицы медленно, с долгими остановками на озерах, заливах и реках, перелетают на свои зимние квартиры.

Много лет я наблюдаю перелеты птиц. Литературные источники, изучение палеофлоры районов Крайнего Севера и собственные наблю-

дения дают достаточно оснований утверждать, что причину ежегодных миграций птиц в северные просторы необходимо искать в смене климатических условий. Эти перелетные птичьи стаи — наследники тех, что в глубокой древности жили на нашем Севере более или менее постоянно. Постепенное похолодание вытесняло птиц все дальше на юг. Но «инстинкт севера» в самые серьезные периоды жизни птиц — в пору размножения — неизбежно тянет их сюда.

...Ежедневно переносу на миллиметровку маршрутную съемку и вижу, как петляет Казым. Иногда я плыву почти рядом с теми берегами, которые уже миновал, только в противоположную сторону. Прохожу старые фарватеры, которые Казым оставил и сменил на другие. Сегодня, вычертив маршрут, я увидел, что совершил круг и уткнулся в берег, близ которого уже проплывал.

Поднимаюсь на высокий правый берег. В самом деле, в тридцати метрах — Казым. Там он течет на юго-запад, а здесь, где я остановился — на юго-восток. Через полкилометра фарватер поворачивает на север, далее — на восток. Чем шире становится река, тем больше она выравнивается, становится менее извилистой.

Каждый день, оставив лодку на берегу, с топором и ружьем, заряженным жаканом и картечью, углубляюсь в лес правого или левого берега. Как и везде, вдоль берега тянется полоса леса, далее — озера, болота, речки и ручьи и снова лес. И так сотни километров. К югу леса становятся гуще, а к северу — редеют и постепенно сменяются тундрой.

Вытаскиваю лодку на песок. Разжигаю костер, чтобы во время моего отсутствия ни один зверь не приблизился к лодке. Поднимаюсь на крутой высокий берег. Передо мной на два километра, а может и больше, протянулся участок поваленного леса. Огромнейшие сосны и ели с вывернутыми корнями и поломанными ветками лежали широкой, в двести-триста метров полосой верхушками на юго-восток, в сторону реки. Когда деревья лежат, особенно бросается в глаза «винтообразность», скрученность их стволов. Здесь можно встретить много подобных следствий ураганов. Но пройдут десятилетия, сгниют поваленные деревья, и на их месте вырастет новый лес.

Еще больше вреда наносят частые лесные пожары, которые слизывают все живое с лица земли иногда на громаднейших территориях. От них на много десятилетий гибнут зверовые промысловые уголья и

ягель — единственный зимний корм оленей. Для восстановления по-
травленного оленями ягеля нужно от восемнадцати до двадцати пяти
лет, а для восстановления после пожаров, по наблюдениям специали-
стов и оленеводов, — двадцать-тридцать пять лет.

Хочу осмотреть местность. Но через лесной завал пройти невоз-
можно, поэтому берегом иду к уцелевшему лесу и углубляюсь в него.
Вокруг высокие деревья, под которыми лежат прогнившие стволы, по-
падают грибы, спелая брусника. Лесную тишину внезапно нарушает
глухой шум крыльев — это взлетают глухари. На деревьях вижу белок.
Их очень много, никогда столько не видел. На небольшой опушке снова
вижу глухарей, они спокойно клюют бруснику. Мне сейчас не нужно
мясо, поэтому, насмотревшись с близкого расстояния на птиц, выхожу
на опушку. На мгновение глухари замерли, затем с шумом поднялись и
исчезли за верхушками деревьев.

По компасу проверяю направление и иду дальше. Уже близко та
горка, которую видел с реки еще вчера. Наконец я на голой каменистой
вершине. Впервые за много дней вижу горизонт одновременно со всех
сторон. Чарующая, немного грустная картина. Голубое, безоблачное глу-
бокое небо. Солнце золотит верхушки деревьев. Светлой полосой те-
чет Казым. Среде лесного моря Казым кажется ниточкой, которая, из-
виваясь, тянется с востока на запад.

За двести метров от полосы гарей под солнцем сияет озеро. Оно
неширокое, метров четыреста-пятьсот, но длинное — в бинокль едва
вижу его западный берег. Над озером летают белые чайки. Видно, как
от движения рыбы рябит стеклянную поверхность озера, как отдельные
рыбины выпрыгивают над водой.

Над горями повис орел. Наклонившись на левое крыло, он делает
круг и снова парит над тем же местом. Своими зоркими глазами, заме-
чающими с высоты мышь в траве, орел высматривает жертву. Еще мгно-
вение, и орел камнем падает и исчезает за деревом, а через несколько
секунд медленно подымается над деревьями и низко плывет в сторону
реки. В его железных когтях маленький зайчонок.

...Только на четвертые сутки встретил следы человека. Еле заметная
тропинка, густо заросшая травой, привела меня к тихому широченному
озеру, в котором бьется рыба. На берегу стоит старая покосившаяся
деревянная юрта и высокий лабаз. Здесь же — перевернутая лодка, вес-

ла, жерди для сушки невода и сетей. На ручейке — «сооружение», сделанное детскими руками: игрушечная лодка с миниатюрными веслами и слопцы для глухарей. Вокруг юрт уже вырос ягель. Выходит, лет пятнадцать сюда не ступала нога человека.

Возле незакрытой юрты горностай несёт куропатку с перекушенной шеей. Хищно оскалив зубы, он бросается ко мне, но тотчас отбегает.

Оконного стекла в юрте нет. Наверное, зимой в окна вставляли льдины — так делали когда-то. В юрте на земляных нарах, прикрытых берестой, лежат старые сетки, кремневка, лук и стрелы с костяными наконечниками, медвежья голова и лапы. В углу лежит немного пороха и дробы в пачках. Здесь же верхняя старая одежда из оленьих шкур, поржавевшая кружка и еще кое-что из немудреного скарба полукочевника.

Догадываюсь, что люди покинули юрту после того, как их навестила смерть. Быстро возвращаюсь к берегу. Плыву дальше. Еще издали увидел на островке воткнутую в песок жердочку с прибитой к ней дощечкой. Таким «почтовым ящиком» мы с Дмитрием иногда пользовались во время работы на озере Нум-То. За дощечкой нахожу лист, завернутый в берестовую кору.

«Дорогой друг. Очень спешу. Ты в Нум-То не задерживайся. Вблизи этого места справа хорошее озерцо, сеть можно поставить. До свидания. Тебетев. Мне пиши на культбазу. Без тебя скучаю. Ехал три дня».

Милый мой юноша! Твоя весточка — немалое для меня утешение. А относительно просьбы не медлить и послать тебе письмо, наверное, ты шутишь, как часто у тебя бывает.

На песке свежие следы широких медвежьих лап и раздвоенных копыт молодого лося. Читаю следы: лось остановился, наверное, только для того, чтобы стряхнуть с себя воду, перешел остров и снова вошел в речку — переплыть на южный берег. А медведь заходил в брусничник, ел ягоды и после пошел по следам лося к воде. Кто знает, может быть, после этого недалеко отсюда была битва, и молодой неопытный лось стал пищей для медведя.

Было еще рано, и я не послушал дружеского совета Дмитрия поставить сеть, а поехал дальше.

К вечеру мне пришлось пережить неприятную минуту — встречу с медведями. Возможно, где-то здесь «мойпер-йош» — медвежья дорога. По наблюдениям охотников, лоси и медведи во время миграций на

север и обратно выбирают себе определенные дороги. Об этом свидетельствуют и отдельные географические названия, такие как «мойпер-йош». На таких медвежьих или лосиных тропинках охотники маскируют полторасаженные луки и стрелы, заряженные ружья. Есть и другие способы охоты на таких «мойпер-йош».

Заводь сузилась. Тихо шла лодка. Отыскивая место для ночлега, я внимательно рассматривал левый берег. Не знаю, что меня заставило мгновенно повернуть голову направо, возможно, необычный звук или отблеск на воде. В то самое мгновение я увидел двух медведей на небольшом мысу в двадцати метрах от лодки. Лодка шла прямо на них.

Звери были так ярко освещены лучами вечернего солнца, что я ясно увидел их огромные головы, лапы, маленькие глаза, смотревшие на меня. В недвижимых фигурах, спокойных глазах чувствовалась дикая безжалостная мощь.

Инстинктивно я потянулся к ружью. Но сразу вспомнил, что ружье заряжено дробью для охоты на уток. Вспомнил совет друзей не стрелять с лодки. Пришлось принять во внимание и то, что передо мной не один, а два медведя, что повернуть лодку против течения было уже поздно. Надо ехать прямо и не делать резких движений. Если медведи бросятся за мной, то на широком месте попробовать повернуть назад или быстрее грести.

Как и всегда во время неожиданной опасности, мысли менялись молниеносно. За одну-две секунды многое передумалось. Не отрывая глаз от замерших зверей, не вынимая весел из воды, чтобы не было видно движений рук, плыву дальше.

Как медленно идет лодка! Кажется, будто, поравнявшись со зверями, она остановилась. Наконец лодка обошла мыс. Круто направляю ее вправо, гребу на полный взмах руки, оборачиваюсь. Вижу глаза зверей, устремленные на меня. Отъехав дальше, снова оборачиваюсь: медведи стоят неподвижно и продолжают смотреть в мою сторону.

— Чтоб вас черти взяли! — вырвалось у меня.

Потеряв скорость, необходимую мне для вычисления расстояния, я еще долго усиленно работал веслами, стараясь как можно дальше отплыть от зверей. Потом причалил к левому берегу и, когда совсем зашло солнце и в лесу послышались знакомые ночные звуки, а над широкой здесь рекой поднялась бледная луна, разжег костер.

После ужина лежу возле своей маленькой палатки, подбрасываю дрова в костер. Спать не хочется.

Ночь прохладная — под утро трава снова побелеет. Часто слышится плеск воды, и тогда звездное небо дрожит в ней и кажется, что с волной выплескиваются на песок и звезды. Плеск воды со временем становится все чаще — то хищные рыбы начали добывать себе пищу. Пролетают запоздалые стаи диких уток и садятся на воду, слышится хлопанье воды и громкая их переключка.

Волки вышли на промысел. Часто слышу их отдаленный вой. Он доносится с нескольких мест правого, южного, берега и отзывается эхом.

Лесные берега, тишину которых днем почти ничто не нарушает, ночью полны тревожных звуков. Часто слышу совсем близко писк, это хищник поймал птицу. Неожиданно налетела северная сова, зацепила мою палатку. С шумом прямо надо мной пролетел глухарь, по реке проплыла его тень, и птица исчезла за лесом противоположного берега. Наступила минутная тишина. И вдруг близко от палатки взлетела стайка белых куропаток.

По песку в десяти шагах от меня быстро пробежал заяц, за ним из кустов вдогонку устремилась лиса. В ясном лунном свете вижу, как она остановилась, посмотрела мельком на огонь, и, взмахнув пушистым огромным хвостом, молниеносно нырнула в кусты. Проскочил, настороженно оглядываясь, маленький, с хищными глазами горноста́й с бурундуком в зубах.

Неожиданно разбудил жалобный надрывный крик. Он то затихал, то снова с еще большим отчаянием раздирал предутреннюю тишину. Наконец, смолк. Сон исчез, и я поднялся. Начало рассветать. Побледневший месяц завис над лесом. Над рекой и заводью клубился пар. Трава покрылась изморозью. Над головой беспрерывно пролетали утки и садились вблизи. Где-то высоко в побелевшем небе летит гусиная стая. Перезарядив ружье, иду в сторону заводи. Над ней стоит прозрачный туман, на воде — тысячи уток, гагар, они беззаботно плавают и ныряют. В отдалении по илистому берегу ходят осторожные гуси. Но мне нужна только одна утка, поэтому, чтобы не ранить других, целюсь в одинокую птицу.

Солнце уже поднялось над лесом. Позавтракав, сажусь в лодку и направляю ее к мысу, окутанному легким туманом.

Высокие сосны, ели и кедры стеной подходят к обрывистым берегам. На кедрах часто мелькают хвосты белок, с дерева на дерево перелетают кедровки. В этот период и белки, и кедровки заготавливают себе на зиму орехи. Белки складывают кедровые орехи в дупла сухих деревьев, а кедровки, кроме того, зарывают их в сухих местах. Кедровки никогда не забывают эти склады, даже если орехи спрятаны в сотнях мест. Зимой они разгребают снег и, нырнув в него, достают свои запасы из-под листьев и мха. Интересно, что среди орехов, заготовленных белками и кедровками, никогда не бывает пустых или испорченных.

На седьмой день ночью послышался отдаленный лай собак. Значит, чум близко. Еще на рассвете, перетянув лодку на озеро, настрелял уток. Через три часа на широком рыбацьем песке увидел берестяной чум, мужчину, женщину и детей.

— Вузя, вузя-а!¹

С радостью узнаю Василия Молдана. Нас связывает четырехлетняя дружба. Мы много ездили вместе, не одну морозную ночь провели возле костров, плавали на лодках, бывали в чумах и селениях, на культбазе. Я часто навещал его юрту. Знаю всех его детей, его высокую спокойную, с лучистыми очами жену, знаю старого отца, братьев — Романа, который теперь работает в Нум-то, и Кузьму — лучших охотников Казыма. Они, как и Василий, советские активисты.

Шутливо расспрашивая, почему я так плохо выгляжу, Василий обнимает меня. Здороваюсь с его женой, с детьми. Передаю подарки от Романа. Пока идем к чуму, узнаю, что Тебетев проехал давно и у него все в порядке, что рыбаки с семьями два дня назад переехали на места осеннего рыбного промысла, а он, Василий, ожидает пастухов, которым должен передать продукты.

Артель избрала Василия бригадиром. Нынче его бригада сдала рыбы больше, нежели в прошлом году.

В чуме Василий подает мне кипу газет, журналов и писем, присланных нарочным еще три недели назад.

Молдан садится рядом и снова рассказывает обо всем, что произошло на Казыме на протяжении весны и осени. На культбазу приехали новые учителя; появился еще один врач. Летом приплывала «красная

¹ Здравствуй!

лодка». Была женщина-врач, лечила больных, давала лекарства. В большом шатре из черного материала показывали кинокартины.

— Дмитрий рассказывал, что вы рисовали озера и реки, по которым по Казыму до Нум-то можно катером доехать. «Остров-сердце» видели? Как там в Турум-лоре народ живет?

Василий с жаром говорил о делах артели, о хозяйственных и других успехах, некоторых недостатках, которые идут от неопытности молодого, но дружного коллектива.

Меня охватывает теплое чувство. Усталый от нескольких дней путешествия и от одиночества, чувствую, что встретил родных людей.

— А ну-ка идите сюда! — обращаюсь к детям.

Растерявшись, они подходят. Малышня успела меня забыть, но теперь понемногу вспоминают. Они мне когда-то дружно напоминали хантыйские слова, которых не мог вспомнить, рассказывали сказки.

Движения Молдана быстрые, точные, решительные. Открытое энергичное выражение лица. Русые волосы на голове подстрижены, но не коротко. Это своего рода «компромисс»: обрезав косы, он не решается коротко стричься. Сейчас Василий зачесывает волосы вверх, к затылку.

Хозяйка уже успела все приготовить к встрече гостей. На детях праздничная одежда — рубашечки и платица в орнаментах. Василий тоже празднично одет. На маленьком столике лежит свежая рыба, нарезанный хлеб, стоит крепкий чай и рыбий жир в чашках.

Ласково улыбаясь, Василий вынимает из-под оленьей шкуры четвертушку спирта, наливает в чашки, разбавляет водой.

— Для гостей берег, для тебя берег. Митя сказал, что ты приедешь. Выпить надо! Три такие летом купил. Две выпили, одна осталась. Тебев говорил, что за все лето выпили только маленькую бутылочку.

— Талан кур, талант юш, талант потенга!¹ — произношу я, и Василий удовлетворенно улыбается.

Закусываем. Василий и его восьмилетний сын макают сырую рыбу в жир. Кусочки рыбы они быстрыми взмахами рук снизу вверх отрезают острыми, как бритва, ножами возле самого носа. Я до сих пор не научился так делать — боюсь за свой нос.

¹ Застольный тост ханты. В переводе: «Здоровья ногам, здоровья рукам, здоровья (счастья) всему!»

Рассказываю о верховьях Казыма, окружающих местах, реках Надым, Хетту, об озерах, что вокруг Нум-то. Василий долго рассматривает карту Нум-то и с интересом слушает мои объяснения. Эти места ему хорошо знакомы.

— Ты верно нарисовал. Только скажи, как ты это сделал? Тебетев мне рассказывал, но я не понял. Там святые места, там старые люди живут. Говорят, что в Турум-лор самый большой бог живет.

Хозяйка долго смотрит на карту Нум-то, потом спрашивает:

— Ты долго по Турум-лор на лодке плавал, бумаги писал. Ты видел этого бога, что в озере живет?

Я отвечаю, стараясь развеять еще не выкорчеванные здесь суеверия. Года два назад Василий с характерной для него прямолинейностью возражал бы против всех моих ответов, а также отрицал бы многие из моих объяснений. Но теперь его вера в бога и шаманов пошатнулась, и он молча слушает, кивает головой, соглашаясь с моими словами.

Днем едем охотиться на гусей и приносим добычу. Помогаю подсчитать количество рыбы, сданной бригадой на изотермический плашкоут, который был недавно выше устья реки Кур-йох.

Вечером за чаем договариваемся, что завтра Василий поедет со мной на фабрику и рыбоприемный пункт. Василий по дороге осмотрит озера, в которых осенью будет ловить рыбу, и проверит, как промышляет его бригада. На фабрике и в рыбтресте ему надо произвести взаиморасчеты. Управится за три дня.

— Поеду с тобой далеко. Возьму там себе другую жену, красивую советскую девушку, — шутливо обращается Василий к жене. — В далекие места с ней поеду — там с ней жить буду!

Мария отвечает на это уверенной, спокойной улыбкой. Но четырехлетняя дочка Василия не поняла отцовской шутки и громко расплакалась. Василий осторожно берет ее на руки и нежно успокаивает.

Подходит ночь. Отказываюсь от постели в чуме и разбиваю свою палатку возле речки. Где-то около полуночи сквозь сон чувствую, как Василий поправляет мою палатку и прикрывает ее с подветренной стороны березовой корой.

...Я легко гребу, а Молдан, сидя на корме за моей спиной, руководит. Мы взяли быстрый, но ровный ход, удобный для определения расстояния при маршрутной съемке. До фабрики доедем завтра, а сегодня вечером будем в бригаде Василия.

Река все время расширяется. Здесь в нее влились все притоки. Далеко на юге по такой реке ходили бы пароходы, баржи. А впрочем, и здесь в недалеком будущем будут ходить пароходы. Вокруг лодки и по всей поверхности реки плавают желтые, оранжевые и красные листья. В прозрачном воздухе на озерах и реках перекликаются перелетные птицы. Встречаются еще стайки неокрепших, поздних утиных выводков. Они суетливо отплывают от лодки, пытаются взлететь и сразу беспомощно опускаются, ныряют и всплывают позади нас. Их испуганные матери, чтобы отвлечь наше внимание, самоотверженно принимают опасность на себя: садятся перед лодкой и быстро плывут в сторону, потом взлетают и снова садятся в нескольких шагах. И только когда мы отплываем далеко, взмывают вверх и с тревожным криком возвращаются к детям.

— Обманывают нас, — улыбается Василий.

Но напрасно волнуются утки. Никогда северный охотник не убьет птицу, если видит рядом с ней неокрепших ее детей. Относительно этого существует суровый неписанный закон.

По установившейся привычке во время наших путешествий рассказываю о жизни людей на юге. Василию далее культбазы ездить не приходилось, и его очень интересует, как живут в больших городах, как работают фабрики, заводы, железная дорога.

Хотя московское метро уже давно действует и Василий много слышал о нём и видел фото, но просит еще рассказывать. Подземная железная дорога волнует умы больше, нежели легендарный мамонт с крупнейшими бивнями и длинной шерстью, который вроде бы живет под землей, где-то в вечной мерзлоте.

— А сколько в Москве людей? — спрашивает Василий.

Отвечаю, что почти пять миллионов. У Молдана есть особенная черта: пока не уяснит то, что ему сказали, не будет слушать дальше.

— Миллион, еще миллион, еще миллион... да еще один миллион, — задумчиво говорит он. — Много, ой, как много в Москве людей! А скажи мне, сколько в Москве взрослых людей?

Называю приблизительное число. Молдан молчит. О чем-то думает.

— Много в Москве людей. Очень много! А вот ты мне скажи, — вдруг оживляется он, — если в Москве так много мужчин, то сколько там артелей и где они там белку стреляют, оленей пасут, рыбу ловят?

Я стараюсь не рассмеяться и снова рассказываю, чем занимаются люди в Москве и других городах. Рассказываю про заводы, фабрики, учреждения, предприятия, школы, напоминаю, что оружие, дробь, машины, мануфактуру и другие товары, какие поступают на Север, изготавливают работники в таких больших городах.

В устье реки Кур-йох — притока Казыма — делаем остановку. Здесь надо обследовать берег, с которого мои краеведы привозили образцы глины, необходимой для строительства поселка. Глина чудесная, но не определены ее запасы, чтобы знать, стоит ли здесь строить небольшой кирпичный завод. Весной я ехал здесь с Тогльмазом: здесь проходит зимняя дорога.

Волны тихо набегают на песок, скатываются и снова набегают. Василий прислушивается, жестом просит меня замолчать.

— Слышишь? Гуси!

Поднимаюсь, слушаю, но, кроме тихого шелеста листьев и глухого рокота воды, ничего не слышу.

— Гуси! Пойдем, они в заливе, совсем близко. Я знаю этот залив, — шепчет Василий.

Хотя я ничего и не слышу, но меня охватывает охотничий азарт. В ружье закладываю картечь. Прячась за поваленные бурей толстые стволы деревьев, идем в глубину леса, подползаем к воде. Узкий длинный залив покрыт дикими птицами. В отдалении видим стаю гусей. Осторожные птицы ходят по илистому берегу, а справа и слева от них стоят два «часовых» и зорко осматриваются по сторонам.

Ползем сквозь кусты. Гуси беззаботно гуляют по илистому берегу. Но они еще далеко, и мы терпеливо ждем. Вдруг птицы насторожились и, подняв головы, замерли. Через полминуты послышалось гоготание, шум, и на воду села новая стая гусей. Вслед за ней прилетела и села посередине стая белых лебедей. Сев, они тотчас каменеют, потом, не смешиваясь с другими птицами, начинают плавать, нырять, вокруг вода клокочет, как в котле. Насчитываем семьдесят пять лебедей, но их, наверное, больше, трудно исчислить эту подвижную беспокойную стаю.

Пятеро гусей приблизились к нам. От наших трех выстрелов вся эта крылатая ватага из нескольких сот голов поднялась в воздух. Большая их часть летит в нашу сторону, мы успеваем перезарядить винтовки и еще три раза выстрелить.

От моих четырех выстрелов упало два гуся, от двух выстрелов Василия — еще два. К трофеям, которые нес бы с гордостью, если бы возвращался с охоты в город, сейчас я был равнодушен из-за их доступности. Возвращаемся к нашей лодке, идем старой забытой тропинкой, которая тянется вдоль реки. Маленьким, острым, как бритва, походным топором срубая несколько верхушек кустов.

— Хорошо ты мне наточил топор, — говорю я приятелю.

Василий некоторое время молчит, потом отвечает:

— Наточил я хорошо, но ты мне скажи, зачем деревца рубишь?

— Да так. Все равно ими никто не пользуется. Вот посмотри: везде лежат и гибнут деревья, никто их не берет.

Оглянувшись, увидел, что Василий с укором качает головой.

— Нет, это не так, — говорит он. — Вот мы с тобой часто ночевали в лесах, костры жгли. За ночь мы сжигали до пятидесяти стволов — может, много пудов за ночь сжигали. Надо, чтобы тепло нам было. Но зачем молодые деревья рубить? Нехорошо ты поступаешь.

Мне стало стыдно от этого упрека. Сотни раз приходилось видеть, что северные люди без надобности не уничтожают деревьев и детей приучают к тому же. И так относятся они не только к деревьям, которые растут возле юрт. В отдаленнейших лесах, куда вообще редко заходят люди и где множество деревьев падает от бурь и старости, северные жители с таким же уважением относятся к лесу, не рубят без надобности.

Разжигаем костер. Василий рассказывает, почему речку Кур-йох так называли.

— За речкой когда-то ненецкая земля была, а перед ней — земля ханты. Ханты не ходили за эту речку промышлять. Один из ханты со своим сыном белку возле этой речки промышлял. Много белок из лука настреляли. Отец сыну и говорит: «Много белок здесь. Ненцев нет — пойдем на Кур-йох белку промышлять». Пошли они. Много белок убили стрелами, капканами много соболей и лисиц поймали. Радуются. Вечер. Ночь настала. Они из веток шалаш сделали. Белок сварили, поужинали, спать легли. Ночью слышат: люди идут. Подошли те люди, по-ненецки разговаривают. Обоих ханты крепко связали, убить хотят. «Почему в наших лесах промышляете?»

Потом один ненец говорит: «Не будем их убивать, а сделаем по-другому». Подошел к отцу, топором ноги отрубил, перевязал культы,

чтобы кровью не истек, и говорит сыну: «Я тебе оленей дам — отца отвези домой. Скажи, что со всеми такое будет, кто в наших лесах промышлять станет. Здесь у нас святые места. Никто промышлять и ходить здесь не может».

— Поэтому, — завершает Василий, — речка и зовется Кур-йох. Так старые люди рассказывали. Так во время царя было: тогда люди враждовали. А теперь и ненцы, и ханты в одной артели работают, хорошо работают, никому ног не обрубают.

Подумав, Василий добавил:

— Все леса, речки и озера — наши. Пусть ханты, и ненцы, и манси, и коми, и русские, и татары в согласии живут, никому ног не обрубают. Дружно жить нужно.

Бригаду Василия мы увидели издалека, в этот момент люди забрасывали невод. А когда подъехали ближе, бригада уже выбирала из невода рыбу. Добыча хорошая: за один улов добыли половину большой лодки.

Нас окружают рыбаки. Все они в легких, без шерсти, малицах; на ногах — бродни или легкая летняя обувь. Здравоваемся. Рассказываю о родственниках, которые живут теперь на Нум-то.

Рыбаки бросают еще одну тоню, после чего все переезжают к песку возле поселка.

Мою лодку вытягиваем на песок. Прошу помочь просушить меха песцов и лисиц, которые должен передать на фабрику культбазы. Рыбаки охотно берут шкурки, любят ими, ибо на казымских угодьях песцы бывают редко. Особенное внимание привлекают шкурки серебристо-черных лисиц, которых когда-то и здесь было много, но, как и голубые песцы, они почти совсем исчезли. Их хищнически уничтожали в дооктябрьский период.

Василий шепчет мне на ухо:

— Пойдем в юрту. Жена моего брата три дня назад ребенка родила. Она шесть лет его ожидала.

По лицу Молдана вижу, что он рад.

Прикрывши лодку, идем к осенним юртам, расположенным в глубине леса. Возле лодки я оставил меха и свои вещи. В чуме, юрте можно оставлять ценности, продукты и все прочее. Все сохранится, будет пере-

дано по назначению, а потерянная вещь через десятки рук возвратится к владельцу. Примеры этого — на каждом шагу. Честность — обычная черта этих людей. Еще заметнее честность проявляется в артелях, где люди проникаются чувством социалистического отношения к общественному добру и труду.

Возле юрт навстречу нам с беззлобным лаяньем бросаются собаки, но, узнав Василия, отходят в сторону. Эти друзья и незаменимые помощники пастухов и охотников осенью оживились. Только красные, еще не совсем зажившие окружности вокруг глаз напоминают о лете, когда собаки лежали обессиленные, и глаза их были залеплены скоплениями мошки и комарья.

— Вот и Екатерина! Покажи-ка маленького Молдана!

Василий подходит к молодой матери, которая, увидев старшего родственника мужа, инстинктивным жестом слегка прикрыла платочком лицо. На ее руках долгожданный первый ребенок. Екатерина — высокая, стройная женщина. Ее лицо еще совсем молодое. У нее строгие черные, немного раскосые глаза, длинная коса. Одета Екатерина в новое платье с орнаментом.

Сажусь возле нее и как давний знакомый расспрашиваю о здоровье, хвалю ее чудесного первенца.

— Хороший у тебя сынишка. Только ты, Екатерина, не очень часто его корми, он может от этого заболеть.

Женщина испуганно прячет грудь.

— Хорошо, я врача спрошу, — говорит она. — Мне все кажется, что ребенок есть хочет, и я кормлю его.

Василий отошел, и Екатерина откинула на голову свой новый белый платок. Ее глаза и все лицо сияют тем непередаваемым светом, который бывает только на лицах молодых, счастливых матерей.

К нам подходит отец ребенка — тридцатилетний, широкоплечий с черными глазами и широкими бровями круглолицый Иван Молдан.

— Пусть растет твой сын здоровым! — говорю я Ивану. — Пусть он будет хорошим человеком, советским человеком.

Отец радостно благодарит за пожелание.

Иван чувствует себя немного виновным: обещал врачам культбазы привезти жену, но не привез. Он неловко оправдывается. Боялся лодкой до больницы ехать — далеко. Но врач была, когда сын родился.

Сейчас она пошла в другую бригаду, лекарства понесла. Там тоже одна женщина должна родить.

Припоминаю, как еще несколько лет назад, казалось, безнадежно было думать, что казымчанки будут рожать в больнице. Такая еще тогда была сила старых традиций и влияние шаманов! Вспоминаю, как впервые у ханты Абаатиной появился на свет сын в роддоме. Как радовался весь коллектив врачей, а особенно Вероника Мартыновна. Это была своего рода революция в быту. Мы шутя говорили, что неизвестно, кто чувствует себя счастливей: мать новорожденного или наши медики.

Ночью ловим рыбу большими неводами. Трое рыбаков остаются на берегу. Мы с Василием гребем, налегая на весла. Иван бросает невод. Лодка описывает круг и причаливает к песку.

Побледневшее на восходе безоблачное небо напоминает, что вскоре наступит утро. Невод тянем молча: нельзя пугать рыбу. По мере того, как сужается круг еле заметных на воде деревянных поплавок, все чаще плещет рыба, окруженная неводом. Большой фигурный поплавок над серединой мотни приближается к берегу, и по команде Василия рыбаки, уже без опаски громко покрикивая, быстро тянут оставшуюся часть невода — мотню.

— Добра тоня! Рыбы много! Этой осенью так много рыбы еще не ловили. Наверное, удача по случаю рождения твоего сына, Иван! Пусть ему, когда станет большой, всегда так много рыбы попадает в невод!

Выбирая рыбу, мокрые, возбужденные богатым уловом рыбаки весело шутят. Эта тоня дала рыбы больше, нежели все предыдущие вместе.

Присев возле аккуратно сложенного в лодке невода, рыбаки вынимают табакерки. Старшие нюхают табачный порошок, потом по щепотке кладут за нижнюю губу. Младшие курят табак, кое-кто кладет за губу.

Утомленные рыбаки собираются домой, но Василий уверенно заявляет:

— Зачем теперь назад ехать? Позднее отдохнем. Видите — рыба идет. Ловить нужно. Еще две-три тони сделаем, потом поедим. Жены рыбу будут обрабатывать, а мы отдохнем. Вы все на собрании обещали, что рыбы в два раза больше плана наловим.

Слова Василия звучат сурово, несгибаемо. Это чувствуют и все рыбаки. В бригаде есть старшие родственники Василия. К ним необходимо относиться учтиво. Но бригадира надо слушаться! Кроме того,

рыбаки и сами видят, что Василий прав: рыбу надо ловить, если она идет. Все послушно начали готовиться к новой тоне.

Когда Василия избирали в бригадиры, он отказывался. Говорил, что бригада непослушна. На это все отвечали, что будут слушаться его приказов. Этому обещания никто из рыбаков не забывает.

Две привязанные лодки, полные рыбы, стоят посреди реки; две пустые — ожидают улов.

— А как вы думаете, — обращается Василий к рыбакам, — не лучше ли нам так сделать: днем отдохнем немного, пока разгрузят лодки, и снова будем ловить! Сейчас рыба ловится, а через день-два пройдет она.

Все соглашаются.

— Отдохнем, когда рыбы не будет! — слышатся ответы.

— А ты выезжай, — обращается ко мне бригадир и значительно улыбается.

Только один он знает, что я сегодня хочу исследовать «святой» лабаз, который находится на расстоянии двух километров от этого песка. Теперь лабаз не действует, но еще несколько лет назад там совершались жертвоприношения. Эти «святые» лабазы интересуют меня, этнографа, как памятники старых религиозных верований.

Восходит солнце. По покрытой изморозью высокой траве подхожу к островку, который растянулся посредине небольшого болота. Здесь стоит лабаз. Я давно хотел его обследовать, но только сейчас случилась, наконец, возможность.

Строение стоит на четырех высоких столбах, как и большинство лабазов возле юрт. С двух сторон на забитых в землю столбах прикреплены доски по три метра длиной. Это столы. На концах столов — грубо вырезанные человеческие лица. На этих столах рубят мясо жертвенных оленей.

Вокруг лабаза и в лабазе — десятки оленьих рогов. На длинных жердях висят белые шкуры. К дверям прислонена колода с зарубками-ступенями, на ее верхней части — изображение человеческого лица. На колодах, на ступенях и самом лабазе, а также на столах и шкурах — выцветшие следы крови, которой кропили храм и все, что близ него.

Такие родовые лабазы стояли на одном месте по семь лет. Потом их перевозили на другие места или строили новые. Место для нового лабаза после долгих камланий и кровавых жертвоприношений определял старший шаман.

Рассматриваю вырезанный на колоде лик. Первые солнечные лучи падают на идола. Только уверенная рука мастера могла придать лицу такое выражение: суровое, непреклонное, прямой нос над тонкими штрихами усов, внимательные глаза под сведенными бровями. Кажется, что идол во что-то всматривается, к чему-то прислушивается.

В лабазе в орнаментированных берестяных коробках лежат деревянные божки, одетые в миниатюрные малицы. От стены к стене протянуты оленьи жилы, и на них лежат разноцветные платки, кусочки материи с защитными в них металлическими и бумажными деньгами. Стоят пустые бутылки из-под водки, спирта, красного вина, чашки, блюдца, чучела гагар, утки-гоголя, селезня в весеннем оперении. Эти птицы — родовые тотемы. На веревке старые беличьи шкуры, шкурка красной лисы, засушенная рыба, луки со стрелами. В углу — украшенная цветными лентами голова медведя со стеклянными глазами, рядом — маленький бубен с булавкой, вшитой в заячью шкурку. Все окроплено оленьей кровью.

Совсем скоро все это окажется в музее как образная иллюстрация прошлого и материал для научных исследований.

Возвращаюсь в бригаду.

Рыбаки отдыхают. Жены, девушки и старики разделявают, солят рыбу и складывают ее в большие деревянные чаны. Возле них сидит Екатерина. Она уже сегодня хотела помочь женщинам, но фельдшерица запретила ей даже ходить, и рыбаки, добродушно смеясь, прогнали ее.

Фельдшерица с утра снова приехала по течению лодкой, чтобы осмотреть молодую мать. Сегодня она пойдет еще в другую бригаду: там тоже со дня на день ожидают новорожденного.

Екатерина вновь пришла, чтобы, как она говорит, проститься. Но я уверен, что причина другая. Ей не сидится, она не может оставаться в одиночестве, без людей.

Простившись, идем с Василием к лодке: надо ехать дальше. С нами также идет Иван. По его лицу вижу, что он хочет о чем-то спросить.

— Скажи мне, — решается наконец Иван. — У моей жены сын родился, а я еще не дал ему имени, как это делают русские. Как назвать сына?

Мы долго перебираем разные имена, пока не находим такое, которое нравится отцу. А впрочем, это имя будет только для загса, потому что все равно мальчика будут звать своим именем, которое, наверное, мать уже ему дала.

Долгие наблюдения за жизнью, бытом северных народов убедили меня, что трудно найти людей, которые с большей заботой и нежностью относились бы к детям. Не удивляюсь, что молодой отец хочет дать своему первенцу все лучшее, самое дорогое.

Мы снова в лодке. Давно остались за поворотом реки рыбаки, развешанные невода и перевернутые лодки. Снова безлюдный берег Казыма, желто-красные деревья вдоль широкой поймы и голубое осеннее небо над высоким задумчивым лесом. Как и вчера, летят стаи перелетных птиц, плавают встревоженные утки-матери рядом с детьми, которые не могут далеко улететь. Только еще больше стало желтых листьев на воде. Говорим мало, каждый думает о своем.

Василий начинает петь. На этот раз он не импровизирует, эту песню я уже не раз слышал на Казыме.

Я очень молодой, сильный и богатый!
Возле реки у меня маленькая есть юрта.
Эту юрту я построил своими руками.
В ней сам я живу, в озере рыбу промышляю.
Возле юрты красивые три оленя ходят.
Это мои олени, которых я сам вырастил.
В мою юрту скоро придет хорошая девушка.
Она тихо убежит из юрты отца ко мне.
Девушка со мной в юрте жить будет, —
Она будет моей женой.
Я буду молодой, счастливый и богатый.

— Хорошая это песня, тезка, — говорю я.

Помолчав, Василий снова запекает. Это уже импровизация:

Мой друг в большие города поедет.
Мой друг в Москву-город поедет, в городе жить будет.
В Москве он много людей увидит.
В Москве он о казымском народе расскажет,
От ханты большой привет передаст.
Мой друг из Москвы ко мне снова приедет,
Он ханты привет привезет...

Молдан обрывает импровизацию и обращается ко мне:

— Ты много хороших песен пел у костра.

Возможно, настроение, а возможно, чудесные виды сделали то, что я, не думая, начал петь одну из грустных украинских песен:

...Болит оно и печалится,
Что вернется весна,

А молодость не вернется,
Не вернется она.

Перевожу слова на язык ханты. Грустная мелодия и простые теплые слова волнуют друга.

— Очень, очень хорошая песня, — растроганно говорит Василий. — Как появилась эта песня? Кто ее сложил?

Я рассказываю ему о старом учителе, поэте Леониде Глебове, который написал слова для этой песни, о том, как она стала народной. Ее поют миллионы людей, хотя мало кто знает имя того, кто сложил. Таких песен много.

— А ханты могут такие песни слагать? — спрашивает Молдан.

— Да, и ханты, — отвечаю я, — могут слагать. Ты же умеешь это делать. Вот и Тебетев понемногу пишет стихи, которые можно петь. Только никому не говори об этом, — прошу я Василия.

Я выдал секрет Дмитрия. Он начал понемногу писать стихи на хантыйском, просил никому об этом не говорить.

— Научусь хорошо писать, — сказал он мне, — тогда пусть все знают.

Этот разговор глубоко заинтересовал Молдана. Подумать только: ханты будут писать книги. Эти книги будут люди читать!

Снова и снова спрашивает о школах, о книгах. Потом просит меня еще раз перевести ту песню, которую я спел. Прослушав, он задумался. Я знаю его особенность — долго, напряженно думать. В такие моменты он может не видеть, что делается перед его глазами. Однажды, задумавшись, он не заметил, как возле нашей нарты остановилась встречная упряжка.

— А знаешь, — обратился ко мне Молдан, — мой отец очень стар. Ему нравится жить одному. Рыбу сетями ловит, сам варит. Отец у нас очень хороший. Нас любит. Теперь с ним девочка живет. Ей десять лет. Дочь нашей сестры.

Я хорошо помню старого Молдана. Мне приходилось жить в его юрте. О своих трех сыновьях и дочери он всегда говорил с любовью.

— С осени отца не видел! Ой, нехорошо! Далеко рыбу ловили, — вроде оправдывается Молдан. — Младший брат — около него, с оленями, навещает, а я давно его не видел. С фактории в родительскую юрту зайду. Увидеть отца хочу.

Это неожиданное решение возникло, несомненно, под влиянием песни.

...В лавке фактории продавца не застали. Чтобы не отрывать рыбаков от промысла, он повез необходимые продукты на место ловли и

должен возвратиться этой ночью. Мы пошли на рыбоприемный пункт, а когда закончили взаиморасчеты, было уже темно. На ночь устроились в моей палатке.

Молдан до поздней ночи рассказывал о недавнем прошлом, о своих богатых родственниках, бывших собственниках огромнейших вотчин и стад оленей, в которых отец да и сам Василий батрачили.

— Почему так? Почему мы без оленей бедствовали, зимой без одежды мерзли? Все богачи забирали. Они и народ наш мучили, и против культбазы, против школ шли, против советской власти воевать хотели. А нам что плохого сделала советская власть? Дети наши в школе учатся. В школе детей одевают, кормят. Артели есть. Олени теперь есть. Врачи нас лечат. Только одного советская власть желает, чтобы мы дружно в артелях жили, чтобы работали хорошо. Нам теперь работать и жить хорошо стало!

Утром, зайдя в лавку фактории, встретил там Василия. Он укладывал купленный товар: плитки чая, сахар, кренделя, конфеты, махорку, нюхательный и листовой табак, несколько цветных полушалков, материю.

— Это, — показывает на отложенный отдельно товар, — отцу занесу. Он любит чай пить, табак нюхать. Кренделя любит... А это — домой понесу. В чуме завтра буду. А послезавтра в бригаду перееду. Рыбаки свое слово сдержат — рыбу ловить будут.

Я тоже покупаю подарки для жены Василия, для его детей и отца. Покупаю также подарки для Екатерины и ее сына. Вместе спускаемся с высокого берега, переплываем лодкой на противоположный берег. Тепло прощаемся до второй половины зимы. Василий скрывается в лесу. Уже издали слышу его голос:

— Па-па-ям-велем!

...Я снова в лодке. До культбазы еще два дня дороги. Те же безлюд-ные берега.

Мысли возвращаются к Василию Молдану. Я представляю, как он, молодой и сильный, по лесам и болотам идет своей легкой, стремительной походкой к старому отцу в юрту, что затерялась на берегу широкого лесного озера.

Василий Денисенко.

Пер. с укр. Ю. Мандрики

Краеведение

В поисках истины...

Уже одиннадцатый год работаю я над созданием краеведческого повествования о своей малой родине. Речь идет о селе Зенково и окрестных деревнях Ханты-Мансийского района автономного округа. Все эти годы основной фундаментальной базой моего исследования стали для меня фонды Государственного архива ХМАО.

Непросто на бумаге выразить те ощущения, которые испытываешь, открывая архивные дела... Это как поиск древнего клада. Дух захватывает! Работа с архивными документами по-настоящему увлекательна, приносящая и удовлетворение, и полную выжатость. Особенно после просмотра «Метрических книг». Наверное, сказывается особая энергетика этих сосудов ушедшей жизни. Но прежде всего работа в архиве, как мне думается, должна накладывать на исследователя чувство ответственности за достоверность и правильность изложения переписанных архивных документов.

Работая над летописью, расшифровывая и переписывая листы, я на примерах моих предшественников постигал и принимал на вооружение прозу жизни: как надо уважать того, кто будет читать тобою написанное, не раздражаясь из-за невнятности и неразборчивости слов. Мало того, что из-за неразборчивости почерка писавшего, крестьянин Сеин у исследователя становился Осин, Шимов — Шишовым, Шеймин — Шейлиным и т.д. и т.п., но и при разборчивом почерке в разных документах Петрович становился Павловичем, Евгеньевич — Евстафьевичем, Дмитриевич — Даниловичем, Черногривцев — Чернобривцевым. И поди разберись: кто есть кто? И погрешностей таких океан.

Ещё более непредсказуема неразбериха в годах рождения. Разногласие в 1–3 года в документах — в порядке нормы. Встречались расхождения до 10 лет. И притом, чем больше человек проживал, тем по бумагам он становился моложе.

Работа в архиве нередко вызывала у меня чувство огорчения, когда попадались документы с прекрасным качеством, но по закону подлости почерк оказывался таким, что не хватало вариантов подбора смыслового содержания. Да и сами документы архивистами порой так «конкретно» прошивались в деле, что треть текста оказывалась недоступной для изучения. И никак невозможно подобраться! Сброшюровано на века!

Но нет худа без добра, и нередко архив благоволил к моим неустанным поискам. По этому поводу хотелось бы сказать несколько слов и о «двойном» дне некоторых документов. Не верьте, если в нашем архиве вам скажут: «У нас документы начинаются только с 1919 г.» (метрические книги в счет не берутся). Это по официальной версии, но если хорошо «пошукать», то можно обнаружить реликвии более ранних годов. Мне, например, довелось обнаружить документы начала 1900-х гг. Дело в том, что до революции 1917 года документы (слава Богу и царю-батюшке) писались канцелярскими перьями, качественными чернилами и даже на вполне нормальной бумаге. А начиная с 1918 г. и захватывая 1930–1940-е годы в канцеляриях, да и в целом по стране, была такая неразбериха. Писали карандашом, между газетных строк, и на бывших царских документах.

Так, в фонде 67 (оп.12, д. 28) за 1921 год на обороте основного документа я обнаружил документ 1914 г., представляющий для меня немаловажное значение. И такие находки были не единичные. Совсем недавно, в конце 2011 г., наш архив вновь одарил меня еще одним «глубоко зарытым кладом». Хотя, по сути говоря, клад был на виду, и мне просто случайно повезло. Хотя кто его знает — случайно ли?

Изучаю дело из фонда 16 (оп.1) «Списки красных партизан Самаровского района за 1932 год». Рассматриваю карандашное, трудно разборчивое, написанное корявым почерком заявление красного партизана из деревни Конёвой Конева Егора Николаевича. Краем глаза замечаю, что на документе имеются чернильные пометки. Переворачиваю лист и на обороте документа обнаруживаю чернильный, прекрасно сохранившийся текст, написанный красивым каллиграфическим почерком.

Читаю и не верю глазам своим! Да это же для меня маленькая сенсация! Вот уж действительно — не знаешь, где найдешь. Привожу эту «нечаянную радость» полностью.

«Благочинный священник Александр Миловидов сентября 5 дня 1906 года Причту села коневской церкви.

На рапорте от 20 мин[увшего] августа за № 112 предлагается причту сборные деньги на постройку зенковской церкви, по предварительном внесении в шнуровые книги отослать почтой в сберегательную кассу, почтовый расход по пересылке оных отнести на счет церковных сумм с. коневской церкви; Книжка сберегательной кассы в принятии денег должна быть на имя той же коневской церкви.

Жителям деревни Зенковской сообщить, что под словом «проект» нужно разуметь план на постройку их церкви. Отступления же от этого плана при постройке церкви известны и очевидны каждому, почему и производится в настоящее время подрядчиком Корепановым исправление постройки согласно плану или проекту. Когда церковь будет окончательно достроена и исправлена по плану, тогда можно будет выйти с ходатайством и о выдаче сборных денег на приобретение церковной утвари».

Вот таким образом моя летопись пополнилась еще одним неизвестным документом строительства зенковской церкви. Некоторые нестыковки по «проекту» мне были уже известны по документам тобольского архива. А здесь еще одно подтверждение узрел — церковь была построена на средства прихожан. Кроме этого появилась неожиданная зацепка — «подрядчик Корепанов». Жаль, не указаны инициалы строителя, но, тем не менее, уже можно предположить, что данное лицо было из села Самарова. Эта версия у меня возникла по «наводке» В.К. Белобородова, редактора-составителя книги «Самаровский петербуржец: письма сибиряков к Хрисанфу Мефодьевичу Лопареву». В одном из писем его племянник Платон Лопарев в 1913 г. писал дяде: «<...> Маменька выехала <...> вчера с Иваном Гавриловичем Корепановым¹. Он ездил в Обдорск на торги по подряду на постройку церкви <...>». Совпадение, по-моему, налицо и заслуживает внимания... И, пожалуй, можно к этому добавить, что наш именитый самаровец и сейчас, спустя много лет, продолжает незримо помогать нам в раскрытии малоизвестных страниц в истории своей малой родины.

Данная «зацепка» и строки из письма сообщают (а может, и подтверждают) тот факт, что строительством деревянных церквей в Самаровской волости занимались, по всей вероятности, местные жители. Тема эта, к сожалению, малоизведанна и ждет своих исследователей...

Так что, уважаемые «кладоискатели», если вы просматриваете документы 1920–1930-х гг. — смотрите в оба! У вас есть реальные шансы обнаружить «под» документом нечто такое...

¹ Самаровский крестьянин.

И еще, оглядываясь на свой небольшой и не всегда удачный опыт работы в Государственном архиве ХМАО (кстати, архив тут совсем ни при чем), хотелось бы посоветовать начинающим исследователям — *как можно внимательней относиться к работе с архивными документами*. Найдя нужную информацию, пытаться искать ее подтверждения в других архивных делах. Ибо неверно понятые и истолкованные сведения, к тому же опубликованные в печати, вызывают цепную реакцию (уже другие авторы ссылаются на вас) и приводят к досадным искажениям действительности. Приведу один из таких примеров.

В Государственном архиве Ханты-Мансийского автономного округа хранится документ, имеющий большую известность как среди исследователей-краеведов, так и среди ответственных лиц. Данный документ, составленный 11 января 1932 г., называется *«Список церквей, находящихся на территории Самаровского района Остяко-Вогульского округа ныне действующих, так и ликвидированных»* (Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 34).

В этом документе указаны церкви, названия которых до начала 1990-х годов не были известны широкой аудитории. Помнится, какую эйфорию чувств я испытал, когда в декабре 2003 г. (до этого уже в течение двух лет по крохам собирающий сведения по истории зенковской церкви, и тщетно пытающийся узнать ее название), глазам не веря, прочел — Вознесенская. Переполненный эмоциями, я дописал последние строки повествования о нашем храме: *«Совсем недавно из архивных источников я узнал о тебе главное — твое первоизданное, звучное имя — зенковская церковь Вознесения Господнего!..»*.

Также в этом списке были указаны интересующие меня церкви сёл Конёво, Скрипуново и Шапши. Все они были сгруппированы в одной колонке и озаглавлены словом «Ильинская» против строчки «Конёво». — Вот они!... Ильинские! — заключил я с чувством полного удовлетворения.

Под впечатлением архивного открытия я не преминул поделиться своей радостью с нашим набожным, православно образованным земляком Дмитрием Михайловичем Змановским. Его ответ моментально охладил мои эмоции: *«Как? Три соседние церкви могли быть все Пророко-Ильинские? А если они к тому же приписные и на все церкви один священник, получается раз в три года престольный праздник по очереди? Эти сведения даны ошибочно, если не сказать, что намерен-*

но неверные...». Да-а, очень даже логично! Почему три церкви, расположенные друг от друга на расстоянии 15–25 километров, имели одно название? Получается уже какое-то обезличивание православных святых, что в дореволюционной России никоим образом не приветствовалось.

Озадаченный ответом знающего человека, я занялся поисками истины. Через полгода моя сбывшаяся мечта — поездка в тобольский архив — расставила всё по своим местам. В фонде 156 (Тобольская духовная консистория) в описи — 19, Д. 326 «Клировые ведомости по Тобольскому уезду за 1908 год» на 362 листе с Божьей помощью (так мне подумалось) нахожу следующие записи:

1. *«Ведомость о церкви Во имя пророка Божия Ильи села Конёвского Тобольской епархии и уезда...».*

Тут все правильно — коневская Пророко-Ильинская церковь — села Конёва. Построена в 1878 году. Престольный праздник — 2 августа по н.с. Читаю дальше...

2. *«<...> Сего прихода в деревнях Змановской и Зенковской имеются притисные церкви: Змановская — Во имя Нерукотворного Образа нашего Иисуса».*

Здесь следует сделать небольшое пояснение. Деревня Скрипуново (первоначальное название в дореволюционное время) в разных источниках называлась и как Змановская (по фамилии коренных первожителей Змановских). В начале 1920-х гг. имело хождение в быту и в документах еще одно название — Торопки, Торопковская. Начиная с 1930-х гг. деревня обрела первоначальное имя — Скрипуново. По документам и в простонародье скрипуновская церковь называлась как Спаская (Спас — сокращенно от слова Спаситель). Спасова обитель была построена в 1891 г. тщанием прихожан. Храмовый престольный праздник отмечался 29 августа по н.с. Следует заметить, что подтверждение названия скрипуновской церкви (Спаская) встречается и в делах ГА ХМАО (Церковный фонд. Оп. 6. Д. 43).

«...Зенковская — Во имя Скорбящей Божьей Матери...». Вот те на-а?! А как же Вознесенская?! Кому верить? Наверное, всё-таки есть основания доверять прежде всего церковному источнику. Название же в «Списке церквей...» — «Вознесенская» — непонятное и неподдающееся объяснению заблуждение.

Зенковская церковь в честь иконы Божией Матери «Всех скорбящих радость» была также построена на средства прихожан в 1907 г. Престольный праздник — 6 ноября по н. с.

Продолжаю далее изучать «Клировые ведомости за 1908 год». В ведомости самаровской Покровской церкви нахожу нужные мне сведения:

«15. В деревне Шапшинской с разрешения епархиального начальства построен молитвенный дом во имя Евфимия Великого, который с разрешения епархиального начальства от 7 июня 1903 года за № 9151 освящен 11 января 1904 года самаровским протоиереем с тремя местными священниками...». (Забегая вперед, скажу, что слово «Евфимия» я расшифровал только 30 декабря 2011 года, спустя 6 лет).

Исходя из этой церковной записи следует сделать вывод: шапшинская церковь во имя преподобного Евфимия Великого построена в 1903 г. Престольный праздник — 2 февраля по н.с. В последние предреволюционные годы отошла к приходу конёвской Пророко-Ильинской церкви.

В продолжение темы названия шапшинской церкви будет уместно и мне лично покаяться в том, что и я ввел кого-то в заблуждение, назвав шапшинскую церковь как во имя Святителя Василия Великого (Югра. 2008. № 2. С. 51–55.). Дело в том, что, переписывая информацию из клировых ведомостей, я долго и тщетно пытался расшифровать имя святого (в честь которого была названа церковь), написанное старославянским алфавитом. В результате моих непосильных потуг родилось «Святитель Великий» вместо «Евфимий Великий». Правда, непонятное для меня слово я полностью скопировал. И нет, чтобы обратиться за помощью к местному священнику отцу Сергию... Куда там! И текучка, а может, и гордыня обуяла! Сами с усами!

Невежество в вопросах православия привело меня к тому, что я, начав просматривать церковный календарь и найдя 12 февраля запись «Святитель Василий Великий», посчитал, что это то, что я ищу. Это сейчас я узнал, что святитель и святой — слова-синонимы. А тогда мне казалось, что святитель — это какая-то отдельная личность.

На сегодняшний период (январь 2012 г.) во всех официальных источниках нашего округа шапшинская церковь продолжает именоваться как Ильинская. Я же до конца 2011 г. продолжал считать ее во имя Святителя Василия. Момент истины наступил 30 декабря 2011 г. И

помог в этом снова наш знаменитый земляк — Хрисанф Мефодьевич Лопарев. Дело в том, что именно в этот день я узнал, что шапшинская церковь имеет совершенно другое название... Всё, что случилось далее, можно отнести к цепочке случайных мистических совпадений либо к промыслу Божию.

Я вновь раскрываю книгу «Самаровский петербуржец». Среди 148 писем нахожу нужное мне письмо Михаила Васильевича Кузнецова от 30 ноября 1915 г., который пишет Х. Лопареву: *«Я <...> вот уже 10 лет исполнится, нахожусь в деревне Шапшиной. Исправляю должность псаломщика при местной Святого Евфимия церкви <...>».*

Я в полном недоумении... Именно в эти минуты (ни раньше, ни позже) телевидение «Югории» передает репортаж о том, что в ближайшее время в Шапше будет построен и возрожден храм во имя пророка Ильи...

Я давно уже склонен считать, что все в жизни взаимосвязано. И неспроста в одно время собралась вместе вся информация. И когда я открыл свою тетрадь работы в тобольском архиве и скопированное непонятное мне слово — название шапшинской церкви — прочитал как «Евфимий» — истина восторжествовала! Вот так, перефразируя известное, можно сказать: «Хрисанф Лопарев и сейчас живет всех живых».

Подводя итог своего расследования и возвращаясь к нашему документу «Список церквей...», возникает вопрос: почему исследователи (и я в их числе), работавшие с этим документом, допустили такую поспешную небрежность? Ведь если внимательно присмотреться к документу — по названиям расписаны только главные церкви приходов. Остались безымянными приписные церкви и часовни, т.е. все церковные заведения, не имеющие по штату своих священнослужителей. Получается, что ответственный за этот список товарищ не счел нужным указывать названия второстепенных церквей и тем более часовен. Следует заметить и то, что он, указав название «Ильинская», соответствующее истине и селу Конёво, не поставил же внизу строчек знаки, обозначающие «то же самое».

Исследователи же приняли название «Ильинская» как общий заголовок ко всем нижерасположенным в документе церквям. И пошло-поехало заблуждение... В свете вышеизложенного возникает мысль: может, есть смысл во второе дело первого фонда (оп. 3, л. 34) вложить вкладыш с информацией:

1. Строчка «Ильинская» относится только к церкви села Конёво.
2. По церковным источникам Тобольской духовной консистории выявлены следующие названия церквей: Спасская — с. Скрипуново, во имя Евфимия Великого — д. Шапша.
3. Указанная в данном документе церковь села Зенково — Вознесенская, в церковных источниках значится как «В честь иконы “Всех скорбящих радость”».

Что же касается церквей деревень: Цингалы, Чембакчино, Семейка, следующих в документе за Шапшой и поданных исследователями в публикациях как Ильинские, действительно ли они относятся к Пророко-Ильинским церквям? Мне думается — маловероятно. По данным «Справочной книги Тобольской епархии», церкви деревень Цингалы и Чембакчино являлись приписными и относились к приходу филинской Вознесенской церкви. Вполне вероятно, что и церковь деревни Семейка являлась приписной. И если следовать форме составленного документа, то эти все приписные церкви, включая скрипуновскую и шапшинскую, оказались в списке собранными в одном месте. Непонятное исключение составила только зенковская приписная церковь.

Также следует в заключение нашего расследования добавить то, что в данном документе занижен статус Петропавловской церкви юрт Нялинских Зенковского сельсовета, причисленной к разряду «часовен».

Пусть же далее следующее приложение к вышеописанному будет нашей «поминальной свечой» скромному деревенскому храму и светлой памяти его первых прихожан...

Владимир Струсь

г. Ханты-Мансийск

Во имя Петра и Павла

(отрывок из краеведческого повествования
«Летопись села Зенково и окрестных деревень»)

В 1908 году на самом высоком месте, в центре деревни, на берегу протоки Старицы тщанием жителей юрт Новосёловых (Ахтоминых) Самаровской волости Тобольского уезда Тобольской губернии под руководством «пожертвователя» и главного строителя Фёдора Киселёва было начато строительство деревянной церкви.

«Построенный в юртах Нялинских храм своей архитектурой особо не отличался от своих собратьев в Зенково, Скрипуново, Конёво и Шапше. Могли быть небольшие различия в размерах, зависящие от числа прихожан. Могли быть отличия, связанные: с углом наклона (ската) крыши, шириной барабана и объёмом глав, высотой колокольни. Все деревянные церкви местной округи были побелены, но всё же у нялинской церкви было отличие в том, что колокольня была обшита в ёлочку и покрашена через две дощечки светло-вишнёвой краской». (Из воспоминаний Д.М. Змановского, уроженца д. Скрипуново).

В начале 1909 года, помолясь на почти построенный храм, жители юрт Новосёловых захотели немного самостоятельности и начали благое и богоугодное дело — хлопоты об открытии самостоятельного прихода при церкви в своей деревне. Приговор¹ на имя тобольского Владыки епископа Антония писал один грамотный и зажиточный инородец — обрусевший ханты Фёдор Киселёв, а неграмотные земляки словом да делом подсобляли.

---

¹ Публикуется впервые и в сокращении

«Его преосвященнейшему Владыке
епископу Антонию Тобольскому и Сибирскому
[от] доверенного по постройке храма инородцев юрт Новосёловских
конёвского прихода Самаровской волости Тобольского уезда
Фёдора Васильевича Киселёва

Прошение

При сём прилагаю приговор наших инородцев юрт Новосёловых от
7 января сего 1909 года коим прошу вашего преосвященнейшего Влады-
ку не будет ли возможным разрешить нам согласно приговору.

1 февраля 1909 года

Доверенный по постройке нового храма

Фёдор Васильевич Киселёв

Приговор

юрт Новосёловских конёвского прихода

1909 года 7 января, мы нижеподписавшиеся инородцы (остяки) юрт
Новосёловских конёвского прихода Самаровской волости Тобольско-
го уезда, сего числа на общем полном сходе, состоящем из 20 домохозя-
ев в числе 30 человек, имеющих право голоса на сходе, где имели суж-
дение избрать и избрали инородца наших юрт Фёдора Васильевича
Киселёва ходатайствовать у его преосвященства Владыки Тобольского
и Сибирского просить разрешения поставить священника в наши Но-
восёловские юрты, ввиду того, что в наших Новосёловских юртах стро-
ится новый храм, постройка которого окончена. Поэтому не будет ли
возможным отделить нас от Пророко-Ильинской конёвской церкви. И
утвердить вновь самостоятельный штатный приход, состоящий [из]
населения наших Новосёловских юрт, деревни Змановской, инородцев
юрт: Чучелинских, Вершинских (Самаровского прихода), Майковских
(Апринских) селяровского прихода. Расстояние от наших юрт Ново-
сёловских до деревни Змановской 8 вёрст, до юрт Майковских — 13
вёрст, до юрт Чучелинских и Вершинских — 20 вёрст. Среди этого все-
го населения наши юрты Новосёловские стоят на середине всего района.
Причина [которая] нас заставляет восстановить и утвердить новый при-
ход [такая], что между упомянутым районом протекает большая река
Обь, через которую во время закрытия и вскрытия льдов — два раза в

году: апрель и октябрь месяцы — невозможно никоим образом переехать на лошади и лодкою всему этому населению. В эти два месяца приходится часто обращаться за просьбами к священнику, а река не позволяет пути. А во время лета, считай с июня и до половины августа, бывают частые года наводнения. В таком разливе на расстоянии, например, от юрт Чучелинских до села Конёвского до 35 вёрст, и в том же расстоянии от наших юрт Новосёловских, [а также] от деревни Змановской, юрт Вершинских и Майковских до села Конёвского, всё это пространство глубоко затапливается водой, и во время небольших ветров также ехать невозможно и опасно. От такого недоступного пути бывают случаи, часто многие умирают без исповеди и без крещения и впереди могут быть случаи умирать без исповеди и крещения.

По утверждению в нашем районе нового прихода принимаем на себя обязанность построить дом священнику и псаломщику, а также церковно-приходскую школу. В оном районе в деревне Змановской построен храм, прежде нашего более 10 лет. [Если там разместить приход] то при таких условиях это будет всего района на одном конце, а не посредине населения. Тогда от юрт Чучелинских и Вершинских до деревни Змановской будет 28 вёрст. Причём присовокупляем живущих вблизи наших Новосёловских юрт самоедов, из коих проживает 9 человек, крещёных в наших юртах.

Мы, новосёловские, будем просить разрешения приступить к освящению нашего нового храма к 29 июня сего года, в чём и подписуемся к сему приговору неграмотные:

Яков Тимофеевич Добрынин, Герман Гаврилович, Севастьян Германович, Дмитрий Иванович, Федула Дмитриевич, Иван Васильевич Киселёв, Аким Иванович Киселёв, Михаил Прокопьевич, Иван Яковлевич, Дормидонт Михайлович Киселёв, Николай Михайлович Киселёв, Тимофей Тимофеевич Нестеров, Василий Кириллович Кожевников, Михаил Кириллович Кожевников, Никита Васильевич Кожевников, Кирилл Никифорович Кожевников, Кирилл Иванович Белкин, Никита Иванович Белкин, Степан Гаврилович Киселёв, Ксенофонт Иванович Киселёв.

За неграмотных расписался и за себя

крестьянин Прокопий Семёнович Захаров»

(Далее следуют еще подписи крестьян. — В.С.)

«Андрей Фёдорович Киселёв, Егор Фёдорович Киселёв, Прокопий Васильевич Киселёв, Илья Кириллович Кожевников, Никандр Семёнович Захаров, Венедикт Захаров, Ефим Булатов, Гавриил Васильевич Киселёв, Александр Фёдорович Киселёв

Доверенный и строитель храма Фёдор Васильевич Киселёв»

Данное прошение Владыкой Антонием было направлено на рассмотрение в Тобольскую духовную консисторию.

18 апреля 1909 года на заседании в Духовной консистории епархиальное начальство, изучив материалы по этому делу, «Нашли: 1) Храм в юртах Новосёловых по донесениям Благочинного III благочинья священника Александра Марсова от 15 января и 9 февраля сего года построен и иконостас установлен, но освящение его, по заявлению строителя Киселёва, останавливается вследствие того, что внутри храм ещё не отделан (не окрашены потолки, стены и пол). 2) В Конёвском приходе — 613 душ мужского пола, из них 107 душ в деревне Змановской, в юртах Чучелинских — 67 душ, а всего 188 душ мужского пола.

Приказали:

Объявить доверенному Киселёву через Благочинного, что ходатайство об открытии самостоятельного новосёловского прихода может быть возбуждено пред Святейшим Синодом только тогда, когда:

1) Храм будет внутри доблагоустроен и освящён, и обеспечен утварью и богослужебными книгами.

2) Построены дома священнику и псаломщику.

3) Внесён капитал на содержание притча.

4) Изъявят согласие войти в Новосёловский приход указанные в приходе селения, по крайней мере не менее 700 душ мужского пола.

5) Желаящие войти в этот приход дадут законные постановленными приговорами обязательства — содержать храм, притчевые дома, просфорню и нести положенные церковные повинности...»

Возможно, боголюбивым инородцам удалось бы добиться самостоятельности и в округе появился бы ещё один приход, но революционные ветры перемен 1917 года навсегда похоронили эту мечту. Так уж получилось, что вся местная церковная власть перешла к тороповскому (скрипуновскому) приходу.

В 1910 году новосёловскую церковь, освящённую во имя славных и всехвальных первоверховных апостолов Петра и Павла, посещало 79 прихожан, проживавших в 15 дворах.

В 1911 году при Петропавловском храме была открыта одноклассная церковно-приходская школа. В первый год обучения грамоте школу посещали 15 учащихся (6 мальчиков и 9 девочек). Заведующим школой был священник села Конёвского Пётр Ворсин. Первой учительницей была Ольга Слинкина, окончившая курсы двухклассной женской школы. Все 15 учащихся посещали церковь, 5 из них читали церковные книги, а десять учащихся пели на клиросе. Умению читать книги на славянском языке учеников обучала учительница, а уроки церковного пения давал псаломщик из Конёво.

В 1917 году школу посещали 12 детей (7 мальчиков и 5 девочек). В эти годы грамоте детей учила учительница Мария Иванова.

На 1921 год в юртах Новосёловых, приписанных к приходу скрипунской Спасской церкви, числилось 25 дворов. Из них в 11 дворах проживало 84 православных души (33 — мужского пола, 51 — женского) и в 14 дворах — 70 инородцев (34 — мужского пола и 36 женского).

С образованием в ноябре 1923 года сельских советов юрты Нялинские вошли в состав Зенковского сельсовета. На 1 марта 1927 года в 31 дворе в деревне Нялина (Нялинской) проживало 169 жителей, из них один служащий, остальные — крестьяне. Основное население деревни составляли русские — 123 человека, остяки — 23, самоеды — 10. По социальному положению: бедняков — 90, середняков — 73, батраков — 5. В пользовании жителей находилось 110 десятин земли. Население деревни имело в своем хозяйстве 68 дойных коров, 36 голов бычков и нетелей, 104 лошади, 14 свиней и 73 овцы.

В июле 1924 года состоялись выборы членов исполнительного органа Нялинского религиозного общества, в который вошли неграмотные крестьяне: Нестеров Тимофей Тимофеевич, Кожевников Михаил Кириллович, Киселёв Иван Васильевич. Последним священнослужителем церкви деревни Нялиной являлся монах отец Иосиф, известный в миру как Багров Иосиф Иванович.

Со дня постройки Петропавловской церкви в разгар лета 29 июня (12 июля по н. ст.) обычно вся деревня крестным ходом отмечала престольный праздник церкви — Петров день. Летом 1917 года на празд-

ничную службу в церковь пришло 78 прихожан. Но при советской власти исполнять такие службы с каждым годом становилось всё сложнее и сложнее. Местная власть не поощряла такое ликование прихожан, несущее в себе «темноту и невежество». Тем не менее большинство прихожан, воспитанных на послушании Богу, не спешили разорвать узы с церковью. По состоянию на 1930 год петропавловское религиозное общество, входящее в состав торопковского прихода, насчитывало в своих рядах 50 прихожан (мужского пола — 16, женского — 34) из деревни Нялиной (по другим данным 70). Но набирающая обороты атеистическая пропаганда, давление на религиозные общества со стороны государства уже посеяли своё «благодатное» семя.

Сохранился архивный документ, который явствует, что 17 февраля 1930 года постановлением общего собрания граждан деревни Нялина было принято решение: имеющуюся в деревне Нялиной церковь передать для культурных целей — под клуб.

Президиум Самаровского РИКа оперативно это постановление утвердил и направил докладную начальнику Тобольского окр. адм. отдела.

«<...> Учитывая запросы населения о передаче Нялинской церкви для культурных целей под клуб, прошу о возбуждении ходатайства перед президиумом Тобольского окрисполкома об удовлетворении постановления граждан деревни Нялиной<...>»

Остались невыясненными конкретные обстоятельства закрытия церкви. Добровольно ли прихожане отказались от церкви? Выписка из протокола общего собрания граждан деревни Нялиной гласит о том, что за передачу церкви под клуб проголосовал 51 человек, против — 9. Выходит, что жители деревни, почти все бывшие прихожанами церкви, в своём большинстве отказались от веры?

Долгое время юртовская церковь стояла забытая и ненужная. Обезглавленная, даже в таком усечённом виде, она продолжала оставаться самой хорошо обозримой постройкой на берегу протоки. В войну в ней хранили зерно и овёс, а потом закрыли на замок.

В начале 1990-х годов по водным просторам Оби и Иртыша в летнее время начала курсировать научно-исследовательская экспедиция «Славянский ход». Кроме научных, общественно-просветительских и культурных акций в задачу экспедиции входило и религиозно-нравственное воспитание. По пути следования «Славянского хода» в населённых

пунктах проводились богослужения. И вновь Петропавловская церковь, как и прежде, стала ориентиром как гостей, так и жителей юрт Нялинских и с. Нялинского. Именно здесь, на берегу у церкви, члены экспедиции священнослужители проводили обряд таинства крещения православного христианина. Разрушенная церковь вопреки всему еще продолжала оставаться центром притяжения.

В 1999 году бывшая церковь исчезла. Говорят, что хозяин соседнего дома решил прибрать к рукам землю вокруг заброшенного храма. А заодно и церковь разобрал на дрова. На вопрос общественности: «Как мог случиться такой акт “приватизации?”» — власти не смогли дать вразумительного ответа.

Источники:

ГАХМАО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 34.

ГАХМАО. Метрические книги коневской Пророко-Ильинской церкви.

ГАХМАО. Ф. 16. Оп. 1. Д. 20. Л. 23.

ГАХМАО. Ф. 16. Оп. 6. Д. 2.

ГАХМАО. Церковный фонд. Оп. 6. Д. 43.

ГАХМАО. Ф. 67. Оп. 12. Д. 28.

ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 18. Д. 653.

Владимир Струсь,

исследователь истории сел Ханты-Мансийского района

**Список членов петропавловского
религиозного общества деревни Нялиной
Самаровского района Тобольского округа на 1930 год***

1. Тулиенина Евдокия Фёдоровна — 48 лет
2. Киселёва Ульяна Гавриловна — 69 лет
3. Соколов Спиридон Феокистович — 48 лет
4. Соколова Евдокия Фёдоровна — 39 лет
5. Помазкин Иван Архипович — 65 лет
6. Помаскина Анастасия Дмитриевна — 56 лет
7. Помаскина Клавдия Ивановна — 28 лет
8. Белкина Анна Фёдоровна — 25 лет
9. Нестеров Тимофей Тимофеевич — 64 года
10. Нестерова Евдокия Кирилловна — 64 года
11. Нестеров Дмитрий Тимофеевич — 26 лет
12. Нестерова Ольга Константиновна — 25 лет
13. Кожевников Михаил Кириллович — 63
14. Кожевникова Матрёна Ивановна — 63 года
15. Кожевникова Акилина Фёдоровна — 27 лет
16. Кожевников Василий Кириллович — 67 лет
17. Кожевникова Феокиста Семёновна — 66 лет
18. Кожевников Никита Васильевич — 38 лет
19. Кожевникова Дарья Антоновна — 38 лет
20. Киселёва Анна Афанасьевна — 49 лет
21. Киселёв Иван Николаевич — 29 лет
22. Киселёва Анна Фёдоровна — 29 лет

---

* ГУТО ГА в г. Тобольске Ф. 628. Оп. 1. Д. 8. — Указанный в данном документе возраст может не совпадать с фактическим. Орфография частично сохранена.

Список членов петропавловского религиозного об-ва д. Нялиной...

23. Киселёв Дормидонт Михайлович — 44 года
24. Киселёва Евдокия Павловна — 44 года
25. Киселёв Александр Егорьевич — 32 года
26. Киселёва Параскева Яковлевна — 57 лет
27. Киселёв Прокопий Васильевич — 72 года
28. Киселёва Александра Фёдоровна — 70 лет
29. Киселева Фёкла Ильиновна — 38 лет
30. Смирнова Наталья Ильиновна — 66 лет
31. Киселёв Иван Васильевич — 65 лет
32. Киселёва Мария Фёдоровна — 65 лет
33. Киселёв Яким Иванович — 37 лет
34. Киселёва Анфия Алексеевна — 37 лет
35. Киселёва Мария Фёдоровна — 32 года
36. Киселёва Евпраксия Ипполитовна — 60 лет
37. Захарова Мария Ивановна — 50 лет
38. Захарова Анисья Никандровна — 20 лет
39. Захаров Прокопий Семёнович — 62 года
40. Захарова Мавра Романовна — 35 лет
41. Соприна Александра Дмитриевна — 30 лет
42. Балышева Анастасия Фёдоровна — 53 года
43. Белкина Анна Ефимовна — 30 лет
44. Добрынин Яков Тимофеевич — 53 года
45. Добрынина Анна Ивановна — 38 лет
46. Добрынина Александра Яковлевна — 20 лет
47. Добрынина Вера Яковлевна — 19 лет
48. Ильина Акилина Диомидовна — 45 лет
49. Багров Иосиф Иванович — 49 лет

Содержание

Лопаревские чтения

<i>Валерий Белобородов.</i> Знакомство продолжается	3
<i>П. Шеймин.</i> К трехсотлетию покорения Югорской земли	8
<i>Хр. Лопарев.</i> Покорение Югорской земли	12
<i>Хрисанф Лопарев.</i> Путешествие на Кавказ	16
<i>В. Срезневский.</i> Хрисанф Мефодьевич Лопарев: припоминания о его жизни и трудах	42
<i>А. К. Михайленко.</i> Тобольские родственники Х.М. Лопарева	58
От редакции	60

Имена

«Не упускать ни одного случая... выносить на улицу свои изорванные в боях знамена...» (два письма <i>В.Ф. Костюрина Г.Н. Потанину</i>)	63
<i>Ю. Мандрика.</i> Комментарии	70
Письмо из Абакана (к 80-летию со дня рождения выдающихся экологов — <i>Николая Федоровича Реймерса (1931–1993)</i> и <i>Феликса Робертовича Штильмарка (1931–2005)</i>)	165
<i>В.И. Булатов.</i> P. S.	167
По следу «Семейной хроники» (к 80-летию со дня рождения <i>А.К. Михайленко</i>). Подготовил <i>В. Белобородов</i>	228

Тропа жизни

Бабушкино слово (из тетради <i>З.С. Завьяловой</i>)	85
Комментарий	95

Человек и власть

«...остался яко был — в одних низиках...»: про то, как старый политкаторжанин пытался правду найти... <i>Подготовлено к публикации Филиппом Зиньковским</i>	100
---	-----

Содержание

С архивной полки

- Валентина Патранова*. Кадры решают все. Но их надо готовить 111
Василий Денисенко. По течению северной реки. *Отрывок из книги*.
Пер. с укр. Ю. Мандрики 263

Краеведение

- Театральные прививки. *Собрал Аристофан Софоклов* 117
Нина Лискевич. Дорога в традиционной культуре коми
Нижнего Приобья 179
Владимир Струсь. В поисках истины... 284
Владимир Струсь. Во имя Петра и Павла 293
Список членов петропавловского
религиозного общества деревни Нялиной
Самаровского района Тобольского округа на 1930 год 300

Эпистолярный

- «Милая Нюсинька, письма пиши не торопясь...». Письма
Скалозубовых. 138
«Всегда Вас держу у сердца». *Письма Владимира Алексеевича
Баталина (архимандрита о. Всеволода)
к Моисею Семеновичу Лесману*. Публикация Н.Г. Князевой 196

SOS!

- Ю. Мандрика*. «Площадь предоставляется...». *Заметки
по поводу краеведческих журналов. И не только...* 171

Подвижники

- А.А. Пыхтеева*. Музей Ольги Павловны 241

Круг чтения

- Мария Мадьярова*. «...говорить о Родине,
не произнося этого слова...» 245

Точка зрения

- Ю. Мандрика*. Предтеча двадцать пятого кадра.
Предисловие переводчика 259

Подорожник
Краеведческий альманах
Вып. 13

Редактор-составитель
Валерий Белобородов

Книга издана по заказу
Государственного бюджетного учреждения
Ханты-Мансийского автономного округа — Югры
«Государственная библиотека Югры»
(директор О.А. Кривошеева)

Корректор М. Кремлева

Подписано в печать 15.04.2012.
Формат 60x84/16. Гарнитура «PeterburgС».
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Уч.-изд. л. 13,4. Усл.-печ. л. 17,73. Тираж 500.
Заказ № 164.

Адрес для переписки: 625003, г. Тюмень, ул. Республики 10/2.
Тел. 8(922) 48-369-48.
e-mail: lukitsch_mandr@mail.ru

Отпечатано в ООО «Зауралье»
640022, г. Курган, ул. К. Маркса, 106, E-mail: zpress@pkzaural.ru

400-

165002013

Государственная библиотека Югры

